АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

شاهنامهٔ فردوسی

ФИРДОУСИ

ШАХНАМЕ

ТОМ ПЯТЫЙ

ОТ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ ИСКЕНДЕРА ДО НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ ЙЕЗДГЕРДА, СЫНА БЕХРАМА ГУРА

ПЕРЕВОД
Ц. Б. БАНУ-ЛАХУТИ И В. Г. БЕРЗНЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, Д. Д. Благой, И. С. Брагинский, А. С. Бушмин, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров (заместитель председателя), *Д. С. Лихачев* (председатель), *А. Д. Михайлов, Д. В. Обнобишин* (ученый секретарь), *Д. А. Ольдерогге, Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов* (заместитель председателя), *Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Н. БОЛДЫРЕВ

Ш $\frac{4703000000\text{-}033}{042(02)\text{-}84}$ без объявления

© Составление, перевод, статья, примечания Издательство «Наука», 1984 г.

ИСКЕНДЕР

[ЦАРСТВОВАНИЕ ИСКЕНДЕРА ДЛИЛОСЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ]

[*Восшествие Искендера на престол Ирана*]

[62629] Да славится благословенный творец!
И времени он и вселенной творец;
Все в нем — и покой и движение в нем,
Начало всему, завершение в нем.
Его достояние — сферы и прах,
Царит над землею, царит в небесах.
И всё — от былинки до горних высот
Его бытия утвержденье несет.
Другого творцом не помысли назвать,
Дано ему явное, тайное знать.
Да благословит Мухаммеда и тех *
Исполненных веры — сподвижников всех:
Главу правоверных, святого Али,
Кому от пророка прозванье — Вели,
Всех праведных, чистых, бегущих от зла.
Ему без конца воздается хвала,
И нам подобает восславить его,
Благого зиждителя мира всего...
Не время ль хвалу властелину воздать,
Чьим счастьем могла бы луна воссиять,
Чьим мудрым правлением край возрожден.
Царь доблестный, щедрый и праведный он.
Во власти венчанного мир и война,
И меч, и копье, и венец, и казна.
Дано ему царственной речью блистать,
Он молод, но знанием старцу под стать.
Хранит благодарность и славит Творца
За то, что его удостоил венца.
Лучом Моштери светит слава его, *
Дарует нам счастье держава его.
Махмуд, оделяющий златом,— щедрей *
Не знали меж посланных небом царей.
В бою небосвод он заставит рыдать,

В час пира алмазами рад осыпать.
Когда разъярится, высоким горам
Рассыпаться впору, дрожать небесам.
Ведет от венчанных, владетельных род,
Гордится им полный светилами свод.
Да будет владыки судьба высока
И слава останется жить на века!
Я книгу хвалою царю открывал,
Обычай, величие, ум воспевал,—
Дал славой мне доброй прославиться он,
Да будет плодами добра награжден!
Он царственным ликом венец озарил,
Грудь панцирем счастья от бед оградил.
Владыки, что праведно, мудро царят,
Повсюду ему славословья творят.
Подножьем земля стала трону его
И в небе сияет венца торжество.
В день битвы — сметающий недругов слон,
В день мира — душа милосердия он.
Когда пированием дух веселит,
Сказал бы ты, щедрости море бурлит.
Лев ярый на лове — добыча его,
Зверей покоряет величье его.
Так в битве грохочет его булава,
Что лопнет и шкура и сердце у льва.
Да здравствуешь, правдой одною ведом,
Да светишь земле лучезарным венцом!
Продолжу я повествованье сейчас,
Стихом украшая о прошлом рассказ.
Сказал Искендер, возведенный на трон:
«Да будет премудростью царь озарен!
Дарует один лишь Изед торжество, *
Беда, коли царь не страшится его!
Всему в этом мире пройти, пронестись...
О, времени когти! От них не спастись.
Пусть каждый, обиженный нами, придет,
О правде взывая у царских ворот,
В урочное ль время, в полночный ли час —
Найдет справедливое слово у нас.
Коль скоро дарящий победы Творец
Открыл предо мною величья дворец,
Пожнут благоденствие все — в городах,
В пустынях, на реках, в горах и степях.
С владык — кроме тех, кто посмеет восстать,—
Я дань пятилетье не стану взимать.
Имущих людей обездолить не дам,
И всех одарю обездоленных сам».

Столь праведной мудрою речью своей
Порадовал царь именитых мужей.
И щедро иранцы хвалу вознесли
Благому тому властелину земли.
Ушли предводители, воинства цвет,
А царь с приближенными держит совет.

[*Послание Искендера Диларе, матери Ровшенек*]

Дебир искушенный предстал пред царем, *
Шелк чинский приносят с румийским пером.
Тростник знатока начинает свой бег,
Царь пишет царице, чья дочь Ровшенек:
«Йездан твои горести да исцелит,
Твою добродетель да вознаградит!
Тебе уж писал я посланье одно,
К согласью, к добру призывало оно.
Когда твой супруг — так решила судьба — *
Погиб от руки вероломной раба,
Оплакал я в горе владыку владык,
Достойную шаха гробницу воздвиг.
Моим увещаниям мирным не внял —
Как видно, сам рок его путь оборвал.
Убийцы от мести моей не ушли.
Блаженство Даре, о Творец, ниспошли!
Обитель благих распахни перед ним,
Злодеев настигни возмездьем твоим!
Все бренно, рожденному смерть суждена:
Мы — листья, осенняя буря — она...
Знай, можешь ты ныне весь мир обрести,
Свидетельств я много могу привести —
Мне шахом самим Ровшенек отдана *.
Сказал он: всех жен твоих краше она!
В дорогу ее поскорей проводи,
Наперсниц и знатных мужей отряди.
Быть может, красавицы светлый приход
Душе омраченной веселье вернет.
Пребудь в Исфагане, как в прежние дни *,
Правителей прежних везде сохрани,
Усердных, хранящих заветы добра,
Кого назначал сын Дараба Дара.
Вольна воцариться во граде любом —
Как прежде Иран в подчиненье твоем.
Пусть в ваших сердцах поселится покой,
Меня вы своим назовите Дарой!»
Царевне потом повелел написать,
Перу помышления вверил опять.

Вначале восславил Творца своего,
Его милосердие, мудрость его.
И дальше писал он: «В природе царей
Достойнейших миру дарить дочерей.
Они сладкогласны, легки и стройны,
Умом и стыдливостью наделены.
Тебя, покидая чертог наш земной,
Мне вверил родитель прославленный твой.
Покои мои поскорей озари,
Над сердцем моим полновластно цари.
Царить рождена ты, достойна венца —
Будь светом престола, красою дворца!
Посланию вняв, именитая мать
Тебя нарядит венценосным под стать,
Ведущим от шахов блистательный род:
Главу исфаганских мобедов пошлет,
Кормилицу также, прислужниц твоих —
Слоны повезут их в шатрах расписных.
Царицей цариц ты войди в шебистан *,
И счастьем да будет твой дух осиян!
Храни тебя рок от печалей и бед,
Тебя да минует коварный навет!»
Философ, умчавшийся вихря быстрей,
Доставил посланья владыки царей.

[*Ответное письмо Дилары Искендеру*]

Посланье царя Диларе прочтено,
Невольные вздохи исторгло оно...
Вновь слезы кровавые льет о Даре,
До срока в могилу сошедшем царе.
Царица дебира к себе призвала,
А слез неутешных река все текла.
Благие дает наставленья ему,
И вот уж мудрец приступает к письму.
Вначале творцу славословье творит —
Тому, кто отвагу и разум дарит,
И далее пишет: «Создавшего мир,
В чьей воле и войны земные, и мир,
О счастье Дары я молила всегда,
Я имя супруга твердила всегда.
А ныне, когда он из жизни ушел,
Могиле достался, покинул престол,—
Твоей воссиять я желаю звезде,
Да будешь победами славен везде,
Весь мир да приветствует славу твою —
Иного я в сердце своем не таю.
Ценю благосклонность посланий твоих —

Да благословит тебя небо за них! —
И то, что гробницу ты соорудил,
Злодеям за гибель Дары отомстил.
Возмездье всегда настигает того,
Кто кровь властелина пролил своего.
Я знаю, немало ты увещевал
Властителя, к миру его призывал.
Царям не пристало царей унижать,
От равных себе услужения ждать.
Теперь шахиншах полновластный наш — ты,
Хоть солнце зашло, месяц ясный наш — ты.
Всю землю пусть воля твоя покорит,
А имя на арках дворцовых горит!
Ты в жены просил мою дочь Ровшенек —
Ты сердце мое осчастливил навек!
Твои повеленья исполним тотчас,
Смиренных рабынь обретаешь ты в нас.
И дочь поспешила ответ написать —
Послание райскому саду под стать.
Владыкою стать повелел тебе рок,
Кто спорить бы с предначертанием мог!
Я грамоты всем разослала вождям,
Отважным воителям-богатырям.
Не будет ослушников. С этой поры
Веленье твое — что веленье Дары».
Царицей по-царски посол награжден,
Рабынями, златом посол наделен.
Примчась к Искендеру, посланье вручил;
Что видел, ему обо всем доложил:
Таков, мол, уклад и обычай двора,
Как будто бы все еще правит Дара!
От этих вестей Искендер просветлел,
В венце кеянидов спокойно воссел.

[*Искендер берет в жены Ровшенек*]

Послание матери он написал,
Из Аммурие во дворец призывал,
Поведал о смерти владыки Даре
И воле предсмертной его. К Диларе,
К царице направиться просит потом:
Мол, верю, что дело уладишь добром.
А дочери — той, что прекраснее дня,
Ты дань поклоненья воздашь за меня.
С собой повезешь драгоценный убор,
Игрою алмазов ласкающий взор.
Ты десять верблюдов румийской парчой,
Сто мулов коврами навьючив, с собой

Возьми тридцать тысяч монет, чтоб дары
Раздать в изобилье народу Дары.
Три сотни румийских рабынь повезешь,
А коль пожелаешь — число их умножь.
По чаше красавицам надобно дать,
Что царским рабыням пристало держать.
А свиту, как должно, свою снаряди,
Властителей славных устав соблюди...
Вот в путь собралась, терджоманы при ней *,
Их десять из мудрых, достойных мужей.
К столице приблизились. Гостью встречать
Пришла Исфагана высокая знать.
Навстречу с айвана сошла Дилара *,
Вельможи стоят по уставу двора.
Столь щедрый нисар перед царским дворцом *,
Что людям, сказал бы, дирхем нипочем.
Воссели в чертоге дворцовом; сошлись
Советники, знатные все собрались.
На торжищах цены взлетели — добра
За дочерью столько дала Дилара.
На сотни верблюдов грузили добро —
И пурпур, и золото, и серебро,
Алмазы и мускус, парчу и ковры —
Достойные щедрости шаха Дары;
Щитки для коней и кольчуги стрелков,
И множество копий и острых клинков
Булатных индийских, в ножнах золотых,
Коней аравийских в уздах золотых.
Узорных сверкающих тканей не счесть,
Расшитых хитро одеяний не счесть.
Сзывают наперсниц, рабынь молодых,
Шатры расписные готовы для них.
Сажают царевну в богатый шатер,
И светится счастьем красавицы взор.
Повсюду, куда бы ни кинул ты взгляд,
Сверкают венцы, самоцветы горят.
Царевну встречает весь знатный Истахр *,
Улыбка сияет у всех на устах,
Весь город богатым убранством блестит,
Хоть сердце у каждого кровоточит.
И тут на шатер, в честь красавицы той,
Дождь мускусный хлынул и дождь золотой.
В покой потаенный вступает она.
Очей Искендер не отводит: стройна,
Лик солнцу подобен, уста словно лал
Сказал бы: сам Разум ее создавал.
На трон золотой возвела ее мать

Владыки. Он душу готов ей отдать.
Семь дней остается с прекрасной вдвоем,
Беседу ведет об одном, о другом
И видит одни лишь достоинства в ней.
Приветливость, ум, благородство речей —
Все в милой подруге по нраву пришлось
Владыке, и сердце любовью зажглось.
Немало сокровищ иранской земли,
Динары, алмазы с собой повезли.
В Иране, Туране и Чине пред ним
Склонились, признали владыкой своим.
На мир с той поры благодать низошла,
Земля разоренная вновь расцвела.

[*Сновидения Кейда, владыки Каннуджа*]

Ещё пехлевийскую повесть одну,
В которой чудесного много, начну.
Прославлен был Кейд среди хиндских владык *,
Удачи любимец величья достиг.
В себе сочетал он отвагу бойца,
Осанку властителя, ум мудреца.
Привиделся как-то венчанному сон *,
Он был сновидением этим смущен.
С той ночи, лишь тьма опускала покров,
Сны видел он — десять загадочных снов.
Тогда на призыв властелина пришли
Мужи умудренные хиндской земли,
А также из дальних краев ведуны,
Владевшие даром разгадывать сны.
И царь к мудрецам обратился седым,
Поведал свои сновидения им.
Никто эти сны разгадать не сумел,
И царь омрачился, лицом пожелтел.
Один из мудрейших совет подает:
«О царь, возвеличивший древний свой род!
Есть муж именитый, чье имя Мехран,*
Которому дар ясновиденья дан.
Свод неба — вот кровля жилища его,
Коренья да травы — вся пища его.
Живет он вдали от проезжих дорог.
Онагры да лани к нему на порог
Приходят; он в дружбе со зверем степным,
Равняться не нам в благочестии с ним.
Ничто б не могло причинить ему вред,
От бедствий хранит его благости свет».
Царь молвил: «Должны за разгадкой пойти
К святому, иного не вижу пути».

Коня оседлал венценосный, влеком
Такою молвой о Мехране благом.
С ним двинулись в путь мудрецы, чтоб ему
Душой не томиться в пути одному.
И вскоре отшельника царь увидал,
Как должно, хваления старцу воздал
И после промолвил: «Святой человек,
Средь ланей в горах проводящий свой век!
О странных моих сновиденьях узнай,
Правдивое им толкование дай.
Однажды уснул я ночною порой,
Тревоги не ведая, с чистой душой.
Приснился мне дом: что дворец вознесен,
А в доме свирепый чудовищный слон.
Дверей не имел тот невиданный дом,
Лишь тесная щель перед лютым слоном.
Сказал бы, слону потерпеть не пришлось
Ущерба — легко в эту щель удалось
Протиснуться тушею мерзкой ему,
Но хобот остался в высоком дому.
А ночью второю приснился мне трон;
Оставлен был славным властителем он,
И некто на трон из слоновой кости
В бесценном венце поспешает взойти.
В ночь третью, как только забылся, во сне
Холст, вытканный прочно, привиделся мне.
И четверо тянут — и каждый к себе —
Тот холст. Почернели в упорной борьбе,
А все перевеса никто не имел,
И холст оставался по-прежнему цел.
В четвертом — уж за полночь — видел я брег,
От жажды томился на нем человек,
А рыбина воду и плещет и льет,
Но прочь от воды устремляется тот.
И пятый я в памяти сон берегу:
Увидел я град на морском берегу.
В том граде незрячий народ обитал,
На жребий, однако, никто не роптал.
От купли-продажи, от рыночных дел,
Сказал бы, весь город бурлил и гудел.
В шестую, о мудрый, приснился мне град,
В котором недуги всех кряду томят.
Проведать здорового дружно сошлись,
Расспрашивать скорбно его принялись:
Мол, как твое тело выносит недуг?
Знать, сердце в крови от неслыханных мук!
Хоть сами готовы уж дух испустить,

Бальзам для здорового жаждут добыть.
А в полночь седьмую, окованный сном,
Я видел коня на просторе степном.
Рвал с жадностью всякие травы скакун,
В две пасти жующий двуглавый скакун,
Но выхода не было в теле его,
Не мог извергать из себя ничего.
В восьмую, о ты, что поистине свят,
Три, вижу, сосуда открытых стоят.
Два полных водою, а третий сухой,
Как будто извечно стоит он пустой.
И воду два мужа, усердствуя, льют
Из двух переполненных в третий сосуд.
В наполненных не убывает вода,
А в третьем, как прежде, воды ни следа.
В девятом я видел: средь луга бежит
Ручей, и корова большая лежит,
Телушка с ней малая, истощена,
Сказал бы ты, кожа да кости она.
Но все не как водится — наоборот:
Иссохшую телку корова сосет.
Хотя ты, быть может, уже утомлен,
Тебе я десятый поведаю сон.
Я видел источник средь шири степной,
Давно иссушил его тягостный зной.
Меж тем от него разбегались лучи
Канавок, всю степь заливали ручьи.
Сны, верно, сумеешь мои разгадать.
Открой нам, чего от грядущего ждать?»

[*Ответ Мехрана Кейду*]

И слышит владыка Мехрана ответ:
«Тебе омрачать свою душу не след.
И впредь не унизится слава твоя,
Невзгод не узнает держава твоя.
Знай, войско свое Искендер приведет,
С вождями Ирана и Рума придет.
Ты разум, чтоб честь уберечь, призови,
О битвах не мысли, но щедрость яви.
Четыре сокровища жребий послал
Тебе, венценосный. Свет равных не знал.
Любимая дочь, озарившая твой
Венец небывалой своей красотой;
Философ — открыты все тайны кому,
И слову внимаешь ты втайне чьему.
Сокровище третье — прославленный врач,
Не знавший в искусстве своем неудач.

Четвертое — чаша, в которой вода
Теплу не подвластна, прохладна всегда,
К тому ж не кончается, сколько ни пей.
Смягчишь Искендера ты данью своей.
Умчится, в покое оставит твой край.
Смотри же, в сражение с ним не вступай!
Не сладишь ты с этой могучей страной,
Богатою войском, оружьем, казной!
Послушай теперь толкование снов,
Тебе я правдиво ответить готов.
О доме скажу, о свирепом слоне,
Что первою ночью ты видел во сне:
Сей дом — это мир, а чудовищный слон
Являет царя нечестивого. Он
Не знает стыда, злодеянья творя,
В нем царского только что имя царя.
Ты видел: один покидает престол,
И некто другой занимает престол.
Так скор на расправу изменчивый рок:
Глядишь, справедливого смерти обрек,
А низменный, хилый восходит на трон;
Корыстью и злобою весь поглощен,
Вовеки добра не желал никому,
И подданных счастье — отрава ему.
В ночь третью узрел чистых сердцем мужей,
Вцепившихся в холст всею силой своей.
И холст тот красивый не рвется при том,
И у́стали также не видно ни в ком.
Знай: вскоре один именитый придет *
Из края, где муж-копьеносец живет.
И тот чистый сердцем откроет собой
Четвертую сторону веры самой.
В Единого веру признаешь в холсте,
Защитники истины четверо те:
Дехкан, что огню поклоняется, тот *,
Кто в руки без бажа барсам не берет.
Второй, что пророком Мусу признавал
И подлинной веру свою называл.
А третий — что верой Юнана влеком;
Учителя видел он в муже святом,
Который премудрости высшей достиг,
Вселял милосердие в сердце владык.
Четвертый — арабской, ее благодать *
Сумеет разумных из праха поднять...
Меж ними вражда из-за веры горит,
Ведь каждый холстом завладеть норовит.

Ты видел, что жаждущий прочь от воды
Несется, как будто от грозной беды,
Хоть рыба ко влаге манила. Придут
Суровые годы, что мрак принесут.
Испивший познания влагу, вкусит
Гонений жестокость и горечь обид.
Он рыбой в речные глубины уйдет,
А злоба главу к Сорайе вознесет *.
Задумает жаждущим мудрый помочь,
Но те устремятся от мудрого прочь.
Разумного слова не скажут в ответ,
Язык для проклятья развяжут в ответ.
В ночь пятую город во сне увидал,
Там дело кипело и гул не смолкал,
Торговля средь жителей бойкая шла,
Хоть злая судьба слепоте обрекла
Несчастных: ни видеть никто никого,
Ни знать друг о друге не мог ничего.
Настанут такие, о царь, времена —
Власть будет невежде над мудрым дана.
Не вынесет мудрость невежества гнет,
Засохшее древо плодов не дает.
Невежде хвалу мудрецы воспоют,
Ему поклониться смиренно придут.
Но тот в славословиях ложь разглядит,
Угодливость мудрого не оградит.
О том, что в шестую привиделось ночь,
Как немощный рвался здоровым помочь:
Пора приближается — будет бедняк
Презренным в глазах обладателя благ.
Гонимый нуждой к толстосуму придет,
Но с нищим казной не поделится тот.
Задаром работать он станет слугой,
Спознается с горькою рабской судьбой.
Двуглавый скакун в сновиденье седьмом,
Жующий без меры, поведал о том,
Что люди, не зная предела своей
Корысти, погрязнут в стяжанье вещей.
Ни бедных стяжатель не скликнет на пир,
Ни мудрых, чьей славою полнится мир.
Все мысли к себе приковал одному,
На помощь вовек не придет никому.
Три хума увидел ты ночью восьмой *,
Два были с водою, а третий — сухой.
Такая на свете настанет пора —
Народ изведется, не видя добра.
Весенняя даже гряда облаков

Лишь солнце сокроет от глаз бедняков,
А дождь не для них благодатный прольет,
И пахаря сердце тоской изойдет.
Богатый богатого станет дарить,
Медовые речи ему говорить,
А бедный уйдет, даже губ не смочив,
Обидою душу свою омрачив.
Корову ты видел: крепка, велика,
У телки искала она молока.
В созвездье Весов только вступит Кейван — *
Пойдут притеснения в каждой из стран.
Для слабых настанут суровые дни,
От жадности сильных застонут они.
Их тяжко работать принудит богач,
Своей же казны не растратит, хоть плачь.
В десятом ты видел источник сухой:
Протоки текли с благодатной водой,
И не иссякала вода ни на миг,
Хоть влаги не знал пересохший родник.
Знай, мир ожидает лихая напасть,—
Владыки такого недобрая власть,
Что мудрости благостной вовсе лишен,
Обильем корыстных забот поглощен.
Изведают люди немало невзгод,
От царской казны не дождутся щедрот.
Он войско за войском готов снаряжать,
Все новые царства желая стяжать.
Но сгинут и войско, и царь, наконец,
Другой унаследует гордый венец.
А ныне пора Искендера. Его
Восславят властители мира сего.
Четыре сокровища ты подари
Владыке, дарами ублаготвори,—
Он славен величием, мудростью, знай,
В покое оставит дарителя край».
Лишь выслушал Кейд ясновидца ответ,
Сказал бы, он снова родился на свет,
Целует он светлое старца чело,
Смущенное сердце покой обрело.
Покинув Мехрана, помчался назад,
Хакимы вослед за владыкой спешат.

[*Искендер ведет войско к владениям Кейда*]

Когда Искендер убедился, что он
В Иране упрочил надежно свой трон,
Рать к Хинду направил, на Кейда повел.

Дорогами шел, бездорожием шел,
И всюду, куда б не привел его путь,
Готовы ворота пред ним распахнуть.
Во славе превыше Нахид вознесен *,
Ни разу не встретил соперника он.
Вот взорам царя открывается град
Обширный, что звался в ту пору Милад *.
Он стан перед городом этим разбил,
Бойцами своими весь край наводнил.
Писца повелел венценосный призвать,
Послание Кейду велит написать.
Такие в послании были слова,—
Ты скажешь, подобны рычанию льва:
«Из уст Искендера, любимца побед,
Чьей ратною славою полнится свет,
Я благоразумным хвалу воздаю,
Что знаньем очистили душу свою,
Чей выбор благой за собою влечет
Несчастьями не омраченный почет.
Кто праведным сердцем создателя чтит
И страх и надежду на бога хранит.
Кто нас признает украшеньем венца
И победоносного тенью Творца.
Я это посланье тебе написал,
Чтоб свет омраченной душе воссиял.
Прочитано будет дебиром твоим
Оно — не раздумывай долго над ним.
Коль в полночь доставят — рассвета не жди,
Немедля, покорность являя, приди.
Отвергнешь веленье — прибегну к мечу,
И царство твое и венец растопчу».

[*Ответ Кейда на послание Искендера*]

Когда к властелину Каннуджа вошел *
С посланием тем Искендеров посол,
Владыка у трона его усадил,
Хвалой благосклонной по-царски почтил,
Так молвил затем: «Не ослушаюсь я,
Охотно исполню веленья царя.
Но если к нему я поспешно помчусь,
В дорогу, как надобно, не соберусь,—
Создатель миров не одобрит сего,
Порадую вряд ли царя самого».
Ларец повелел принести золотой
С калямом из Хинда и чинской тафтой *.
В ответ Искендеру велит начертать
Послание райскому саду под стать.

Вначале восславил Того, кто един,
Кто жизни людской и побед господин,
Кто силу и мужество смертным дает,—
Подателя неисчислимых щедрот.
И далее пишет он: «Чистый душой
Не станет, о доблестный, спорить с тобой.
Царь войск и меча, для тебя ничего,
Поверь, из богатства не жаль моего.
Четыре достались мне чуда в удел,
Такими доселе никто не владел.
Собраньем подобных сокровищ и впредь
Едва ли другим доведется владеть.
Коль будет на то изволенье твое,
В надежде на благоволенье твое
Тебе их пошлю. Исполняя приказ,
И сам на поклон поспешу в тот же час».

[*Искендер посылает к Кейду за четырьмя сокровищами*]

Посланец, как ветер, назад ускакал,
Посланье вручив, обо всем рассказал,
И слышит веленье: «В седло возвратись,
К венчанному без промедления мчись.
Спроси у него о диковинах тех
Доселе неведомых, скрытых от всех.
Что есть и что было — мы знаем давно,
Умножиться счету вещей не дано».
Быстрее, чем пламя, усердный гонец
Несется; пред Кейдом предстал наконец
И молвит: «Узнать венценосных глава
Желает — ужель справедливы слова
О том, что четыре сокровища те
На свете не сыщутся больше нигде?»
Кейд, выслушав это, всех лишних услал,
Советнику только воссесть приказал.
Потом перед троном сажает посла,
Приветствует и ободряет посла,
Ответствует так: «Мне дарована дочь,
Глаза отвести от прекрасной невмочь.
Когда бы с ней рядом лик солнца возник,
Затмила б красавица солнечный лик.
Коса у нее и длинна и густа,
Скажи, молоком еще пахнут уста.
Смутился бы тополь — так дева стройна,
Слова, что жемчужины, нижет она.
Бессильны слова пред сияньем ее,
И мудрый насытится знаньем ее.

В молчанье — стыдливость собой воплотит,
Нет девы, которой она не затмит.
Ведущая род свой от древних царей *,
Дивит добродетелью, верой своей.
Второе сокровище — чаша: вином,
Водой ли наполнив, в чертоге своем
Пируй хоть две ночи с друзьями, она *
В избытке доставит воды и вина.
Сокровище третье — мой лекарь: любой
Недуг по слезе распознает одной.
Доколе он будет тебя наставлять,
Тебе, венценосному, хвори не знать.
О чуде четвертом скажу — мудреце,
Который сокрыт у меня во дворце:
Прочтет он в смещеньях небесных светил,
Что жребий тебе, шахиншаху, судил».
Помчался посол именитый назад,
Сказал бы, стремительный вихрь ему брат.
Когда Искендер донесенье посла
Услышал, царева душа расцвела.
Сказал: «Коль в рассказах не кроется ложь,
С такими дарами весь мир обретешь!
Коль чудо-сокровища эти пришлет,
Он радость усталой душе принесет.
По-доброму я уведу свою рать,
Владения Кейда не стану топтать».

[*Искендер посылает мудрецов обозреть четыре сокровища*]

Избрал Искендер из дружины своей
Достойных, исполненных знанья мужей —
К владыке Каннуджа отправил послов
С посланьем украшенным благостью слов:
«Я девятерых приближенных своих
Надежных, исполненных качеств благих,
В чьих верных сердцах — добродетели мир,
Разумных и мудрых, и видевших мир,
К тебе посылаю. Веленьям твоим
Внимать неослушно приказано им.
Четыре сокровища им покажи,
Решения ждать моего прикажи.
Когда же прибудет ко мне от послов
Письмо, из таких состоящее слов:
Царь, дескать, сокровища нам показал,
Мир вправду подобных сокровищ не знал,—
Я грамотой царской своею тогда
Каннудж за тобой утвержу навсегда.»

Примчались посланцы. Их Кейд обласкал *,
Расспрашивал долго, ответам внимал.
Воздал мудрецам подобавшую честь,
Достойный чертог повелел им отвесть.
Вот ночь миновала. Когда рассвело
И солнце сверкающий меч занесло,
Царевне убранство, слепящее взор,
Внесли, хоть луне и не нужен убор.
В дворцовой палате уже водружен
Сверкающий пышностью чинскою трон.
Царевна на нем молодая сидит,
Своей красотой затмевая Нахид.
Пред Кейдом предстали румийцы-послы,
Звучат сладкогласные речи хвалы.
Взглянуть на невесту он старцев послал —
Ведь сын Фейлекуса того пожелал.
Увидели мудрые царскую дочь,
И ноги у них ослабели. Невмочь
Царевым посланцам уйти от нее,
Нет сил и глаза отвести от нее.
В немом изумленье на деву глядят,
Создателю мира хваленья твердят.
Своей озаряла она красотой *
Чертог и венец и престол золотой.
Мгновенья текут — не видать мудрецов,
Пришлось за послами отправить гонцов.
Владыка с улыбкою молвит мужам:
«Немало, гляжу я, замешкались там.
Земная краса перед вами была,
Хоть прелесть от каждой звезды вобрала».
«Подобных красавиц,— таков был ответ,—
Нигде на искуснейших росписях нет!»
Бумагу, чернила, калямы несут,
Послы принимаются тут же за труд.
Не видно бумаги — одни письмена,
Так щедро прекрасной хвала воздана.
И всадник, что род из Милада ведет,
Царю Искендеру посланья везет.
Когда описанья владыке прочли,
Его в восхищенье они привели.
В посланьях описана вся красота,
И в каждом одна лишь воспета черта.
Тогда Искендер написал мудрецам:
«Рай вашим, как видно, открылся очам!
Доставьте четыре сокровища мне,
Такой удовольствуюсь данью вполне.
Обещанный славному Кейду указ

Вручите и в путь отправляйтесь тотчас.
Никто не дерзнет угрожать ему впредь,
Мое удалось ему сердце согреть».

[*Мудрецы привозят Искендеру четыре сокровища*]

И вот уж двойной одолевши конец,
К румийским послам воротился гонец.
Вот всадник усталый с коня соскочил,
Ответ Искендера собратьям вручил.
И с этим посланьем румийцы пришли
В чертог властелина Каннуджской земли.
Прочли ему слово владыки того,
Чьей власти безмерной удел — торжество.
Исполнилось радости сердце вождя,
Он счастлив, беду от себя отведя.
Избрал среди знати державы своей
Сто праведных, красноречивых мужей.
В хранилища он родовые пришел;
Избрал драгоценный убор и престол,
Немало покровов, достойных царя,
Что блещут, отрадою взоры даря,
И тканей узорных, расшитых хитро,—
Три сотни верблюдов увозят добро.
На сотне верблюдов дирхемы везли
И десять верблюдов с динарами шли.
Горящий алмазами, златом один
Для дочери царской готов паланкин,—
Его на отборном слоне повезут,—
Всего же их десять в дорогу берут.
Царевна в слезах покидает дворец,
Прекрасной сопутствуют врач и мудрец
С волшебною чашей. Мужи от вина
Давно захмелели, а чаша полна...
Вот входит царевна к владыке царей
В венце благовонном из темных кудрей,
А пряди так пышно окутали стан —
Сказал бы, в кольчуге цветок аргаван.
Она, словно тополь под ясной луной,
Чарует красою своей неземной.
Глаза что нарциссы из горней страны,
Из неги, сказал бы ты, сотворены.
Царь смотрит — и станом, и поступью он,
И всем ее обликом заворожен.
Воскликнул в восторге: «О светоч земли!»
Уста славословье Творцу вознесли.
«Воистину непостижимо велик

Подобную стать сотворивший и лик!»
Созвал именитых румийских бойцов,
Священнослужителей и мудрецов;
Молитвы на лад христианский творя *,
С прекрасной луной обвенчали царя.
Сказал бы, ей некуда было шагнуть —
Столь щедро усыпали золотом путь.

[*Искендер испытывает мудреца, лекаря и чашу Кейда*]

Владыка, обряды венчанья свершив,
Жену в подобавший чертог водворив,
Ученого мужа узнать пожелал;
Сосуд в испытание старцу послал,
Наполненный маслом коровьим, слова
Такие сказав: «О мудрейших глава!
Ты бедра и плечи, и спину, и грудь
Натри этим маслом, и бодрость вернуть
Ты сможешь, разгонишь усталость пути,
А там и познаньями нас просвети».
Увидевший масло философ седой
Промолвил: «Смысл этого дара — иной».
И тысячу игл опускает в сосуд;
Сосуд к Искендеру обратно несут.
Увидевший иглы владыка земли
Велит, чтоб к нему кузнеца привели.
И вот уж в плавильне огонь заалел,
Царь диск из железа отлить повелел.
Тот диск мудрецу Искендер отослал.
Философ изделие темное взял,
Тер долго, усердно, и было оно
В блестящее зеркало превращено.
А ночью вернул его в руки царя,
Ни с кем о содеянном не говоря.
Но царь опустил его в воду, и вот
На нем появляется ржавый налет.
Заржавленный диск Искендер мудрецу
Вернул — не пришла еще притча к концу.
Тот мудрый за дело взялся, и тогда
Опять засиял этот диск, что вода.
Составом таким отчищал, чтобы впредь
От влаги ему ни темнеть, ни ржаветь,
И снова царю возвращает его,
А царь призывает его самого.
О масле беседу заводит точас,
Познать глубину разуменья стремясь.
И слышит он: «Многое маслу дано,

Сквозь кожу людей проникает оно.
Хотел ты сказать, что в отчизне своей
Всех мудростью превосхожу я мужей.
А мой, о владыка, таков был ответ:
Мудрец, в чьей душе добродетели свет,
И кость проницает подобно игле,
Пред мыслью его расступиться скале.
Мне сердцем и духом была внушена
Премудрость, и волоса тоньше она.
Сказал я — постигнешь сокрытое в ней,
Ужель твое сердце железа темней?
Сказал ты: в сражениях жизнь протекла
И ржавчина крови на сердце легла.
Возможно ли это из сердца изгнать?
Не должно обманом себя обольщать.
Сказал я: коль сердце твое таково,
Премудростью неба очищу его.
Кровь если воды чистоту обрела,
Уже не страшит ее ржавчина зла».
Владыке понравилась мудрая речь,
Сумел его сердце философ привлечь.
По воле царя одеянья несут,
Динары и полный алмазов сосуд
И старцу подносят, но слышат отказ.
Сказал: «Не один мне дарован алмаз —
Все счастье несут, не рождая вражды.
Земные сокровища — ада плоды!
Нет нужды мне стражей ночных нанимать,
В дороге за мной не погонится тать.
Хранит меня знанье порою ночной
И разума свет неразлучен со мной.
Ведь разум и знанье для правды нужны,
С неправдой пороки людские дружны.
По милости царской я сыт и одет,
Нужды сверх того у разумного нет.
Излишками тешить себя для чего?
Иль стражем богатства мне стать своего?
Ты эти дары повели унести.
Да светит душе твоей Разум в пути!»
Был речью такой Искендер изумлен,
Немало над нею раздумывал он.
Сказал: «О когда бы владыка светил
В грядущем меня от грехов сохранил!
Приемлю благие стремленья твои
И мудрые все наставленья твои».

[*Искендер испытывает хиндского лекаря*]

Он лекаря хиндского после призвал,
Того, что недуг по слезе узнавал.
«В чем тайна болезни? — царь задал вопрос,—
Ведь участь больного достойна лишь слез».
И слышит: «Кто снедь без разбора вкушать
Привык и без меры себя насыщать,
Добычей недуга становится тот.
Разумный здоровье свое бережет.
Сварю я целебное зелье из трав,
Где должно их в должное время собрав.
Ты выпьешь той влаги, омоешься в ней
И будешь здоров до скончания дней.
Охота придет пировать — не беда,
От пищи обильной не будет вреда.
Припомнишь ты слов моих истину вновь,
Когда забурлит обновленная кровь,
Господство над телом своим обретешь
И сердцем, подобно весне, расцветешь.
Румянец твоих не покинет ланит,
И ясность и силу твой ум сохранит,
Кудрей не коснется твоих седина,
Предвестье печальное смертного сна».
Сказал Искендер: «О таком не слыхал,
Владыки подобного я не видал.
Когда одаришь меня зельем таким,
Пребудешь хранителем добрым моим.
Тебя не устану я чтить и хранить,
Никто не дерзнет тебе зло причинить».
Владыка осыпал дарами его,
Вознес над другими врачами его.
Целитель, зажегший надежду в царе
Отправился в горы один на заре —
Немало хранил он познаний благих,
Знал яды и противоядья от них.
В горах накосил в изобилии трав
И, годные в дело из них отобрав,
Рукою искусною соединил,
Царю чудотворное зелье сварил.
Омыт в этом зелье владыка, и вот
Во здравии несокрушимом живет.
Веселье кипит у царя допоздна;
Нередко ночами, не ведая сна,
Красавицу юную он призывал,
Скажи, изголовье помягче искал.
Шло время. И вдруг Искендер занемог,

От злого недуга себя не сберег.
Пришел врачеватель, и грозной беды —
Чахотки в слезе обнаружил следы.
Сказал: «От общенья со множеством жен
И юноша немощью будет сражен.
Должно быть, три ночи провел ты без сна.
Как видишь, мне истина стала ясна».
«Нет нужды! — владыки он слышит слова,—
Ведь я не слабею, светла голова».
Но лекарь из Хинда сужденье свое
Составил и принял решенье свое.
Он выискал в книге целебный состав,
Сварил его тут же из множества трав.
Владыка той ночью один почивал,
К себе луноликой подруги не звал.
Наутро, лишь только блеснула заря,
Целитель пришел за слезою царя.
Ее рассмотрев, зелье вылил, воссел,
Смеющийся, с чашей в руке, повелел
Для царского пира столы накрывать,
Вина принести, музыкантов призвать.
Царь молвит: «Ты столько труда своего
На зелье затратил и вылил его!»
Ответствовал врач: «О благой властелин,
В минувшую ночь почивал ты один.
Пореже бы женам стал ночи дарить,
И не к чему было бы зелье варить».
Смеется в ответ, прозорливца хваля:
«Пусть Хинда вовек не лишится земля!
И лекарям и звездочетам всех стран,
Сказал бы, наставником стал Хиндустан».
Его наградивши тугим кошельком,
Еще вороным златоуздым конем,
Так мудрому молвил владыка владык:
«Пусть ладит с рассудком и впредь твой язык!»

[*Искендер испытывает чашу Кейда*]

Потом посылает за чашей златой,
Велел ее чистой наполнить водой.
И черпал любой, пожелавший воды,
От ранней зари до вечерней звезды.
Но сколько ни пили — невидимо дно,
И каждое сердце веселья полно.
Сказал Искендер любомудру тому:
«Нет равного счастьем царю твоему!
Отныне готов называть Хиндустан —
Дом славного Кейда — волшебников

Ничем не приметно обличье у них,
А сколько им ведомо тайн колдовских!»
И просит он, речь продолжая свою:
«Раскрой нам загадку про чашу сию:
Рукой ли искусною сотворена
Иль волею звезд не пустеет она?»
Мудрец отвечал: «О владыка царей!
Достоинств немало скрывается в ней.
В работе прошли за годами года,
Немало затрачено было труда.
У Кейда тогда мудрецы собрались,
Из множества стран звездочеты сошлись.
Они, находясь неотлучно при нем,
Следя за работою ночью и днем,
Сверялись с законами вечных светил,
И дела желанный конец наступил.
Волшебного много природа таит —
Притянет и груду железа магнит,
Знай, чаша — такое же чудо чудес;
Когда убывает в ней влага, с небес
Незримо к ней новый нисходит запас,
Сей тайны разгадка сокрыта от нас».
Кейсеру ответом мудрец угодил *,
Венчанного знанием обогатил.
И старцам Милада владыка сказал:
«Священную клятву, что Кейду я дал,
По чести и правде готов соблюсти.
Всем должно покорность владыке нести!
Четыре сокровища взял у него,
И больше не надобно мне ничего».
На двести верблюдов богатств отобрал
И сотню венцов драгоценнейших взял,
Добро остальное сокрыть повелел,
Динары и жемчуг зарыть повелел.
Не видели больше ни клада того,
Ни тех, кто закапывал в землю его *.
Оставил молву Искендер-шахиншах
О груде сокровищ, зарытых в горах.

[*Послание Искендера Фуру, властителю Синда*]

Владыка с бойцами покинул Милад,
К пределам Каннуджа, как ветер, летят.
Там пишет послание Фуру, оно *
Воинственных, грозных речений полно.
«Я, сын Фейлекуса-царя, Искендер,
Могущества, щедрости царской пример,

Для Фура пишу, чья звезда высока,
В чьей власти и Синда и Хинда войска.
«Создателю слава!» — Зачин был таков.—
«Он был и пребудет во веки веков.
Кого награждает победой Творец,
Кому властелина дарован венец,
Тот должен Всевышнего славить и чтить,
Не то ему солнце не станет светить.
Ты знаешь, что жребий великий мне дан
На этой земле, что пречистый Йездан
Меня к торжеству над врагами привел,
Возвел на верховный иранский престол.
Но вечного нет ничего под луной,
Престол мой займет повелитель иной.
Так пусть в этом тесном подлунном кругу
Я имя во славе свое сберегу.
Посланье прослушав, гордыню смири,
Дух сумрачный правды лучом озари,
Немедля с престола в седло пересядь,
Везиров, мобедов не надобно звать.
Во мне обретешь ты надежный оплот,
Коварство ж тебя далеко заведет.
Коль в сердце твоем загорится вражда,
Противиться если посмеешь — тогда
Нагряну я с конною ратью, с мечом —
Раскаешься ты в промедленье своем!»
Словам повелителя внемлет писец,
И вот уж посланью подходит конец.
Свою Искендер прилагает печать,
Разумного выбрал, посольству под стать *.
Пускаясь в дорогу, раздумывал тот:
Мол, дело к войне или к миру идет?
Примчался. К царю провожают его,
Близ царского трона сажают его.

[*Ответное послание Фура Искендеру*]

Лишь только послание Фуру прочли,
Разгневался тот на владыку земли.
С ответом суровым посла отпустил,—
Так древо средь сада вражды посадил.
Вначале писал он: «Благого творца
Прогневать страшась, да очистим сердца!
Достойно ль хвастливые речи держать?
Запомни: кичливому не сдобровать.
Меня призываешь к себе на поклон —
Ужели ты разума вовсе лишен?
Так Фуру Филькус не дерзнул бы писать *,

Со мною сражаться тебе ли под стать?
Иль смертью Дары возгордился? То рок
Пресытился им в предначертанный срок.
Коль род обречен, повелителя слух
К благим увещаньям становится глух.
Рать Кейда шутя одолел, и царей
Ты ныне считаешь добычей своей!
Унванов подобных, речений таких *
Не слышали от властелинов былых.
Я Фур, и могучего Фура я сын,
Что́ Рум для меня, что́ его властелин!
Отвагой покинутый, долю кляня,
Дара попросил о подмоге меня *.
И клятву помочь венценосцу я дал,
Слонов боевых ему тут же послал.
Но пал он, сраженный рукою раба,
И злая иранцев постигла судьба.
Отраву в бальзам для тебя обратил
Изменчивый рок. Шахиншаха сгубил
Своим вероломством везир — посему
Затмиться ты разуму дал своему?
Одумайся, рвешься напрас[illegible] ты в бой,
Противник опасней былых пред тобой.
Увидишь слонов устрашающий ряд
С бойцами, что вихрю пути заградят.
Владычества жаждою ты обуян,
Неистов и злобен, как сам Ахриман *.
Зла в мире не сей, от вражды воздержись,
Губительной кары судеб устрашись!
Пойми, твоего же я блага ищу,
Быть может, посланьем тебя укрощу».

[*Искендер идет войной на Фура*]

Посланье прочтя, из дружины своей
Избрал Искендер именитых мужей,
Кто молод годами, а опытом стар,
В чьем сердце отваги воинственный жар.
Такую он рать против Фура повел,
Что морем бурлящим ты землю бы счел.
Просторы степей наводнили бойцы,
Мир, скажешь ты, заполонили бойцы.
Но бранный их пыл понемногу угас:
Пред ними дорога трудней что ни час.
То горы, то реки им путь преградят,
И каждый воитель унынье объят.
Стоит на привале царь с войском своим,
Посланцы от войска предстали пред ним:

«Мол, Рума и Чина владыка! Прости,
Устала земля твое войско нести.
С тобой не враждуют ни Хинда глава,
Ни Чина владыка, ни Синда глава.
Зачем же безлюдной пустынею рать
Вести, на погибель ее обрекать?
И кони не выдержат наверняка,
Не смогут в сраженье помчать седока.
Коль в битве удастся от смерти уйти,
Ни конный, ни пеший не сыщут пути
Спасенья. Доселе средь грозных боев
Мы наших везде побеждали врагов...
Но горы пред нами теперь, да моря —
Кто б жизнью своею стал жертвовать зря,
С волною бороться,— гранит сокрушать!
Так можно позор вместо славы стяжать».
Владыка их выслушал, гневен, суров,
Он тотчас разрушил надежды бойцов,
Промолвив: «Напомню, легко вам далась
Над славной землею иранскою власть!
В боях не пришлось вам изведать урон,
Ирана глава был рабом умерщвлен.
Теперь и без вас я вперед поскачу,
Свирепых драконов, и тех растопчу!
Нагряну — и Фура злосчастного тут
Ни битва, ни пир от меня не спасут.
Губительным вихрем по краю промчусь.
Лишь с Фуром покончу, я в Рум ворочусь.
Оплот мне Йездан да иранская рать,
Мне, видно, добра от румийцев не ждать!»
Тут витязи стали прощенья просить;
Стремясь повелителя гнев укротить,
Взывают: «Твои, о кейсер, мы рабы,
Иной на земле не взыскуем судьбы.
Пусть кони падут — не горюя о том,
Мы пешими в битву бесстрашно пойдем.
Пускай нашей крови потоки текут,
Пусть груды погибших горами встают,
Пусть рушатся скалы и небо на нас —
Спины не покажем в решительный час.
Мы все покоримся веленьям твоим,
Не гневайся, доблестный,— жизнь отдадим!»
Ту выслушав речь, Искендер окрылен,
К сраженьям новым готовится он.
Избрал тридцать тысяч бойцов удалых *,
Иранцев отважных, в доспехах стальных.
Избрал именитых румийских вождей,

В блистающих панцирях богатырей.
Они верховых сорок тысяч вели
Бойцов закаленных румийской земли.
Берберы, воители Мисра, летят,
Что в битве искусно мечами разят.
Наездники мчатся, к луке наклонясь,
Их родина Шам и Йемен, и Хеджаз *.
Двенадцать их тысяч — лихих ездоков,
Владеющих грозным копьем смельчаков,—
Избрал Искендер, чтоб воинственный строй
Стоял бы за ним неприступной горой.
С собой шестьдесят мудрецов он берет,
Тот — славный мобед, а другой — звездочет,
Что могут веленья судьбы узнавать,
Советы по ходу боев подавать.
О войске пришедшем лишь Фур услыхал —
Для битвы широкое поле избрал.
Несметное войско на поле ведет,
Громадою грозною мчатся вперед.
Бойцы впереди на могучих слонах,
Вслед — конница, черный взметнувшая прах.
Из хиндского стана примчались назад
Лазутчики, шаху они говорят:
Слоны у врага, мол, такие, что рать *
Любую под силу ему растоптать.
Как двинутся, все сокрушая в пути,
Опасности коннице не отвести.
До неба ведь хоботы вознесены,
Сказал бы, с Кейваном высоким дружны!
Чудовище изобразили потом,
Бумагу с рисунком кладут пред царем.
Велит он умельцам своим приступить
К работе — слона воскового слепить,
Потом мудрецов вопрошает своих:
Кто средство найдет против чудищ таких?
Владевшие знаньем держали совет,
Ответа искали, и найден ответ.
Скликает владыка из разных концов
Искуснейших в деле своем кузнецов.
Из Мисра и Парса и градов других
Сошлись тридцать сотен, не менее, их.
Конь выкован ими в назначенный срок —
Седло из железа, железный седок.
Гвоздями и медью все щели зашив
И черною нефтью коня начинив,
Его изнутри вслед за тем подожгли,
Потом в колеснице к царю подвезли.

«Разумный добро из сего извлечет»,—
Взглянув, венценосный подумал, и вот
Велит десять тысяч таких скакунов
Еще смастерить, и таких седоков.
Кто видел железных бойцов верховых
На серых, на пегих конях и гнедых!
Настал новый месяц, и делу конец,
С задачей мудреною сладил мудрец.
И время пришло колесницам помчать
От подлинной неотличимую рать.

[*Битва Искендера с хиндами и гибель Фура от его руки*]

Дружину повел Искендер за собой,
Фур издали видит несущийся строй.
И грянул тут кликов воинственных гром,
Над полем сраженья пыль встала столбом.
Нефть разом в железных конях подожгли
Румийцы, и хинды в смятенье пришли.
Не всадники на скакунах боевых —
Железо горящее мчится на них.
Напрасно воители Хинда кричат,
Шипами слонов боевых горячат —
Уж хоботы длинные опалены,
Огромные пятятся в страхе слоны,
И всадники дрогнули. Вот уже вспять
Кидается в ужасе хиндская рать.
Увидев, что в бегство им враг обращен *,
Как вихрь, Искендер устремился вдогон.
Но землю окутала темная ночь,
Погоню воителям длить уж невмочь.
Межгорья достигнув, бойцам приказал
Властитель воинственный стать на привал.
Расставлены сторожевые посты,
Чтоб враг не напал средь ночной темноты...
Вот солнце венец вознесло, и земля
В лучах обрела белизну хрусталя,
Послышался меди кимвальной раскат,
И трубы взревели, и гонги гудят.
В бой ринулись снова ряды смельчаков,
Их копья возносятся до облаков.
Но вот в облаченье своем боевом
Летит Искендер с обнаженным мечом.
К венчанному Фуру он всадника шлет,
Тот речь Искендерову передает:
Помедли, не сразу, мол, ринемся в бой,
Я встретиться ныне желаю с тобой.

Вняв речи моей, без коварства и лжи
Мне тут же ответное слово скажи...
Весть выслушав, Хиндской земли властелин
Спешит к Искендеру из сердца дружин,
И вот восклицает: «Муж славной судьбы!
Два войска устали от ярой борьбы.
Зверье уже бродит по мертвым телам,
Ступают копыта коней по костям.
Доколе друг друга бойцам убивать,
Иль, жизни спасая, с позором бежать!
Мы молоды оба и силы полны,
Умом и отвагою одарены.
В доспехах на поле борьбы поспешим,
Державы судьбу поединком решим.
Кто будет победы лучом озарен,—
Тому и слоны, и дружины, и трон».
Фур слово румийца когда услыхал,
На схватку согласие с радостью дал,
Промолвив: «Так лучше всего. Без дружин
Сразимся мы насмерть один на один».
Сам мыслит: «Силен я, что хищник степной,
Не конь, а свирепый дракон подо мной.
А недруг тростинкою кажется мне,
Он в легких доспехах, на тощем коне».
И вот меж дружинами, вскинув клинки,
Схватились, коней горяча, седоки.
И видит румиец: противник — что слон *,
Не конь, а гора, не клинок, а дракон.
Дивится могучему, духом упал,
Уж мысленно с жизнью прощаться он стал,
Все ж длит поединок. Донесся в тот миг
Из ратных рядов оглушительный крик.
Фур, вздрогнув, невольно направил туда
И слух свой, и взоры, и мысли. Тогда
Румиец, как вихрь налетев, опустил
Свой меч и властителя хиндов сразил.
Снес голову Фура булатный клинок,
И пал побежденный с седла на песок.
Румийское войско крик подняло тут,
Ирана бойцы в наступленье идут.
Хранил Искендер львиной кожи кимвал,
Сказал бы, до туч его грохот вставал.
Кимвала призывы окрест разнеслись,
Степь стала железной, эбеновой — высь.
Приблизился хиндских воителей строй,
Готов разгореться губительный бой.
Послышался крик: «Справедливая знать,

Герои, ведущие хиндскую рать!
Поверженным зрите царя своего,
В крови богатырское тело его,
Во имя кого же сражение длить
И кровью бессмысленно землю поить!
Вас к миру зовет Искендер в этот час,
Нет Фура, его заменю я для вас!»
На зов повелителя Рума пришли
Мужи именитые хиндской земли.
Увидели — Фур обезглавлен клинком,
И кровь властелина смешалась с песком.
Стон горестный встал. Возглавлявшие рать
В отчаянье стали оружье бросать.
Осыпаны прахом, к кейсеру идут,
И очи им слезы отчаянья жгут.
Не взял Искендер снаряженье бойцов,
Немало сказал утешительных слов:
«Пусть Фура настиг в этой схватке конец,
Печаль изгоните из ваших сердец.
Немалый при мне обретете почет,
Избавлю я вас от тревог и забот».
И вот уж восходит на фуров престол...
Тот — горе, а этот веселье обрел.
Таков он, обители бренной закон,
Порою ты счастлив, порой удручен.
Трудился — плоды, не жалеючи, трать,
За грань роковую добро ведь не взять...
Два месяца после кейсер восседал
На троне, сокровищ немало раздал.
Жил в Хинде муж доблестный тою порой,
Соворгом прославленный звался герой.
Кейсер ему вверил престол и страну
С наказом: не прячь, мол, под спудом казну!
Сам блага вкушай и другим уделяй,
Свой разум могуществом не ослепляй.
Я ныне на троне, а прежде был Фур,
То милостив жребий, то гневен и хмур...
Динарами войско свое оделил,
Державу невиданно обогатил.

[*Поход Искендера в Каабу*]

Довольство к бойцам Искендера пришло,
Недолгое время еще протекло,
И вновь на рассвете кимвал взгрохотал,
Что глаз петушиный, весь мир заблистал.
Сверкание копий, атласных знамен —
Не поле, а в звездах цветных небосклон!

Харама достигли. Харама сыны *
Иные довольны, иные мрачны.
Слонов с трубачами владыка привел,
Он дом Авраама увидеть пришел *.
Чтоб этот оплот возвести, Исмаил
Усилья немалые встарь приложил.
Храм Господом назван был Бейт аль харам,
К Йездану твой путь завершается там.
Всевышний нарек его домом своим,
Где может паломник склониться пред ним.
Нужды не имеет создатель миров *
В чертоге для неги, утех и пиров.
Доколе продлится земли бытие,
Святилище не опустеет сие.
Вступил в Кадиси Искендер и затем
Дошел до парсийского града Чехрем
Лишь Наср-бин-Катиб эту весть услыхал — *
Он Мекку величьем своим озарял,—
Навстречу пошел к властелину царей,
Знатнейших повел копьеносных мужей;
И пред Искендером, Ирана главой,
Явился от Насра гонец верховой.
Сказал он: «Идущий навстречу тебе
Муж славный — стремится к державной судьбе.
Он внук Исмаила, родителем чьим
Был сам досточтимый пророк Ибрагим».
Вот Насра увидел владыка, воздал
Почет ему должный, его обласкал.
И Наср, ободренный великим царем,
Поведал всю правду о роде своем.
Речь выслушав эту, сказал Искендер:
«О праведный князь, прямодушья пример!
В роду твоем есть ли благие мужи?
Коль знаешь достойней себя — укажи».
«О царь умудренный,— он слышит в ответ,—
Знай, властвует в этой стране Хезаэт.
Как только покинул сей мир Исмаил,
Кахтан, сын пустыни, набег совершил
На край наш, его беспощадно топча.
Склонился Йемен перед силой меча.
Немало невинных погибло тогда,
Сей род именитый постигла беда.
Творцу неугодное дело свершил
Кахтан и покинут удачею был —
Погиб, и свирепый пришел Хезаэт,
Продлилась пора притеснений и бед.
Неволе Йемен и Херем он обрёк,

В Мисрийское море закинул крючок.
Путь верный, добром осиянный забыл,
Отверг справедливость, Йездана забыл.
Зажал нас в кулак, нет мученьям конца,
Сынов Исмаила изныли сердца».
Те речи властителю сердце прожгли,
Мечом истребил он, стер с лика земли
Весь род Хезаэта — врагов и друзей.
Дружине и воле державной своей
Потом покорил и Хеджаз и Йемен.
От судеб дождавшись благих перемен,
Везде Исмаила возвысился род,
Снискали достойные власть и почет.
Величье вернул Исмаила сынам,
И пеший вступает он в Бейт аль харам.
Куда б ни пришел повелитель царей,
Всем золото сыплет его казначей.
Царь Насра зовет, во дворец возвратясь,
Динарами щедро осыпан и Наср.
Нежданно увидел себя богачом
И нищий, и хлеб добывавший трудом.

[*Поход Искендера в Миср*]

Вступает он в Джедду с дружиной своей *,
Немного провел он на отдыхе дней.
К себе предводителей вскоре призвал,
Готовить челны, корабли приказал.
И вот уже к Мисру из Джедды в поход
Земли покоритель с бойцами идет.
Возглавлена эта держава была
Кейтуном, чье войско не знало числа.
Узнав, что победы стяжавший герой
Ведет из Харама воинственный строй,
Он войско для встречи почетной привел,
В дань злато привез и рабынь, и престол.
Царь принял Кейтуна с весельем в очах,
Врагов предсказанья рассыпались в прах.
Год в Мисре кейсер оставался; бойцам
Дав отдых, предался покою и сам.
Тогда в Андалусе царила жена.
Бойцам Кейдафе нету счета. Дана
Ей щедрость, дан разум, воинственный дух,
Повсюду пронесся о доблестной слух.
Воителей знатных своих перебрав,
Владевшего чинскою кистью сыскав,
Сказала: «К царю Искендеру скачи,
О крае своем, обо мне умолчи.

Останься при нем. Повелителя вид —
Как держит он речь, как на троне сидит,
Осанку и лик — все как есть примечай
И весь его облик затем воссоздай».
И в путь живописец собрался тотчас,
Готовый исполнить царицы наказ.
Покинув родной Андалус, доскакал
До Мисра и пред венценосным предстал.
В седле и в чертогах — был всюду при нем,
И облик его на бумаге потом
Чернилами чинскими запечатлел,
И вот в андалусский вернулся предел.
Царица на лик Искендера глядит,
Вздохнув, помолчала и так говорит:
«Весь свет завоюет сей доблестный муж,
Он мудр и воитель искусный к тому ж.
Кто с ним состязаться осмелится, тот
Лихую беду на себя навлечет».
Спросил у Кейтуна кейсер: «Какова,
Скажи, Кейдафе? Что разносит молва?»
«О царь,— услыхал он Кейтуна ответ,—
На свете другой столь прославленной нет.
Величием дел, изобильем казны *
Известна повсюду. К тому же даны
Ей ум, добродетель и тонкость речей,
Средь жен ни одна не сравнилась бы с ней.
Никто б ее воинов не сосчитал,
Их перечень ты без конца бы читал.
Царицей из камня воздвигнутый град
Сильнейшие недруги не покорят.
Простерт на четыре фарсанга в длину *
И столько же занял земли в ширину.
А что до богатства — несметно оно,
Молва венценосную славит давно».

[*Послание Искендера Кейдафе*]

Такие слова Искендер услыхал,
Дебира умелого тотчас призвал,
По шелку посланья слова потекли:
«Я, царь Искендер, покоритель земли,
Пишу Кейдафе, что величьем славна
И светлою мудростью наделена.
Да славится благословенный Творец,
Светила возжегший, вселенной Творец,
Что суд справедливый над нами творит,
Угодным ему процветанье дарит.
Почтил я высокую славу твою,

Войной не пошел на державу твою.
Ты, это посланье благое прочтя
И светлые мысли в душе обретя,
Дань тотчас отправь, распахнувши казну.
Тебе ль подниматься со мной на войну!
Премудрость яви, прозорливость яви,
Величие, благочестивость яви!
Коль явишь упорство, нагрянет беда,
Судьбы вероломство познаешь тогда.
О смерти иранского шаха тебе *
Напомню и Фура злосчастной судьбе.
Когда поразмыслишь как должно о них,
Искать не придется примеров иных».
Унван на ветру просыхает и тут
Печать увлажненную амброй кладут.
И вот уж по воле владыки царей
Посланец уносится вихря быстрей.
Послание для Кейдафе прочтено,
Ее в изумленье повергло оно.
«Хваленье,— ответила так Кейдафе,—
Благому и праведному Судие,
Что землю создал, утвердил небосвод,
Что счастье дарует и горести шлет.
Творца изволеньем ты Фура сразил
И Синда вождей, и Дару сокрушил,
И голову это вскружило тебе.
Взяв верх над царями другими в борьбе,
Меня ты отважился с ними равнять.
Победу заранее торжествовать!
Царицею я не затем рождена,
Не столь я казною и войском бедна,
Чтобы мог меня некий кейсер устрашить,
Покорность угрозою дерзкой внушить.
Знай, тысяча тысяч бойцов — мой оплот,
И каждые сто — венценосец ведет.
А если подвластных прибавится рать,
В степи даже пяди пустой не сыскать.
Бойцов оделю я богатой казной
И двину за строем воинственный строй.
Иранского, правда, сломил ты царя,
Но речи хвастливые держишь ты зря!»
Легла на письмо золотая печать,
И велено вихрем посланцу скакать.

[*Поход Искендера в Андалус и покорение им крепости Ферияна*]

Лишь это посланье владыка прочел —
Трубить повелел и дружины повел.
И месяц он вел за собою мужей,
Пока Андалуса достиг рубежей.
Увидел богатый, цветущий удел —
Им князь Ферияп именитый владел.
К осадам готов его город. Журавль
Тех башен верха разглядел бы едва ль,
А мощной стеною мог всадник скакать.
Тот град осадила пришедшая рать.
Своих Искендер джаселиков зовет *,
Вот пущепы в дело таран, камнемет.
Осада продлилась семь дней, на восьмой
С бойцами в твердыню ворвался герой.
Лишь градом врага своего завладел,
Он кровопролитье прервать повелел.
Судьбою дарован владычице был *
Сын чистый душой. Кейдеруша любил
И дочь ему в жены дал с радостью князь,
Родством с Кейдафе венценосной гордясь.
Боец Искендера, Шехргир удалой
В полон захватил Кейдеруша с женой.
Кейсеру та весть припесла торжество,
И новая мысль родилась у него.
Везира призвать своего поспешил,
Ему свой венец на чело возложил.
Везир Бейтакуп был отважным вождем,
Он славился также высоким умом.
Царь молвит везиру: «К тебе приведут *
С женой молодой Кейдеруша и тут
На зов твой приду я, склоняя главу,
Царем Искендером тебя назову.
Ты будешь на троне моем восседать,
Как славным царям-кеянидам под стать.
Свирепого ратника кликни: пусть меч
Снесет Кейдерушу, мол, голову с плеч!
Приближусь тогда и хваленья воздам,
Смиренно к твоим припадая стопам.
Тут сердце к моленьям моим преклони,
Помилуй царевича, казнь отмени».
Везир удручен, непонятно ему,
Все это владыка замыслил к чему.
Меж тем продолжает державы глава:
«Пусть эти останутся в тайне слова.

Ты речь поведи о царице потом,
Меня отряди к венценосной послом
И десять со мной именитых мужей
С приказом доставить ответ поскорей».
«Тебе повинуюсь,— везир отвечал,—
Все точно исполню, как ты приказал».
Вот солнце схватило меча рукоять,
И дрогнула ночь, обращается вспять.
Воссел Бейтакун поневоле на трон,
Душой опечален, безмерно смущен.
Один Искендер перед троном стоит,
В ход пущена хитрость, вход прочим закрыт.
Затем приказали Шехргиру войти
И пленника взятого им привести.
И с юношей об руку входит жена,
В богатом уборе блистает она.
«Кто это,— вопрос Бейтакун задает.—
Что горькие слезы без удержу льет?»
«Узнай же,— ответ он услышал такой,—
Я сын Кейдафе, Кейдеруш молодой,
Со мною же дочь Ферияна, она
Одна у меня в шебистане жена.
Уж с нею я в свой направлялся чертог,
Как душу я чтил бы ее и берег,
Но был я Шехргиром захвачен в полон,
Стенаю, изранен, душой удручен».
Услышав ответ несчастливца того,
Растроган везир, сжалось сердце его.
Но в гневе притворном кричит палачу:
«Я дольше их видеть в живых не хочу!
С них пут не снимая, клинок занеси
И головы тотчас обоим скоси».
Но тут Искендер пред везиром своим
Склонился смиренно со словом таким:
«Даруй им прощенье, мне честь окажи,
Владыка, тебя да восславят мужи!
Невинную кровь проливать для чего?
Владыка миров не одобрит сего».
Везир Бейтакун отозвался тотчас:
«Хваленья достоин, две жизни ты спас!»
Потом, обратясь к Кейдерушу, он рек:
«Ты голову истинно чудом сберег! *
К царице с тобой, как посла своего,
Направлю заступника я твоего.
Вняв речи посланца, пусть вышлет она
Мне щедрую дань — прекратится война.
Войны ли он, мира ли будет гонцом —

Заботься, смотри, о везире моем!
Реши, как пристало великим мужам:
За благодеянье, мол, благом воздам.
Как только ответит царица ему,
С почетом дозволь возвратиться ему».
И слышит: «Клянусь я как душу хранить,
И слух мой и зренье к нему обратить.
Не им ли я с милою вместе спасен,
Избегнувший смерти, душой возрожден!»
Достойных и доблестных десять мужей
Избрал меж румийцев владыка царей.
Все верность хранят ему в сердце своем,
И царь им довериться может во всем.
Велит им: «В пути до последнего дня
Вы все Бейтакуном зовите меня».
Летит Кейдеруш, нетерпеньем гоним,
Вослед неотступно несется за ним
Кейсер. Устремляясь без устали вдаль,
Достигли горы, где не камень — хрусталь.
Там стали они на привал, увидав
Немало деревьев плодовых и трав.
Когда отдохнули и сил набрались,
Не мешкая, снова вперед понеслись.
Услышав, что с сыном ей встречу дарит
Судьба, Кейдафе нетерпеньем горит.
Навстречу торжественно вывела рать,
Священнослужители с нею и знать.
Когда венценосную сын увидал,
Он спешился, ей славословье воздал.
Вернуться в седло повелела потом,
Взяв за руку сына, с ним едет рядком.
Глядит — па царевиче нету лица;
Что вынес он, все ей открыл до конца:
«Постигла беда Ферияна страну,
Лишился он войска, утратил казну.
Посол, что с женой моей рядом сейчас,
Меня от руки Искендеровой спас.
Меня ведь кейсер обезглавить хотел,
А тело спалить на огне повелел.
Ты, верю, послу не откажешь ни в чем,
Воздашь за добро ему только добром».
Окончен о бедствиях сына рассказ,
Он матери любящей сердце потряс.
Вернувшись, призвать поспешила посла,
На троне владык усадила посла.
Приветом почтив, расспросив о пути,
Велела в богатый чертог отвести.

Послала и яства ему, и ковры,
Одежду, а также другие дары.
Вот почь миновала, наутро посол
Явить венценосной почтенье пришел.
Прислужницам знак подала Кейдафе,
Завесу немедленно подняли те,
Посла во дворец пропустили верхом.
Царица в венце бирюзовом, на нем
Бесценный рубин изливает лучи.
Убор у царицы из чинской парчи,
И злато на ней, и агат, и алмаз
Сияют, затейливо переплетясь;
Она, словно солнце, слепит красотой.
Хрустальных колонн возвышается строй.
Рабыни кругом в ожерельях, в серьгах
Сверкающих, кафши — и те в жемчугах *,
Кейсер, изумленный богатством таким *,
Подумал: «Ирана и Рума пред сим
Тускнеют дворцы!» На царицу глядит,
Создателя имя невольно твердит
И, словно прислужник смиренный, пред ней
Склоняется низко владыка царей.
Почтив Искендера приветом своим,
Беседу заводит венчанная с ним.
Но вот уже солнце садится, истек
Для царских приемов назначенный срок.
Столы накрывать приказала она
И лютни велит принести, и вина.
Столы вдоль чертога расставлены в ряд,
Все — кости слоновой, узоры горят
На них золотые. Тут яства несут.
Как яства вкусили, вино подают.
А чаши — из золота и серебра.
Пьют здравье царицы, желают добра.
Венчанная, сидя за чашей с вином,
Не раз на посла поглядела тайком.
Но вот казначею дав знак своему:
«Тот шелк принеси,— повелела ему,—
Где мужа прекрасного лик воплотил
Художник,— немало искусства явил!»
И выполнен тайный царицы приказ.
Та, пристально в изображенье всмотрясь,
Взглянув на посла, убедилась: то он,
То сам Искендер на шелку воплощен!
Сомнения нет: восседает пред ней
Кейсер, предводитель отважных мужей,
Но, выдав себя за посла, во дворец

К ней дерзко явился венчанный храбрец.
«О славный! — царицы вопрос прозвучал,—
Какой же наказ властелин твой прислал?»
И слышит: «При всех именитых мужах,
Знай, слово такое сказал шахиншах:
Царице скажи от меня — не хитри,
Правдивости только стезю избери!
Дай искренне повиновенья обет,
Иного пути к избавлению нет.
Упорствовать станешь себе на беду —
Я войско, несущее смерть, приведу.
Душой не стремился я к этой войне,
Дошла твоя добрая слава ко мне.
Ты разумом, скромностью наделена,
Под властью твоей процветает страна.
Моей коль согласна ты данницей стать,
Поняв, что не в силах со мной воевать,
Отвергнешь коварство и ложь отметешь —
Награды и блага взамен обретешь».
Царица, хоть вспыхнула гневом она,
Казаться смиренною принуждена.
Сказала: «В чертог свой теперь воротись,
Пируй, лицезреньем друзей насладись.
Быть может, царю с наступлением дня
Благие слова повезешь от меня».
Ушел от царицы, бессонную ночь
Провел, размышляя как делу помочь.
Вот встал над горою светильник дневной,
Долины устлал золотистой парчой.
Посла саларбар восхваленьем почтил *
И тотчас его к Кейдафе проводил.
В чертоге торжественном, полном гостей,
Престол, словно терем хрустальный, над ней.
Вкруг царственной этой жемчужины взор
Дивит изумрудов и лалов узор.
Украшены ониксом и бирюзой
Колонны. Подножье — сандал и алой.
Глядит Искендер с изумлением, он
Невиданной роскошью заворожен.
«Чертог — загляденье! Такого,— сказал,—
Никто из Йездановых слуг не видал».
К венчанной приблизился он Кейдафе,
Воссел на сверкающей златом скамье.
«Тебя, Бейтакун,— Кейдафе говорит,—
Дворца моего благолепье дивит?
Знать, в Руме ты зрелищ подобных лишен,
Коль этакой малостью ошеломлен».

«Цепи свой дворец — он искусства пример,
Не сыщешь прекрасней»,— сказал Искендер.
Недаром ты всех затмеваешь владык,
Дворец у тебя — что жемчужный родник».
Улыбку царица сдержать не смогла,
Ласкают ей сердце хваленья посла.
Придворных своих отпустила она,
Поближе его усадила она.
«О сын Фейлекусов,— тут царь Искендер
Услышал,— ты мудрости царской пример!»
Услышал такое, сперва пожелтел
Лицом венценосец, потом почернел.
«О мудрая,— молвит он,— славных глава!
Тебе не пристали такие слова.
Создателя благодарю моего,
Что не было здесь из мужей никого,
Кто мог бы с доносом к царю поспешить,—
Царь тотчас меня приказал бы казнить.
Зовусь Бейтакун и везиром ему
Служу я. Звать сыном Филькуса к чему?»
Но слышит: «Пустое к чему говорить!
Ведь ты Искендер, этой правды не скрыть.
Свой облик на этом шелку разглядев,
Уловки оставишь, забудешь свой гнев».
И шелк положила царица при сем
С рисунком искуснейшим перед царем.
Будь двигаться изображеньям дано,
Сам царь Искендер, ты сказал бы, оно!
И, губы кусая, безмолвствует шах,
Темно, словно в полночь, вдруг стало в глазах.
Вскричал он: «Тот смерти своей пожелал,
Кто в складках одежды не прячет кинжал!»
Царица в ответ: «Не жалей ни о чем.
Хотя б ты сидел, опоясан мечом,
Ты в ход не успел бы пустить свой клинок,
Ни в битву вступить, ни бежать бы не смог».
На то Искендер отвечает: «Внемли!
Замысливший завоеванье земли,
Услышав угрозы, не кинется вспять.
Кто робок, тому торжества не стяжать.
Будь ныне со мною мой острый клинок,
Я залил бы кровью твой пышный чертог,
Сразил бы тебя или сердце без слов
Пронзил бы свое на глазах у врагов».

[*Кейдафе поучает Искендера*]

Царица смеется, ее не смутил
Царя Искендера воинственный пыл.
Сказала: «Подобный могучему льву!
Отвагой своей не кружил бы главу.
Пусть Фуру и витязям Синда пришлось
Погибнуть,— не ты им погибель принес.
Великими были, но срок их истёк,
Тебя же осыпал щедротами рок.
Отвагою дерзкой горишь оттого,
Что стал покорителем мира всего.
Победы Творцом посылаются, знай,
Его до конца своих дней прославляй!
«Мне высшая мудрость,— сказал ты,— сродни»,
Но вижу я — это слова лишь одни.
Над мудростью, знать, не дана тебе власть,
Коль сам ты в драконову кинулся пасть.
Шьешь саван себе в молодые года,
Под видом посла устремившись сюда!
Но знай, не в природе моей воевать
С владыками, кровь без нужды проливать.
Пристало царю добродетель хранить,
Даруя прощенье, где мог бы казнить.
Кто кровь венценосца преступно прольет,
Тот в срок предначертанный в огнь попадет.
Покоен будь, с миром вернешься домой,
Но впредь забавляйся уловкой иной.
Тебе, Искендер, за посла не сойти,
Ведь знает тебя даже пыль на пути!
К тому же, нет в мире такого царя
Иль доблестью славного богатыря,
Чей не был бы облик на шелк нанесен
Искусной рукою и мной сохранен,
Дабы звездочет мне поведал о том,
Врага не должна ли я видеть в ином.
Когда милосердье державы глава
Являет — его прославляет молва.
Послом Бейтакуном по-прежнему звать
Я буду, не стану тебя отличать.
Доколе ты здесь, умолчу обо всем —
Об имени, сане, поступке твоем.
Добром тебя войску верну твоему,
Доверившись чести твоей и уму,
Взяв клятву с тебя, что ни сын мой родной,
Ни верность хранящий мне родич иной
Твоей не изведает мести, а я

Тобой буду чтима как ровня твоя».
Речь выслушав эту, душой возрожден
Кейсер — невредимым воротится он!
«Клянусь,— возглашает,— предвечным Творцом,
И верой христовой, и бранным мечом,
С тобою вовеки душой не кривить,
Лишь милость оказывать, благотворить
И родичам славным твоим, и друзьям,
И подданным всем, и твоим сыновьям».
Сказала царица, услышав обет:
«Теперь же ты выслушай добрый совет.
Знай, славный владыка, что сын мой Тинуш,
Советов моих не приемлющий муж,—
Гордец легкомысленный. Фура он зять,
Его опасайся, не должен он знать,
Что сам шахиншах Искендер ты и есть,
Иль другом тебя Искендеровым счесть.
Узнает — за Фура на мщенье пойдет,
В сраженье с землею столкнет небосвод!
С заботами всеми покуда простись
И с сердцем веселым к себе воротись».

[*Уловка Искендера против Тинуша*]

Царь вышел, в нем сердце — что горный гранит;
Разумный от смерти себя сохранит.
Слова Кейдафе не смутили его
И помыслов не укротили его.
Вот ночь миновала, и с новой зарей
Предстал Искендер пред царицей благой.
Царица к приходу владыки-посла
Цветами хрустальный престол убрала.
Над ним в перламутре и злате горят
Огни самоцветов, пленяющих взгляд.
Меж двух сыновей венценосная мать
Букету цветов благовонных под стать.
Ждет слова царицы отважный Тинуш
И полон внимания сын Кейдеруш.
Так матери молвит царевич младой:
«О шах справедливый со светлой звездой!
С почетом посла проводить повели
И с ним провожатых достойных пошли,
В пути чтоб никто не напал на него,
Случайно приняв за врага твоего.
Не он ли от смерти меня уберег!
Я светочем жизни его бы нарек».
«Исполню, воздам беспримерный почет»,—
Царица ему обещанье дает.

Царю Искендеру сказала потом:
«Поведай правдиво теперь обо всем,
Открой нам стремленья царя твоего,
Что знаешь о нем, кто советник его».
«О славная,— ей Искендер возразил,—
Я слишком и так пребыванье продлил.
— Не мешкай! — мне велено,— дань привези,
Откажет царица — войной пригрози:
Мол, жизни и радости ей не видать,
Престола и блеска царей не видать!»
Слова Искендера услышал Типуш,
Как буря взъярился воинственный муж.
Вскричал он: «Безумец презренный, внемли!
Тебя бы за мужа мужи не сочли.
Дерзаешь сидеть пред царицей самой — *
Как должно, с руками скрещенными стой!
Кичлив и заносчив ты. Прежде всего
Назвать подобало царя своего.
Не будь здесь владычица — снес бы мой меч,
Как с ветки торондж, твою голову с плеч *.
Знай, до ночи с телом ее разлучу,
За Фура у всех на глазах отплачу!»
Тут окрик услышал от матери он.
Сказала, увидев, что сын разъярен:
«Посол ничего от себя не сказал,—
Коль можешь, разделайся с тем, кто послал!»
Придворным так молвит: «Возьмите его,
Скорей из дворца удалите его».
И втайне кейсеру сказала потом:
«С Тинушем, что помыслом дива влеком,
Что делать нам? Не учинил бы вреда!
С тобой не стряслась бы какая беда!
Дана тебе мудрость и знанья даны,
Какие, подумай, тут средства годны?»
«Совет мой таков,— ей владыка земли
Ответил,— ты сына вернуть повели!»
Тотчас паредворец Тинуша привел,
И мать усадила его на престол.
Тинушу сказал Искендер: «Средь мужей
Коль ищешь ты чести — собою владей.
Обиды и злобы, поверь, не таю,
Приказывай — волю исполню твою.
Суровость явить повелел Искендер,
Могущества, царственной славы пример.
К владыкам, знать, жизни моей не ценя,
Он требовать дань посылает меня:
Мол, если враждебный окажут прием,

Пусть злобу сорвут на посланце моем!
За все ему ныне сполна заплачу,
Коль тайный с тобой договор заключу.
Скажи: коли я властелина держав,
Кейсера могучего за руку взяв,
О витязь, к тебе приведу из дворца,
Без войска увидишь его, без венца —
Ты чем за усердие вознаградишь,
Какою щедротою царской почтишь?»
Тинуш отвечает: «Словам твоим внял.
Смотри, чтобы замысел твой не увял!
Исполнить готов я любой твой совет.
Коль умысла злого в словах твоих нет,
Я с золотом много тугих кошелей
И верных рабов, и ретивых коней
Тебе подарю, благодарность храня.
Немалый почет обретешь у меня,
Опорой мне станешь в правленье страной —
Дестуром. Моей будешь ведать казной» *.
Поднялся и руку Тинушеву взял,
Скрепил договор повелитель держав.
Затем вопросил: «Как достигнешь сего?
Иль в ход замышляешь пустить колдовство?»
И слышит: «Когда поскачу я назад,
Со мною отправься. Пусть следом летят
Не менее тысячи конных бойцов,
Твоих закаленных в боях удальцов.
Приметил я рощу густую в пути,
Туда я замыслил тебя привести.
Оставлю в засаде, а сам поверну
К властителю — в душу его загляну.
Скажу: «Столько прислано дани, что впредь
Не станешь ты жаждой богатства гореть,
Но видя царя в окруженье дружин,
Посол не приблизится. О властелин,
Коль внять моему увещанью готов —
Возглавив советников и мудрецов,
Ты выйди посольству навстречу и там
Прими от Тинуша сокровища сам.
Увидев без войска, к тебе подойдет.
Захочет уйти — не заказан уход!..»
Наслушавшись вкрадчивых этих речей,
Он хитрости не разгадает моей.
В той роще воссядет на троне, вино
Там будет венчанному припасено.
Ты ж с войском нежданно нагрянешь туда,
Избавишь себя от врага навсегда.

Дестуру — награда, победа — тебе,
Хвалу вознесешь благосклонной судьбе.
Когда Искендера захватишь — я твой,
Зови меня стражем своим и слугой.
Чтоб наше с тобою стремленье сбылось,
Чтоб хитросплетенье мое удалось,
Ты золото должен собрать поскорей,
Рабынь и украшенных пышно коней».
Той речи внимая, Тинуш ликовал;
Сказал бы ты, статным он тополем стал.
В ответ восклицает: «Недолго нам ждать!
Знай, белого света ему не видать.
Вмиг будет захвачен капканом моим,
За кровь отомщу я, пролитую им,—
Кровь шаха Дары и прославивших Синд,
И Фура, что правил державою Хинд!»
Внимает беседе царица. Ясна
Ей хитрость царя Искендера. Она
Молчит, отвернулась, кораллы тая
За легким платком золотого шитья.
Кейсер удалился, исполненный дум,
Не дремлет его проницательный ум.

[*Искендер заключает союз с Кейдафе и отбывает*]

Ту ночь он, очей не смыкая, провел,
Вот день, словно в чинском убранстве, пришел,
Вознес над землею свой стяг золотой,
Ее разлучая с лиловой фатой,
Кейсер устремился к царице. Спешат
Навстречу рабыни. Обычаю в лад,
С почтеньем покинуть седло помогли.
Проследовал, пеший, владыка земли
К чертогу царицы. Придворных она
Услала, с кейсером осталась одна.
Промолвил он: «Долго, счастливо цари,
Да блещет твой разум, как свет Моштери!
Христовою верой и словом, Творцом,—
Свидетелем правды, священным крестом,
Пред коим смиренно я падаю ниц,
Твоею главою, царица цариц,
Монашеским поясом, Духом Святым —
В краю Андалузском пред войском моим
Меня не увидят. Не стану хитрить,
Не мыслю я клятву свою преступить.
Вражды не явлю я твоим сыновьям,
Другим их в обиду я также не дам.

Я наш договор сохраню навсегда,
Малейшего не причиняя вреда.
Твой преданный друг станет братом моим,
Твой трон — для меня станет местом святым».
И видит царица — в нем хитрости нет,
Правдив и надежен владыки обет.
Скамьи золотые расставлены в ряд
И Чина убранством чертоги блестят.
Знатнейших она призывает мужей,
На скамьях златых размещает мужей.
Сажает с собой сыновей дорогих
И родичей, и приближенных своих.
Царица сказала: «На бренной земле
Не должно в заботах погрязнуть, во зле.
Не должно — коль спросите волю мою,—
Чтоб выпали битвы на долю мою.
Кейсера война не насытит вовек,
Хотя бы он землю на небо низверг.
Богатства он ищет — не стоит того
Богатство, чтоб кровь проливать за него!
Не следует, мыслю я, с ним воевать
И царство в пучину несчастья ввергать.
Благие пошлю увещанья в ответ,
Услышит почтения полный совет.
Но если, союз отвергая со мной,
Пойдет против нашего царства войной —
Навстречу такую мы рать поведем,
Что солнце и месяц заплачут о нем!
Я в мирной попытке не вижу вреда,
Быть может, пред дружбой отступит вражда.
Какие слова я услышу от вас,
Какое решение примем сейчас?»
Был каждый порадован речью такой,
Ответили тут же царице благой:
«Сколь ты справедлива, сколь дух твой велик!
Земля не припомнит подобных владык.
Ко благу всегда твое слово зовет,
Блажен, кто под властью твоею живет!
Коль другом тебе пожелает он стать,
Что лучшее праведный мог пожелать!
Ущерб невеликий от дани такой,
Любого богатства дороже покой!
Коль скоро столкнул тебя жребий с вождем,
Что степи в моря обращает мечом,—
Что ж, долю сокровищ ему удели,—
Ни гроша не стоят все блага земли!
Мы видим один лишь достойный исход —

Разумный сраженьям мир предпочтет».
Услышав ответы мобедов благих,
Советников верных, правдивых своих,
Убор извлекла, что оставил отец *,
Его ожерелье, браслеты, венец —
Никто, хоть всю землю пройди до конца,
Цены не назвал бы алмазам венца.
«Такого,— сказала,— один лишь кейсер
Достоин, воспетый молвой Искендер.
Недаром достойным убора сочла,
Я сыну родному его предпочла».
Затем из хранилища вынесли трон —
Бесценный, из чистого золота он;
В нем нити златые одна за другой
Вились, заплетенные ловкой рукой;
Подножия в виде драконьих голов *,
А в них самоцветы — не сыщется слов,
Чтоб сотен каменьев красу описать;
Два яхонта зернам граната под стать,
В два весом мискаля был каждый из них *.
Кто цену назвал бы сокровищ таких!
Четыреста в нем изумрудов, их цвет
Таил в себе, скажешь ты, радуги свет.
Нош сорок верблюжьих парчи золотой.
Владычица щедростью с Нильской волной
Сравниться могла бы! Слоновьих клыков
Пять сотен и шкуры косматые львов,
Которых зовут берберийскими; счет
Тем шкурам не менее четырехсот;
И тысяча также оленьих, узор
На каждой природный, чарующий взор.
Сто гончих проворных, которых стрела
На лове и та обогнать не могла.
Могучие буйволы — двести числом
За ними идут со своим пастухом.
Носилки из шиза в мехах дорогих *
С парчовым навесом, четыреста их.
Другие четыреста — лучший алой,
Где солнечный блещет узор золотой.
Богато украшенных гнали коней,
Что славились резвостью, статью своей.
И тысячу острых мечей принесли,
Кинжалов булатных из Хиндской земли.
Доспехов за тысячу вслед боевых;
Зовет Кейдафе казначеев своих:
По счету, мол, все Бейтакуну вручить
Должны и с зарею его проводить...

И вот уже знамя восход распростер,
Светлее кафура стал синий шатер *.
На склонах, сказал бы, янтарь заблистал.
Пред дверью дворцовою грянул кимвал.
Отпущен посол с наступлением дня,
Он без промедленья вскочил на коня.
Примчался Тинуш, возглавляя бойцов.
К воротам дворцовым, в дорогу готов,
«Прощай! — говорит он царице благой,—
Будь гордостью века и жизни красой!»
Летят от стоянки к стоянке, и вот
Последний подходит к концу переход.
Уж близок владыки воинственный стан,
Того, кто счастливой звездой осиян.
В той роще зеленой устроил привал,
Где полный прохлады ручей протекал.
Тинушу сказал он: «Ты здесь отдохни
И после к наполненной чаше прильни.
Я в стан поспешу, обещанье сдержу,
Ко благу старания все приложу».
И вот Искендер перед царским шатром,
Теснятся воители перед царем.
Что гром, прокатился приветственный гул,
Сказал бы, венец новым светом сверкнул.
Терзались тревогою, думали — впредь
Властителя славного им не узреть.
Бойцы Искендеру один за другим
Хваленья возносят, склоняясь пред ним.
Кейсер из отважной дружины своей
Избрал десять сотен румийских мужей,
И каждый в шеломе, в броне боевой
Летит, быкоглавой грозя булавой.
Домчались до рощи, и вот уж она
Дружиною грозною окружена.
«Эй, витязь горячий! — владыка вскричал,—
Ты будешь сражаться иль бегство избрал?»
И замер на месте Тинуш. Устрашен,
В своем безрассудстве раскаялся он.
Ответил: «О царь, воплощенная честь!
Не лучше ль насмешкам привет предпочесть?
Был с матерью твой уговор не таков.
Сказал — от своих не отступишься слов.
Яви же величие, праведный муж,
Такое, как видел мой брат Кейдеруш».
Владыка промолвил: «О царь молодой,
Почто от безделицы дрогнул такой!
Напрасно страшишься, я клятвы хранить

Умею, вреда вам не стану чинить.
Ужели нарушу я свой договор!
Царю вероломство поставят в укор».
И спешился тут же царевич, в слезах,
Целует пред славным владыкою прах.
Сжал руку Тинушеву царства глава,
Напомнил ему уговора слова,
Сказал: «Торжествуй, избежавший беды!
Я в сердце к тебе не питаю вражды.
Тебя пред царицею за руку взяв,
Клялся: приведу властелина держав,
Вложу в твою руку я руку его —
От слова я не отступил своего.
Незрелый обет не пристало давать,
Иначе — бесчестия не миновать.
Да, я Искендер, это скрыл я тогда,
Во благо твое говорил я тогда.
В тот день Кейдафе уже знала, кто я,
Видала, что держишь ты руку царя».
Прислужников царь подозвал, и они
Под деревом пышно цветущим, в тени,
Накрыли для пиршества скатерть, вина
Велят принести, зазвенела струна.
Тинушу несут властелина дары,
Ирана и Рума, и Чина дары.
Воителей золотом царь оделил,
Достойных — венцом, кушаком одарил *.
«В дорогу! — услышал веленье Тинуш.—
Не место твое — этой рощицы глушь.
Скажи Кейдафе прозорливой, благой
Владычице с чистой и щедрой душой,
Что верен пребуду доколе я жив,
К ней в сердце любовь навсегда сохранив.»

[*Поход Искендера в страну брахманов*]

Немедля дружину оттуда повел *,
До края брахманов стремительно шел.
От тех непорочных желал шахиншах
Услышать рассказ о былых временах.
Узнали благие брахманы, что к ним
Владыка направился с войском своим,—
В долину спускаются с горных высот,
Нежданную весть обсуждают, и вот
Письмо порешили они написать,
Мобедов навстречу владыке послать.
В начале посланья царя восхвалив,
Создателя именем благословив,

Писали затем: «О благой шахиншах!
Мир целый в твоих, волей божьей, руках.
Чем сердце властителя мира влекут
Столь бедные земли, слуг божьих приют?
Коль жажда богатств у тебя на уме —
Опомнись! Твой разум, должно быть, во
Нам только терпенье да знанье даны,
Познавшие — радостью знанья полны.
Кто в мире терпенье у нас отберет,
А знанье ужели ущерб нанесет!
Лишь племя нагое увидишь ты здесь,
Что бурей по кручам разбросано днесь.
У нас, коль промедлишь себе на беду,
В кореньях — и то испытаешь нужду».
В одной лишь на бедрах повязке из трав
Явился посол пред владыкой держав.
Как только успел на посланца взглянуть,
Избрал справедливости, милости путь.
Оставил на месте дружину, а сам
С румийскою знатью помчался к жрецам.
Те вышли навстречу, услышав о том,
Толпою предстали пред славным царем.
Дар скудный вручен — ведь не пашут, не жнут,
Сокровищ не копят, без злата живут.
С поклоном брахманы хвалу вознесли
Достойному славы владыке земли.
Их речи звучанью внимал Искендер.
Брахманов впервые видал Искендер.
Тела изможденные обнажены,
Согбенны, но души познаньем сильны.
Одежда их — листья, а снедь — семена,
Им пиршества чужды, война не нужна.
В степях и горах обитают они,
Там пищу и кров обретают они,
А пища для них — лишь плоды на ветвях
И дикие травы в пустынных горах.
Хоть водятся звери в просторах степных,
И пища и ложе — растенья у них,
Приют неизменный — пустынный простор
Да склоны бесплодные каменных гор.
Расспрашивал долго о снеди, о сне,
Спросил их о мире, спросил о войне.
Мирские, мол, радости ведомы вам?
Ведь небо с отравою шлет и бальзам...
«О стран покоритель! — он слышит в ответ,—
До воинской славы, знай, дела нам нет.
Не грезим мы также о шумных пирах,

О пышной одежде, о мягких коврах.
Красой одеяний кичиться не след —
Ведь каждый нагим появился на свет,
Таким же нагим возвратится во прах.
Боязнь подобает нам, трепет и страх.
Земля — наше ложе, покров — небосвод,
И каждый свой час с упованием ждет.
Царь ищет побед, но усилий его
Не стоят сокровища мира сего.
Срок минет, покинет он бренный дворец,
Оставит богатства, оставит венец.
С собой лишь благие деянья возьмет,
Главу и престол его прах занесет».
Царь спрашивал: «Явное больше числом
В сем мире — иль тайного более в нем?
Кого, мне поведайте, больше — живых *
Иль мертвых, забывших о нуждах земных?»
Брахманы ответствуют: «О властелин!
На сто тысяч мертвых едва ли один
Придется живой, да и этот умрет,
Рожденью другого наступит черед.
Кто ведает, смертному что суждено,
Блажен, кому ада избегнуть дано!»
Спросил: «Больше суши иль больше воды,
В которую солнце глядит с высоты?»
И слышит владыка: «Ответу внемли:
Мы воду считаем опорой земли».
Спросил: «От неведенья кто пробужден?
Кто может быть грешником в мире сочтен —
Таким, что живет, заблудившись во мгле,
Не зная, зачем он живет на земле?»
Сказали в ответ: «О благой властелин,
Достигнуть стремящийся правды глубин!
Избавлен от мрака неведенья тот,
Кто, малым довольствуясь, в мире живет.
Всех более грешен, кто злобой палим
И алчностью лютой всегда одержим.
Уверишься в правде сужденья сего,
Коль взор обратишь на себя самого.
Повсюду тебя, победителя, чтят,
Вертящийся свод, ты сказал бы, твой брат,
А все умножаешь богатства свои,
Уже подбираешься к мозгу земли.
Сам к пламени ада влечешься душой!
Быть может, обычай изменится твой».
Спросил венценосный: «Смущает нас кто?
С благого пути совращает нас кто?»

И слышит: «Смущает нас алчность, она —
Грех пестует, ею вражда рождена».
«Откройте природу ее,— говорит,—
На горе над нами извечно царит!»
Брахман отвечает: «Корысть и нужда —
Вот дивы, что нас осаждают всегда.
Уснуть одному от излишеств невмочь,
Другого заботы терзают всю ночь,—
Обоих настигнет карающий рок.
Тот счастлив, кто мудростью душу сберег».
Царь внемлет словам наставленья того,
Желтей шенбелида ланиты его *.
В слезах, удрученный, главою поник,
Морщины изрезали царственный лик.
Брахманов спросил венценосный потом:
«Свои мне поведайте нужды. Добром,
Казною своей оделю, не скупясь,
Мне в тягость не будут заботы о вас».
«От смерти, от старости, о властелин,
Избавь нас!» — отшельник промолвил один.
Ответ венценосец брахману дает:
«Мольба не поможет, коль смерть подойдет.
Хотя б из железа ты был сотворен —
Тебя не упустит когтистый дракон.
И молодость, как бы ее ни берег,
Пред старостью сникнет в назначенный срок».
«О знающий истину,— молвил брахман,—
Могучий владыка народов и стран!
Коль знаешь — от смерти спасения нет
И старости равных не ведаешь бед,—
Зачем же мирской тебе славы искать,
К цветам, источающим яд, приникать?
Горишь неуемною жаждою благ,—
Угаснешь, и все унаследует враг.
Врагу приносящие пользу труды —
Неведенья, глупости это плоды.
Не смерти ли вестник твоя седина?
Иль жизнь тебе, мыслишь, навеки дана?»
Ответил на это владыка: «Когда б
От воли Творца уклонился бы раб
Хотя бы единый — сумел бы и я
Избегнуть того, что судил Судия.
Какой бы отвагой герой ни блистал,
Противиться року напрасно бы стал.
К тому же, сраженные в битвах со мной,
Чей путь был оборван судьбою самой,
Не зря головой поплатились! Злодей

Не минет заслуженной доли своей.
Возмездье послал недостойным Изед
За то, что Добра преступили завет.
От воли Йездана никто не ушел,
Никто отговорки себе не нашел...»
Не приняли мудрые царских даров,
И вот уж владыка в дорогу готов.
Ушел, никому не нанесши обид,
Все дальше к Востоку с бойцами спешит.

[*Поход Искендера на Восток*]

Без устали мчатся. И вот пред собой
Увидели город близ шири морской.
В том граде мужи наподобье жены —
В чадре, разукрашены, умащены.
Язык — не тазийский и не хосреви,
Не чинский, не тюркский и не пехлеви.
Питаются рыбой морскою одной,
К ним не было доступа пище иной.
На них Искендер в изумленье глядит,
«О правый Йездан!» — по-румийски твердит.
Внезапно гора показалась из вод,—
Как солнце златое блистая, встает.
На быстром челне собирается в путь
Владыка — на гору поближе взглянуть,
Но слышит философа мудрый совет:
«Тебе океану вверяться не след.
Пусть к этой горе устремляется тот,
Кому разумения недостает».
Румийцы, воители Парса, на челн
Восходят — их тридцать помчалось средь волн.
Знать гибели их наступила пора —
То желтая рыба была, не гора.
Злосчастных она поглотила тотчас
И вглубь погрузилась, исчезла из глаз.
И царь и бойцы недвижимо стоят,
Йезданово имя в смятенье твердят.
«Да славится мудрость! — философ изрек,—
Она торжества и величья залог.
Когда угодил бы чудовищу в пасть,
Ты войско б отчаянью отдал во власть».
Все далее движется с войском своим,
Вот новые воды открылись пред ним.
Тростник исполинский разросся кругом,
Чинар лишь сравнился бы с тем тростником.
На взгляд — десять рашей его толщина *
И сорок, не меньше, его вышина.

Дома тростниковые всюду одни,
На сваях стоят тростниковых они.
Но долго в тех зарослях тягостно быть
И воду к тому же соленую пить.
Покинули воины край тростника,
И вот перед ними большая река.
Вода — словно медь, и, сердца веселя,
Что мускусом, благоухает земля.
Насытясь, уснули. Порою ночной
Вдруг выползли змеи на берег речной.
А из лесу, схожи окраской с огнем,
Бегут скорпионы. Окованным сном
Спасения нету. Немало мужей
Погибло, отважных и мудрых вождей.
Тут сотнями вепри напали. Клыки,
Подобно алмазам, остры и крепки.
Да тигры нагрянули, каждый с быка,
Ничья бы не сладила с ними рука!
Поспешно бойцы от реки отошли,
Тот лес тростника за собою зажгли.
Зверей истребили такое число,
Что войско с трудом продвигаться могло.

[*Поход Искендера в землю хебешей*]

Владыка, что солнцу подобен лицом,
На землю хебешей вступает потом *.
Что вранье крыло, эти люди на взгляд,
Глаза, словно яркий светильник, горят.
Дивятся бойцы — чернокожих, нагих,
Могучих — не видели прежде таких.
Пыль войска завидев еще издали,
Крик яростный до облаков вознесли.
Сбежались их тысячи, злобой горя,
Весь мир потемнел пред очами царя.
Нагрянули разом на царских бойцов,
Немало повергли они храбрецов.
Копье заменяла им острая кость,
Врага она мигом пронзала насквозь.
Тут войску приказ Искендер отдает
Пустить боевое оружие в ход.
И тигроподобные ринулись в бой,
Не выдержал натиска воин нагой.
Нет счета погибшим на полей войны,
И вспять уцелевшие обращены.
Степь залита кровью: сказал бы, она
В Чин-море безбрежное обращена.
Под грудами мертвых распластанных тел

Земли ты и пяди бы не углядел.
Велит предводитель сушняк собирать
И павших в сраженье сожженью предать.
А ночью вдруг волчий послышался вой,
И вновь предводитель в броне боевой.
Нагрянула стая, вожак — будто слон;
Рогами огромными вооружен,
Воителей многих он смерти обрек,
Никто обратить его в бегство не смог.
Но рухнул под тучею стрел, наконец,
Громаде железной подобный боец.
Вновь двинулось войско по воле вождя,
Летит он, создателя имя твердя.

[*Прибытие Искендера в край змееногих*]

В страну мягконогих дружина пришла,
И видят — народу там нету числа.
Бойцы без мечей, без коней, без брони;
Могучие, ростом как тополь они.
Их крик оглушительный грому под стать,
Сказал бы, то дивов свирепая рать.
Камней беспощадный посыпался град,
Так осенью бури деревья крушат.
Мечами их встретили, тучами стрел,
День ясный, сказал бы, в тот миг почернел.
Разгромлена рать змееногих. Вперед
Бойцов отдохнувших владыка ведет.
Вот града достигла могучая рать,
Ни края ему, ни конца не видать.
К царю горожане толпою пришли,
Без страха, с открытой душою пришли.
И снедь принесли, и немало даров,
Богатых одежд и узорных ковров.
Владыка приветствовал их, обласкал
И каждому, чем подобало, воздал.
Разбили шатер для царя своего,
Раскинули витязи стан вкруг него.
Глядит — над равниною вознесена
Гора — словно врезалась в небо она.
Не много на ней было видно людей,
Под ночь ни души не осталось на ней.
Расспрашивать стал Искендер о пути,
Где мог бы он войско свое провести.
И жители, шаху хваленья воздав,
Ответили так: «Повелитель держав!
Дорога отыщется наверняка,
Да вряд ли разыщете проводника.

Живет за горою свирепый дракон,
Им был бы и сам носорог устрашен.
Отступит и воинский строй перед ним,
К луне воздымается гибельный дым,
Огонь извергает свирепая пасть,
А космы — что сети, в такие попасть
Недолго слону. С ним схватиться у нас
Нет сил, пять быков он съедает зараз;
Скупаем, чудовищу их отдаем,
К спасенью другого пути не найдем.
Не то через гору он перевалит
И нас до единого всех истребит».
Дирхемы дает Искендер из казны,
И тотчас животные приведены.
Уловку измыслил, народ пожалев;
Убить их и шкуру содрать повелев,
Отравой и нефтью наполнить велит
И тут же навстречу дракону спешит.
Он цепью расставил своих смельчаков —
Так подняли на гору этих быков.
И вот пред владыкой огромный дракон,
Что черная туча раскинулся он.
Глаза налиты были кровью, синел
Язык его, пламень из пасти летел.
Вот первую жертву спустили ему
И сердце, скажи, ублажили ему.
Как тушу низринули руки мужей,
Дракон поглотил ее вихря быстрей.
Наполнился по уши, видно, тотчас
Отрава по жилам его растеклась.
Отравой утроба его прожжена,
И вот уж до мозга добралась она.
Смертельная мука дракона крушит,
То стихнет, то бьется главой о гранит.
Тут стрелы метать удальцы принялись,
И хищной громадины дни пресеклись.
Повергнув дракона, владыка царей
Все дальше с дружиною мчится своей.
Другая гора предстает на пути,
Тут есть от чего в изумленье прийти:
Едва различима вершина ее,
Сказал бы ты: в небе — меча острие.
На этой вершине безмолвной, пустой
Блистал ослепительно трон золотой.
На троне безжизненный старец лежал,
Он царственным обликом взор поражал.
Сверкает покров златоткапой парчи,

Алмазы венца изливают лучи.
Все было здесь — золото и серебро,
Но тщетно на то покушались добро.
Ведь каждый, дерзнувший на гору взойти,
Что-либо из этих богатств унести,
Нежданною дрожью охваченный вдруг,
С душой расставался средь тягостных мук.
И вот Искендер на вершине стоит,
На лик мертвеца в изумленье глядит.
Вдруг голос раздался: «Владыка земли!
Дни жизни твоей к завершенью пришли.
Ты многих властителей трона лишил,
Вознесся главой до небесных светил.
Немало врагов погубил и друзей,
Черед приближается смерти твоей».
Спустился с вершины, тоскою пронзен,
Тем гласом, как будто огнем опален.

[*Искендер видит диковины в царстве Харум*]

Вот знатных румийцев с собою берет *
Владыка, к пределам Харума идет.
А царством тем жены владели одни,
И пришлым заказан был вход искони.
Грудь справа — нагая у них, бросишь взгляд
И скажешь — на белом атласе гранат.
А слева закрыта кольчугой такой,
В которой мужи отправляются в бой.
Когда же Харума достиг рубежей
Владыка с дружиной румийских мужей,
Составил, ведом справедливостью, там
Посланье под стать благородным вождям.
Унваном владычиц Харума почтил,
Властитель Ирана и Рума почтил.
И дальше писал: «Восхваляю Творца,
Что милость и правду вселяет в сердца.
Кто злобной строптивостью не одержим,
Кто к мудрости сердцем влечется своим,
Поверит вестям о победах моих,
О том, до высот я поднялся каких.
Ведь каждый, кто вздумал противиться мне,
В добычу могильной достался земле.
А ныне страны не хочу ни одной
Оставить, доселе не виденной мной.
Не стану на вашей земле воевать,
Ищу только мира, хочу пировать.
Коль знаньем кто-либо из вас наделен,

Обучен читать и в письме искушен —
Вам это посланье благое прочтет,
И каждая, в ком справедливость живет,
Навстречу ко мне устремится тотчас.
Ущерба никто не потерпит из вас».
Примчался философ, чья родина Рум,
С письмом Искендеровым в царство Харум.
Об этом услышав, харумская рать
Посланца румийского вышла встречать.
Приблизясь, посол изумленьем сражен —
Дружина пред ним из одних только жен!
Вручает посланье владыки владык,
И жены сбирают совет в тот же миг.
Искусною чтицей письмо прочтено,
Намеренья шаха раскрыло оно.
Готов на посланье достойный ответ:
«Будь счастлив, о царь, до скончания лет!
Мы приняли, как подобает, гонца,
Посланье с начала прочли до конца.
Ты пишешь в посланье своем о царях,
Которых осилил ты в прежних боях.
Но здесь пред тобою несметная рать,
Земли под копытами не увидать.
Немало здесь улиц широких, больших,
И счета нет женам на каждой из них.
В доспехах всегда мы встречаем рассвет —
Готовы к лишеньям во имя побед!
И мужней жены не ищи ты у нас,
Мы — девы, и лица сокрыты у нас.
Наш край опоясан простором речным,
Путем до него не добраться иным.
Коль дева захочет замужества — впредь
Из нас никому ее не лицезреть.
Пусть вёдро, пусть ветер и снег будет сечь —
Но реку приходится ей пересечь.
Коль дочь народится и будет она
Одними уборами жен пленена,
То дева свой век за рекой проживет
И небо чужое своим назовет;
Но ежели явит отвагу и ум,
То с радостью примет девицу Харум.
А сына родит злополучная мать —
То нашего края ему не видать.
Здесь тысячи дев на речном берегу
В глубь царства закрыли дорогу врагу.
Мы каждой, низвергшей в бою храбреца,
Подобного льву — верхового бойца,

Венчаем чело, воздвигаем ей трон,
Что в славе своей к Близнецам вознесен.
Уж здесь тридцать тысяч, не меньше, девиц,
Чей подвиг отмечен убором цариц.
Бесстрашно они повергали во прах
Могучих мужей, закаленных в боях.
О, воин великий, в бесславной борьбе
Зачем умалять свою славу тебе!
Ведь скажут: сражался, мол, с женами он,
Мол, в бегство девицами был обращен.
На долю тогда тебе выпадет стыд,
Который не будет людьми позабыт.
Коль мыслишь с бойцами, чья родина Рум,
Прийти обозреть благодатный Харум,
Храня человечности, правды завет,—
Повсюду радушие встретишь в ответ.
Но если иное ты в сердце таишь,
Пред нашей дружиною не устоишь.
Так много нас будет, о доблестный шах,
Что солнце померкнет с луной в небесах».
Готово послание, вот и жена
С ним красноречивая отряжена;
Одета по-царски, в венце золотом,
С ней десять прекрасных наездниц притом.
К шатру Искендерову следует, ей
Царь выслал навстречу знатнейших мужей.
Дала Искендеру посланье прочесть,
Искусною речью дополнила весть.
Когда венценосный письмо прочитал,
Он путь человечности, мудрый, избрал.
Такие слова произносит в ответ:
«Да правит людьми только разума свет!
Нет в мире властителя ни одного
И нет среди славных вождей никого —
Пусть жребий их самый высокий, благой,—
Кто б верным моим не назвался слугой.
В глазах Искендера давно уж равны
Прах черный с кафуром, пир — с громом войны.
Не с женами биться пришел я сюда,
Слонов своих грозных привел я сюда
И всадников столько — просторы земли,
Скажи, под копытами изнемогли.
Отрадно мне будет ваш град осмотреть,
Вас также во стане своем лицезреть,
А там уведу свою славную рать,
Здесь долгое время не мыслю стоять.
На ваше величие, стать, красоту

Взгляну, верховую увижу езду,
Увижу, каков среди прочих держав
Правленья обычай у вас и устав.
Загадку, быть может, постигну я тут,
Как жены одни, без супругов живут,
Как смерти урон им дано восполнять —
Хочу до конца я все это понять».
Вернулась посланница в город, и вот
Слова Искендеровы передает.
И вновь именитые держат совет,
Исполненный правды составлен ответ:
«Из нас изберем мы две тысячи жен,
Чья речь благозвучна, чей ум просвещен,
И с каждою сотней — по десять венцов
Бесценных отправим из наших ларцов.
Всего же их двести, как солнце горя,
Слепят они очи, достойны царя.
Поднимется холм из венцов дорогих,
Три раттля, не менее, в каждом из них *.
Как только приблизишься с войском своим,
Мы тотчас навстречу тебе поспешим.
До нас уж дошла благодатная весть
Про царскую мудрость, величие, честь».
Посол воротился, ответ передал,
В котором отточенный разум блистал.
И, женской державе невольно дивясь,
Царь с войском стоянку покинул тотчас.
Лишь два перехода успели пройти,
Их снежная буря застигла в пути.
И много в сугробах, подобных горам,
Достойных и праведных сгинуло там.
И все же один и другой переход
Осилив, сквозь вьюгу пробились вперед.
И вскоре он города с войском достиг,
Дым черный на них повалил в тот же миг:
Как будто сквозь пламя дружина идет —
Так плечи кольчуга воителю жжет,
И пышет огонь из-под конских подков.
Но вот уже в городе строй смельчаков.
Там люди, что ночь, наводящие страх:
Отвислые губы черны, на губах
Черна даже пена, а глаз краснота
Что кровь. Вылетает огонь изо рта!
Страшилища эти навстречу идут,
Слонов, нагруженных дарами, ведут.
Сказали: «Стремясь нанести вам изъян,
Наслали мы стужу и снежный буран.

Никто еще этой дорогой не шел,
Ты первым отважно дружину провел».
Душой ободрившись, с дружиною он
Вперед устремляется к городу жен.
Две тысячи — царский на каждой убор,
Дев славных речной переплыли простор.
В густую, тенистую рощу вошли,
Где бьет животворный родник из земли.
Та роща, сказал бы, счастливых приют.
Ковры разостлали и яства несут.
Царь входит в Харум, и цветущий свой град
Покинувши, девы навстречу спешат.
Подносят ему дорогие дары —
Венцы, благовонья, одежды, ковры.
Царь, гостьям явив подобавший почет,
В богатый шатер пировать их ведет.
С зарей переправился, в город вступил,
Красотами города взор усладил,
Дивился, расспрашивать не уставал,
Доколе все тайны страны не узнал.

[*Поход Искендера на Запад*]

Свое утолил любопытство и вот
Оттуда на Запад дружину ведет.
Обширный пред ними раскинулся град,
Встречают их жители — странны на взгляд,
Все желты лицом, волос красен у них,
Могучи, пригодны для дел боевых.
Себя, как безумные, по голове
Колотят — покорны народов главе.
Сказал именитым мужам шахиншах:
«О здешних поведайте мне чудесах».
В ответ ему некто преклонных годов:
«Владыка счастливый, гроза городов!
За градом есть озеро, доступа нам
Нет вовсе к таинственным этим волнам.
Лишь солнце над озером встанет, оно
В тот миг словно бездною поглощено.
Земля, что за черной пучиною той,
Сокрыта от взоров глубокою тьмой.
И про заозерные эти края
Немало преданий наслушался я.
Жил праведник некий, он тайну постиг
И сказывал так: благодатный родник
Там бьет из горы — не простой ключевой
Поит он — волшебной водою живой.
Испившему дарит бессмертье Творец —

Так сказывал красноречивый мудрец.
Начало источника в горнем раю,
Омывшийся душу очистит свою».
Спросил Искендер: «К той обители тьмы,
Скажи, на конях доберемся ли мы?»
И слышит от благочестивого шах:
«Доскачете на молодых скакунах».
Велит Искендер для дружины своей
Доставить узды не знававших коней,
И четырехлеток из всех табунов
Избрал, десять тысяч лихих скакунов.

[*Искендер ищет живую воду*]

Мужей родовитых и мудрых зовет
И, радостный, войско уводит в поход.
Достигла богатого города рать,
Ни края ему, ни конца не видать,
Нет счета дворцам и садам. На привал
Владыка близ града с дружиною встал.
С зарею из стана уходит один,
И озера вскоре достиг властелин.
Дождался, покуда лик солнца златой
Исчез, поглощен этих вод чернотой.
Он понял, Творец это чудо свершил —
От мира живое светило сокрыл.
К бойцам Искендер возвратился своим,
В ночи, неотступною думой томим,
К Создателю взоры с мольбой обратил,
Все мысли ко влаге другой обратил.
Ту воду живой называя, дехкан
Дивился, сколь милостив правый Йездан!
Наутро избрал среди ратных вождей
Выносливых, неустрашимых мужей,
Еды дней на сорок в дорогу припас,
На поиски чуда собрался тотчас,
А войско на месте оставил пока,
Сыскал и надежного проводника,
Властителя края — Хызр имя ему;
Доверясь и знаньям его, и уму,
Сказал: «Ты, кого прославляют мужи!
Усердие к делу сему приложи.
Коль воду живую поможешь добыть,
Творца не устану я превозносить:
Не ведает смерти, кто душу хранит,
В Йездане оплот благодетельный чтит.
Два перстня со мною. Как солнце блистать
Вблизи от воды начинают. Сыскать

Помогут источник чудесной воды,
Возьми же один, огради от беды
Себя, а другой будет светочем мне,
Когда поведу я дружину во тьме,
Увидим, какие же там, наконец,
Нам тайны откроет вселенной Творец.
Вперед! Не Творцом ли самим я ведом?
Его изволением воду найдем».
Воители с кличем: — Аллах наш велик! —
Искать отправляются дивный родник.
Вот Хызр переход начинает второй.
Хоть снеди немало везут за собой,
Постятся, в рот пищи никто не берет,
Два дня и две ночи несутся вперед.
На третий, во тьме, на развилке путей
Царь с Хызровых вдруг пропадает очей.
Пророку открылась живая вода,
И жизнь до Кейвана вознес он тогда.
Все тело омыл в благодатной воде,
К защите Творца прибегавший везде.
Он пищу вкусил и назад поспешил,
Хваленья и благодаренья твердил.

[*Беседа Искендера с птицами*]

Вот тьма расступилась, гора пред царем,
Сказал бы, купается в блеске своем.
До туч возвышаясь, на круче вставал
Чредою столбов драгоценных сандал.
И каждый гнездо в поднебесье вознес,
И птица зеленая в каждом из гнезд.
Царя-победителя, славу земли,
Окликнули птицы и речь повели
Румийскую. Дивом таким привлечен,
К пернатым поспешно направился он
И слышит: «О ищущий в смутах покой,
Что ждешь ты от суетной жизни мирской!
Пускай до небес вознесешься главой,
От них же ты примешь конец роковой.
Ответствуй, пришедший сюда,— избирал
Жену, златостенным дворцом обладал?»
«Владею,— ответил,— и тем и другим,
Достойной женой и чертогом таким».
Поближе спустилась. На диво глядит
Владыка, Создателя имя твердит.
Спросила: «В сем мире внимал ты певцам
И говору струн, и хмельным голосам?»
Сказал Искендер: «Кто в чертоге земном

Лишен своей доли в веселье людском,
Счастливым назвать не помыслят того,
И были б напрасны старанья его».
Тогда со столба благовонного вниз
Спустилась, такие слова раздались:
«Скажи мне, что в мире превыше числом:
Свет мудрости с правдой иль кривда со злом?»
«Есть в каждом народе,— таков был ответ,—
Мужи, возлюбившие мудрости свет».
Зеленая птица, повыше вспорхнув,
Тут когти свои стала чистить о клюв,
Спросила: «В горах ли отчизны твоей
Убежище чтущих Йездана мужей?»
Ответил: «Расставшись с мирскою тщетой,
В горах продолжает служенье святой».
Зеленая птица в гнездо поднялась
И клюв свой о когти точить принялась.
Познаньями высшими наделена,
Победно и гордо взирает она.
Потом повелела, чтоб пеший, один
На эту вершину взошел властелин:
Такое виденье взошедшего ждет,
Что радость оставит он, слезы прольет.

[*Искендер видит Исрафила*]

Владыка, лишь смолкло звучание слов,
На гору восходит один, без бойцов,
И там Исрафила узрел пред собой
Стоящего с грозной своею трубой.
Он ждет, воздыхая и слезы лия,—
Вот-вот затрубить повелит судия!
Как только взошедшего лик увидал,
Он голосом громоподобным вскричал:
«О пленник стяжанья, желанья забудь,
Внять вышнему зову готовым пребудь:
Усердствовать, груды сбирая добра,
Довольно! В дорогу сбираться пора».
На это владыка ему отвечал:
«Должно быть мне рок этот путь начертал —
Движенье, вперед лишь стремленье одно,
Иное ни втайне, ни въявь не дано».
Стеная, с вершины спускается шах,
Моленья Подателю благ на устах.
Той темной дорогою дальше идет,
Бойцов на развед высылая вперед.
Средь мрака ведет он своих удальцов.
Вдруг с черной вершины услышали зов:

«С дороги поднявший каменья без слез
Не сможет разглядывать то, что унес.
Не взявший в раскаянье станет тужить,
И муки сердечной ему не избыть».
Дивятся бойцы наставленьям таким,
Задумались, каждый сомненьем томим:
Мол, взять ли каменья? Не лучше ль не взять,
Беды ненаставшей шаги не считать...
Одни говорят: «Не связаться б с грехом!
Возьмешь, а потом пожалеешь о том».
«Потрудимся,— слышатся речи других,—
Быть может, невзгод не потерпим от них».
Взял камень один, воздержался другой,
А третий хоть взял, да несмелой рукой.
Из тьмы, где таился чудесный родник,
В степь выбрался с войском владыка владык.
Блеснул тут воителям истины свет,
Явив заблужденья, сомнения вред.
За пазухой жемчуг находит один,
Другой извлекает прекрасный рубин.
Тоскует, кто мало набрать порешил,—
Себя изумрудов редчайших лишил!
Но свет у того пред глазами померк,
Кто камни бесценные вовсе отверг...
Пробыв две недели, покинул привал
И далее с войском своим поскакал.

[*Искендер возводит заслон
против Яджуджей и Маджуджей*]

Весь запад пройдя, он к востоку пошел,
Походы всему на земле предпочел.
Град видит он светлый. Сказать бы ты мог —
Пылинки туда не занес ветерок.
Заслышав кимвал, за две мили пришли *
Знатнейшие встретить владыку земли.
Приветствием их венценосный почтил,
Сказал бы, главою вознес до светил.
Спросил он: «Здесь нет ли диковин таких,
Каких не бывало и в мыслях людских?»
Они к властелину воззвали с мольбой,
Так сетовать стали на жребий свой злой:
«О царь-победитель, узнай, суждено
Жестокое нам испытанье одно.
Ты видишь вершину, что встала до туч?
Оттуда грозят нам Яджудж и Маджудж;
Так много чинят нам страданий и зла,
Что стала нам жизнь из-за них немила.

Как только нахлынут в наш мирный предел,
Великие беды несут нам в удел.
Кровавы глаза, черный страшен язык,
И черпая морда верблюжья, не лик,
Не зубы у мерзких, а вепря клыки.
Какие пошли бы на них смельчаки!
Шерсть — цвета индиго, густа и длинна,
Любой со слона и с ушами слона.
Одно перед сном подстилают они,
Другое в покров обращают они.
Рождается сразу по тысяче их,
Не счесть никому ненасытных и злых.
Числом их сравнишь с табунами коней,
Онагров степных они в беге быстрей.
Как ветры степные начнут колыхать
Зеленое море, грома — громыхать
Так гулко, что скажешь ты, львы собрались
И грозным рычаньем наполнили высь,
И грохот пойдет отдаваться в горах,—
Вторгаются к нам наводящие страх.
По нашим полям жадно рыщут они *
И свежие поросли ищут они.
Так только и кормятся из года в год —
Знать, впрок им весенняя зелень идет.
Зимой с каждым часом их сила слабей
И вопли походят на стон голубей.
Насытятся зеленью ранней весны —
И волчьим подобные рыки слышны.
О славный властитель, коль средство найдешь
И бедствие это от нас отведешь —
Тебя возвеличит людская молва
И будет в веках твоя слава жива.
Спаси нас, являя величье души,
Йездану угодное дело сверши!»
Рассказом таким удивлен Искендер,
Задумался, ищет спасительных мер.
Ответил: «В казне вам не будет нужды,
Пусть город приложит усердье, труды.
Отыщется средство ваш край защитить,
Творец ниспошлет путеводную нить».
«О славный,— мужи восклицают в ответ,—
Да будешь избавлен от всяческих бед!
Все тотчас исполним, что должным сочтешь,
Рабов благородных ты в нас обретешь.
Доставим все нужное, дай лишь приказ,
Нет дела важнее сегодня для нас».
На гору взглянуть повелитель пришел,

Владеющих знаньем с собою привел.
Доставить велит венценосный мудрец
Тяжелые молоты, медь и свинец,
И гяджа, и леса, и камня — всего *,
Что нужно для замыслов смелых его.
И вот в изобилии все припасли,
И помыслы в должную ясность пришли.
Клич брошен повсюду, и с разных сторон
Все те, кто в работах таких искушен,—
Кузнец, камнетес, что сноровкой богат,—
На помощь деянью благому спешат.
Собравшись, умельцы за дело взялись,
И вскоре две мощных стены поднялись.
Сравнялись с горою они вышиной
И в добрых сто рашей они толщиной.
Слой в локоть железа, слой угля над ним,
Заложена медь меж одним и другим,
И сера слоями под каждым лежит,—
Ум царский нередко находкой дивит!
Вот так слой за слоем росли две стены;
И вскоре горе они стали равны...
Нефть с маслом смешать поспешили затем
И стены той смесью облили затем.
И нового угля меж тем подвезли,
На стены насыпали и подожгли.
Немедля владыка зовет кузнецов,
Огонь раздувают в сто тысяч мехов;
Их шум устрашающий слышен в горах
И пламенем звезды повергнуты в страх.
Немалое время работают в лад,
И стены все жарче и жарче горят.
За медью железа расплавился слой,
Смешались и сплавились между собой.
От страшных Яджуджей—Маджуджей страна
Отныне на веки веков спасена.
Весь край Искендеровой славной стеной
Был так огражден от напасти лихой.
Царь слышит: «Да будет тобой озарен,
О славный, весь мир до скончанья времен!»
Несли ему всё чем богаты. Щедры
Царю поднесенные были дары.
Даров он не принял,— дивится народ.
Владыка отправился в новый поход.

[*Искендер видит мертвеца в агатовом доме*]

Уж месяц в нелегком пути провели,
И царь, и воители изнемогли.
Встает перед ними гора: ни людей,
Ни зверя, ни птицы не видно на ней.
Темнее лажверда вершина видна *,
Чертог из агата возносит она.
В чертоге источник соленой воды;
Под сводом — кандилей хрустальных ряды *,
А вместо светильника алый рубин
Сверкает над тьмою бездонных глубин
И водною гладью стократ отражен.
Сказал бы ты, солнцем чертог озарен,
Два трона стоят у воды золотых,
Покоится некто злосчастный на них.
Весь вид человеческий тела того,
Но вепря была голова у него.
На благоуханном кафуре лежит
И золототканой парчою покрыт.
Замысливший дерзко ограбить чертог,
Посмевший хотя бы ступить на порог,
Внезапно повергнутый в трепет и страх,
Дрожал и живьем рассыпался во прах.
Из темных глубин раздается призыв:
«Не время ли, алчности пыл укротив,
Своим положить притязаньям предел!
Что видел ты в мире — никто не узрел.
Срок жизни твоей к рубежу подошел,
С владыкою царский расстался престол».
Царь дрогнул, услышав пророческий глас,
И прочь от горы устремился тотчас.
Все дальше и дальше мужей уводил,
Рыдая, Создателя имя твердил.
В пустыню тоска увлекала его,
Тревогою смертной терзала его.
И долго, безмерною мукой гоним,
Он мчался, как ветер, дружина за ним.

[*Искендер видит говорящее дерево*]

Владыка, пустыней скача напрямик,
Страны обитаемой вскоре достиг,
Где, вешним цветением радуя взор,
Сады уходили в бескрайний простор.
Встречают его, дружелюбья полны,
Знатнейшие люди цветущей страны.
Царь много услышал приветных речей

И принял немало даров казначей.
Венчанному каждый хвалу воздает:
«Мы славим, владыка, твой светлый приход.
Доселе никто здесь не видел дружин,
Неведом доселе нам был властелин.
Тебе, повелитель, сердца отдаем.
Да здравствуешь, разумом светлым ведом!»
И рад Искендер пребывать меж людей,
Забыть о безмолвии диких степей.
«Найдутся ли,— речь обращает к мужам,—
Диковины здесь в поучение нам?»
Мужей предводитель ответил: «О ты,
Чье смелое сердце — пример чистоты!
Есть чудо одно — обойди целый свет,
Нигде, без сомненья, подобного нет.
Растут говорящих два древа четой,
Струят благовонье, дивят красотой,
Один у них корень, листва их пышна.
Муж — древо одно, а другое — жена.
В ночи раздается глас вещий жены,
Днем мужа высокие речи слышны».
С мужами ко древу спешит сипехбед *,
Румийцев дружина владыке вослед.
«Когда ж,— Искендер вопрошает мужей,—
Услышим звучание вещих речей?»
И слышит ответ прелагателя он:
«Дня нового девять мипует времен,
И первого дерева глас прозвучит,
До слуха властителя он долетит».
Спросил: «После дивного древа в пути
Удастся ли новое чудо найти?»
«За древом волшебным,— раздался ответ,—
Дороги для смертного далее нет.
На месте оно возросло не простом:
Край света — так назван тот край мудрецом».
Великий с румийцами мчится вперед,
И вот уже древо очам предстает.
Земля раскаленная зноем, на ней
Разбросаны кости и шкуры зверей.
«Что значит сие? — Искендер вопросил,—
Кто, хищный, зверей этих всех истребил?»
И слышит: «Стекается к древу сему
Народ — поклоняется древу сему.
Чтоб пищу иметь в дни молитвы своей,
Охотятся здесь, поедают зверей».
Вот солнце в небесную высь поднялось,
И грозное слово в листве раздалось.

Сказал бы ты, ужаса было полно,
Венчанному зло предвещало оно.
Воззвал к терджоману повергнутый в страх:
«О праведный, мудрый! — так вымолвил шах,—
Листвы говорящей слова изъясни,
Ведь сердце мое раздирают они».
«О славный,— в ответ прозвучали слова,—
На дереве так возвестила листва:
Зачем Искендер вечно рвется вперед,
Один за другим затевает поход?
Процарствовав только четырнадцать лет,
И славный престол покидает, и свет».
Пророчеством тем Искендер удручен,
Вздыхает, льет слезы кровавые он.
Ни слова до полночи не проронил,
Безмолвие в скорбном раздумье хранил.
Вот начало древо второе вещать,
И царь знатока призывает опять;
«Что древо сие говорит?» — вопросил,—
И знаньем владеющий тайну открыл.
Ответил он: «Древо сие говорит:
Ты, алчный, ничем в этом мире не сыт.
Стяжания пыл умножаешь зачем,
Безжалостно душу терзаешь зачем!
Ты рвешься весь мир обойти, нанося
Обиды народам, венчанных кося.
Недолгая жизнь остается тебе,
Себя не предай злополучной судьбе!»
Воззвал к терджоману опять Искендер:
«О праведный муж, благочестья пример!
У древа спроси, где я буду, когда
Постигнет меня роковая беда?
В живых ли застанет, увидит ли мать
Лишь смерти на лике сыновнем печать?»
И слышит он: «В путь собирайся, истек
Земной для тебя предначертанный срок.
Знай, в Руме тебя не увидеть живым
Родившей тебя и любимым твоим.
Пресытясь престолом твоим и венцом,
Злой рок тебя в граде настигнет чужом».
Когда Искендер эту выслушал речь,
Пронзил его сердце злосчастия меч.
Вернулся венчанный к стоянке своей,
Воссел меж воинственных славных вождей.
Дары приготовил немалые град,
И знатные в стан Искендера спешат.
Невиданый панцирь он в дар получил —

Со шкуру слоновью, блестит, словно Нил.
И рыбьих два зуба, в пять рашей длины,
Поднять их — немалые сутки нужны.
Кольчуги, с парчою сто слитков златых.
Коль счесть на дирхемы, то каждый из них
Был весом шесть раз десять манов. Четой *
Алмазов блистал носорог золотой.
Приняв подношенья, покинул привал,
Не слезы — кровь сердца, скажи, проливал.

[*Поход Искендера к владыке Чина*]

Оттуда с дружиной направился в Чин,
И вот уж устроил привал властелин.
По воле царя, покорившего мир,
Посланье фагфуру составил дебир *.
И грозных, и лестных написано слов
Немало, и вот уже свиток готов.
Послом от себя едет сам Искендер,
С ним муж, прозорливости высшей пример,
Одних с ним желаний и мыслей одних,
Наперсник, податель советов благих.
Еще пять румийских философов взял,
Бойцов под начало вождю передал.
Лишь весть о прибытье царева посла
До слуха властителя Чина дошла,
Для встречи почетной он выслал бойцов,
И вот Искендер во главе мудрецов
Примчался. Он видит отборную рать,
Чертоги величью владыки под стать;
Дехлиз миновав, предстает пред самим;
Невольной тревогой лукавец томим.
Поспешно приблизясь, отвесил поклон,
И долго с фагфуром беседовал он.
И тот Искендера почтил, обласкал,
В достойный чертог проводить приказал.
Как светоч блеснул над простором земли,
Коня с дорогим чепраком привели:
Фагфур, мол, к себе призывает посла.
И долгою речь Искендера была.
Что должно сказавши, посланье вручил,
Ни слова кейсерова не позабыл.
Посланье такой открывает унван:
«Великий владыка народов и стран,
Которого каждый признал властелин,—
Фагфуру, которым возвысился Чин».
Началом царева посланья была
Йездану, Творцу мирозданья хвала.

И дальше: «Хочу, чтоб расцвета пора
Настала для Чина, желаю добра.
Войну затевать ему с нами не след,
Для Фура войной не затмился ли свет?
Сразил я царей многочисленных стран,
Низвергнут Дара, аравиец Ферьян.
Весь мир от восхода к закату пройди —
Мне всюду покорность являют вожди.
И Солнце и Тир, и Нахид сосчитать
Мою не смогли бы несметную рать.
Когда мою волю отвергнуть дерзнешь,
Страданиям землю свою обречешь.
Посланье прочтешь — тут же дань высылай,
Спасайся, несчастья себе не желай.
Коль явишься другом, с открытой душой
Увидеть меня, мой воинственный строй,—
Венец и престол сохранишь, и вреда
Нимало твоя не потерпит звезда.
А коль не под силу прибыть самому
Из края родного к царю своему,—
Диковины Чинские ты обозри,
Достойные, лучшие в дар отбери.
Трон кости слоновой, уборы царей,
Парчу, ожерелья из редких камней —
Все это моим казначеям доставь,
Себя от безжалостной кары избавь.
Вторженья грозу от страны отстрани,
Престол и венец, и казну сохрани».
Посланье фагфур, негодуя, прочел,
Но вспыхнувший гнев усмирить предпочел.
Ответил, улыбкой раздвинув уста:
«Царю твоему только небо чета.
Его опиши мне — осанку и вид,
Как доблестный шествует, как говорит».
«О Чина владыка! — он слышит в ответ,—
Нигде Искендеру подобного нет.
Поведать о славном бессильны слова —
Так мудр и отвага его такова.
Как тополь он статен, могуч, будто слон,
А щедростью с Нилом сравняется он.
Что меч его слово, а сладостью речь
Могла бы орла с поднебесья привлечь».
Он выслушал речи посланца сего,
И помыслы переменились его.
Принесть и вино и еду повелел,
Айван разукрасить в саду повелел.
Воссели, пируют мужи дотемна,

Уже захмелели они от вина.
Так молвил фагфур: «Да возвысится твой
Владыка до звезд венценосной главой!
С зарею письмо приготовлю царю
И встречей с тобою свой день озарю».
С тороиджем душистым в руке в свой чертог
Вполпьяна ушел Искендер и возлег.
Вот солнце в созвездии Льва восстает,
Тьму ночи, скажи, одолел небосвод.
К престолу властителя Чина пришел,
Забыв о тревогах, венчанный посол.
Фагфур вопрошает: «Как ты почивал?
Твой лик, что вино, после пира пылал».
Послал за писцом искушенным, и тот
С бумагою, мускусом, амброй идет.
Благие слова на бумагу легли,
Сказал бы ты, райские кущи цвели.
Вначале Творцу воздавалась хвала:
«В чьей власти и честь, и благие дела,
Кто веру и знание наше хранит,
Властителя Рума да благословит!
Посланцем, чье сладости слово полно,
Посланье, о мудрый, твое вручено.
Речения царские все я прочел,
Беседу о них со знатнейшими вел,
Писал ты о сыне Дараба Даре,
О Фуре, Ферьяне — арабском царе.
Над всеми победы одерживал я,
Я — пастырь, властители — паства моя...
Не видишь — в том милость владыки светил,
Не войском, не доблестью ты победил.
Коль с жизнью расстаться царю суждено —
В бою ль, на пиру ли — не все ли равно.
Им смерть суждена была в битве с тобой.
Чей срок сокращен иль продлен был судьбой!..
Напрасно возносишься, помни, черед —
Пусть будешь из стали — и твой подойдет.
Где ныне Джемшид, Феридун и Зохак! *
Одним дуновением сдуло во мрак...
И страха я чужд, и стремленья к борьбе,
Не движим тщеславьем, подобно тебе.
Не в нашем обычае кровь проливать,
Противные вере деянья свершать.
К себе на поклон призываешь ты зря,
Всевышнего чту, не земного царя.
А что до сокровищ — сверх меры придут,
Ведь скупостью вряд ли меня попрекнут».

Слова эти слушал кейсер и краснел,
Впились они в сердце, как тысяча стрел.
«Меня,— зарекался, пристыженный,— впредь
В личине чужой никому не узреть!»
С владыкою Чина затем разлучась,
В дорогу он стал собираться тотчас.
Казну, между тем, открывает фагфур,
Немалую щедрость являет фагфур.
Трон кости слоновой, венцов пятьдесят,
В которых огни самоцветов горят;
Верблюды везут — ровно тысяча их —
Серебряных множество и золотых
Изделий; вслед амбру, кафур и алой,
Меха и шелка с золотою каймой
Еще десять сотен верблюдов везли.
Блажен презирающий блага земли!...
Здесь соболь, куница, песец, горностай
И мускус, которым так славится край,—
Всего по две тысячи штук. Казначей
Премудрый следил за погрузкою сей.
Вот седел украшенных сто серебром,
Еще пять десятков в блистанье златом;
Бесценные редкости Чина несут,
На рыжих верблюдах дары повезут.
Царь старца меж знатными Чина избрал,
Что мудростью и красноречьем блистал.
Дары ему велено сопровождать,
Кейсеру привета слова передать,
А также позвать его в Чин погостить,—
Вся знать будет рада владыку почтить.
И вот Искендер вместе с чинским послом
В пути. Кто узнал бы властителя в нем!
Но лишь на него корабельщик взглянул,
Проворно вскочил, парус вмиг натянул.
Дестур и дружина царя своего
Встречают, внимают рассказам его.
Мужи властелину хвалу вознесли,
Склонились главою пред ним до земли.
Узрел повелителя чинский посол
И, пеший, стеная, к нему подошел.
Но слышит он: «Полно, себя не кори,
С фагфуром о виденном не говори».
Вот минула ночь. Пробуждается он,
Восходит владыкой венчанным на трон.
Посла одаряет он щедрой рукой.
«Свет разума да пребывает с тобой! —
Так молвил.— Фагфуру от нас возвести:

Мол, смог ты почет у меня обрести.
Будь в городе стольном, будь в граде другом —
По-прежнему Чин в подчиненье твоем.
Стоянку продлю я — несметную рать
Не должно поспешно в поход поднимать».
Как ветер, посланец весь путь проскакал,
Фагфуру все эти слова передал.

[*Поход Искендера в Синд*]

На отдыхе месяц провел Искендер
И дальше дружину повел Искендер.
Покинул он брег зеленеющих вод
И долгое время пустыней идет.
Идут от стоянки к стоянке другой,
Пред ними Чувфан за высокой стеной.
Из града навстречу пришли мудрецы,
Снискавшие громкую славу бойцы,
Вожди именитые края Чувфан —
С дарами явились к властителю стран.
Расспрашивать стал венценосный тотчас:
«Диковины есть ли какие у вас?»
Ответил старейший: «У нас не сыскать
Достойных, желанью владыки под стать.
Мы знаем лишь труд и нужду, сверх того,
О царь, не увидишь у нас ничего».
Услышав от старца такие слова,
Направился к Хинду дружины глава.
Навстречу — воители Хиндской земли,
Из Синда к тому ж на подмогу пришли,—
Исполнены жажды за Фура отмстить,
Готовы оружие в дело пустить.
Выводят слонов, грянул гонга раскат,
И трубы завыли, и клики летят.
Вел ратников Синда могучий Бендах,
Воитель, врагов повергающий в страх.
И вот уж со строем сшибается строй,
Сраженных тела громоздятся горой.
И синдских не видно рядов боевых.
До ночи с дружиной преследовал их.
Немало оружия, злата, венцов
Добыто и восемь десятков слонов.
С младенцами жены и старцы толпой
Пришли к повелителю с жаркой мольбой.
Взывают: «О царь, пожалей, пощади!
Наш край не сжигай и детей пощади!
Ведь смертен и ты, как любой человек.
Блажен не творивший злодейства вовек!»

Не сжалилось сердце владыки владык,
Суровым остался властителя лик.
Захвачены многие были в полон
Из юных и старых, младенцев и жен.
Он двинулся к Босту, Нимруз миновал,
Повсюду противников, скажешь, смывал.
Оттуда к Йемену отважных мужей
Ведет за собой победитель царей.
Правитель Йемена, об этом узнав,
Готовится встретить владыку держав.
Он в дар отобрал, не жалея казны,
Немало сокровищ богатой страны,
Покровы йеменские на десяти
Верблюдах, динары везут на пяти.
Десяток верблюдов дирхемы везет.
Имеешь дирхемы — не знаешь забот!
С шафраном кадушки — до тысячи их,
Парча и без счета камней дорогих.
Жемчужин там восемь десятков и пять,
Сосуд изумрудный, каких не сыскать,
Другой из лажверда, а в нем шестьдесят
Сияющих яхонтов крупных лежат.
И перстень с бесценным рубином везли.
Блажен презирающий блага земли!...
И вот уж они перед царским шатром,
С нисаром, со всем привезенным добром.
Йемена главу обласкал и почтил
Кейсер, у престола его усадил.
Йеменец хвалу Искендеру воздал,
«Да будет с тобою победа! — сказал.
Порадуй, останься у нас отдохнуть,
Немалый свершил ты с дружиною путь».
Ему Искендер отвечает хвалой:
«Пусть мудрости свет пребывает с тобой!»
С рассветом йеменец увел караван,
Наполнился шумом воинственный стан.

[*Поход Искендера в Бабул*]

Дружину владыка уводит в Бабул,
Весь мир, ты сказал бы, в пыли потонул.
Пустыней поход продолжают они,
Уж месяц жилья не встречают они.
Достигли горы. Высоко вознеслась,
Вершина ее недоступна для глаз.
Сказал бы, Кейвана достигла она
И туча над нею темна и грозна.
Смутились воители — негде пройти,

Отвесные кручи у них на пути.
Но все же гранитный осилили склон,
И многое видевший ошеломлен.
Все силы, сказал бы, иссякли, но тут
С вершины увидели — воды текут
Широкие. Радость бойцов велика —
Пред ними долина, дорога, река.
К широкой реке, торжествуя, спешат,
Создателя славят и благодарят.
Обильную пищу бойцам принесла
Долина — нет зверю и птице числа.
Пред взорами воинов — верь иль не верь —
Является вдруг человек, словно зверь,
Весь шерстью обросший — страшней не сыскать,
Огромные уши, слоновьим под стать.
Схватили диковинное существо,
Спешат показать Искендеру его.
Глядит на него изумленный кейсер,
Создателя имя твердит Искендер.
«Ты кто? — вопросил.— Как зовешься, скажи,
Чем жив и к чему ты влечешься, скажи».
«О царь,— отвечает,— отец мой и мать
Меня Гуш-Бестар пожелали назвать» *.
«Что видел,— спросил,— за просторами вод,
Где утром дневное светило встает?»
Ответил на это: «Печалей не знай
И в славе всегда на земле пребывай!
Там блещет красой небывалою град —
Ты скажешь, таких на земле не творят.
В том граде дворца ни единого нет,
Чтоб костью слоновою не был одет.
На росписях краски лишь солнцу под стать:
Сражается там Афрасьябова рать *
И сам Кей-Хосров, тот воинственный царь,
Разумно и доблестно правивший встарь,
Рукою искусною изображен.
Весь град чистотой неземной озарен.
В том городе кормятся рыбой одной
И пищи вовек не имели иной.
Туда, коль захочешь, земли властелин,
Отправлюсь, но только без войска, один».
Кейсер долгоухому молвит: «Иди,
Оттуда кого-нибудь к нам приведи».
Отправился в путь Гуш-Бестар в тот же час
И вскоре вернулся, исполнив наказ,
Привел обитателей града того —
Мужей именитых и мудрых — всего

Их семьдесят было, в мехах и шелках;
У каждого старца блистает в руках
Отборного жемчуга полный сосуд,
А юноши в дар властелину несут
Венцы. Поклонились до самой земли,
До ночи с владыкой беседу вели.
Лишь час петушиного пенья настал,
Кимвал перед царским шатром взгрохотал.
Идет на Бабул Искендерова рать,
Несметная — скажешь, земли не видать.

[*Послание Искендера Аристолису*]

Он понял, что близится час роковой,
Сгущается тьма над его головой.
О том только помыслы были его,
Дабы не осталось теперь никого,
Кто мог бы дружину на Рум повести,
Войной по цветущему краю пройти.
И вот, утвердившись в решенье своем,
В письме Аристолису пишет о том:
Мол, все кеяниды, венчанных сыны,
Немедля в дорогу собраться должны,
Явиться к царю своему во дворец —
И всем опасеньям настанет конец...
Посланье владыки мудрец прочитал,
И страх прозорливого мужа объял.
Сказал бы, когда приступил он к письму,
Ресницы калямом служили ему.
Так начал: «Послание мне привезли.
От зла уклоняйся, владыка земли!
Недобрый свой замысел прочь отмети,
Раздай подаяние — ум защити
От помыслов черных, к Йездану взывай
И только добра семена рассыпай.
Мы смерти с рождения обречены,
Пред ней поневоле склониться должны.
Кто смерти избегнул из прежних царей,
Не отдал другому державы своей!
Венчанных сразишь — до скончания лет,
Знай, имя твое проклинать будет свет.
Коль будут дружины иранской страны
Вождей родовитых своих лишены,
Знай, медлить не станут ни Хинд, ни Туран,
Из Чина, Соклаба — из множества стран *
Нагрянут. Разгрому Иран предадут,
А там на Румийскую землю придут.
Ты всех кеянидов храни от невзгод,

В тебе да увидят надежный оплот.
Венчанным и славным щедроты яви,
На праздник, совет, на застолье зови.
Владения каждому ты отведи,
Властителей книгу для них заведи,
Венчанных и славных впиши имена —
Ведь даром досталась кейсеру страна!
Возвыситься не дозволяй никому,
Царем называться не дай никому.
Из них да воздвигнешь незыблемый щит,
От вражьих вторжений он Рум защитит».
Был вскоре ответ Искендеру вручен,
И к мыслям иным обращается он.
Венчанных и славных созвать приказал,
Кто мира и блага Ирану желал.
Владыка с почетом встречает вождей,
По должному чину сажает вождей.
Указ написал: из властителей сих
Никто да не ищет главенства средь них!
Так стали князьями удельными звать
Высокую, власти искавшую знать.
Тогда же в Бабул венценосный вступил
И радостно встречен знатнейшими был.
Той ночью был некой женою рожден
Младенец — всех вверг в изумление он.
Хвост бычий и бычьи копыта, и льва
Была на плечах у младенца глава.
Подобное жить на земле не могло,
Явилось и тотчас из мира ушло.
Его Искендеру затем принесли,
Взглянув, изумился владыка земли,
Дурное знамение в этом узрел
И в землю урода зарыть повелел.
К нему звездочетов призвали потом
И царь им поведал о чуде таком.
Глава звездочетов душой омрачен,
Сие толковать не решается он.
Тогда пригрозил, говоря:
«Коль правду дерзнешь утаить от царя,
Всем с плеч головам неминуемо пасть
И саваном станет вам львиная пасть».
Владыку во гневе таком увидав,
Промолвил мудрец: «Покоритель держав!
Не ты ли рожден под созвездием Льва.
Услышав, постигнешь мобеда слова:
Умерший младенец со львиной главой
Тебе предвещает конец роковой».

Так молвил мудрейший, и каждый мобед
Царю подтвердить не замедлил ответ.
Пророчество в горе повергло его,
Ты скажешь, сознанье померкло его.
«От смерти,— сказал он,— спасения нет,
И даже о том помышления нет.
Никто еще роком отпущенный срок
Продлить не сумел и убавить не смог».

[*Послание Искендера матери*]

Недуг в тот же день Искендера сломил.
Почуяв, что горестный час наступил,
Воссел он с премудрым дебиром своим,
Что было на сердце, излил перед ним.
Послание матери так написал:
«Напрасно бы весть роковую скрывал.
Я прожил на свете отмеренный срок —
Никто бы продлить иль убавить не смог.
О смерти моей не печалься, таков
Удел всех рожденных, мой жребий не нов.
Для всех на земле завершается путь,
Будь подданным иль повелителем будь.
Я знатным румийцам оставлю наказ:
Должны, из Бабула вернувшись, тотчас
Тебе, исполняя мой царский завет,
Служенья принесть нерушимый обет.
А всех родовитых иранских мужей,
Вредивших румийцам враждою своей,
Уделами княжьими я наделил,
Чтоб каждый на трон возведенный забыл
О Руме. И наша пребудет страна
От недруга прежнего ограждена.
Ты в Мисре меня погребенью предай,
Мое завещанье нарушить не дай.
Сто тысяч динаров моих каждый год
Ты жертвуй для тех, кто трудами живет.
Жена Ровшенек коли сына родит,
Он имя отца на земле сохранит.
Ему одному подобает царить,
Величием новым наш край озарить.
А дочь, как придут ее брачные дни,
Ты с сыном Филькусовым соедини.
Зови его сыном, не зятем моим,
И слава моя да возвысится им!
Дочь Кейда, властителя Хиндской земли,
Ты с должным почетом к отцу отошли.
В дорогу в богатом шатре снаряди,

Рабынями, золотом щедро снабди.
Уборы, казну, драгоценный венец,
Что некогда с нею отправил отец,
Вернуть в Хиндустан не замедли сполна,
Когда пожелает вернуться она.
Уж все завершил я земные дела,
Подумать о смерти пора подошла.
Хочу, чтобы золотом гроб мой блистал,
Чтоб саван мой амброю благоухал,—
Из Чинской парчи подобающей мне.
Меня да оплачут повсюду в стране.
Мой гроб просмолите душистой смолой,
К ней амбру добавив, кафур и алой,
Наполните медом, и тело мое,
Одетым в парчи золотое шитье,
В него положите, и крышкой потом
Закройте — и кончится дело на том.
Завет мой, о мудрая, свято храни,
Пока на земле не прейдут твои дни.
Казной Хиндустана, Ирана казной,
Туранскою, Чинской, Мекрана казной *,
Мной собранной, нужды свои покрывай,
А лишнее щедрой рукой раздавай.
Тебе завещаю, любезная мать,
И светлым и бодрым свой дух сохранять.
И сердца не надо терзать своего —
Бессмертного нет на земле никого.
Я знаю, когда твой черед подойдет,
Душа моя душу родную найдет.
Любви терпеливой хваленья воздам,
Безумствовать в горе присуще рабам.
О теле моем твои руки пеклись,
Творцу о душе моей ныне молись.
Иная подмога теперь не нужна,
Коль будет рука твоя в помощь дана.
От смерти нигде, обойди хоть весь свет,
Души, не изведавшей горечи, нет».
Свернули письмо, наложили печать,
Гонцу повелели в пути поспешать,
Он весть повезет из Бабула домой:
Мол, царственный светоч окутался тьмой.

[*Смерть Искендера в Бабуле*]

Услышало войско, что царь занемог,
Сказал бы, весь мир пред глазами поблек.
Воители к трону владыки спешат,
Край слухами полон, смятеньем объят.

Когда о прибытье вождей услыхал
И понял, что час расставанья настал,—
Престол из дворца выносить повелел,
В просторе степном водрузить повелел.
Взирают воители, удручены,
На лик помертвевший владыки страны.
И полнится горестным плачем простор,
Сказал бы, сжигает их скорби костер.
Стенают румийцы: «О злая беда,
Владыка уходит от нас навсегда!
Приблизился доли злосчастной черед,
Паденье державу Румийскую ждет.
Пришли для врагов долгожданные дни,
Желанье души утолили они.
Нам горечи этой вовек не избыть,
Останется слезы горючие лить».
Звучит повелителя тихая речь:
«Страх Божий и совесть вам должно беречь.
Завет мой не должно ни в чем преступать,
Чтоб телу и духу добро пожинать.
И вас не минует подобное, рок
Не только со мною — со всеми жесток».
Так молвив, расстался с душой государь,
Угас ратоборец, прославленный царь.
Стенания, вопли над степью взнеслись,
Скажи, раскололась небесная высь.
Все прахом себя осыпают, из глаз
Кровь сердца ручьями у них излилась.
Сжигают дворец, у коней боевых
Хвосты обрезают — до тысячи их,
И седла на них перевернуты. Стон
Немолчный доносится с разных сторон.
Вот вынесли в степь саркофаг золотой,
Плач до неба, скажешь, поднялся людской.
Вот мускусно-розовой влагой царя
Омыли. Епископ, молитву творя,
Кафуром осыпал. В парчу облачен
И в благоухающий мед погружен.
Гроб царский закрыли. Не стало его,
Могучего, славного древа того!
Венцом и казной обольщаешься ты
Напрасно. Нет вечного в мире тщеты!
Назад саркофаг Искендеров несут,
С рук на руки царственный передают.
Тут спор меж румийцев и персов возник —
Где быть погребенным владыке владык?
Кто родом из Парса, о Парсе твердит:

«Пусть в нашей земле венценосный лежит.
Здесь прах шахиншахов Ирана, к чему
Вам с гробом носиться по свету всему!»
Промолвил один из румийских вождей:
«О нет, хоронить властелина царей
Не следует здесь. Где родился на свет,
Там пусть и покоится — вот мой совет».
Вновь перс обращается к знатным мужам:
«Не вижу предела подобным речам.
Мне старец поведал: есть в этих краях
Долина — то память о древних царях.
Хоррем,— говорил он,— долину зовем,
Там рощи отрадная тень, водоем.
Вопрос прозвучит, и с соседних высот
Всем внятное слово ответа придет.
К почтенному старцу пошлите в Хоррем,—
Пусть гроб остается в Бабуле меж тем,—
Он спросит, и тотчас ответит гора,
Ответ поведет вас дорогой добра».
Немедля воители в путь собрались,
Быстрее оленя в Хоррем понеслись.
С вершины ответ услыхали такой:
«Царю Искендеру пора на покой!
В Искендерие, что при жизни воздвиг *,
Покоится должен владыка владык».
Когда же вершина ответила так,
Немедля мужи повезли саркофаг.

[*Мудрецы оплакивают Искендера*]

В Искендерие пребывают. Страна
Нежданным известием потрясена.
Во гробе лежит на просторе степном,
Повсюду о нем говорят об одном.
Мужей опечаленных, отроков, жен
Толпой многочисленной гроб окружен.
Прикинул бы счетчика опытный глаз —
Сказал бы, в сто тысяч толпа собралась.
Слезами кровавыми очи полны,
На лик Аристолиса устремлены.
Он, руку на гроб положив, возгласил:
«О царь, что Творца мироздания чтил!
Знать разум затмился блистательный твой,
Коль в тесный вселился приют гробовой.
Почто раньше срока, в младые года
Прах ложем избрал для себя навсегда!»
Румийские все мудрецы собрались,
«Слон грозный, могучий! — слова раздались,—

Кто сбил тебя с ног, злую зависть тая!
Где знанье, где зоркость былая твоя!»
Промолвил другой: «Столько злата скопил
И сам же ко злату в полон угодил!»
«Всегда побеждавший,— промолвил другой,—
Почто против смерти ты вышел на бой!»
Другой: «Отдыхаешь от тяжких трудов —
Сражений, стяжания царств и венцов!»
Другой: «Пред благим Судией предстаешь.
Что прежде посеял, то ныне пожнешь!»
Другой: «Повергавший венчанных везде,
Найдет ли защиту на вышнем суде?»
Другой: «Не минует нас тот же удел,
Коль сгинул и ты, что как жемчуг блестел!»
Другой: «Пред наставником явишься — он
Напомнит забытый тобою закон».
Другой: «Коль от смерти не спасся и ты,
Что ищем величия в мире тщеты!»
Другой: «Затмевавший сиянье светил,
Почто ты свой лик лучезарный сокрыл!»
Другой: «Коли доблести носят печать
Мужи — подобает их златом венчать.
Ты, доблестный, равных не ведал в бою,
Но злато красу одолело твою».
Другой: «За парчой златотканой твой лик,
Сокрылся красой осиянный твой лик!
Покровы откинь! Призывают, скорбя,
Престол и убор шахиншахов тебя».
Другой: «Разлюбил ты рабынь молодых,
Румийских и чинских красавиц твоих,
И золото обнял. Царю не под стать
Парчу или злато в объятьях держать!»
Другой: «Вопрошающий спросит. Каким
Ответом тебя осенит перед ним!
Почто венценосцев ты жизни лишал
И войн истребительных не прекращал!
Сколь много венчанных из мира ушли —
Лишь доброс имя они унесли».
Другой: «Величайшая жизнь отнята
И красноречивые смолкли уста.
Кто видел паденье державы твоей —
Не станет стремиться к величью царей.
Что ты не сберег — не сберечь никому,
Державное древо сажать ни к чему!»
Другой: «Обрели избавленье вожди,
Развеяны ветром деянья твои.
Увидишь теперь величавый дворец

В том мире, где волк отделен от овец».
Другой: «В этом бренном чертоге земном
К чему изнурял ты себя день за днем!
Во благо ли было стяжанье твое?
Гроб тесный — вот все достоянье твое.
Тебя уж не манит воинственный гром
Кимвала — пленился глухим сундуком!»
Другой: «Вся дружина твоя, властелин,
Уходит, в степи остаешься один.
Вслед каждому горестно станешь глядеть
И тщетно о жизни земной сожалеть».

[*Плач матери и жены об Искендере*]

Вот в горести к сыну приблизилась мать,
Припала, не в силах стенанья сдержать.
Взывает: «О царь, о владыка благой,
Великий, рожденный под светлой звездой!
Сколь близок и сколь ты далек в этот час
От родины милой, от войска, от нас!
Мой дух да пребудет рабом твоему.
Кто рад твоей смерти — да сгинуть тому!»
Льет горькие слезы над ним Ровшенек:
«Ты, в доблести равных не знавший вовек!
Где ныне Дара, где прославленный тот,
В ком видел весь мир нерушимый оплот!
Где доблестный Ашк и Хосров и Ферьян *,
Глава Шехризура, и Фур, и хакан,
И каждый, кто силой гордился! Во прах
Низвергнуты, пали в кровавых боях.
Был тучею, сыпавшей гибельный град,
Я чаяла, смертью не будешь ты взят.
Так бился победно один на один
И против бесчисленных вражьих дружин,
Что мнилось — дарован был втайне от нас
Тебе охранительный рока указ.
Как всех венценосных булатом настиг —
Оставил венец властелина владык.
Плодов не собрал с благодатных ветвей,
Могилу подругою вижу твоей!»
Склонился к закату небесный венец
Надгробным речам наступает конец.
И гроб Искендера в могилу зарыт,
И рок равнодушно на это глядит.
Дыханием ветра примчит и сметет —
То ль праведно судит, то ль злобно гнетет.
И тщетны вопросы: почто? Для чего?
Ни царь, ни рабы не постигнут сего.

Добру, милосердью, любви научись,
Быть радостным, великодушным стремись.
Вот благо несущий единственный путь —
Будь меньшим иль в мире прославленным будь.
Коль славу оставил недобрую — знай,
Отринут тебя Вседержитель и рай.
Незыблем обители дольней закон.
Ушел Искендер, только сказ сохранен.
Земных тридцать шесть властелинов сгубил,
А что от земного в руке сохранил?
Десяток построил больших городов —
Остался пустырь да бурьяна покров.
Всему, что стяжал он, найдешь ли пример?
Но жив только в слове одном Искендер.
Все в Слове! Ведь Слова ни ливень, ни снег,
Как старый дворец, не разрушат вовек.
Сдалась нам стена Искендера. Добра
И счастия да не проходит пора!
Да будет весельем согрет властелин,
Да будет свободен от бед властелин!

[*Жалоба Фирдоуси на старость и рок*]

Ответствуй, о горний спасительный свод,
Почто же на старость обрушил свой гнет!
Ты юношей холил меня и берег,
А старцем беспомощным ты пренебрег.
Цвет розы счастливый поблекнуть успел,
Атлас от тяжелых трудов огрубел.
Согнулся, ссутулился тополь прямой,
Сияющий светоч окутался тьмой.
На черную гору пал снежный покров —
Не скрыть от воителей царских грехов!
Ласкавший, бывало, как нежная мать,
Ты стал из очей моих кровь исторгать.
Ты верности чужд, милосердья лишен,
Твоею враждебностью дух сокрушен.
Уж лучше лелеять не стал бы меня,
Взлелеяв — теперь не терзал бы меня!
Как вырвусь из мрака, узрю Судию,
Поведаю Правому злобу твою.
Пожалуюсь, прахом осыпав главу,
К Йездану благому в слезах воззову:
Мир грешный на старца, лишенного сил,
Две трети своих искушений взвалил!...
Донесся высокого свода ответ:
«О кроткий, согбенный годами поэт!
Меня в своих бедах винишь — мудрецу

Подобные жалобы, знай, не к лицу.
Меня превосходишь, тебе лишь под стать
В познаниях духом своим возрастать.
Ты в силах постичь правоту и вину,
Знать бдению меру и пище, и сну.
К тому, что сказал ты, нет доступа мне,
Ни Солнцу сего не познать, ни Луне.
Пути указует, кто путь сотворил,
День — Солнцем, а ночи Луной озарил.
Единый — все тайны открыты Ему,
Начала, конца не ищи ты Ему.
В ряду сотворенных один из рабов —
Я, чтущий смиренно Владыку миров.
Его непреложною волей ведом,
Незыблемо верен в служенье своем.
К Йездану прибегни, Йездана проси
И в меру прошенья свои возноси.
Другого не мысли Творцом — сотворил
Единый и Солнце и сонмы светил.
Пророка да благословит своего
И также сподвижников верных его!»

АШКАНИДЫ

[ЦАРСТВОВАНИЕ АШКАНИДОВ
ДЛИЛОСЬ ДВЕСТИ ЛЕТ]

[*Речь в похвалу султана Махмуда*]

Впачале воспой властелина страны *,
Стань знанья певцом и пиров, и войны.
Прославленный мудростью Абулькасим,
Чьи Разумом вскормлены мысли самим,
Пусть радость хранит до скончания лет,
Вовек да не ведает горя и бед!
Вознесший неслыханно славу владык,
Венчанный Махмуд, добрых мыслей родник.
Ирана властитель, Забульской земли *,
От града Каннудж до Кабульской земли.
Хвала и ему, и народу его,
И войску, и краю, и роду его!
Салар его славный Мир-Наср да живет *,
Им вправе гордиться вертящийся свод,
Любимец удачи, воспетый молвой,
Пронзающий дерево острой стрелой.
Честь войска возносит до звезд сипехдар —
Овеянный славою Буль-Музаффар.
Властителя да не коснется недуг,
Пусть видит одно лишь богатство вокруг,
И радостью светлой да будет полна
Душа сипехдара и златом — казна!
Доколе небесный вращается свод,
Пусть роду Махмудову милости шлет;
Да царствует вечно, от деда к отцу,
И к сыну, даруя победы венцу!
Шаввала минуло четырнадцать дней *,
Когда изволеньем владыки царей
Отраду несущая весть разнеслась:
Угодно — да славится щедрая власть! —
Не брать узаконенных податей год
Со всех, кто путем благочестья идет.
Ты дни Нушировановы тем возродил *,
Державу невиданно преобразил.
Столетий немало прошло. В этот день

Ты вновь распростер справедливости сень.
За это деянье тебя наградит
Творец — одеяньем таким облачит,
Что век не ветшает. Венец твой златой
От зла сохранит Вседержитель благой.
Вознесшийся славой до неба, всегда
Твоя да пребудет душа молода!
Кто знает течение дней моих, тот
Ничтожною долю мою не сочтет.
Верь, знаменем станет навек для благих
Сей книги сердца возвышающий стих;
Что род Кеюмарса, бессмертной она
Пребудет, всеобщей хвалой почтена.
Сказал Нуширван, сын Кобада благой:
От правды коль царь отвратится душой,
Рок царскую грамоту перечеркнет,
С главы недостойной венец совлечет.
Коль царь осуждает безвинных — ему
Подписан в тот миг приговор самому...
Но твой, о владыка, пусть вечно живет
Род праведный, мудрый и доблестный род!
Никто в этом мире конца не избег,
Лишь доброе имя пребудет вовек.
Где Джем, где Зохак с Феридуном — воззри,
Вожди аравийцев, Эджема цари! *
Величие где сасанидских владык,
Бехрама сынов, саманидских владык!
Презренный Зохак проклинаем не зря:
Безжалостней не было в мире царя.
Но славит досель Феридуна молва.
Пусть умер он, добрая слава жива.
На свете лишь Слову бессмертье дано,
Жемчужины царской дороже оно.
Хвалы не пожнет, кто сдружился со злом,
Кто жаждой богатства и власти влеком;
Его злодеяния рок оборвет,
Презренное имя забудет народ.
Но твой милосердия полный указ —
Да царствуешь радостно, радуя нас! —
В степь вывел сегодня весь люд из домов,
Хваленья возносятся до облаков:
Пусть вечно владыка венчанный живет,
Пусть милостив будет к нему небосвод...
Пусть имя твое на айванах царит
И счастье немеркнущим светом горит
Над родом и краем, и ратью твоей,
И ликом, и царственной статью твоей!..

[*Начало сказа об Ашканидах*]

Сказанье, седой песнопевец, начни,
Восславь Ашканидов далекие дни *.
Из свода преданий минувших времен,
Который до нынешних лет сохранен,
Что ведомо нам? Чьею стала страна,
Когда Искендера лишилась она?
Сказитель из Чача так повесть повел:
Сперва никому не достался престол.
Арешева славного рода сыны *,
Воинственны, неустрашимы, сильны,
Страну поделили. Всем земли в удел
Достались — кто градом, кто краем владел.
Торжественно каждый на трон возведен
И каждый был князем тогда наречен.
Один и второй миновал уже век —
Сказал бы, царя не бывало вовек.
Удела чужого никто не искал,
От распрей губительных край отдыхал.
Тот путь — дабы впредь благоденствовал Рум — *
Нашел Искендеров блистательный ум.
Князья были: Ашк сын Кобада, другой —
Достойный Шапур, отпрыск ветви благой;
Гудерз из семьи Ашканидовой был,
Бижен к кеянидам свой род возводил;
Хормозд и Нерси, свой прославивший род,
Ареш, среди знатных снискавший почет;
Меж теми, что приняли княжеский сан,
Был мудрый и доблестный муж Эрдеван.
Когда Ашканидов потомок Бехрам
Стал княжить — явил свою щедрость мужам.
С тех дней Эрдеваном Великим зовут,
Овец от волков защитившего чтут.
Владенья его — Исфаган и Шираз,
Земля эта родиной знатных звалась.
Возвел он в Истахре Бабека на трон,
От хватки которого падал дракон.
Но корни и ветви тех славных родов
Иссохли, о них повествующих слов
Мне в книге Венчанных читать не пришлось,
Одни имена отыскать довелось...

[*Бабек видит сон о Сасане*]

В те дни, как Дара был повержен, когда *
Весь род его славный постигла беда,
Был сын его меньший судьбой пощажен,

Сасаном он звался, был храбр и умен.
Узнав, что погиб от меча властелин,
И счастье иранцев покинуло, сын
Бежал от румийского войска тотчас
И жизнь от грозящей погибели спас...
Угас в Хиндустане, тоскою томим *,
Дитя сиротою оставлено им.
Сасаном был назван, и тот в свой черед
Наследнику имя Сасана дает.
Несли они бремя забот и трудов
Верблюжьих погонщиков да чабанов.
Придя к овцеводам Бабековым в стан,
Предстал перед старшим четвертый Сасан.
Спросил: батрака не возьмет ли Бабек,
Влачить здесь готового горький свой век?
И старший чабан его взял в чабаны,
Трудом были дни их и ночи полны.
По нраву усердьем пришелся он всем
И старшим был в стане назначен затем.
Однажды Бабек полуночной порой
В палате дворцовой возлег на покой,
И дух его светлый увидел во сне
Сасана с индийским мечом на слоне,
И все, что Сасану встречались в пути,
Склонялись, хваленья спеша вознести.
Наездник слова благосклонные рек,
Избавил от скорби, надежду зажег.
Вот ночью второю возлег он, и дум
Тревожных исполнен правителя ум.
Сон веки смыкает ему наконец,
И видит он: вносит торжественно жрец *
Три пламени — Азергошесп и Хоррад,
И Мехр; словно свод круговратный горят.
Священные те пред Сасаном огни
Пылали, алоем курились они.
Восстал благородный Бабек ото сна,
Душа сновидением потрясена.
Мудрейшие, те, что познаний полны,
Умели разгадывать вещие сны,
И знать родовитая, вождь и мобед,
По зову Бабека пришли на совет.
Собранию славных поведал свой сон —
Да будет, мол, тайны покров совлечен.
В раздумье внимают ему. Наконец
Ответ изрекает старейший мудрец:
«О царь, что высокой душой одарен!
Мы так истолкуем пророческий сон:

Ты видел, что в мир венценосец придет *,
Он солнца превыше главу вознесет.
А если не тот, что предстал пред тобой,
То сын его будет возвышен судьбой».
И душу Бабека восторг озарил,
Он щедрой рукой мудрецов одарил.
Главу овцеводов немедля призвал.
Хоть тою порою буран бушевал,
Явился, на зов властелина спеша;
В снегу вся дерюга, в смятенье душа.
Услав приближенных, в чертоге своем
Остался правитель с Сасаном вдвоем.
Приветствием, полным радушья, почтил,
И рядом с собой, обласкав, усадил.
О происхожденье спросил у него.
Тот в страхе сперва не сказал ничего,
Потом поразмыслил и так отвечал:
«О царь, пастуху если б клятву ты дал,
Взяв руку его,— не чинить никогда
Ни явно, ни тайно в сем мире вреда,—
О происхожденье своем и судьбе
Я б тотчас правдиво поведал тебе».
Йезданом, подателем блага, Бабек
Поклялся: «Худого тебе я вовек
Ни явно, ни тайно не стану чинить,
В чести подобающей будешь ты жить».
Бабеку поведал тогда овцевод:
«О витязь, Сасан — мой родитель, а род *
Восходит к царю Эрдеширу. Тот муж
Бехменом у сведущих звался к тому ж.
Отец его — доблестный Исфендиар,
Что миру Гоштаспом оставлен был в дар».
Услышанной речью Бабек потрясен,
Из глаз его, зревших пророческий сон,
Струятся ручьи. «Баня,— молвит он,— ждет,
Прислужник одежду тебе принесет».
Доставлены тут одеянья царей,
Скакун, снаряжение богатырей.
Из доли пастушеской той вознесли,
Для доли высокой, благой вознесли.
Сасана в чертоге Бабек водворил,
Рабов и невольниц ему подарил.
Все нужное щедро доставить спешит,
Казной от лишений избавить спешит.
Дочь милую дал ему в жены потом,
Которой гордился, как царским венцом.

[*Рождение Эрдешира Бабекан*]

Прошло девять лун. Та, что схожа была
С луной, солнцеликого миру дала.
Пленительным ликом и ясным умом
Был с предком он схож — Эрдеширом-царем.
Отец и его Эрдеширом нарек,
Скажи, на дитя наглядеться не мог.
Лелеял, дарил ему сердца тепло,
И время немалое так протекло.
Все ныне, кому светоч знания дан,
Зовут его царь Эрдешир Бабекан.
Всему, что владыкам венчанным под стать,
Наставники стали его обучать.
Не царское происхожденье одно —
Дано ему знанье, уменье дано.
Скажи, небосвод озаряет собой —
Таков стал он вежеством, статью, красой.
О юноше мудром, чей мужествен дух,
Дошел до ушей Эрдевановых слух:
Мол, в пору сражений он тигра сразит,
А в пору пиров затмевает Нахид.
Посланье тогда Эрдеван написал
Бабеку и вот что в посланье сказал:
«О путь указующий, кладезь ума,
Достойный, благой, добродетель сама!
Слыхал я, что чадо твое Эрдешир
Дивит красноречьем и доблестью мир.
Не мешкая, славного в путь снаряди *
И с сердцем веселым ко мне проводи.
Он щедростью будет доволен моей,
Его отличу среди славных мужей.
Повсюду, как сын, будет рядом со мной,
Вовек не скажу, что не сын мой родной».
Постигнув значенье прочитанных строк,
Дед слез обжигающих пролил поток.
И тут же за мудрым дебиром послав,
Сказал: «Эрдевана письмо прочитай
И суть его разумом ясным познай.
А я властелину письмо напишу,
С надежным гонцом отослать поспешу.
Мол, юноша этот достойный, благой,
Который дороже мне жизни самой,
Отправлен с напутствием добрым моим.
Прибудет к престолу высокому, с ним
По царским обычаям ты поступай,
И ветру дохнуть на него не давай!»

Сокровищниц двери Бабек отворил
И юношу щедрой рукой одарил.
Для чада родного не жаль ничего!..
Оружье, доспехи собрал для него,
Динары, фарфор и парчу, и рабов,
И в сбруе златой огневых скакунов —
Все юноше дарит он щедрой рукой,
И тот Эрдевану уж предан душой.
Немалый собрал Эрдевану нисар,
Шлет мускус и амбру, и золото в дар.
И юноша, дедовых радость очей,
К царю Эрдевану отправился в Рей *.

[*Прибытие Эрдешира Бабекан ко двору Эрдевана*]

И вот перед дверью дворца Эрдешир,
О нем доложил Эрдевану везир,
И юношу встретил приветливо тот,
С ним долгую речь о Бабеке ведет.
Вблизи от престола сажает его,
В богатый чертог водворяет его.
Приказано всякие яства послать,
Во что облачаться и что расстилать.
Окольною знатью своей окружен,
В покои свои направляется он.
Вот солнце свой трон в небеса вознесло,
И мир просветлел, что румийца чело.
Раба Эрдешир той порою призвал,
Нести Эрдевану дары приказал,
А витязю знатному сопровождать
Раба повелел и дары передать.
Властителю радость дары принесли,
К достойному сердце его привлекли.
Бессменно держал при особе своей
И не отличал от своих сыновей.
Имел четырех сыновей Эрдеван,
Под стать, скажешь, каждому царственный сан.
Он выехал как-то на ловлю. Бойцы —
С владыкой. Рассыпались врозь удальцы.
Верхом Эрдешир рядом с князем скакал —
Везде повелитель его отличал.
Онагра вдали увидали. И вот
Воители с криком помчались вперед;
Они горячат быстроногих коней,
Пыль с потом смешалась на лицах мужей.
Летит впереди Эрдеван молодой:
Приблизился, лук оснащает стрелой;

Онагра-самца в левый бок поразил,
Насквозь оперенной стрелою пронзил.
И тотчас туда Эрдеван поскакал,
Онагра сраженного видеть желал.
«Скажите мне, чьею повержен стрелой?
Я отдал бы душу за выстрел такой!»
Ему Эрдешир отвечает: «Прошла
Моя через сердце онагра стрела».
«Моя! — Сына княжьего речь раздалась,—
Я самку его поджидаю сейчас».
В ответ Эрдешир ему: «Степь широка,
И дичи довольно, и стрел у стрелка.
Онагра другого повергни ты сам,
А лгать не пристало отважным мужам».
Но гневом великим тотчас обуян,
На юношу громко вскричал Эрдеван.
Сурово сказал: «Сам всему я виной! —
Воспитывать в холе — обычай дурной.
С собою, как всех именитых бойцов,
Затем ли на пир тебя звал и на лов,
Чтоб ныне столь дерзко над сыном моим
Себя возносил ты, кичился пред ним!
Ступай, за конями моими смотри,
Жилище поближе к коням избери.
Средь конюхов главным себя называй,
Трудись на конюшне, другим помогай!»
В слезах, уязвленный обидою той,
К конюшне идет Эрдешир молодой.
«Как я Эрдеваном унижен! — твердит,—
Пусть хворь ему душу и тело сразит!»
Истерзанный горем, к отмщенью стремясь,
Он деду послание пишет тотчас.
Поведал всю истину, не умолчал —
За что Эрдеван на него осерчал.
Бабек омрачился, как только прочесть
Письмо довелось ему; горькую весть
Он скрыл, но тревогою думы полны...
Динаров запасы извлек из казны,
Для внука велит десять тысяч везти,
Скакун и посланец готовы к пути.
Благого дебира спешит он призвать,
Письмо Эрдеширу велит написать.
«Безумный юнец! — с этих начал он слов,—
Когда с Эрдеваном поехал на лов,
Скакал рядом с сыном его для чего?
Ты князю слуга, но не родич его.
Не мог Эрдеван причинить тебе зло,

Тебя безрассудство в беду завело.
Отныне старайся ему угождать,
Не вздумай строптивую дерзость являть.
Тебе в назиданье посланье с гонцом
Я шлю и толику динаров при нем.
Когда их истратишь, немедля дай знать —
Чтоб в должном достатке себя содержать».
Отправился в путь умудренный гонец
И пред Эрдеширом предстал наконец.
Посланием юноша тем уязвлен,
От замысла мщения не отвращен.
Жилище себе близ конюшен избрал,
Хоть кров Эрдеширу иной подобал.
Коврами богатыми устлан покой,
Нет яствам числа, вина льются рекой.
Певцы, музыканты бессменно при нем,
Пируют без удержу ночью и днем.

[*Встреча Гольнар с Эрдеширом и смерть Бабека*]

В высоком дворце Эрдевана жила *
Рабыня, красой небывалой цвела.
Гольнар луноликую звали, она
Вся в жемчуге, амброю умащена.
Он видел советника мудрого в ней,
Она — всем богатствам его казначей.
Была ему жизни дороже самой,
Сиял он, любуясь ее красотой.
Однажды красавица с башни глядит.
Привлек ее взоры пленительный вид
Смеющихся уст Эрдешира и вмиг
Он словно к ней в самое сердце проник.
Дождавшись, покуда вечерняя тень
Окутает тьмой догорающий день,—
Узлов навязав на аркан, закрепив
Их туго, за выступ аркан зацепив,
Бестрепетно с башни высокой дворца
Спустилась, возблагодарила Творца,
Блистая и благоухая идет
В чертог Эрдешира. Покоится тот
На ложе парчовом. Склонилась над ним,
Его разбудила объятьем своим.
Он видит красавицы пышный убор
И кольца кудрей, и ласкающий взор.
«Откуда,— сказал он,— подобна луне,
Явилась ты, дух воскресила во мне?»

В ответ прозвучало: «Рабыня твоя,
К тебе устремила все помыслы я.
Коль хочешь, любовью своей одарю
И светом печальный твой день озарю».
Минуло недолгое время, и вдруг
Сломил покровителя тяжкий недуг.
Скончался Бабек, просветленный мудрец,
Другому оставил он бренный дворец.
Пришло к Эрдевану известье о том,
Душой восскорбел он о старце благом.
Всех Парса престол именитых влечет.
Но первенцу Парс сипехбед отдает *.
И тот, не промедлив, взял ратный кимвал,
В степь вышел, бойцам выступать приказал...
Нет старца, защитника нет — Эрдешир
Скорбит, потемнел пред глазами весь мир.
Что рать Эрдевана отныне; ведь он
Был замыслом втайне иным поглощен.
Всем сердцем, кипевшим обидой к тому ж,
Лишь к бегству стремился сей доблестный муж.
Меж тем Эрдеван звездочетов своих,
Благих предсказателей судеб людских,
Спешит во дворец отовсюду собрать,
Спросить о начертанном свыше, узнать,
Какие превратности рок принесет,
Свою благосклонность кому ниспошлет.
На башню Гольнар звездочетов послал,
Внимать предсказаниям ей наказал.
Три дня у нее восседали они,
О будущем князя гадали они.
Словам сокровенным внимает Гольнар,
В превратности рока вникает Гольнар.
От ночи три стражи минует, но ей
Не спится — ждет новых и новых речей.
Вздыхая, сокрытых желаний полна,
Их речи запомнить стремится она.
Вот день настает. Старший встал звездочет
И всех мудрецов к Эрдевану ведет.
Они покидают рабыни покой,
Таблицы гаданья уносят с собой.
Поведали князю о тайнах светил:
Как, что и когда ему жребий судил.
Недолгое время пройти, мол, должно —
Владыке удар испытать суждено.
Слуга убежит от владыки сего,
Слуга этот — витязь, род знатен его.
Стать гордым владыкой придет ему срок,

И жребий венчанного будет высок.
От тех предсказаний прославленный князь
Смутился, безмерно душой омрачась.

[*Бегство Эрдешира с Гольнар*]

Лишь землю густая смола залила,
Рабыня в покой Эрдешира пришла.
Как море, тут юноша забушевал:
«Тебя Эрдеван, знать, к себе приковал!»
Тогда рассказала Гольнар обо всем,
Что князю поведано было волхвом.
Как только значение слов уяснил,
Задумался, долго молчанье хранил.
От вести услышанной сердце зажглось,
Безудержно к воле желанной рвалось.
Рабыню спросил: «Коль покину я Рей
И к городу славных иранских мужей
Направлюсь — разделишь мой жребий, пойдешь
Со мною или князю служить предпочтешь?
Со мной тебя блага несчетные ждут,
Страны драгоценным венцом нарекут».
И слышит: «Я стала рабыней, любя,
Покуда жива, не покину тебя».
Так молвит, а вздохам нет счета у ней,
Из глаз ее жаркий струится ручей.
Луну затмевающей ликом своим,
Сказал Эрдешир: «На рассвете бежим».
Готовая жизнь принести ему в дар,
Спешит во дворец Эрдевана Гольнар.
Лишь ночи согнулся бессильный хребет
И золото пролил на землю рассвет,
К сокровищам княжьим рабыня идет, *
Оттуда сколь надо динаров берет,
Алмазов и прочих камней дорогих.
До тьмы выжидала в покоях своих.
Спускается тьма непроглядная с гор,
Уснул Эрдеван, опустел его двор.
Чертог свой покинув, летит, как стрела.
Гольнар к Эрдеширу с казною вошла
И видит: за чашею доблестный друг,
И конюхов видит уснувших вокруг.
Отобраны лучшие из скакунов,
Оседланы оба и ждут ездоков.
Как только увидел Гольнар и запас
Динаров, камней драгоценных, тотчас
Воинственный чашу свою отшвырнул,
Подпруги ретивых коней затянул,

Кольчугою грудь не замедлил облечь,
Взлетел на седло, взял отравленный меч;
Она на другого вскочила коня —
И к Парсу помчались, нещадно гоня.
Так с сердцем веселым несутся вперед,
Все дальше и дальше дорога зовет.

[*Эрдеван узнает о бегстве Гольнар и Эрдешира*]

Плененн Эрдеван луноликой своей, *
Без милой не ведает радостных дней.
Проспувшись, главы не поднимет, Гольнар
Он ждет, словно небом ниспосланный дар.
Вот утро настало, ей время вставать,
Престол властелина парчой покрывать,
Но тщетно рабыню он ждет, не пришла,
И сердце досада ему обожгла.
Уж витязи в сборе у входа, дворец
К приему готов, и престол, и венец.
К нему саларбар приближается тут:
Тебя, мол, владыку высокого, ждут
Воители, достопочтенная знать,
Рожденная нашу страну возглавлять...
А князь вопрошает рабынь: «Отчего
Сегодня у ложа Гольнар моего
С улыбкой, как в прочие дни, не стоит?
Иль в сердце обиду какую таит?»
Внезапно с известьем явился дебир:
«Мол, прошлою ночью исчез Эрдешир,
Коня белой масти с собой уведя
И с ним вороного, отраду вождя».
Князь понял, какою постигнут бедой:
Увез Эрдешир казначея с собой!
Он вырванным сердце свое ощутил.
Воинственный муж на гнедого вскочил.
Воители следом, дав шпоры коню,—
Сказал бы — скакали они по огню.
И вот очутились в селенье большом,
Полно оно люда, богато скотом.
«С зарей не слыхали вы стука подков,—
Спросил,— не видали двоих ездоков,
Скакавших стремительно ширью степной?
Конь белый один, а другой вороной».
И слышит в ответ: «Двое вихря быстрей
Промчались, исчезли в просторе степей.
Красивый баран вслед за ними скакал,
Копытами пыль, словно конь, воздымал».

Везира спросил Эрдеван своего:
«Что можешь сказать о значенье сего?»
И слышит: «Баран не простой это, знать!
То царственный знак, то владык благодать.
Коль он с беглецами — погоню оставь,
Себя от мучений напрасных избавь».
Там пищи вкусил, дал коням отдохнуть
Правитель и снова пускается в путь.
Воители следом, а рядом везир.
Спасаясь от них, молодой Эрдешир
Стремительней вихря с любимой вдвоем
Несется без отдыха ночью и днем.
От недругов злых избавляется тот,
Кому всемогущее небо — оплот...
От скачки устал Эрдешир наконец;
Завидев родник под горою, беглец
Промолвил, окликнув Гольнар на скаку:
«Нам должно спуститься теперь к роднику.
Измучены наши вконец скакуны,
И мы этой скачкою сил лишены.
Мы здесь подкрепимся и сможем опять,
Спасаясь от недругов, путь продолжать».
И вот уж они пред отрадным ручьем,
Усталые, солнца желтее лицом.
У вод, что струились, прохладой маня,
Готов именитый спуститься с коня.
Вдруг юношей двое навстречу: «Скачи!
В пути, не жалея, коня горячи!
Из пасти дракона ушел ты, поверь,
Здесь мешкать тебе не годится теперь.
О пище и отдыхе думать не след,
Спасай свою голову!» — слышит совет.
Царевич вернулся к подруге своей,
О том, что услышал, сказать поскорей.
Ослабил узду, стремена отягчил,
С копьем вознесенным из всех своих сил
Несется, и следом за ним Эрдеван,
Отмщения жаждою князь обуян.
Светильник небесный, зенит перейдя,
Склонился к закату. Пред взором вождя
Просторный, богато украшенный град,
И люди к нему отовсюду спешат.
Спросил именитый мобедов о том,
Давно ли тут витязь промчался верхом.
Сказал ему сведущий некто в ответ:
«О царь, да не меркнет души твоей свет!
В тот час, как светить стало солнцу невмочь,

И мир одевала уж сумраком ночь,
Я видел, неслась этим градом чета,
В пыли, пересохли от жажды уста.
За всадником дивный баран: во дворцах
Я росписи краше не видел, о шах!»
Решился везир Эрдевану сказать:
«Не лучше ль отсюда нам двинуться вспять
И, войско собрав, снарядиться в поход?
Ведь приняло дело иной оборот.
Знать, счастье само у него за спиной,
Лишь ветер добудем погоней такой!
Послание сыну отправить спеши,
И все происшествие в нем опиши.
Он след Эрдешира отыщет потом.
Баран да не явится яростным львом!»
И понял тогда Эрдеван из сего,
Что рок отодвинул победу его.
С бойцами в том городе став на привал,
Молиться Создателю не уставал.

[*Послание Эрдевана сыну его Бехмену*]

Ночь утром сменилась и свод просветлел,
Он войску назад повернуть повелел.
Лицом тростников придорожных желтей,
Вступил на закате с дружиною в Рей.
Послание сыну тотчас начертал:
«Час грозный для нашей короны настал!
Стремительней посланной луком стрелы
Бежал Эрдешир под защитою мглы.
Добрался до Парса. Ищи, но никто
Вокруг да не слышит, не знает про то».

[*Эрдешир собирает войско*]

Меж тем Эрдешир до реки доскакал,
«О мой избавитель! — к Йездану воззвал.—
Спасительный дал ты свершить мне побег.
Злодею добра не видать бы вовек!»
Зовет, отдохнув, корабельщика он,
Во все происшедшее тот посвящен.
Лик царственный видя, осанку и стать,
Старик умудренный сумел распознать
Потомка владык в удальце молодом
И, радостью неизъяснимой ведом,
К реке устремился. Во все тут концы
На легких челнах полетели гонцы.
Немало бойцов к Эрдеширу стеклось —
Известье о нем далеко разнеслось.

Потомки Бабека в Истахре своем
Гордятся, что призваны славным царем.
И те, что оставлены миру Дарой,
И всюду прославлены были молвой,
Узнав о владыке, свой славят удел,
И старец от радости помолодел.
Шли толпами жители гор и долин
Увидеть, каков молодой властелин.
Сошлись к Эрдеширу потом на совет
Воитель и вождь, и премудрый мобед.
К собранью воззвал молодой Эрдешир:
«Благие, чьей славою полнится мир!
Меж всех именитых собранья сего,
Должно быть, не сыщется ни одного,
Кто мог бы забыть о неслыханном зле,
Что царь Искендер сотворил на земле.
Он предков венчанных моих умертвил,
Весь мир в кулаке беспощадном сдавил.
Ведь я Исфендьяра потомок — в стране
Ужели царить Эрдевану, не мне!
Вам ведомо, в том справедливости нет,
И мысли о том допускать нам не след!
На помощь коль правому делу сему
Придете — престол не отдам никому.
Что ныне от вас я услышу в ответ?
Исполненный мудрости дайте совет».
Речь выслушав, с мест поднялись мудрецы
И в битвах стяжавшие честь храбрецы.
Ответили прямо на этот призыв,
Желаний своих от владыки не скрыв:
«И нам, от Бабека ведущим свой род,
И тем, кто свой род от Сасана ведет,—
Всем радостно видеть твой лик. За тобой
Готовы немедля мы двинуться в бой.
Готовы тебе беззаветно служить
И горе и радость с тобою делить.
Ты каждою ветвью всех прочих знатней,
Достойнее званья владыки царей.
Прикажешь — и горный хребет будет срыт,
И воды речные наш меч обагрит!»
Расцвел Эрдешир, этот слыша ответ,
Вознесся, ты скажешь, главой до планет.
И почести доблестным всем возданы,
И в сердце окрепло желанье войны.
У моря построил он город; кишит
В нем люд и работа повсюду кипит.
Так некий мобед Эрдеширу изрек:

«О царь, своим счастьем ты многих привлек.
Знай, царство тебе возродить суждено,
Грудь Парса от терний избавить дано.
Срази Эрдевана! Ты молод, звезда
Державной удачи твоей молода.
Казною богаче он прочих князей,
Грозит тебе множеством бед и скорбей.
Низринь Эрдевана престол, и другой
Никто не дерзнет состязаться с тобой».
Властитель к словам, что промолвил мобед,
Прислушался, принял разумный совет.
Вот солнце взошло из-за горных высот,
Дружину отважный к Истахру ведет.
Известием этим Бехмен удручен,
Тревожною думою дух омрачен.
Он княжеский тотчас покинул престол,
К Чехрему с дружиной своею пошел.

[*Битва Эрдешира с Бехменом*]

Был некий прославленный доблестью муж.
Оружьем и войском богатый к тому ж,
Тебак справедливый и чистый душой.
Владел именитый Чехрема землей.
Семь славных сынов он имел. Донеслась
Нежданная весть, и Бехмена тотчас
Оставил, во стан Эрдешира спешит,—
Грохочут литавры, клич ратный гремит.
Как должно, лишь только увидел его,
Покинул седло скакуна своего.
Он прах перед доблестным облобызал
И в память Сасанову слово сказал.
Прибывшему с войском, за скорый приход,
Воинственный честь и хвалу воздает.
Но в сердце сомненье закралось к нему,
Страшится довериться старцу тому.
Повсюду в пути осторожность являл —
Могучее войско Тебак возглавлял.
Но муж прозорливый, изведавший мир,
Постиг, что тревогой томим Эрдешир.
К вождю подошел он, в руках Авеста,
Воскликнул: «Тебакова коль не чиста
Душа, коли злобу в душе затаил,
Его да отринет владыка светил!
С тех пор как узнал я, что войско привел
Достойный взойти на Сасанов престол,—
Моя к Эрдевану душа не лежит,
Так юноша прочь от старухи бежит.

Тебака рабом терпеливым считай,
И верным во всем, и правдивым считай!»
Тут внял Эрдешир завереньям его,
Конец подошел подозреньям его.
Стал мудрого, словно отца, почитать —
Возглавил старейший окольную знать.
Сомнения больше царя не томят,
И вот уже в храме огня Рам-Хоррад
Он богу моленья спешит вознести —
Ему да укажет благие пути,
Победой деянья его завершит,
На древе державном плод щедрый взрастит!
Вернулся в свой царский шатер Эрдешир,
Пришли к венценосцу арез и везир *.
Дирхемами щедро бойцов оделил,
Дарящего блага Творца восхвалил.
Идет на Бехмена немалая рать,
И каждый свирепому тигру под стать.
Два встретились войска на поле, и вот
Могучие витязи вышли вперед.
Построившись, грозно дружины стоят,
Вздымаются копья, блистает булат.
Сошлись, разгорелся неистовый бой.
Как тигры схватились, кровь льется рекой.
Покуда лик солнца поблек, пожелтел,
Высь пылью, степь полнилась грудами тел...
Вновь высь бирюзовой чадрой облеклась —
Тебакова рать на врага понеслась.
Вдруг вихрь налетел, черной тучею мир
Окутал. Из сердца дружин Эрдешир
Помчался вперед, и Бехмен отступил,
Он ранен стрелою, утратил свой пыл.
Вослед Эрдешир, трубы подняли стон,
А стрелы дождем полетели вдогон.
И гнал отступающих воинов страх
К оплоту Бехмена — до града Истахр.
Лишь вести о славном царе разнеслись,
К нему отовсюду дружину стеклись.
Немало сокровищ открыли пред ним,
Что собраны были Бабеком благим.
Дирхемы посыпались, множится мощь.
Из Парса с дружинами выступил вождь.

[*Поединок Эрдешира с Эрдеваном*]

Когда Эрдеван эту весть услыхал,
Охваченный страхом, он духом упал.
Промолвил: «Мне тайну высоких светил

Давно еще мудрый из мудрых открыл:
Нежданной беды, коли ей суждено
Прийти, избежать никому не дано.
Не мыслил, что станет вождем Эрдешир,
Что рать поведет завоевывать мир».
Казну распахнул он — бойцов оделил
И войско собрал, и обоз снарядил.
Дейлема и Гиля дружины пришли *.
И пыль до луны поднялась от земли.
Навстречу идет Эрдеширова рать
Такая, что ветру пути не сыскать!
Два лёта стрелы до обеих сторон,
В норе даже змеи утратили сон,—
Так трубы завыли. Грохочет кимвал,
Гул гонга индийского к битве призвал.
Сверкают знамена и клики летят,
И головы косит лиловый булат.
Прошло сорок дней — не приходит к концу
Кровавая битва. Нет мочи бойцу.
Убитых гора на равнине растет,
И раненый стонет, и гибель зовет.
Вдруг туча надвинулась, заволокла
Все небо, сражение тьма прервала,
И вихрь устрашающий забушевал.
Воителей страх небывалый сковал.
Равнина расколота, грохот в горах
И гул непрестанный стоит в небесах.
Бойцы Эрдевана смятенья полны,
Везде безнадежные речи слышны.
Знать, кару небес Эрдеван потерпел,
И впору оплакать дружины удел!
Сражения тягость не в силах сносить,
Разумные стали пощады просить.
Вперед устремился воинственный вождь,
Вновь вспыхнула схватка, стрел сыплется дождь.
И вот окружен Эрдеван наконец,
Душой поплатился за царский венец.
Воитель Хоррад полонить его смог,
Коня за узду ухватил и повлек
К вождю-победителю; издали тот
Взирает, как недруга витязь ведет.
Вот пеший предстал Эрдеван перед ним,
Израненный стрелами, горем томим.
Зовет Эрдешир палача своего,
Велит: «Уведи супостата сего,
Булатным мечом рассеки пополам —
Злокозненным на устрашенье врагам!»

Палач приговор в исполненье привел,
И муж родовитый из жизни ушел.
Так с каждым содеет неверный сей мир,
Будь то Эрдеван или будь Эрдешир.
Кто был вознесен до высоких светил,
В объятия праху, глядишь, угодил...
Два сына к тому ж были взяты в полон —
Род славный Арешев величья лишен!
Обоих владыка велит заковать,
Обоих немедля в темницу послать.
Из знатных спастись только двое смогли *,
От плена и смерти себя сберегли.
В слезах устремились они в Хиндустан,
О них поучителен был бы дастан...
Нет счета на поле сраженья добру,
Оружию, золоту и серебру.
Все это владыка собрать приказал,
Дружине в награду богатства раздал.
Тебак к Эрдевану меж тем поспешил,
Казненного тело от крови омыл,
От пыли сраженья. Оплакал его,
Гробницу воздвиг для владыки того.
Парчою убрал его тело потом,
Чело увенчал из кафура венцом.
В чертог властелина, потомка царей,
Никто не вступил из ворвавшихся в Рей.
Явился затем к Эрдеширу Тебак:
«О царь умудренный,— речь начал он так.—
Ты дочь его взял бы женою. Она
Венцом и величием наделена.
И станут твоими престол и венец,
И все, что собрал именитый отец».
Тебаковы принял советы, и вот
Он дочь Эрдевана женою берет.
Он в княжьем дворце пробыл месяца два:
Богатое войско, богатый глава!
Прославленный к Парсу дружину повел,
Избавился он от страданий и зол.
Построил вблизи родника, средь холмов *,
Град, полный дворцов и цветущих садов.
Хорре-Эрдешир имя града сего,
Так мудрый дехкан называет его.
И вскоре каналы везде пролегли,
Что граду обильную влагу несли.
Огня возвели близ источника храм *,
И Мехр и Седе возрождаются там.
Сей город со множеством пышных садов *,

Просторных мейданов, высоких дворцов,
Когда этот славный владыка ушел,
«Гор» — имя по воле марзбана обрел.
Сей город селеньями шах окружил,
Жилища построил, весь край заселил.
За горным хребтом, глубока, широка *,
С водой животворной бежала река.
И люди кирками пробили гранит,
И влага по сотне каналов бежит.
Река напоила устроенный град,
Он блещет дворцами, стадами богат.

[*Война Эрдешира с курдами*]

Ведет из Истахра несметную рать —
Войну против курдов замыслил начать.
И вот уж на поле сраженья пришли,
Навстречу — воители курдской земли.
Война оказалась нежданно трудна,
Ведь курдам подмога — своя сторона;
Числом, между тем, превосходят врагов:
На курда — по тридцать парсийских бойцов.
С утра до заката сражение шло,
Царю пораженье оно принесло.
Убитых и раненых столько кругом —
Ни пяди свободной на поле большом!
Немало повержено богатырей,
Спаслись повелитель да горстка мужей.
Измучены зноем, в пыли ездоки,
От жажды потрескались их языки.
Ночного раскинулся знамени шелк,
Сражения шум оглушающий смолк.
С бойцами от недругов скрывшийся шах
Огонь замечает на ближних горах.
Тотчас устремился к огню сипехбед,
За ним уцелевшие воины вслед.
Увидели, вскоре добравшись туда,
Костры пастухов, охранявших стада.
Там спешиться можно царю и бойцам,
Пыль битвы забила уста беглецам.
Царь просит напиться — воителям тут
И маст и прохладную воду несут *.
Вкусил, отдохнув, из того, что нашлось;
Кафтаном своим укрываться пришлось.
Достойное ложе в дороге такой!
Лежит в изголовье шелом боевой.
Над водным простором восстала заря.
Приблизился тут к изголовью царя

Глава овцеводов и так говорит:
«Пусть радость и день твой, и ночь озарит!
Глухой стороной пролегает твой путь,
Под кровом тебе не пришлось отдохнуть».
Его о дороге расспрашивать стал:
«Найду ли с бойцами где стать на привал?»
И слышит в ответ: «Провожатого взять
Придется, дороги самим не сыскать.
Отсюда четыре фарсанга пути
До первой стоянки готовься пройти.
А дальше селения встретятся, в них
Найдешь именитых, старейшин благих».
Царь, выслушав слово главы пастухов,
Берет многоопытных проводников.
Селения ближнего вскоре достиг,
Старейшину кличет к себе в тот же миг.
Отправил в Хорре-Эрдешир верховых —
И старых воителей, и молодых.
И, рады безмерно известью тому,
Немедля бойцы устремились к нему.
Лазутчиков зорких владыка послал,
О курдах им все разузнать приказал.
Помчались, как ветер, и вскоре назад
С таким донесеньем к владыке спешат:
«Гордынею страх усыпили они,
О шахе и думать забыли они:
В Истахре, мол, немощь настигла его,
Состарилось счастье владыки того!»
Воспрянув душою от этих вестей,
Забыл о былой неудаче своей.
Из войска избрал десять тысяч бойцов,
Искусно разящих мечом храбрецов.
Еще десять сотен стрелков удалых,
Колчаны со стрелами, луки у них.

[*Ночное нападение Эрдешира на курдов*]

Вот солнце поблекло. Выходит в поход
И немощных только с собой не берет.
Полночная темень окутала мир,
В стан курдов с дружиной проник Эрдешир,
И видит: воители сну предались.
Сердца у бойцов Эрдешира зажглись.
Подкрались безмолвно к предавшимся сну,
Отважный, поводья отдав скакуну,
Меч поднял, оружье бойцы занесли,
И травы кровавый венец обрели.
Усеяли головы, руки, тела

Равнину. Убитым не знали числа.
И многих притом захватили в полон.
Зловредный и дерзостный враг усмирен.
Венцами и золотом одарена
Дружина; разграблена курдов страна.
Нет счета добыче: явился бы тут
Хоть старец, несущий динаров сосуд,
Труда пожалели бы злато отнять —
Так царь одарил победившую рать.
Воинственный без похвальбы на устах
Немедля назад устремился в Истахр.
«Коней откормите,— бойцам повелел.—
Клинки отточите,— бойцам повелел.—
Как вдоволь натешитесь шумом пиров.
Помыслите снова о громе боев».
Воссели, пируют мужи без забот.
Плеча от кольчуг отдохнули, и вот
Вновь помыслы царь обращает к войне.
Сказ новый услышит внимающий мне.

СКАЗ О ХАФТВАДОВОМ ЧЕРВЕ

Поведаю дивное диво со слов *
Дехкана, сберегшего были веков.
В сказаньях о Парсе поведал дехкан:
Парсийский у моря был град Каджаран *.
Хоть мал этот город, но множество в нем
Ютилось народу; все жили трудом.
И даже девицы из бедных семей
Там хлеб добывали работой своей.
Они у ворот городских по утрам
Сходились — у тех, что поближе к горам.
У всех тополевые прялки, в мешках
Отмеренный хлопок, еда в узелках.
И так всякий раз собирались они
И в горы гурьбой отправлялись они.
К полудню все сложат и вместе съедят
Припасы; кто сколько принес — не глядят.
Работницам тем не до пира и сна,
О хлопке и пряже забота одна.
А к ночи девицы спешили домой,
Теразскую нить уносили с собой *.
Хоть беден, исполнен веселия град.
В том граде приморском жил некий Хафтвад *.
Хафтвадом прозвали его оттого,
Что семеро было сынов у него.
И юная дочь у Хафтвада была,

Всех дев красотою она превзошла.
Однажды, трудясь от рассветной поры,
Сидели они у подножья горы.
Когда же приблизился трапезы срок,
Оставили прялки, уселись в кружок.
Вдруг яблоко — ветром его сорвало —
Хафтвадовой дочери взор привлекло.
Проворно взяла его дева-краса,
А дальше такие пошли чудеса!
Лишь плод надкусила, увидела в нем
Червя небольшого. Легонько перстом
Сняла и, на прялку свою посадив,
К работе оставленной вновь приступив,
Сказала: «Во имя создавшего свет,
Которому не было равных и нет,
Я нынче с подмогой червя напряду
Так много, что ужас на вас наведу!»
Тут жемчугом зубы сверкнули у всех
И девичий звонкий послышался смех.
В тот день вдвое больше напряла она.
Число на земле записала она
И к дому спешит своему — показать
Мотков изобилье, порадовать мать.
И та, похвалив, молвит ласково ей:
«Удача пришла к ненаглядной моей!»
Встав утром, девица мотки перечла,
С собой меру хлопка двойную взяла.
И снова вступает красавица в круг
Достойных, в работе усердных подруг.
Сказала: «О, схожие ликом с луной,
Рожденные под благодатной звездой!
Сработаю столько с подмогой червя,
Что бедность забуду, в довольстве живя».
Весь хлопок, который себе припасла,
Ссучила, осилить и больше могла.
В дом вносит готовую пряжу свою,
На сердце у матери словно в раю.
Помощнику дева, лишь день настает,
От свежего яблока ломтик несет.
Все больше берет она хлопка с собой
И пряжи все больше приносит домой.
Дивятся такому и мать и отец,
Девицу спросили они, наконец:
«Кто прясть помогает тебе? Говори!
Как видно, с тобою сдружилась пери!»
На это девица ответила так:
«Попался мне в яблоке малый червяк».
Потом показала она червяка,

И радость обоих была велика.
И с этого часа, поверив звезде,
Хафтвад перестал помышлять о труде.
О Керме твердит непрестанно: мол, в дом
Пришло к нему счастье с чудесным червем!
Растет благоденствие день ото дня,
Счастливца все к новым высотам маня.
Усердной заботою Керм окружен,
Отборною пищею кормится он,
Растет, набирается сил день за днем *,
И переливаются краски на нем:
Блестящая мускусная чернота
Да яркий шафран с головы до хвоста.
Уж прялка червю колдовскому тому
Тесна. И ларец смастерили ему.
Хафтвада умножилось так торжество,
Что дел не вершат без совета его.
Казна все растет и могущество с ней,
Растут и богатства его сыновей.
Был рода высокого в городе том
Эмир, и немалое войско при нем.
И начал Хафтвада эмир притеснять,
Хотел у безродного злато отнять.
Но семеро храбрых с Хафтвадом сынов,
Немало еще собралось удальцов.
С тем — меч и копье, с этим — лук и колчан,
И гулом наполнился град Каджаран.
Повел в наступленье дружину свою
Хафтвад. Одержал он победу в бою,
Вождя обезглавил, взял крепость и в ней
Немало казны, драгоценных камней.
И толпами люд к победителю шел;
Тот в горы народ за собою повел,
На горной вершине твердыню воздвиг
С вратами железными, чтоб не проник
Туда неприятель, пришедший войной,—
Оплот неприступный за крепкой стеной.
И так высоко возносилась стена *,
Что глаз не видал, где кончалась она.
В ту крепость ручей многоводный вбегал,
В ключе на вершине начало он брал.
А Керм все растет, не вмещается он
В ларце, водоем для него возведен.
Туда водворили, чуть солнечный луч
Согрел водоема гранит и сорудж *.
И та, что о Керме бессменно пеклась,
Едва рассветало, вставала тотчас,

Размоченный рис приносила ему,
Дававший и крепость и силу ему.
Пять лет миновало. Росло и росло
Чудовище это, слона превзошло.
Дочь холит червя, не жалея трудов,
Отец — у червя предводитель бойцов.
Ни риса отборного, ни молока
Для Керма не жаль. В дорогие шелка
Из Чина его наряжают, и рад
При Керме служить неразумный Хафтвад.
От Чинского моря до града Керман
Раскинут Хафтвада воинственный стан.
Бойцов десять тысяч собрали сыны,
Оружья немало, немало казны.
Какой из владык ни замыслит войну,—
Лишь только с дружиною вступит в страну,
Услышав о Керме зловещий рассказ,
В бою поражение терпит тотчас.
Так стал неприступен Хафтвадов оплот,
Что ветер — и тот пролететь не дерзнет.

[*Битва Эрдешира с Хафтвадом*]

Когда о Хафтваде молва донесла,
Вождю не понравились эти дела.
И против Хафтвада отборную рать
Тогда Эрдешир не замедлил послать.
Хафтвада нагрянувший враг не смутил;
Часть войска в ущелье, в засаде укрыл,
С другою тотчас устремляется в бой.
Кто бьется секирой, а кто — булавой.
Когда ж из засады отряд налетел,
Пред взором воителей мир потемнел.
От ужаса ног уж не чуют и рук,
И кони, сказал бы, стреножены вдруг!
Под грудами мертвых земли не видать,
Уже победитель устал убивать.
Избегшие гибели в этом бою
Вернулись, бежав, к Эрдеширу-царю.
Узнал Эрдешир о печальной судьбе
Воителей, павших в кровавой борьбе;
Душой омрачился и, войско собрав,
Оружье бойцам и дирхемы раздав,
К твердыне Хафтвада помчался. А тот,
Безродный, вознесший главу до высот,
Из крепости вынес оружье, казну,
Счел недруга слабым, ничтожной — войну.
Сын старший, вдали пребывавший, о том

Услышал, что бьется родитель с врагом.
Воинственный имя Шагуя носил *,
Коварным и злобным, и дерзостным слыл.
Забыв о покое и пище, и сне,
Он воды реки пересек на челне
И тотчас предстал пред Хафтвадом, и рад
В подмогу пришедшему сыну Хафтвад.
Крыло ему правое вверил. В бою
Готов он возглавить дружину свою.
Два войска всем надобным снаряжены,
В бой рвутся, враждою и злобой полны.
Царь глянул, и в сердце закрался испуг,
Сказал бы, состарилось юное вдруг.
Столкнулись два строя, скрестились мечи,
На лезвиях вспыхнули солнца лучи.
Раздался кимвала неистовый гром,
Людей оглушив на две мили кругом,
И трубы взревели. Громады литавр
Мир ввергли в смятение, загрохотав.
Просторы земли от подков сотряслись,
В цвет лала знамена окрасили высь.
Стук палиц по шлемам, сказал бы ты, свод
Небесный с землей перекличку ведет!
Земля вся изрыта от скачки коней
И тел обезглавленных груды на ней.
Был натиск Хафтвадовой рати таков,
Как в бурю — морских бушеванье валов.
Воителей столько, ты скажешь, пути
Меж ними букашке — и то не найти.
Сражались, покуда вечерняя тень
Накрыла шатром угасающий день.
Бойцов отовсюду собрал Эрдешир.
Враги впереди, сзади — озера ширь.
Когда же сгустился покров темноты,
Расставили сторожевые посты.
Уж бедствует рать Эрдешира, она
От мира отрезана, окружена.

[*Разграбление Эрдеширова дворца Мехраком*]

Мехрак, сын Нушзада, в Чехреме царил,
Сей муж к властелинам свой род возводил.
Узнав, что властителя дом пустовал,
Что тот поражение в битве познал,
Что ныне во всяких припасах стеснен
И путь отовсюду ему прегражден,
Собрал многочисленных воинов князь;

Из града Чехрема в столицу примчась,
Разграбил владыки дворец и бойцам
Все роздал сокровища, взятые там.
Лишь это известие царь Эрдешир
Услышал, померк для венчанного мир.
«Почто беззащитным оставил свой дом,—
Твердит,— и сраженье затеял с врагом!»
Воителей знатных немедля созвал
И долго совет о Мехраке держал.
Сказал: «Обступило нас множество бед,
Какой, о вожди, подадите совет?
Не раз в этой жизни встречалось мне зло,
Но горшее днесь от Мехрака пришло».
Вожди отвечают: «О наш властелин!
Вовек да не ведаешь бед и кручин!
Мехрака имея врагом за спиной,
Зачем утруждаешься этой войной!
Царить над вселенною — доля твоя,
Мы — слуги, приказывать — воля твоя».
Вот к трапезе царь приглашает бойцов,
Расставлены чаши, зовут игрецов.
Зажаренных вносят ягнят. Эрдешир
Взял хлеб для еды, начиная тот пир.
К устам не успел поднести его, вдруг
Застыл в изумленье пирующих круг.
Стрела, неизвестно откуда примчась,
В румяную тушу ягненка впилась.
Кровь печени, скажешь, пролили мужи,
И руки от яств отстранили мужи.
Вот кем-то из витязей извлечена;
Он видит на древке стрелы письмена.
По зову владыки дебир подошел,
Нежданное это посланье прочел.
Там было начертано на пехлеви:
«Рассудок на помощь, о царь, призови!
Ведь крепость, откуда примчалась стрела,
В могуществе Керма оплот обрела.
Пустил Эрдеширу бы в сердце — оно
Стрелой моей было бы вмиг пронзено.
Не лучше ль, о царь, остеречься тебе,
Чем пасть побежденному Кермом в борьбе!»
В то время, как слушал дружины глава
Стрелой донесенные эти слова,
Два было фарсанга до крепости той.
Вожди от сего омрачились душой.
Моленья благому Творцу вознесли,
Да благословит властелина земли!

[*Эрдешир узнает о Керме*]

Все думал о Керме владыка в ту ночь.
Лишь с Солнцем Луне стало спорить невмочь,
Он в путь устремился с дружиной своей;
От озера в Парс направляют коней.
Но тут же дружина Хафтвада вдогон
Помчалась, и вот Эрдешир окружен.
Погибли вожди. Венценосный бежит,
И горсть приближенных за шахом спешит.
А следом: «Да ширится слава Червя,
Да блещет все ярче держава Червя!»
«Не диво ли это! — вскричали мужи,—
Такого еще не встречали мужи».
И не разбирая низин и холмов,
Несется владыка с той горсткой бойцов.
Завидев селенье, погнали быстрей,
Их кони — что волки средь шири степей.
Вот первого дома достигли. Глядят —
Неведомых юношей двое стоят.
Коня Эрдешир осадил своего.
Расспрашивать юноши стали его:
«Покрытые пылью, в тревоге такой,
Откуда вы мчитесь столь поздней порой?»
Ответил: «Царя Эрдешира найти
Должны, от него мы отстали в пути.
Бежал он, Хафтвадом и Кермом тесним,
Их войском бесчинным, нечистым гоним».
Известие это повергло в печаль
Тех юношей, им побежденного жаль.
Покинуть седло беглецу помогли,
Хвалу воздавая, в жилище ввели.
Готовят для пира отрадный приют
И яства приятные взору несут.
Почтение должное гостю явив,
С бойцами его пировать усадив,
Сказали: «О славный, заботу гони!
Ни скорби не вечны, ни радости дни.
Что некогда, вспомни, Зохак-лиходей
Изведал на троне владыки царей.
Каков был конец Афрасьяба-царя,
Что шахов преследовал, злобой горя.
И жребий какой Искендера постиг,
Нещадно сгубившего столько владык.
Все сгинули, имя позором покрыв,
Себя светозарного рая лишив.
Конец и Хафтвадовой жизни придет,

Суровая кара презренного ждет».
И словно цветок от весенних лучей,
Воспрянуло сердце от этих речей.
Понравились добрые эти слова,
Открыл свою тайну Ирана глава:
«Сасана я сын, Эрдешир, и от вас
Совета разумного жду в этот час.
Что делать с Хафтвадом, погрязшим во зле,
И с Кермом — да сгинет их след на земле!»
Назвался он именем царским своим,
И юноши низко склонились пред ним.
«Будь счастлив! — владыке они говорят,—
От бед огражденный, не ведай утрат!
И жизни тебе отдаем, и сердца,
Твой царственный век да не знает конца!
Внемли же ответу. Избавит от бед
Тебя, повелитель, наш добрый совет.
С Хафтвадом и Кермом в открытом бою
Не сладить, их мощь превосходит твою.
Убежище их на вершине. Полна
Воителей крепость. И Керм и казна —
Все там,— неприступною толщей стены
И водами озера защищены.
Хоть кажется с виду огромным червем,
Див, жаждущий крови, скрывается в нем».
Как только услышал Ирана глава
Внушенные верностью чистой слова,
«То правда,— в ответ благородный сказал,—
Я все о врагах моих ныне узнал».
Желанье служить изъявили они
И сердце его озарили они:
Тебе, мол, покорны пребудем во всем,
Ко благу, о славный, тебя поведем...
И, радостный, шах приближенных зовет,
Влеком справедливостью мчится вперед.
И юноши в путь устремляются с ним,
Везде неразлучны с владыкой своим.
В душе Эрдешира надежда и мир,
Вступает венчанный в Хорре-Эрдешир.
Собрал отовсюду отважных бойцов,
Призвал именитых, благих мудрецов.
Едва отдохнув, оделивши казной
Дружину, идет на Мехрака войной.
А тот не отважился в битву вступить,
Надеялся злую беду отвратить.
Узнав, что к Чехрему приблизился шах,
Укрылся — злодея преследовал страх,

Но в жажде отмщенья, пока не схватил
Изменника, доблестный не уходил.
Снести вероломному голову с плеч
Велит он, и тело безглавое сжечь.
И тех, кто из рода Мехракова был,
Клинок Эрдешира нещадно скосил.

[*Эрдешир убивает Хафтвадова червя*]

На Керма с дружиной пошел он войной.
— На Керма! — все движимы целью одной.
Двенадцать он тысяч повел верховых,
Испытанных в битвах бойцов удалых.
К долине примчались. В небесную высь
Там горы с обеих сторон вознеслись.
И мужу благому, что звался Шехргир,
Дружину возглавить велит Эрдешир.
Услышал веленье царя пехлеван: *
«Раскинь в этом месте наш воинский стан.
Повсюду надежные выставь посты.
Дневною порой и в часы темноты
Держи на высотах дозорных бойцов,
Чтоб вовремя рать остеречь от врагов.
Задумал я хитрость — мой дед Исфендьяр
Нанес супостату подобный удар.
Клубящийся дым коль приметит дозор,
Завидит ли ночью горящий костер,—
Поймешь, пресеклись злодеянья червя,
Окончились дни процветанья червя!»
Избрал себе спутников — семь храбрецов,
В сраженьях тиграм подобных бойцов,
Готовых тот замысел осуществить
И тайну до времени крепко хранить.
Добро из казны извлекает своей —
Немало парчи, драгоценных камней.
Был мудрым — богатства почел пустяком...
А два сундука нагрузил он свинцом
И оловом, медный котел погрузил.
В делах был искусным, находчивым был.
Когда же все хитрости предусмотрел,
Десяток ослов привести повелел.
Подобно купцу облачился в гелим *,
Поедут товары богатые с ним.
С тревогою в сердце покинул свой стан,
К той крепости быстро повел караван.
И юношей тех, что в селенье своем
Ему оказали радушный прием,
Берет вещеносный с собою; благих

Обрел он друзей и советников в них.
Поднявшись на гору, у крепости стал
Купец с караваном своим на привал.
У Керма доверенных слуг шестьдесят,
И кормят и зорко его сторожат.
Главу каравана один вопросил:
«Товаром каким сундуки нагрузил?»
И царь отвечает на этот вопрос:
«Немало я разных товаров привез —
Алмазов и золота, и серебра,
Шелков, и мехов, и другого добра.
Из дальнего мы Хорасана идем,
Торгуя, в трудах непрестанно живем.
Богатства по благости Керма обрел —
Увидеть хотелось мне Керма престол.
Пришел издали поклониться ему —
Ведь счастьем обязан ему одному».
Доложено тут же об этих словах;
Открылись ворота тяжелые. Шах
Вступает в твердыню, ведя караван,
И тотчас торговый раскинулся стан.
Добро из своих извлекает тюков,
Подносит, как должно, немало даров,
Как все караванщики, стражу почтить
Торопится, скатерть для них расстелить.
И полный бурдюк открывает для них,
И в чаши вино наливает для них.
Но вверено слугам ходить за червем,
И рисом кормить и поить молоком,
И чашу с вином ни один не берет —
Не время, мол, пьянствовать, службы черед!
Вскочил Эрдешир: мол, задача легка!
Есть рис у меня, есть запас молока.
Дозвольте, при Керме три дня стану несть
Кормления службу, в том вижу я честь.
Быть может, молва обо мне прогремит
И Кермово счастье меня осенит.
Три дня на покое пируйте, а там,
Чуть мир встрепенется навстречу лучам,
Воздвигну я крытый базар, да такой,
Что вырастет выше стены крепостной!
Торгуя, ищу покупающих я,
При Керме умножится слава моя...
Он стражу речами сумел ублажить,
Торговцу доверили Керму служить.
Уловки искусные в дело пустил
И Кермовых слуг пировать усадил.

Все пьют и едят, и теперь никому
Не служат, а только вину одному.
Уж начал язык заплетаться у них.
Вот юношей кличет он верных своих,
Внес олово с ними, свинец и котел,
Костер при полуденном свете развел.
Для Кермовой трапезы блюдо одно —
Кипящее олово припасено.
Задвигал поганым своим языком,
Отведать готовится лакомый корм.
Тут сплав обжигающий хлынул, и вмиг
Прожорливый червь обессилевший сник.
Так лопнула Кермова глотка, что треск
Привел в сотрясенье всю землю окрест.
Бегут на подмогу царю смельчаки,
В ход пущены палицы, стрелы, клинки.
Прислужников всех перебили хмельных,
От смерти никто не укрылся из них.
Дым черный со стен крепостных повалил,
Владыка воителям доблесть явил.
И весть от дозорного слышит Шехргир:
«Сразил неприятеля шах Эрдешир!»
С дружиной летит во всю мочь сипехбед,
Спешит Эрдеширу помочь сипехбед.

[*Эрдешир казнит Хафтвада*]

Услышав о том, содрогнулся Хафтвад,
Боль стиснула сердце, он жизни не рад.
Примчался, на приступ дружину повел;
Тотчас венценосный на башню взошел.
Напрасно Хафтвад, не щадя своих сил,
Длит битву — твердыню ведь лев захватил!
А вот и бойцы Эрдешира видны,
И недруги царские устрашены.
С той башни высокой воззвал Эрдешир:
«Вперед, в наступленье, отважный Шехргир!
Коль скрыться удастся Хафтваду — беда,
На ветер пойдут все усилья тогда.
А Керму скормил я горячий свинец,
Пришел благоденствию Керма конец!»
Услышали воины царский призыв,
И каждый, шеломом чело защитив,
Исполнен отваги, пылая враждой,
С удвоенной силою ринулся в бой.
Час грозный для воинов Керма настал *
Схватили Хафтвада, с ним пленником стал
Неверный Шагуй, побежденного сын,

Советник его, предводитель дружин.
Спустился с высокой стены Эрдешир,
И, спешась, приблизился к шаху Шехргир.
Ведут скакуна с золотою уздой,
Воссел на него повелитель благой,
Что недруга в смертном бою одолел.
Две виселицы возвести повелел —
Безумцев сердца ото сна пробудить,
Позорною казнью обоих казнить.
Повесить злонравных Шехргир повелел.
Вонзилось в повешенных множество стрел.
Сокровища отняты, град разорен,
Добычею каждый боец одарен.
От края до края весь Кермов приют
Разгромлен. В казну Эрдешира несут
Все лучшее, блеском дивившее мир,
Добычу увозят в Хорре-Эрдешир.
Повсюду он храмы Огня возводил,
Мехрган и Седе в том краю возродил.
Владеть той землею мужей молодых
Оставил — советников добрых своих.
И далее радостно следует он,
Его справедливостью Парс озарен.
Дав прежде бойцам и коням отдохнуть,
К стенам Шехрезура свой держит он путь.
В Керман посылает немалую рать *
И мужа достойного край возглавлять.
Победу стяжавший над недругом злым,
В Тисфун устремляется с войском своим *.
Да, рока таков переменчивый лик,
Он тайны свои открывать не привык.
Вовек не смирится, с ним ты примирись:
То катишься вниз, то возносишься ввысь.
Я с Кермом покончил, открою теперь
Сказанью о днях Эрдешировых дверь.

САСАНИДЫ

[ЦАРСТВОВАНИЕ ЭРДЕШИРА БАБЕКАН ДЛИЛОСЬ СОРОК ЛЕТ И ДВА МЕСЯЦА]

[*Восшествие Эрдешира на престол*]

В Багдаде в венце бирюзовом взошел *
На царский, из кости слоновой, престол.
В уборе царей, в золотом кушаке
Владыка воссел с булавою в руке.
Его шахиншахом тогда нарекли,
Гоштаспа, сказал бы ты, в нем обрели.
Вепчавшись на царство, Ирана глава
Сказал на престоле такие слова:
«Богатство мое — справедливость, страна
Моими усильями возрождена.
Богатства сего никому не отнять,
Злодею — возмездия не миновать.
Создатель, воззрев на служенье мое,
Всю землю отдаст во владенье мое.
Отныне страну под защиту беру,
Лишь правду стезею своей изберу.
Из витязей вооруженных моих *,
Сановников иль приближенных моих
Никто да не мыслит безвинных теснить,
Благим и достойным обиды чинить.
Кто б ни был — из недругов или друзей,—
Своих ни пред кем не закрою дверей».
Мужи отвечали, владыку хваля:
«Твоей да украсится правдой земля!»
Дружины во все разослал он края:
Вождей, коль восстанут, вражды не тая,
Замыслят оружьем престол захватить,—
К покорности силой должны обратить.

[*Сказ об Эрдешире и дочери Эрдевана*]

Когда Эрдевана сразил Эрдешир,
Кровь эту пролив, унаследовал мир,
Взял дочь его в жены, тогда, мол, она
Откроет, где скрыта отцова казна.

Два княжеских сына себя обрекли
Скитаниям, в Хинде приют обрели.
В темнице у шаха два сына других
Не видят предела страданий своих.
Сын старший, что в Хинде, в изгнании жил *,
Муж доблестный, имя Бехмена носил.
Приверженца княжич зовет своего,
Покорен был юноша воле его.
Лишившийся царства и царских услад
Посланцу вручает губительный яд.
Так молвил: «Сестру повидать ухитрись:
За милостью царской — скажи — не гонись!
Один и другой в Хиндустане твой брат,
Дни в бедствиях, в горьких лишеньях влачат.
Двоих Эрдешир в заточенье томит,
От ран изнемогших. Родитель убит,
Ты ж с ними безжалостно связь порвала.
Творцу неугодны такие дела!
Коль хочешь Ирана владычицей стать,
Отважных сердец одобренье снискать,—
Из Хинда сей яд смертоносный возьми,
Им жизнь Эрдеширову ты отними».
Домчался и к ночи проник во дворец,
Предстал перед дочерью княжьей гонец.
Наказ услыхала, и сердце печаль
Прожгла, обездоленных братьев ей жаль.
Отраву смертельную тут же взяла,
Удачи в задуманном деле ждала.
Однажды на лов Эрдешир поскакал,
Без промаха стрелы в онагров пускал.
Вот полдень подходит, усилился зной,
И едет владыка с охоты домой.
А там уже дочь Эрдеванова ждет,
С топазовым блюдом навстречу идет,
За пестом — дарящею силы едой *,
Подносит и сахар с холодной водой,
Подсыпав отравы. А в мыслях одно:
Быть может, Бехмену царить суждено...
Но тут, у царя ускользнувший из рук,
Сосуд разбивается вдребезги вдруг.
И дочь Эрдеванову трепет объял,
Сказал бы ты, сердце ей страх разорвал.
Испуг ее шахом замечен тотчас.
Глядит он, деяниям рока дивясь.
Взять птиц четырех было велено тут,
Прислужники дело исполнить бегут.
Пустили их к песту. В душе у царя:

Ужель заподозрил прекрасную зря?
Но птицы издохли, отведав еды,
Тут явственны стали злодейства следы.
Владыка, в ком свет разуменья сиял,
Мобедов своих и старейшин созвал,
При них у везира спросил своего:
«Коль хитрому недругу вверясь, его
С собой усадил на престоле, а тот
Дерзнул, опьянев от царевых щедрот,
На жизнь покуситься — чем должно отмстить?
Как вред, что себе причинил, устранить?»
И слышит: «Рожденный царей почитать,
Коль руку дерзнет на владыку поднять,—
Властителя долг — увещаньям ничьим
Не внемля, сурово расправиться с ним».
Царь молвит везиру: «Казнить прикажи!
С дыханьем ее разлучить прикажи!»
Дочь княжью уводит везир. Сражена
Отчаяньем, кается горько она.
«О мудрый,— промолвила, слезы лия,—
Кончины ни ты не избегнешь, ни я.
Пощады, поверь, для себя не прошу,
Под сердцем дитя Эрдешира ношу.
Когда заслужила я кары такой —
Удара мечом или петли тугой,—
Младенцу родиться лишь дай и тотчас
Исполни царя Эрдешира наказ».
Вернулся к царю милосердный мобед,
Поведал о том, что узнал, но в ответ
Услышал: «Моления эти отринь,
Ей петлю на шею в возмездье накинь!»

[*Рождение Шапура, сына Эрдешира*]

И мудрый подумал: «О горестный час!
От шаха не слышать бы этот приказ.
Ведь смерть на земле уготована всем,
Наследника нет у царя, между тем.
Пусть лета несчетные он проживет,—
Угаснет, к чужому престол отойдет.
Не лучше ли мужество, мудрость явить
И дело недоброе предотвратить.
Рука моя эту красу сбережет,
Быть может, раскаянье к шаху придет.
Родится младенец ее — до тех пор
Не стану такой исполнять приговор.
Помыслить подобное невмоготу.
Ужели жестокость добру предпочту!»

Царицу к себе водворивши в чертог,
Как душу свою, неустанно берег.
Так мыслил, усердие множа свое:
Не должно и ветру дохнуть на нее!
Подумал: «Немало найдется врагов,
Нас каждый в худом заподозрить готов.
Есть средство мою оградить правоту,
Во благо себе обратить клевету».
В покоях замкнувшись, себя оскопил,
Повязку с бальзамом потом наложил,
Снося терпеливо жестокую боль.
А то, что отрезал, уложено в соль,
Укрыто от взоров в ларце небольшом.
Ларец запечатан. Сам, бледен лицом,
Вздыхая, пред царским престолом предстал,
Просил, чтобы царь казначея призвал.
И вот казначеем ларец унесен,
И будет храниться до времени он.
В ларце — объясненье деянья того,
А также записано время его.
И вот уже время приходит родить,
Рожденье сумел и от ветра сокрыть,
Родился у княжеской дочери сын,
В нем виделся чистый душой властелин.
Из дома заранее лишних услал.
Младенца благого Шапуром назвал.
Семь лет умудренный Шапура хранил,
Взрастал он прекрасным, исполненным сил...
Однажды везира призвал Эрдешир,
В слезах застает властелина везир.
Так молвил: «Да минет владыку беда.
Дух мыслью насыщен да будет всегда!
Желанья исполнил, добился всего:
С престола низринул врага своего.
Пируй же, вино веселящее пей
И душу избавь от забот и скорбей.
Даны тебе в царство земли семь сторон,
Все в воле владыки — и войско и трон».
Ему говорит повелитель в ответ:
«О верный мой, чистый душою мобед!
Мой меч укротил непокорство судьбы,
Дни минули тяжких невзгод и борьбы.
Но встретил я год пятьдесят уж второй * —
Ни розы, ни мускуса под камфарой.
Не время ли сыну пред шахом стоять,
Советовать, радовать, силу вселять.
Бездетного мужа сравни с сиротой —

Ведь сердце его не согреет чужой.
Престол и венец унаследует враг,
А мне за труды возмещение — прах».
Подумал тут старец, ревнитель добра:
«Как видно, открыть мою тайну пора».
Воскликнул: «О нами владеющий царь,
О благе подвластных радеющий царь!
Когда бы мне жизнь обещал сохранить,
Я мог бы кручину твою исцелить».
«О мудрый,— сказал венценосный ему,—
Тебя разлучать мне с душою к чему!
Что знаешь, поведай, и больше скажи!
Слух радуют мудрою речью мужи».
На это ему отвечает мобед:
«Владыка, в чьем сердце немеркнущий свет!
Храпится в казне мой ларец небольшой,
Вели, чтоб поставили перед тобой».
К себе казначея призвал Эрдешир:
«Ларец, мол, вернуть ему просит везир.
Быть может, увидев сокрытое там,
Забвенью печали былые предам».
Тотчас казначей воротился и вот,
Что взял у дестура, назад отдает.
Царь молвит: «В ларце этом спрятано что?
Печать наложил на сокрытое кто?»
«Владыка! — ответное слово звучит,—
В ларце, знай, клочок моей плоти сокрыт.
Ты мне Эрдеванову дочь поручил,
Велев, чтоб с душою ее разлучил.
Казнить не решился — младенца ждала,
А злые Творцу неугодны дела.
Коль скоро пришлось мне нарушить приказ,
Себя оскопить порешил в тот же час,
Никто чтоб меня очернить не посмел,
Потоком злословья облить не посмел.
Теперь семилетья достиг твой Шапур —
Уж ныне, сказал бы, владыке дестур.
Наследник такой никому из владык
Не дан. Затмевает он месяца лик.
С любовью нарек я Шапуром его,
Творец да умножит его торжество!
И матери отрока жизнь спасена,
О славном как должно печется она».
Безмолвно везиру внимал шахиншах.
И вот что услышал потом кедхода: *
«О муж, добродетели верный всегда!
Немало ты вынес страданий. Поверь,

Получишь за них воздаянье теперь:
Сто сверстников должно Шапуру сыскать —
Царевичу ростом и силой под стать.
И пусть они будут в одеждах таких,
Чтоб не было с сыном различья у них.
Всех отроков завтра к мейдану отправь.
К мячу молодцов и човгану отправь *
Средь отроков многих, прекрасных лицом,
Душою почувствую сына в одном.
Свидетельство даст, возликует душа,
И встречу мне с сыном дарует душа».

[*Шапур играет в мяч и човган*]

За дело взялся, лишь блеснула заря,
И отроков скликнул советник царя.
В одежде одной, роста все одного,
Не выделишь с виду из них никого.
На поле, сказал бы ты, праздник большой.
Меж всадников юных царевич благой.
Човганом проворным он бьет по мячу,
Тягаться с ним сверстникам не по плечу.
На это ристалище прибыл потом
И царь Эрдешир в окруженье своем.
Вздохнул венценосец, когда увидал
Играющих. Тотчас перстом указал
На юного всадника. Слышит везир:
«Не этот ли отрок — второй Эрдешир?»
«О царь! — восклицает везир,— это он!
Должно быть, ты сердцем самим умудрен».
Придворного тут подозвал Эрдешир:
«Ты ловок и сметлив,— сказал Эрдешир,—
В толпу ясноликих вмешайся и вскачь
Помчавшись, гони в мою сторону мяч.
И тот, кто примчится ко мне, словно лев,
И быстро, отважно мячом завладев,
Ударом искусным его отобьет
И всадников прочих за пояс заткнет,
То — сын, без сомненья, ведь сила его
От корня и мышцы, родства моего».
Придворный проворно исполнил приказ,
И мяч пред царем очутился как раз.
Все отроки, словно стрела, за мячом
Помчались. Увидев его пред царем,
Застыли на месте. И только младой
Царевич приблизился. Ловкой рукой
Он возле отца этот мяч подхватил,
Погнал и ровесникам вновь возвратил.

И радость тогда в Эрдешира влилась,
Так старец душой молодеет подчас.
Шапура наездники приняли тут,
С рук на руки бережно передают.
И вот уже отрок в объятьях отца,
И тот с благодарностью славит Творца,
Целует царевича очи и лик,
Твердя: «Кто бы чудо такое постиг!
Я даже помыслить не мог бы сего,
Ведь сына убитым считал своего.
Но милость Йездана царя сберегла,
Чтоб память моя в этом мире жила.
Не минешь Создателя воли благой,
Хотя б выше солнца вознесся главой!»
Велит из хранилищ алмазы нести,
Рубины, динары, топазы нести.
И жемчуг и золото льются дождем,
И мускус и амбра на отроке том.
По темя динаров гора возросла,
За грудой жемчужин не видно чела.
Везира он щедрой рукой наградил,
Вблизи, на скамье золотой, усадил.
Весь дом и айван озарился его —
Советника так одарил своего.
И дочь Эрдевана по воле царя,
От радости этой душою горя,
Идет во дворец. Прощена ей вина,
Померкшая вновь засияла луна.
Призвал венценосец ученых мужей,
Познаньями обогащенных мужей.
Учили письмом пехлевийским владеть
Царевича, с должным величьем сидеть,
На поле сражения править конем,
Врага устрашать занесенным копьем,
И ратному строю, и ратным трудам,
И щедрости царской, и царским пирам.
Динаров, дирхемов и прочих монет*
Чеканку велел изменить. С этих лет
Чеканили имя владыки страны,
Везира благого — с другой стороны.
К добру указавший дорогу во тьме,
Муж праведный, звался он Геранмайе.
И в летопись имя везира вписать
Велит; вверил перстень ему и печать.
Из царской казны одарил он притом
Беднейших, свой хлеб добывавших трудом.
В пустыне, по воле владыки земли.

Был город воздвигнут, сады зацвели.
Теперь Дженд-Шапур называешь его *,
Другого названья не знаешь его.

[*Кейд Хиндский гадает Эрдеширу*]

Шапура уж с тополем можно сравнить,
Сказал бы ты, впору от сглаза хранить.
Всегда неразлучен с ним был Эрдешир,
Он стал для царя и дестур, и везир.
Ни дня повелитель покоя не знал,
Он в ратных трудах без конца пребывал.
Лишь сладит с одним непокорным — и тут
Другие мятежники смуту начнут.
Твердил он, склонясь пред Всевышним Творцом:
«Молю я устами и в сердце своем:
Мир даруй державе, избавь от врагов,
Тебе я служить неустанно готов».
Сказал Эрдеширу советник благой:
«О царь справедливый и чистый душой!
Ты к Кейду посольство пошли в Хиндустан,
Премудрому дар прорицателя дан.
Узнает по знакам небесных высот,
Где радостей ждать, где страшиться невзгод,
Земли покорятся ль тебе семь сторон,—
Провидит сие без сомнения он».
Царь внял наставленью. И выбрав послом
Отважного витязя с ясным умом,
Вручил для провидца немало даров:
Коней и динаров, и чинских клинков.
«Скажи мудрецу,— наказал он к тому ж,—
О славный, владеющий истиной муж!
По звездам прочти мне назначенный путь —
Дано ли мне будет от войн отдохнуть,
Врагов победить, успокоить страну,—
Чтоб мне понапрасну не тратить казну».
Посол к Хиндустану помчался, и вот
Он к Кейду с дарами, с нисаром идет.
Наказ Эрдешира-царя повторил,
Что было доверено втайне, открыл.
Его расспросил со вниманием Кейд,
Потом занялся волхвованием Кейд.
К светилам с соллабом своим обратясь,
С таблицами хиндскими сверясь не раз,
Искал у высокого свода ответ —
Ждать благ и побед или горя и бед?
Услышал от мудрого Кейда посол:
«Я судьбы царя и державы прочел.

С прославленным родом владыки сего
Мехрак сын Нушзада коль вступит в родство,—
Спокойно владыка воссядет на трон,
От бранных походов избавится он.
Два рода окрепнут, умножат казну.
Дерзнут ли с такими затеять войну?
Владыке Иран подчинится тогда,
Заветным желаниям сбыться тогда».
Посла одарил и сказал: «Ничего,
Что слышал, не скрой от царя своего.
Не станет противиться — будет судьбой
Обласкан, как ныне предсказано мной».
Посол воротился к царю своему,
Мудрейшего речи поведал ему.
Как выслушал эти слова Эрдешир,
Душой омрачился, стал желт, как зерир *.
«Вовек да не будет,— воскликнул он так,—
Чтоб с кровью моей породнился Мехрак,
Чтоб ввел я заклятого недруга в дом,
А он воевал бы со мною потом.
Как жаль мне напрасных усилий моих,
Посольства и стольких даров дорогих!
Лишь дочь от Мехрака осталась одна,
Доныне скрывается где-то она.
На поиски мчаться велю сей же час
И в Чин, и к румийцам, и в Хинд, и в Тераз.
Отыщем, костру не замедлю предать,
Заставлю и прах над несчастной рыдать!»
В Чехрем верховых отправляет бойцов,
Горящий враждой возглавляет бойцов.
Об этом прослышав, Мехракова дочь
Из дома отцовского кинулась прочь.
У сельского старосты скрылась княжна.
Заботой усердною окружена,
Взрастает она, словно тополь младой,
Блистает и разумом, и красотой.
В стране, ты сказал бы, во всей не сыскать
Подобной — стройнее, милей не сыскать.

[*Шапур берет в жены дочь Мехрака*]

Так некое время еще протекло,
Звезда Эрдешира блистала светло.
Собрался на лов поутру властелин,
С ним рядом прославленный мудростью сын.
Рассыпались, в разные скачут концы,
От дичи очистили степь удальцы.
Достигли большого селенья. Домов

Богатых немало, мейданов, садов.
Селением этим Шапур привлечен,
У дома правителя спешился он.
Вкруг дома — деревья, прохладная тень.
Вступает царевич в отрадную сень
И там луноликую видит. Одна
В колодец бадью опускает она.
Увидев Шапура, навстречу идет,
Прекрасному гостю хвалу воздает:
«Да будешь ты радостен, счастлив всегда,
Тебя да минуют беда и нужда!
Знать, жажда томит твоего скакуна,
Но в этом селенье вода солона.
В колодце прохладней она и вкусней.
Дозволь, напою истомленных коней».
На это промолвил царевич в ответ:
«Нужды утруждать луноликую нет.
Ведь слуги со мною — услышат приказ,
Бадьею начерпают вдоволь тотчас».
Прикрыла лицо, удалилась она,
В тени у ручья примостилась она.
Слуге приказал властелин молодой:
Иди, мол, к колодцу за свежей водой.
Проворно слуга колесо раскрутил,
В колодец пустую бадью опустил.
Но полную, видно, извлечь не силен,
От тщетной натуги наморщился он.
Увидев, что труд не под силу тому,
Немедля Шапур устремился к нему.
«Эх ты, полуженщина! — крикнул слуге,—
Бадью не у женщины ль видел в руке?
В руках ее так и взлетала бадья,
А ты уже стонешь. Где сила твоя!»
Отнять у него колесо поспешил,
Однако усилия сам приложил
Немалые. Весом бадьи поражен,
В душе восхитился девицею он.
Красавице сила такая дана —
Должно быть, кеянского рода она.
Когда подчинилась Шапуру бадья,
Так молвила дева, к нему подойдя:
«Да будешь вовеки удачей любим,
Пусть Разум наставником будет твоим!
Рукою Шапуровой наверняка
Вода обретет благодать молока».
«О сладкоречивая,— слышит,— дивлюсь,
Откуль тебе знать, что Шапуром зовусь?»

Сказала она: «От правдивых не раз
Мне слышать такой доводилось рассказ:
Шапур Эрдеширов могуч, будто слон,
А щедростью с Нилом сравняется он.
Он статен, как тополь, и неуязвим,
Соперничать мог бы с Бехменом самим».
Промолвил: «Затмившая ликом луну!
Ответь на вопрос мой лишь правду одну:
Ведешь от кого родословную ты,
Поведай мне, чьи воплощаешь черты?»
Сказала: «Отец мой — селенья глава,
Должно быть, поэтому я такова».
Шапур восклицает: «Напрасная ложь!
Ведь ложью властителя не проведешь.
Когда ж земплепашец имел дочерей,
Дивящих красою и силой своей!»
Сказала: «Коль дашь обещанье спасти,
Венчанного гнев от меня отвести,
Свою родословную тотчас, о шах,
Тебе я открою в правдивых словах».
На это Шапур отвечал: «Никогда
Средь сада не вырастет к другу вражда.
Ответь, не страшась ни меня, ни того,
Кто царствует, верь в справедливость его».
Сказала: «Таиться мне доле невмочь,
Я сына Нушзада, Мехракова дочь.
Муж доброй души сироту проводил
И в доме у старосты верного скрыл.
В душе своей страх год за годом ношу,
Так стала служанкою — воду ношу».
Тотчас удалился царевич. И вот
Селенья глава перед ним предстает.
И просит Шапур: «Призови небеса,
Да будет женой моей эта краса».
Вручил ему деву, как должно храня
Обычай поклонников верных огня.

[*У дочери Мехрака рождается от Шапура сын Ормозд*]

Недолгое время за этим прошло,
Прекрасное древо уже зацвело.
В свой срок родила луноликая мать,
Отцовскую сын унаследовал стать.
То ль сам Исфендьяр возвратился в сей мир,
То ль небом ниспослан второй Эрдешир.
Нарек венценосный младенца Ормозд,
Скажи, кипарис среди луга возрос.

И вот уж седьмой ему год миновал,
Он в целом краю себе равных не знал.
От взоров чужих укрывали его,
Играть никуда не пускали его.
Охотился как-то семь дней властелин,
С ним вместе Шапур, венценосного сын.
Ормозд между тем от ученья устал,
Тайком на просторный мейдан убежал.
Средь отроков быстрых с човганом, с мячом
Резвится, забыв об ученье своем.
А тут повелитель, закончивши лов,
С дружиной своею, с главой мудрецов
Подъехал к тому же мейдану. В одной
Руке его стрелы, лук царский в другой.
Из отроков некто ударил в тот миг
И пущенный мяч Эрдешира достиг.
Никто не решился бежать за мячом,
В смущенье застыли на месте своем.
Один лишь Ормозд устремился тотчас
И, вихря быстрей до владыки домчась,
Мяч ловким ударом от деда угнал —
Восторженный гул средь мужей пробежал.
Потом, изумив Эрдешира вконец,
Издал торжествующий клич удалец.
«О славный,— мобеда владыка зовет,—
Узнай поскорей его имя и род».
Но было неведомо то никому,
Молчание было ответом ему.
Мобеду сказал повелитель: «Ко мне
Доставь удальца на своем скакуне».
Помчался. Из пыли мейдана подняв,
Доставил пред взоры владыки держав.
Царь молвил: «Несущий отваги печать,
Тебя из какого нам рода считать?»
И тот не робея ответил ему:
«Скрывать мое имя и род ни к чему.
Шапур мой родитель, я внук твой родной,
Мехраковой дочери сын пред тобой».
На отрока царь изумленный глядит,
Глядит улыбаясь, в раздумье молчит.
Шапура потом венценосный призвал
И сына немедля расспрашивать стал.
Шапур благородный пред ним оробел,
И сердце стеснилось, и лик пожелтел.
Смеется владыка, ему говоря:
«Скрывать свою тайну пытаешься зря!

Сын нужен тебе, кем бы ни был рожден,
Наречься достоин царевичем он».
Воскликнул Шапур: «Счастье вечно вкушай
И царственным обликом мир украшай!
Сей отрок мой сын и зовется Ормозд,
Что яркий тюльпан среди луга, возрос.
От шаха до времени прятал его,
Плода ожидая от древа сего.
Его родила дочь Мехрака на свет,
Мое это чадо, сомнения нет».
Про воду, колодец, как деву узнал —
Рассказывал сын, а родитель внимал.
Довольный рассказом, спешит Эрдешир
К себе во дворец, рядом с шахом везир.
В объятиях едет согревший сердца
И вскоре достигли царева дворца.
Престол золотой возвести повелел,
Венец, ожерелье внести повелел.
Увенчан блистательный отрок, и тут
Алмазы и золото щедро несут —
Ормозда не видно под грудой златой,
Его извлекает владыка благой.
Тем золотом царь оделил бедняков
И щедрой рукой одарил мудрецов.
Парчой разукрасились храмы везде,
Айваны — во славу Навруза, Седе.
Знатнейших созвать повелел Эрдешир,
Явились певцы, разгорается пир.
К вождям именитым, к мобедам страны
Слова повелителя обращены:
«К тому, что провидел мудрец-звездочет,
Судьба неминуемо нас приведет.
Мне Кейд предсказал, Хиндустанский мудрец:
Мол, в радости не сохранишь ты венец
И войско, и царственный блеск, и страну,
Наследственный трон и державы казну,
Доколе Мехрака Нушзадова род
С потомством царя свою кровь не сольет.
Седьмой уже год с той поры миновал,
Как свод круговратный нам милость послал.
С тех пор, как Ормозд свой покой обновил,
Мне мир исполненье желаний дарил.
Ведь стали верны мне земли семь сторон;
И счастьем я в меру души наделен».
И с этой поры начала величать
Его шахиншахом сановная знать.

[*О мудрых деяниях Эрдешира*]

Величие дней Эрдешира познай,
Деяния мудрые запоминай.
При нем правосудья настала пора,
Пора благоденствия, счастья, добра.
Когда свою рать укрепить пожелал,
Советников царь по стране разослал —
Следить, чтоб имеющий сына в дому
Расти не давал неумелым ему,
Учил бы искусству езды верховой,
Из лука стрелять и владеть булавой.
Когда укреплялся усердным трудом,
Когда достигал совершенства во всем,
К престолу царя молодец прибывал,
В тот славный, высокий дворец прибывал.
Арез его имя и званье вносил *
В свой список, жилище ему отводил.
С вождем-пехлеваном военной порой
В поход отправлялся боец молодой.
И опытом лет умудренный мобед *,
В державных делах искушенный мобед
Приставлен был с тысячей каждой ходить,
Чтоб мог о воителях юных судить.
О тех, кто бывал ненадежен в строю,
Кто был неискусен, некрепок в бою,
О доблестных, неустрашимых бойцах
В его донесеньях читал шахиншах.
Тогда венценосный гонца посылал,
Награды достойным бойцам отправлял.
Дарил храбрецам повелитель страны
Сокровища лучшие царской казны.
Из воинов немощных — ни одного
В сраженьях не видели после того.
Умножилась так Эрдеширова рать,
Что взору звезды не под силу объять.
И каждый, кто светлым умом одарен,
Владыкою был высоко вознесен.
Несется к дружине глашатая зов:
«О славные, цвет шахиншахских бойцов!
Кто доблестной службой царю угодит,
Кто кровью воинственных прах обагрит,—
Добудет награду царя самого
И будет прославлено имя его».
Дружинами все укрепил рубежи,
Был пастырем царь, были паствой мужи.
Диван доверял искушенным мужам,

Несведущих не допускали к делам.
Ценил красноречье, письма красоту.
В ком-либо способность увидевши ту,
Советник царю донесение слал,
И царь содержанье таким прибавлял.
Лишенные дара письма и речей
В диван Эрдешира не знали путей.
К чиновным таких отправляли служить,
Искусных — царю оставляли служить.
Увидев, что блещет дарами дебир,
Его похвалой поощрял Эрдешир:
Мол, пишущий пусть изобилье пожнет,
Забудет лишения, горечь забот.
Опора державы и воинства он,
Взор ищущих правды к нему устремлен.
Владычат дебиры над сердцем моим,
Влечется душа благодарная к ним...
Вверяя правителю новому край,
Наказывал: «Прахом дирхемы считай,
Людей не губи, обольщаясь казной,
Не все ли чертог покидаем земной!
Лишь к правде и мудрости сердцем стремись,
Безумия алчности остерегись.
С собой не бери ни родных, ни друзей,
В подмогу довольно дружины моей.
Раз в месяц казной одаряй бедняка,
Для злобных да будет закрыта рука.
Когда справедливостью край озаришь,
Ты радостью сердце свое одаришь.
Коль бедных обидишь в подвластном краю,—
На золото жизнь променяешь свою».
К любому, кто в царский дворец приходил —
По службе иль милости, правды просил,—
Ко всем остовар выходил сей же час *,
Беседа о людях чиновных велась:
Кто правду блюдет, кто корыстным слывет,
А кто дотемна не слагает забот.
В краю твоем,— спрашивал,— знающий — кто?
В нужде беспощадной страдающий — кто?
Кто есть, мол, достойный владыки царей:
Из опытных, благочестивых мужей?
На службе у нас,— говорит шахиншах,—
Награды моей не увидит в руках
Никто, кроме знающих, славных во всем;
Что́ выше, чем старец с высоким умом!
Не только испытанный жизнью — почет
У нас и вступающий в жизнь обретет.

В ком знанье, влечение к знанию есть,—
Хоть молод, меж старцев достоин воссесть...
Когда венценосный войну замышлял,—
Разумную неторопливость являл.
Избрав средь мужей родовитых послом
Дебира, богатого знаньем, умом,
Посланье свое поручал отвезти,
Чтоб честно законы войны соблюсти.
И царский посланец в дорогу спешил
Разведать — что в помыслах недруг таил.
Коль внял, вразумясь, увещаньям посла,
Коль жаждал избегнуть страданий и зла —
Вручался халат повелителя в дар,
Меншур получал он и царский ядгар *.
Когда ж непокорность являл на беду,
В груди своей гнев распалял и вражду,
Тогда наделялась дирхемами рать,
Чтоб воинам царским лишений не знать.
Воителей доблестный вел пехлеван,
Из тех, кому разум недремлющий дан,
С дебиром, войны соблюдавшим закон:
Бойца от бесчинства удерживал он.
Глашатай на спину слона восходил,
Округу в два миля призывом будил:
«О витязи, гордость и слава страны,
Вы доблестны, голосу чести верны!
Из вас да никто притеснений, обид
Ни бедным, ни знатным в пути не чинит.
Припас на стоянках дозволено брать,
Но подданных следует вознаграждать.
Чужое имущество, силой грозя,
Присваивать чтущим Йездана нельзя.
Кто недругу спину покажет в борьбе,
Злосчастный конец уготовит себе:
Иль казнью прервется течение дней,
Иль грудь истерзает железо цепей,
Иль вычеркнут имя из книги бойцов,
Прах будет и пища его и покров».
Вождя наставлял венценосный: «В бою
Не мешкай и сдерживай удаль свою.
Всегда перед войском слонов выставляй,
На мили в дозоры бойцов высылай.
Пред тем, как в сраженье дружины вести,
Ряды объезжая, к ним речь обрати.
Напомни — бойцы они войска чьего,
Сражаться выходят во имя чего.
И каждому я, будь он стар или млад,

Вручу от царя Эрдешира халат.
Коль всадников сотня примчится, и то
Пред нашим одним эта сотня — ничто.
Когда в наступление недруг пойдет,
Не должно вам, витязи, рваться вперед
И сердце дружин обнажать без нужды,
Хоть недругов будут несчетны ряды.
Пусть правое с левым столкнется крылом *
И, дружное в натиске, бьется с врагом.
А правое — с вражеским левым должно
Схватиться, порывом одним сплочено.
На месте средину держи, ни на шаг
Ее не сдвигая, но ежели враг
В бой главную двинет дружину свою,
Навстречу веди середину свою.
Бой выиграв, крови напрасно не лей,
Коль в бегство от вас устремится злодей.
И если пощады попросят враги —
Помилуй и сердце от зла сбереги.
Завидевши недруга спину, сдержи
Стремленье к добыче. На месте мужи
Должны оставаться. Засады страшись,
Беспечности в сердце своем берегись.
Обрел от врагов безопасность своих —
Не слушай тогда пересудов ничьих:
Добычей порадуй того, кто явил
Отвагу, кто жизни в бою не щадил.
И каждый из недругов, взятых в полон,
Да будет к дворцу моему приведен.
Для пленников место в пустыне найдем
И благоустроенный град возведем.
Блюди неотступно владыки завет,
Коль хочешь избегнуть губительных бед.
Когда торжествуешь, Творца не забудь,
К победам тебе указавшего путь».
Коль муж именитый с посольством из стран
Румийских иль тюркских являлся в Иран,
Марзбан о прибытье тотчас узнавал,
Сего в небрежении не оставлял.
Заботой правителя всюду готов *
Прибывшим мужам подобающий кров.
Одежд изобилье, ковров и еды —
Посланцы ни в чем не имели нужды.
Правитель усердный, вначале узнав
О цели прибытья к владыке держав,
Приказывал тотчас дебиру седлать,
На вихреподобном к владыке скакать.

Тот войско навстречу почетное вел,
Владыки владык украшался престол.
Стояли ряды царедворцев, на них
Блистали одежды в узорах златых.
Посла венценосный к себе призывал,
Его на сиденье златое сажал.
В беседе подробно расспрашивал шах
О роде и званье, потом о делах,
Обычаях, чине державы его,
Бойцах, властелине державы его.
В чертог, подобающий сану, вселял
И щедро потребное предоставлял.
Потом пировать его звал Эрдешир,
Вблизи от престола сажал Эрдешир.
Затем в окруженье почетных бойцов
Владыка с послом отправлялся на лов.
С почетом посла провожали, дары
Властителя были по-царски щедры.
Повсюду поставил мобедов своих:
Трудами разумных, искусных, благих
Везде города вырастали в стране,
Не знали они недостатка в казне.
И каждый судьбой обделенный бедняк,
Что бился в нужде, бесприютен и наг,
Обрел пропитанье, приюта тепло,
Да множится подданных царских число.
И тайно, и явно та слава жива,
Что миру оставил державы глава.
Известен ли миру владыка другой *,
Что памятью славен великой такой!
И ныне воскреснувший в сказе моем
Да будет навеки увенчан Добром.
Из каждого края подвластной земли
К нему донесения тайные шли.
Коль муж именитого рода в нужду
Впадал,— про такую услышав беду,
Владыка немедля участья являл,
В печали несчастного не оставлял.
Земли плодородной ему отводил,
И слуг посылал, и жилище дарил.
От помощи той отступала беда,
И в тайне все это хранили всегда.
А сына его, коли склонность являл
К наукам, наставникам мудрым вверял.
Повсюду построено множество школ
И храмы Огня венценосец возвел.
И не оставлял он в нужде никого,

Когда не таили нужду от него.
Судил справедливо — будь сын дорогой
Пред ним или подданный самый простой.
В лучах его правды страна расцвела,
И в сердце подвластного радость вошла.
Коль правдою был миродержец ведом,
Вовек не стирается память о нем.
Послушай, какие деянья к тому ж
Свершил благородный и праведный муж.
По всей разослал он державе своей
Достойных и знающих дело людей.
Везде, где была истощенной земля,
И где маловодьем страдали поля,
Селенья от податей освобождал,
Тот край в небрежении не оставлял.
Коль был земледелец постигнут бедой,
Нуждою сменялся достаток былой,—
Тогда доставлялись орудия, скот
Казной — да не рухнет под гнетом невзгод!
И ты, повелитель, премудрым внемли,
Заботься о благе подвластной земли.
Коль хочешь страданий и бед избежать,
Жить в мире, богатства казны умножать,
Ты путь милосердья к рабам избери
И царское имя хвалой озари.

[*Наставления царя Эрдешира иранской знати*]

Подобно клинку из Румийской земли
Владения царские блеск обрели.
Чин, Хинд и румийцев земля, и Туран —
Все данники были властителя стран.
К престолу иранских сзывает вождей,
По должному чину сажает мужей.
Поднявшись, к мужам обращается шах
В высоких, исполненных правды словах:
«О славные,— молвит,— державы оплот *,
Благие, в ком светлая мудрость живет!
Поверьте, не свойственна своду сему
Любовь и чужда справедливость ему.
Кого пожелал, возвышает того,
И сам же во прах низвергает его.
Одно только имя напомнит о нем,
Рассеется все, что копилось трудом.
Лишь добрую славу стремись обрести,
Чтоб долю свою высоко вознести.
Ормоздова мира достигнешь тогда,

Коль будешь угоден Йездану всегда.
К Йездану взывай, на него уповай,
Подателя блага в Йездане познай.
Зови Вседержителя в горе своем,
Всевластен творец над добром и над злом
Все трудное легким содеет тебе,
И радость пошлет, и победу в борьбе.
Подумай о жизни царя своего,
О добром и злом, постигавшем его.
Искал я защиты благого Творца —
Он радость престола послал и венца.
Земли семь сторон моей власти вручил,
Достойную Господа щедрость явил.
Румийцев и хиндов я дани обрек,
Сверкает мой край, что румийский клинок.
Творцу благодарен — он дал мне обресть
Кейвана и Солнца достойную честь.
В чьих силах восславить Йездана и как
Воздать благодарность, достойную благ!
Сам разве в служении нас просветит
И силой, и славой своей осенит.
Что мыслим благого содеять, сейчас
Откроем,— благое порадует нас.
Моя десятина во граде любом — *
Дехканы, мобеды свидетели в том.
Вам право отныне мое отдаю —
От стад и земель десятину мою.
И разве излишки доставят ко мне,
Вручат предводители царской казне.
Сам податью этой владел я, была
То меньшей, то большей, но вся она шла
Для блага державы. Несчетную рать
На ту десятину я мог содержать.
Для вас безопасности, счастья искал,
Делам Ахримана противостоял.
Вам должно Йездану мольбы возносить,
Заветы его неизменно хранить.
Он милостив, он промыслитель благой,
Высокого неба зиждитель благой.
Он в горе оплот. Вознесенный Благим,
Ты в славе своей не кичись пред другим.
Пускай вас мирская тщета не влечет,
Падением каждый сменяется взлет.
Где тот, достигавший главой облаков,
Где ныне считавший добычею львов?
Удел уходящим — могила одна.
Блажен, кто посеял добра семена!

Живущим под сенью владений моих,
Вникающим в суть наставлений моих,
Достойнейших пять укажу я путей,
Они и казны, и простола верней».

[*Наставления Эрдешира народу*]

И старым, и юным — всем надобно вам
Внимать Эрдешира благого словам.
«Кто знает, что Праведный в мире царит *,
Тот служит Йездану, Пречистого чтит.
Будь подданным или властителем будь —
Высокого знанья ценителем будь.
А в-третьих — познать это мудрым дано,—
Не ведает старости Слово одно.
В-четвертых — греха устрашайся скорей,
Чем виселиц, ямы и тяжких цепей.
А в-пятых, запомни: злословия грех
Презренье одно вызывает у всех.
Теперь наставлениям новым внемли,
Пред ними ничтожны все блага земли.
Блажен, кто печется о благе страны,
Чьи речи сокрытому в сердце верны.
Блажен умудренный и праведный муж,
Чьи скромны и ласковы речи к тому ж.
Не будь расточителен также. Кто зря
Швыряет богатства, тщеславьем горя,—
Ни чести, ни пользы ему оттого,
И чтущий Творца не одобрит его.
Средину избрав — никогда не падешь,
Почет у разумных мужей обретешь.
Пять добрых еще указую путей,
На них укрепишься ты в вере своей.
И душу и тело твое возродят,
От яда тебя, словно мед, оградят.
Приемля удел, что дарован Творцом,
Не будь недостойной корыстью влеком.
Богат, кто ниспосланной участи рад,
Цвет вешний плоды ему дарит стократ.
Стремись своей алчности шею свернуть,
От жен свои тайны скрывать не забудь.
За воинской славою гнаться не след,
Знай, войны — источник страданий и бед.
В-четвертых, унынье отвергни. Души
Еще не пришедшей бедой не круши.
К тому, что исполнить не в силах, не рвись,
За чем не угнаться тебе, не гонись.
Внемлите еще поученьям моим,

Несущим добро наставленьям моим.
Коль хочешь свое бытие озарить,
Стремление к знанью не должен гасить.
Ты мудростью чадо родное питай
И время ребячьих забав умеряй.
Теперь начинается новый наказ,
Внушенный заботою доброй о вас.
Ведомые правдой, чье сердце светло,
Храните незыблемой дружбы тепло.
Четыре закона покой принесут,
И радость, и благо с собой принесут
Пред Господом в трепете, в страхе пребудь,
Тебе да укажет спасительный путь.
А также о теле заботу являть
Вам должно, всегда в чистоте соблюдать.
Будь сердцем в заветах Творца одного
И так возлюби, как себя самого.
А в-третьих, одной только правде служи,
Чуждайся коварства и пагубной лжи.
В-четвертых, велений владыки зладык
И в помыслах не преступай ни на миг.
Любви ему щедрую дань воздавай,
Веления — радостью светлой встречай
Ты с волей венчанного сердцем сроднись,
Душою от верности не отвратись.
И жизни самой для него не жалей,
Тебя защитившего сенью своей.
В заботах о царстве владыка всегда,
Не ищет к добру устремленный вреда.
Узнав, что сановники, воины, знать
Бесчинствовать стали, народ притеснять,
Коль суд не творит справедливой рукой,—
Венца не достоин властитель такой;
Свой царский меншур запятнает навек *,
И счастье, и мир потеряет навек.
Опасен народ угнетающий царь,
Что хищник на пастбище тот государь.
А равно и подданный, ежели тот
Усилий, трудов для царя не кладет,—
В страданьях свой век проживет и во зле
И старость не встретит на этой земле.
Коль чести взыскуешь себе, чистоты —
Сего не добьешься жестокостью ты.
В сердцах наших подданных счастью цвести!
Державе над нашею властью цвести!»

[*Восхваление Эрдешира Хоррадом*]

К владыке, воссевшему снова на трон,
Приблизился муж, сединой убелен.
Достойнейший имя Хоррада носил,
И в слове, и в помыслах правду хранил.
Так молвил ему: «О владыка царей!
Счастливым пребудь до скончания дней!
Ликуй, осиянный победной звездой,
И вся да ликует держава с тобой!
Твой царственный жребий столь светел, высок —
И птицу и зверя ты видишь у ног.
От края до края великой страны
Склонились вожди пред владыкой страны.
Какими словами тебя превознесть?
Ты весь — справедливость, величие, честь!
Тебя славословим повсюду и чтим,
Вселенной Создателя благодарим
За то, что живем мы в твои времена,
Да будет удача владыке верна!
Отраден твой лик, о владыка держав,
Отрадны слова и приветливый нрав.
Покой наш хранящий, в покое пребудь,
Вовек не покинем покорности путь.
От всех супостатов страну оградил,
Из Хинда, из Чина врагов победил.
Нет более смуты, войны, грабежей,
Клич вражий не слышен в державе твоей.
Пусть радостью будет твой дух озарен,
Пребудь мудрецами всегда окружен.
Затмил всех властителей мудростью ты,
Чьи мысли достигнут такой высоты!
Ирану оставишь ты правды устой,
Потомство порадуешь правдою той.
Таких твое слово достигло высот,
Что старец в нем молодость вновь обретет.
Все знатные нашей великой земли
Отраду в правленье твоем обрели.
Ты мудростью речи умы укрепил,
Ты царственным ликом страну озарил.
Ты — гордость престола, отрада венца,
Ниспослан, как дар благодатный Творца.
Пребудь столь же милостив, щедр и велик!
Держава не помнит подобных владык.
Страну благодатью державной хранишь.
Блажен, кого царским крылом осенишь!
Престол да пребудет во славе твоей!
Да властвуешь вечно в державе твоей!»

[*Слово о неверности Рока*]

Ты, ищущий слов сокровенную суть,
К мирской суете равнодушным пребудь.
Мир видывал многих, как ты и как я,—
Кому даровал он покой бытия?
Рабу и владыке прейти суждено,
А миру пребыть неизменным дано.
Будь труженик или престолом владей —
Не минешь дороги последней своей.
Стального расправит вертящийся свод,
И дряхлому ласку свою не пошлет.
Года кипарис величавый согнут,
Нарциссы в печали слезой изойдут,
В шафран обратятся тюльпаны ланит,
Веселую голову грусть отягчит.
Не спится душе, коль утрачена стать,
Ушел твой попутчик — чего тебе ждать?
Будь подданный ты или сам шахиншах —
А станет приютом единственным прах.
Где головы славных владык, где венцы,
Где витязи, где удалые бойцы,
Где славой гремевшие в мире вожди!
Мудрейших, ушедших из жизни,— найди!
Кирпич в изголовье и каждому — тлен.
Оставивший доброе имя блажен!
Примером тому Эрдешировы дни.
Из повести этой урок почерпни.

[*Эрдешир передает царствование Шапуру*]

Как семьдесят семь миновало ему,
Нагрянул недуг к венценосцу тому.
Кончину провидел державы глава,
Зеленая, понял, поблекнет листва.
Тогда повелитель Шапура призвал
И долгое время его наставлял.
Так молвил: «Заветы мои сохрани,
Слова злоречивых от слуха гони.
В деяния слово мое воплотишь —
Добро от худого легко отличишь.
Державу мой праведный меч укрепил,
Я знатным надежной опорою был.
Расширил пределы Иранской земли,
А дни моей жизни к пределу пришли.
Усердьем моим умножалась казна,
Я пот проливал — наполнялась казна.
Для вас же — богатство, утехи. Во всем,

О сын мой, сопутствует спуску подъем.
Таков уж обычай вертящихся сфер:
То мучат, то милости явят пример.
Удача порою, что конь, навлечет
Внезапной строптивостью вдоволь забот;
Порой, что объезженный конь боевой,
Красуется вскинутой гордо главой.
Мир бренный чертогом обмана считай,
Вослед за блаженством беды ожидай.
Блюдись, покоряйся добру одному,
Чтоб веку во тьме не протечь твоему.
Коль вере владыка привержен всегда *,
Держава и вера сроднятся тогда.
И вера в простоле опору найдет,
И в вере престол обретает оплот.
Две крепких основы сплелись искони,
Для мудрости нерасторжимы они.
Ни вера без шаха не крепнет, ни он
Хвалы не достоин, коль веры лишен.
Царь верой, а вера хранима царем,
Сказал бы, единым укрыты шатром.
И вера, и царь друг для друга нужны,
Им дружбы незыблемой узы даны.
Коль вере он служит по долгу любви,
Властителя братом ее назови.
Муж веры, отмеченный честью, умом,
Почтен в этом мире и в мире ином.
Того, кто злословит благого царя,
Исполненным веры почел бы ты зря.
Возможно ли благочестивым назвать
Того, кто с владыкой дерзнул враждовать!
Так некогда молвил воспевший добро:
Как всмотришься, вера — вот правды ядро.
Престолу страшны три деянья царя.
И первое, знай — злодеянья царя.
Второе — ничтожных людей возносить,
Превыше достойных мужей возносить.
А третье — всю душу казне предавать,
В динарах себе превосходство искать.
И щедрость, и милость, и мудрость храни,
Во всей чистоте да пребудут они,
Знай, ложь запятнает властителя честь,
Величью во лжи никогда не расцвесть
Смотри, чтоб казне своей стражем не стать
Таким, что народ заставляет страдать.
Коль алчность царем завладела, тогда
Подвластных преследуют горе, нужда.

Добро земледельца, плод тяжких трудов,
Влекомый корыстью присвоить готов.
Царь праведный — страж достоянья дехкан,
Плодами венчает старанья дехкан.
Ты сердце от гнева всегда отвращай,
Виновного великодушно прощай.
Разгневался — путь оправданья сыскать
Старайся, вину добротою загладь.
Коль гнев над владыкою власть обретет,
Муж праведный мудрым его не сочтет.
Постыдно царю помышлять о дурном,
Он сердце свое да украсит добром.
От страха коль дрогнет однажды душа,
Твой враг возликует, тебя сокруша.
Раздавши дары, не печалься о них,
Знай цену, о сын мой, сокровищ земных.
Знай, царственной доли достоин лишь тот,
Кто с легкостью отдал бы в дар небосвод.
Меж тем, о державе как должно пекись,
Советов благого мобеда держись.
О добром и злом — вопрошай обо всем,
Слагай наставления в сердце своем.
На лов выезжая, будь трезвым всегда,
Вина избегая, избегнешь вреда.
Две разных забавы не смешивай: свой
Для пиршества час, для охоты — другой.
Разумные помнят: коль в жилах вино,
Медлительность, тяжесть рождает оно.
А если известье к тебе донеслось
О вражьем набеге — утехи отбрось.
Дирхемы, оружье тотчас извлекай,
От всех властелинов бойцов собирай.
Сегодняшних дел не откладывай зря,
Дурных не сажай у престола царя.
Правдивости, чести не жди от невежд,
Добра не дождешься от тщетных надежд.
Известия черные слыша от них,
Не верь, не смущайся наветами злых.
Их верность царю и Йездану — слова,
Их за ноги схватишь — в руках голова.
Так должно о сброде судить городском,
Ты Разумом светлым да будешь ведом.
Страшись лицемерья, таящего зло,
Немало злосчастья оно принесло.
Пред другом не выпусти тайну из рук,
У каждого друга — доверенный друг.
Упустишь — утерянной тайну считай,

Базару доверенной тайну считай.
Как станет она достояньем людей,
А сердце забудет о мудрости всей,
Ты вспыхнешь — за вздорность осудят тебя,
Разумные быстро остудят тебя.
Чужие грехи не ищи — за тобой
Отыщет не меньше хулитель другой.
А будет страстями твой разум пленен,
Средь мудрых не будешь, как должно, почтен.
Быть мудрым властителю должно затем.
Чтоб был справедлив, благосклонен ко всем.
Заносчивый, кто от смиренья далек,
И корчится, гордый, услышав упрек,
Не должен воссесть рядом с троном твоим
Советником и приближенным твоим.
Чтоб мудрых услышать хваленья, воссев
На троне, отвергни злопамятство, гнев.
Коль страсти поддастся, разумным не слыть
Владыке и благочестивым не быть.
Будь сдержан в речах, многословья страшась,
И праведность не выставляй напоказ.
Коль слову внимаешь — такое цени,
Что радует сердце, благое цени.
Обдуманной к знающим речь обращай,
Приветливо всех и радушно встречай.
Просящего не унижай никогда,
Злонравного не приближай никогда.
С повинной пришедшим прощенье дари
И прежней провинностью их не кори.
Прибежищем всех, покровителем будь.
Высок всепрощенья, терпения путь!
Строй войско свое, пусть литавры гремят,
Когда раболепствует, страхом объят,
Твой недруг, когда уклоняется он
От битвы и хватки могучей лишен.
А если он к миру и правде влеком,
И хитрости в сердце не прячет своем,—
Потребовав дани, отвергнувши месть,
Снискаешь у недруга славу и честь.
Наставь себя знаньем. Всего, убедись,
Весомее знанье; познаешь — трудись.
Твое милосердье сердца привлечет,
А мудростью, правдой снискаешь почет.
Как душу, заветы отца сберегай
И сыну в наследие их передай.
Как мною исполнен сыновний обет,—
Нигде от меня пострадавшего нет,—

Мои наставленья блюдите и вы,
Хранитесь, недоброй бегите молвы!
Пять минет столетий, и то не прейдет,
Не минет возмездие царственный род.
Отступит твой сын от заветов благих,
И каждый твой родич отступит от них,
Путь мудрости, знанья покинут они,
И знающих слово отринут они.
Долг верности, чести обеты презрят,
Злодейство, насилье стократ сотворят.
Повсюду подвластных начнут притеснять
И чтущих Йездана безжалостно гнать.
В одежды позора себя облекут,
В обычае злом Ахримана взрастут.
Развалится, что воздвигалось при нас,
И вера отцов осквернится не раз.
Растопчут мои наставленья они
И край поведут к разоренью они.
Взываю к Творцу мирозданья всего,—
От взора его не укрыть ничего,—
Чтоб вас оградил он от всякого зла,
Чтоб другом вам добрая слава была.
Хваленьем Йездана и нашим почтен,
Кто мудростью, правдой пронизан, скреплен,
Не мыслит заветы мои преступить
И мед благодетельный в яд обратить.
Уж сорок годов и два месяца, как
Ношу властелина венец и кушак.
Шесть градов воздвигнуто в годы мои*,
Там воздух, что мускус, прозрачны ручьи.
И первый зовется Хорре-Эрдешир,
Там реки молочны, отрада и мир.
Град Рам-Эрдешир — называют второй.
Путь к Парсу оттуда направился мой.
А третий мой город Ормозд-Эрдешир,
Где дряхлому юность дарует зефир.
Хузийцев венец, многолюдный тот град,
Обильный водою, торговлей богат.
Берке-Эрдешир — средь моих городов
Отмечен красой водоемов, садов.
Мисийских два града, где плещет Евфрат,—
Край светлых ключей, многочисленных стад.
Бена-Эрдешир — так зовутся они.
Слова мои в сердце своем сохрани.
Мне срок отправляться в гробницу пришел,
Когда похоронишь, взойди на престол.
Немало я в мире оставлю благих —

И явных и тайных — деяний моих.
Ты душу порадуй мне правдой своей,
Будь славен, счастлив на престоле царей!»
Умолк и звезда закатилась. Увы,
Не стало державной венчанной главы...
Таков непостижного рока закон,
Не выдаст нам тайну извечную он.
Блажен не вкусивший величья сего,
Утрата престола минует его.
Стараются, ищут сокровищ земных...
И люди уйдут, и сокровища их.
Смешаемся с прахом — удел наш таков,
Сокроет ланиты могильный покров.
Нам должно стремиться к деяньям благим,
Свой путь в этом мире от зла оградим.
Блажен осушающий чашу в сей миг
Во здравие чтущих Йездана владык!
Осушит одну и другую нальет
И с сердцем веселым спокойно уснет.
Шапура теперь воцаренье воспой,
Вино, пированья теченье воспой.

ЦАРСТВОВАНИЕ ШАПУРА, СЫНА ЭРДЕШИРА, ДЛИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ОДИН ГОД

Венец возложив лучезарный, взошел *
Шапур на прославленный отчий престол.
Воссело собрание славных мужей —
Мобедов седых, благородных вождей.
Так молвил: «О гордость Иранской земли,
Благие, что в знанье опору нашли!
Я истинный сын Эрдешира. Храню
Заветы премудрости, знанье ценю.
Теперь повинуйтесь веленьям моим
И верность храните обетам благим.
Внимайте и ежели в слове моем
Неправду найдете — скажите о том.
В раздумьях о благе, чтоб зло отмести,
Лишь два предо мною открылось пути.
Во-первых, державы защитником быть
И знатных добро и незнатных хранить.
Коль правда в деяньях венчает царя,
Знай, Разум во всем охраняет царя,—
Хранитель надежный, его доброхот
Главу венценосца до туч вознесет.
Он жаждою правды, познанья горит,
И знание сердце ему веселит.
Премудростью, опытом вооружен,

Являет и доблесть, и праведность он.
Он знает, что знанья источник — Творец.
Блажен благодарный Йездану мудрец!
Лишь мудрый достоин престола страны,
Пред мудростью меркнут богатства казны.
Богат, на свою не роптавший звезду,
Кто полон желаний, живет как в чаду.
Чем больше желаний, тем больше забот,
Отринь же корысти отравленный плод!
Мир сердца храни, к доброй славе стремись,
Коварных, нечистых душой сторонись.
Тот рвется к чужому добру без стыда,
Кому справедливость и мудрость чужда.
Явлю я несчетные милости вам —
Столь много светил не явить небесам.
Для подданных будет и впредь сохранен
Благого царя Эрдешира закон.
Я буду с дехкан, чтоб бойцов содержать,
Тридцатую долю, не более, брать.
Во власти моей города и казна,
Мне доблесть, мне сила державы дана.
Чужих мне не надобно благ. Из-за благ
И друг тебя встретит порою как враг.
Я милостив, двери открыты всегда
Подвластным, что правого ищут суда.
Расставлю в делах искушенных мужей,
Чтоб ведал я все о державе моей.
Одно лишь стремленье — не знаю иных—
Снискать одобренье мобедов благих».
Совета мужи покидают места,
Отверзлись для доброго слова уста.
Все славят Шапура, царя своего,
Дождем изумрудов осыпав его.
Царя Эрдешира закон обновлен,
И старцев, и юношей радует он.

[*Война Шапура с румийцами*]

Известье меж тем облетело весь мир *,
Что трон опустел, что благой Эрдешир,
Тот мудрый владыка из жизни ушел.
Шапуру оставил венец и престол.
В краю Кейдафе и везде, до земли
Румийской волнения, смуты пошли.
Как только про это венчанный узнал,
Он поднял дружины, знамена, кимвал.
Иранское войско, не взявши обоз,
До Палуине, словно ветер, неслось.

Бойцов Кейдафе тут же выступил строй,
Пыль солнце окутала тьмою густой.
Немалая вышла из Палуине
Дружина. Прославленный всюду в стране,
Ее возглавляет воинственный муж;
Богатого знаньем зовут Берануш.
Арканом искусно владел боевым,
Был знатного рода, кейсерами чтим.
Вот гром барабанов над полем встает.
Из сердца дружины понесся вперед
Тот витязь. Навстречу рванулся тотчас
Иранец отважный, чье имя Гершасп.
Под грохот и клики Шапур-властелин
Повел в наступление сердце дружин.
Гул гонгов индийских кимвалов... Луна,
Сказал бы, с дороги своей смещена!
Кимвал на слона водрузили. Над всей
Округой проносится ржанье коней.
Земля ходуном заходила. Столбом
Пыль встала и копья сверкают огнем.
И каждый, чей разумом движим язык,
Творца одного призывал в этот миг.
Но вот уже сам Берануш полонен,
Познал пораженье, душой сокрушен.
Три тысячи было убитых число,
Что в битве у Палуине полегло,
И тысяча двести мужей пленены.
Все в Руме злосчастием удручены.
И вскоре с посланием мира пришел
К владыке Ирана кейсеров посол.
«Ты кровь ради злата без удержу льешь.
На суд Вседержителя призванный, что ж
Ответишь тогда пред лицом Судии
И чем оправдаешь злодейства свои?
Дань щедрую стану по-прежнему слать,
Не следует горе и зло умножать.
А также, своей покоряясь судьбе,
В заложники родичей вышлю тебе.
Рать можешь от Палуине отводить,
Чем хочешь, сверх дани готов угодить».
И дани дождался Шапур, и даров —
Динары в десятке воловьих мешков;
Парчу дорогую без счета несут,
Рабов и рабынь десять сотен ведут.
Неделю под Палуине пребывал,
С бойцами к Ахвазу потом поскакал.
Град новый Шапуром был выстроен тут *,

Его Шапургердом по праву зовут.
Сей город воздвигнут был за год всего,
Немало затратил казны для сего.
И в Парсе построил прекраснейший град,
На диво обширен, на диво богат.
Идущим в Хузийские земли теперь.
Тот град открывает широкую дверь.
Затем Кохен-Деж в Нишапуре воздвиг * —
В день Эрда закончил владыка владык *.
С собой Берануша возил шахиншах
И с ним о своих совещался делах.
Река близ Шустера такая текла,
Что рыба, и та переплыть не могла.
Царь молвит: «Ты зодчий, яви мастерство —
И мост наведи возле града сего,
Чтоб нас нережил неподвластный годам,
Могущество знанья являя очам.
Пусть будет он в тысячу рашей длины,
И трать, не жалея, из царской казны.
Румийцев познания здесь примени,
Пусть в этом краю воплотятся они.
Свой труд приведешь к завершению — в путь!
В дому своем гостем счастливым пребудь,
От бед огражден. Ахримана рука
Да будет всегда от тебя далека!»
За дело взялся многоопытный муж,
В три года закончил его Берануш.
Мост вырос. И тотчас в родимый предел,
Покинув Шустер, Берануш полетел.

[*Шапур наставляет своего сына Ормозда*]

Так правил Шапур справедливый. Тогда
Высокая трону светила звезда.
Прошло тридцать лет и два месяца. Тут
Печальные дни для царя настают.
Ормозда к себе повелитель призвал.
«Поблекла листва моей жизни! — сказал.—
Будь доблестен, бодрствуй на троне царя,
По-царски всегда правосудье творя.
Величью себя обольстить не давай,
Дни жизни Джемшидовой не забывай.
Правленье свое знаменуя добром,
Будь бедных защитою, знатных венцом.
Поменьше пекись о динарах, цени
Заслуги, завет милосердья храни.
Смиренного не оскорбляй никогда —
И счастьем сопутствуем будешь всегда.

Хочу, чтоб завет мой ты в сердце носил,
Как я Эрдешира завет сохранил».
Умолк, на ланиты легла желтизна.
У юноши скорбью душа сражена.
Что ищешь ты в суетном мире земном,
В погоне за славой, корыстью влеком!
Гроб тесный тебя неминуемо ждет,
Пожнет недостойный трудов твоих плод.
Оплакивать чадо не станет тебя,
И родич добром не помянет тебя.
Наследьем твоим усладится, а сам
Отплатит отравой хулы за бальзам.
Йездану служи, Вседержителя чти,
В нем счастье, добро, в нем благие пути.

[ЦАРСТВОВАНИЕ ОРМОЗДА, СЫНА ШАПУРА]

Ормоздову память украсим, она *
Да светит, как в небе Ормозда луна!
Венчанный от всякой хулы огражден,
Да только недолго процарствовал он.
В ту пору, как правил владыка благой,
Шли агнец и волк на один водопой.
Так молвил: «О витязи славных родов,
Отважные воины, цвет мудрецов!
Коль скоро благой даровал нам Творец
И нрав милосердный и царский венец,—
Умножим в стране справедливости цвет.
Блажен соблюдающий отчий завет!
Я мыслю привлечь благосклонностью вас,
Живите, ни в чем от меня не таясь.
Кто полон гордыни, строптивости, тот
Великих презрение, знайте, пожнет.
Коль муж непреклонен, упорством ведом —
Усилья свои увенчает добром;
Хоть станет грозить ему зависти меч,
Удача его не устанет беречь.
А кто унижение видит в труде —
Пребудет весь век в безысходной нужде.
Дверь алчности — сердце скупого всегда,
Должны сторониться такого всегда.
В ком знания ты обнаружить не мог,
Вовек да не ступишь к тому на порог.
Питая познаньями сердце, сумей
Избегнуть злодейства нечистых путей.
Ведь мудрость, что влага, а знанье сравни
С землей, искони неразлучны они.

Коль сердце свое от любви отдалил
Владыка — дорогу кручине открыл.
Пусть радость наполнит подвластных сердца,
Да славят душой благодарной Творца.
Чтоб въяве и втайне Ему угождать,
Нам мудростью должно себя ограждать.
Кто разум имеет, в собранье благом
Когда говорит о владыке своем,
Слова от беспечности должен беречь.
Вовек не ветшает прекрасная речь!
Лишь доброе должно всегда говорить
И слух для чужого злоречья закрыть.
Знай, сердце владыки сокрытое зрит,
И слово твое до него долетит.
Есть уши у стен — не замедлит изречь
Умеющий молвить и выслушать речь».
Собранье встает, славословья творя
И мудрости, и благочестью царя.
Исполнены счастья, мужи разошлись:
Отраден дарующий сень кипарис!
Был мудрым властителем тем сохранен
Шапура закон, Эрдешира закон.
Всем радость владыкою принесена;
Где праведен царь — процветает страна.
Так мирно и праведно правил, и вот
Конец его жизни земной настает.
Давно уж на мускус легла камфара,
Увянуть пришла аргавану пора.

[*Предсмертные наставления Ормозда*]

Царь видит: от смерти ему не спастись,
И горькие слезы ручьем пролились.
Айван повелитель устлать приказал
И сына Бехрама прислать приказал *.
«О благорожденный,— сказал,— средь мужей
Ты знанием славен, отвагой своей.
От немощей тело мое извелось,
Лицо уподобилось цвету волос.
Уж нет кипарисовой стати былой,
А красная роза желтеет айвой.
Как день твой настанет — державу возглавь,
Прославь милосердие, мудрость прославь.
Смотри, от обиженных не отвращай
Свой взор, притеснителям зла не прощай.
Вовек не давай себе вымолвить ложь —
И блеск и величье венцу принесешь.
Будь разумом, совестью руководим,

Приветливым голосом, словом благим
Людей ободряя, будь ловчим сердец,
Тебе да пребудет опорой Творец.
Вражду изгони, недостойную власть
Да не обретет над владыкою страсть.
И пусть чародей и доносчик, и плут
Дороги к тебе никогда не найдут.
Добра от невежд не видали цари,
Единого взгляда таким не дари.
Запомни: коль дерзок, болтлив человек,
Почета себе не стяжает вовек.
Покорен будь разуму, гнев укрощай
И благочестивого не унижай.
И алчность гони, в этих цепких тисках
Познаешь ты гнев, беспокойство и страх.
Являя терпение, честность во всем,
Не знайся с коварством и пагубным злом.
Бесчестием имя страшись запятнать,
Себя опозорившим счастья не знать.
Путь мудрых тобой да не будет забыт,
Поспешность раскаяньем сердцу грозит.
Лишь сдержанность к правым деяньям ведет,
Воздержный с дороги добра не сойдет.
Разумный терпеньем от гнева храним,
Желаньем несбыточным не одержим.
Но если уступки предел перейдут —
За слабость враги терпеливость сочтут.
Златой середины владыка держав
Пусть ищет, в посредники разум призвав.
И слабость отринь, и горячность в борьбе,
Пусть мудрость наставником будет тебе.
Не должно хулителям разным давать
Из царских ошибок почет извлекать.
Пусть недруг тебя величает царем —
Не встретишь ты друга надежного в нем.
То плод ядовитый скрывает листва.
Их за ноги схватишь — в руках голова.
Дано ль воспарить иль низвергнутым быть —
Обману себя не давай совратить.
И сам подозрений в душе не храни,
Злосчастны, горьки подозрительных дни.
Коль слово нарушит свое сипехбед,
Достойных презрение встретит в ответ.
Лишь Разуму следуй в решеньях любых —
Хранителю слов и деяний твоих.
Прозревший вращение Солнца, Луны,
Он — войска опора, венца и казны.

Не свыкнись с богатством и негою. Срок
Настанет покинуть сей бренный чертог.
Разумного мужа совету внимай,
Властителей прежних устав не ломай.
Могучей дружиной врага устрашив,
Будь в каждом решенье своем прозорлив.
Хвалящий неправо — коль скажет о ком
Хвалебное слово, корыстью влеком,—
Спешит пораженью помочь твоему.
Не дай у престола прижиться ему!
А кто избегает благих восхвалять,
Не должно того человеком считать.
От века Йездану угодна хвала,
Хулителю горе приносит хула.
Кто может глаза на провинность закрыть,
Кто может в душе своей гнев укротить,
Величье того неизменно растет;
Гневливый лишь сердце свое изведет.
Кто в схватку вступает с пучиной морской —
Разумным вовеки не звался такой.
Язык свой — стрелой, сердце луком считай;
В значение слов моих глубже вникай —
Ты плечи расправь, твердо руку поставь
И к цели, какой пожелаешь, направь.
Язык свой и сердце проверив умом,
Свободно потом говори обо всем.
Рассудком когда не бедна голова,
И мысли благие придут, и слова.
Воссев с мудрецом на совет, властелин
Беседовать должен один на один.
Коль разум твой опытом должным богат,
Данс возрастать твоей силе стократ.
Яснее намеренья вражьи прозришь,
Отвагою, волей, умом прогремишь.
Кто страсти дозволит себя повести,
До цели тому никогда не дойти.
Приветливым взором встречая друзей,
В них радость вольешь добротою своей.
При встрече с врагами будь грозен, суров,
Чтоб лица бледнели у царских врагов.
Да будут достойные награждены,
Достойные царской достойны казны.
От зависти сердце твое огради,
Лишь слез и страданий от зависти жди.
Коль зависть владыку с дороги собьет —
Его порицание праведных ждет».
Царевым дебиром записан наказ

И передан в руки везира тотчас.
Вздох хладный владыка владык испустил,
Ланит его лалы цвет смерти сокрыл.
Как только венчанного лик пожелтел,
В глазах у Бехрама весь мир потемнел.
Скорбел о родителе сын. Сорок дней
Пылился престол властелина царей.
Так будет, покуда вращается свод:
То ввергнет в страданья, то радость пошлет...
В Дей-месяце, ночью Ормозда — под стать *
Прервать стихотворство и чашу поднять.

[ЦАРСТВОВАНИЕ БЕХРАМА, СЫНА ОРМОЗДА, ДЛИЛОСЬ ТРИ ГОДА, ТРИ МЕСЯЦА И ТРИ ДНЯ]

Поведай теперь о Бехрамовых днях *.
Недолго державой владел Бехрам-шах.
Когда на престоле воссел золотом,
Повергнутый в горе разлукой с отцом,
Все знатные люди иранской земли,
Исполнены скорби, к владыке пришли.
Призвали на славного милость Творца:
Мол, царство твое да не знает конца!
Венец кеянидов ты вправе носить,
Достоин наследие предков хранить.
Своих супостатов заставь пожелтеть.
Утешься, доколь об ушедшем скорбеть!..
Так начал ответную речь: «Мудрецы,
В сраженьях стяжавшие славу бойцы!
Дехкан иль к царю приближенный ни в чем
Да не осквернится насильем и злом.
Не видит различья изменчивый свод —
Пастух иль питомец пред ним предстает.
Рассудка узду надевайте страстям,
Царить над собой не давайте страстям.
Кто дружбу злодея привык отвергать,
Страшится пороком себя запятнать,—
Веселием, счастьем весь век озарен,
В дороге земной от врагов огражден.
Людей достоянье хранит государь,
И праведным милость дарит государь.
Царь — веры опора, а вера царю —
Как шлем венценосному богатырю.
Блажен, кто и в гневе рассудок хранит,
Обид никому никогда не чинит,
Кто в бедах мужаясь, унынья избег.
Мир мудрыми да не скудеет вовек!

Стократ умудрен, кто, стяжав торжество,
Соперника не растоптал своего.
Достойным впадать не пристало в раздор.
Хранись, уклоняйся от распрей и ссор.
Коль праздны воитель, дехкан или шах —
Считай, что стоят на бесплодных путях.
Те в спячке, что праздно влачат свои дни,
Проснувшись, раскаются горько они.
Чьи речи щедры, но деяния злы,—
Ни рая тому не стяжать, ни хвалы.
Речь правдой наполни, добро совершай,
Сердца добродетельных не сокрушай.
Дано мне величие, крепость руки,
Сокровища царской казны велики.
Богат — наслаждайся, а тем, что бедны,
Скажу: совладельцы вы нашей казны.
Кошель мой открыт, не закрыться ему,
Не должно страдать от нужды никому».

[*Смерть Бехрама, сына Ормозда*]

И этот недолго процарствовал шах,
И вот уж глава венценосца в тисках.
Был сердца отрадой властителя сын,
Бехрам сын Бехрама. Зовет властелин
Бехрама, близ трона сажает его
И молвит: «Ветвь новая древа сего!
Недолго досталось венцом обладать.
Пусть годы твои осенит благодать!
Живи, наслаждаясь, в веселье пребудь,
Благой пред тобой да откроется путь!
Так шествуй, чтобы в день неизбежный суда
Тебе пред Творцом не гореть от стыда.
Будь щедрым, стремись правосудье творить
И милостью радость подвластным дарить.
Не вечно ведь в мире пребудешь земном,
Будь славным владыкою, будь мудрецом».
Оставив Бехраму державный престол,
В гробнице приют венценосец обрел.
В насилье вертящийся свод не вини,
Что жалобы! Ветру подобны они.
От века так было, так будет вовек,
Зачем же терзаешь себя, человек!
В догадках теряешься зря — все равно
Свершиться тому, чему быть суждено.
Коль дух твой от жадности не одряхлел,
Постигни, что гроб — неизбежный удел.
Коль смерти природа волчицы дана —

Подайте мне чашу большую вина.
Пусть рядом красавица сядет со мной,
Чей стан — с кипарисом, лик спорит с луной;
Отрадная сердцу, и нравом кротка,
В речах сладкогласна, нежнее цветка.

[ЦАРСТВОВАНИЕ БЕХРАМА, СЫНА БЕХРАМА, ДЛИЛОСЬ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ]

Бехрам сорок дней об отце горевал *,
Венца шахиншахского не возлагал.
Стеная, вожди и мобеды пришли
Оплакать владыку Иранской земли.
Воссели они, состраданья полны,
Ланиты их желты, уста их черны.
Вот слышит от мудрого мужа Бехрам:
«Трон видеть доколь без властителя нам!»
Семь дней в неотступном моленье провел,
Покуда Бехрам не взошел на престол.
Обычай владык соблюдая во всем,
Воссел, увенчавшись кеянским венцом.
Вначале восславил Создателя он,
Негаснущий свет круговратных времен,
Кто мудрость умножил, кто правду хранит,
А ложь, беззаконие всюду крушит.
«Создавший Кейван и вертящийся свод,
Добра и любви от рабов своих ждет.
Внемлите, о чистые сердцем бойцы,
Богатые опытом лет мудрецы!
Высокую мудрость являйте всегда,
Покорны царю пребывайте всегда.
Создатель кому возвышение дал —
Дар слова, наставника дар ниспослал.
Разумный к познанью весь век устремлен.
Хранит человечности мудрый закон.
Терпение — вот человека оплот.
Кто явит горячность — в беду попадет.
В чьем сердце уверенность, радость живут,
От тех злоключенья, печали бегут.
Богат — кому щедрое сердце дано.
Ему что дирхемы, что ветер — одно.
Трудись, коли ты пребываешь в нужде,
Запомни, не чтут неимущих нигде.
Ни в чьих состраданья сердцах не найдешь,
Запаса в чужих закромах не найдешь.
Покоен довольный уделом своим,
Подверженный алчности страхом томим.

Трудись, но не так, чтобы плоть изнурять
И жаждой стяжания душу терзать.
Златую средину во всем предпочти,
Дабы одобренье Творца обрести.
К подвластным пребудь справедливым всегда —
Пребудешь богатым, счастливым всегда.
Покой, безопасность должны мы хранить,
От лжи правосудье должны оградить.
Коль в когти корысти дашь сердцу попасть,
Не выпустит душу драконова пасть.
Теряется радость — в душе нищета,
У разума сила его отнята».
Двадцатого года правленья достиг,
Заплакала жизнь о владыке владык.
Сравнялся он с прахом, покинув престол,—
Из радостей мира гробницу обрел.
Мы рядом с той силой — бессилья пример.
Таков уж обычай вертящихся сфер!
Вовеки свой нрав не меняет судьба,
От смертного тайны скрывает судьба.

[ЦАРСТВОВАНИЕ БЕХРАМА, СЫНА БЕХРАМА, СЫНА БЕХРАМОВА, ДЛИЛОСЬ ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА]

Бехрам, двух Бехрамов потомок, на трон *
Взошел, для добра препоясался он.
Венец изумрудным осыпан дождем,
И прозван Бехрам милосердным царем.
Сказал он: «Да будет от Бога дана
Нам мудрость, и правды дорога дана.
Не вечны мы в бренном чертоге земном,
Так пусть добродетель нам станет щитом.
Добру посвятим нам отпущенный срок,
Себя отдадим милосердью в залог.
Запомнится добрый поступок и злой —
Добра семена оставляй за собой!»
Четвертый лишь месяц правленья прошел,
Вновь плачут о шахе венец и престол.
Поняв, что нагрянула смерть,— ведь она
Сразит носорога, повергнет слона,—
Он, сыну вручая державу, сказал: *
«Да будет венец твой достоин похвал!
Пируй, наслаждайся богатством, дари,
Державу сияньем венца озари».
Померкла владыки Бехрама звезда,
Нерси унаследовал царство тогда.
Так время проходит, но алчный живет,

Дыханиям вовсе не ведая счет.
Рубиновой влагой, Рузбех, подбодри!
Ведь годы певца — шесть десятков и три.

[ЦАРСТВОВАНИЕ НЕРСИ, СЫНА БЕХРАМА, ДЛИЛОСЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ]

На славный, из кости слоновой, престол
Бехрамов Нерси венценосный взошел.
Вожди удрученные к шаху пришли,
Нисар по обычаю все принесли.
К ним царь обращает хвалений слова:
«Ревнители правды, в ком вера жива!
Создатель, о мудрые, милость явил:
И тайных и явных достоинств и сил
Я полон. И совесть и мужество есть,
Приветливость, разум и царская честь.
Коль знаешь — к тебе благосклонна звезда,
Ты радостен сердцем бываешь всегда.
Разумный тогда будет в дружбе с тобой,
Скажи, два ядра под одной скорлупой.
Могущественным добродетель под стать,
А мудрость у знающих должно искать.
Разумный отвагой своей знаменит,
Отважный не зря средь людей знаменит.
Того, кто страшится борьбы, торжество
Минует и слава бежит от него.
Бездействие, знай, малодушия плод,
Оно с малодушием вместе живет».
Державою правил Нерси девять лет,
Сердца озарял царской мудрости свет.
Но вот наступил его час роковой,
Шелом будто стал не стальной — восковой.
На смертном одре возлежит властелин,
Спешит к изголовью венчанного сын,
Тюльпану средь луга подобный Ормозд,
Прекрасный как месяц, восшедший меж звезд.
Царь молвит: «О, выросший в холе, внимай!
Усердно деяний дурных избегай.
Ты счастье Бехрама, ты сердце отца,
Достоин престола, достоин венца.
С величием, силой и статью такой,
В познаньях никто не сравнится с тобой.
Страшись благодатный венец омрачать,
Насильем людские сердца удручать.
Храни венценосцев великих устав,
Заветам благим Вседержителя внявв.

Придет ведь и твой неминуемо срок,
Раздавит тебя, не помилует рок.
Так век проживи, чтоб ответ мог держать
И участь благую ответом стяжать».
Умолкнув, завесою тайны покрыл
Чело и последний свой вздох испустил.
Где трон, где венец его царский, спроси.
Сказал бы, вовек не рождался Нерси!
Извечную тайну кто смог разгадать?
Удел твой, о смертный, терпеть и страдать.

[ЦАРСТВОВАНИЕ ОРМОЗДА, СЫНА НЕРСИ, ДЛИЛОСЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ]

Великий Ормозд как воссел на престол *,
Ягненок от волка защиту обрел.
К подвластным его безопасность пришла,
От глаз Ахримановы скрылись дела.
Восславил венчанный владыку миров,
Благого подателя щедрых даров:
«День с ночью и сферы Йездан сотворил,
Он Солнце, Бехрам и Кейван сотворил *.
Победу и счастье, и царский венец,
И мудрое сердце дарует Творец.
Да будет в сердцах наших правда одна,
Да полнится радостью наша страна!
Бесчестным людского доверия нет,
Запомни, с бесчестными знаться не след.
Советов злонравного остерегись,
Благих наставленьями руководись.
Кто, благо творя, благодарности ждет,
Тех щедрыми чтущий Творца не зовет.
И милость принявший достоин стыда,
Коль сердцу его благодарность чужда.
Жестокий, вселяющий ужас в людей,
Вовеки любви не встречает ничьей.
Но также ничья не почтит похвала
Такого, чьи слабость являют дела.
Коль ждет от ленивых усердья в делах,
Не будет великим правителем шах.
Воссев на престол, о гордыне забудь,
Надменностью бойся людей оттолкнуть.
Озлобившись, тот, кто рожден бедняком,
Винит свою долю несчастную в том.
Он годы в стенаньях проводит одних,
Хоть знанья лишен и достоинств иных,
Присущих великим. А ежели он

Былого богатства судьбою лишен,—
Хиреет во власти злонравья и бед,
А чтоб распрямиться, ни мудрости нет,
Ни злата, ни знанья, ни прочих даров,
Ни веры, угодной Владыке миров.
Творец да хранит ваши ночи и дни,
А недруги злые — да сгинут они!»
Спешит властелину хваленья воздать
Словами его окрыленная знать.
Вращались еще небеса девять лет,
И царского лика гранатовый цвет
Стал желтым. Он скорбно кончину принял,
И сын в изголовье царя не стоял.
Преставился сладкоречивый мудрец,
На новый сменил этот старый дворец.
Скорбели повсюду о нем сорок дней,
Престол сиротел властелина царей.

[ЦАРСТВОВАНИЕ ШАПУРА, СЫНА ОРМОЗДА, ДЛИЛОСЬ СЕМЬДЕСЯТ ДВА ГОДА]

Шло время, Ирана престол пустовал,
И каждый из знатных душой изнывал.
Увидел мобед в шебистане одну
Тюльпаноланитую шаха жену.
Ресницы, сказал бы, Кабула клинки,
Две пряди — бабульских письмен завитки.
Искусно кольцо перевито с кольцом
Над ясным, пленяющим взоры лицом.
Носила под сердцем младенца она —
От радостной вести ликует страна.
Мобедов глава, торжествуя, возвел
Красавицу эту на царский престол.
Венец засиял над ее головой,
И сыплется дождь на нее золотой.
И вскоре подобная нежной пери
Дитя родила краше вешней зари.
Изедову видя на нем благодать
И мудрости, и милосердья печать,
Мобед искушенный младенца назвал
Шапуром, край пышно убрать приказал *.
Прошло сорок дней, руд несут и вино *,
Престол воздвигают, как заведено.
Вожди, опоясаны златом, пришли,
Златой над престолом венец вознесли.
Шапура насытив сперва молоком,
В шелка дорогие закутав потом,

Несут на руках, во младенчестве он
Уж занял благого родителя трон.
И благословляя венчанного, знать
Алмазами стала его осыпать.
Шахруй, умудренный годами мобед,
В чьем сердце сиял добродетели свет,
Воссев на скамью золотую, вершил
Державы дела, властелину служил,
Ко благу дружины царя направлял,
В правлении правду и мудрость являл.
Умножил и войско его, и казну,
Украсил дворец и айван, и страну.
Шло время, и вот уж пять лет пронеслось,
И силы набрался Шапур, и подрос.
Однажды в Тисфуне, в палате своей
Сидел с мудрецами владыка царей.
В ту пору как солнечный лик потускнел,
Свод неба шатром из лажверда темнел.
С Эрвенда-реки ветер вопли донес *.
«Что значит сие?» — Отрок задал вопрос.
Поведал советник в немногих словах:
«О мудрый и добросердечный мой шах!
Всегда в этот час бедный люд трудовой
Спешит из амбаров и лавок домой.
На сторону эту, на сторону ту
Бегут и, столкнувшись на узком мосту,
Страшатся упасть и от страха кричат,
Те громкие крики оттуда летят».
Так молвит мобедам Шапур молодой:
«О мудрые, руководящие мной!
Второй, видно, мост мы построить должны
Для люда, идущего с той стороны,
Чтоб подданным нашим подобных невзгод
Не ведать. Бойцы ли, простой ли народ
Пусть ходят мостом, ничего не страшась,
Найдется на это динаров запас!»
И сердцем обрадован каждый мобед,
Столь юного разума видя расцвет.
И новый раскинулся мост. Возведен
По воле венчанного отрока он.
Спешит окрыленная радостью мать
Наставников мудрых ему подыскать.
В познаньях высот достигает таких —
Наставников он затмевает своих.
В семь лет он човганом, мячом овладел,
Что ратник бывалый, мечом овладел.
С восьмого державой стал править один,

Сказал бы, в нем ожил Бехрам-властелин.
Шапуру хваленья у всех на устах.
Столицей своею избрал он Истахр,
Примеру последовав предков своих,
Владык справедливых, достойных, благих.

[*Похищение сестры Нерси аравитянином Таиром и поход Шапура против него*]

Шло время, страною Шапур управлял,
Все ярче венец властелина сиял.
Как вдруг из вождей гассанидских Таир *
Бесстрашный, дививший отвагою мир,
Строй курдов ведя, кадиссийских бойцов *,
Румийских, бахрейнских, парсийских бойцов,
Столь многих, что счесть не хватило бы сил,
Нагрянул и город Тисфун осадил,
Взял приступом, край разоренью обрек.
Кто силу такую осилить бы смог!
Узнав о Нуше, юной тетке царя,
Прекрасной, как вешнего утра заря,
Увез ее вождь гасанийский в полон.
Безмерно был город Тисфун потрясен,
Когда пробежал о содеянном слух.
Знать, был супостат к зову мудрости глух.
Прекрасная, год у Таира прожив,
Слез горестных в рабстве немало пролив,
Там дочь родила; хороша, как луна,
Сказал бы, Нерси воплощала она.
Ее Малике нарекает отец — *
И впрямь подобает ей царский венец!
Меж тем двадцатишестилетье пришло
Шапура, величьем блистало чело.
В степь вывел дружины. Из многих бойцов
Двенадцать он тысяч избрал удальцов.
Верблюд ветроногий под каждым бойцом,
Сто верных владыке при воинстве том
Вождей, оседлавших верблюдов своих,
Державших поводья коней боевых.
Помчались они — с гасанийским царем,
Прославленным, схожим отвагой со львом,
Сразиться. Разбили дружину его,
Увидели спину врага своего.
С воинственным кличем помчались вдогон,
Немало воителей взяли в полон;
Остаток в Йеменской твердыне засел,
Из города стон к небесам полетел.
Все войско Шапур поспешил привести —

Уж негде, скажи, муравью проползти.
Таира с бойцами его осадил,
Дверь к битве и к бегству дорогу закрыл.
Уж тридцать сражается дней и ночей
Твердыня. Припасы кончаются в ней.

[*Малике, дочь Таира, влюбляется в Шапура*]

С зарею, взяв лук свой, по степи один *
Помчался верхом молодой властелин.
Он в панцире черном, над царской главой
Блистающий черный бунчук боевой.
На башню взойдя, увидала вождя,
Под тем бунчуком угадала вождя
Царевна. Все в доблестном по сердцу ей —
И розы-ланиты, и мускус кудрей.
Покоя и сна Малике лишена.
Любовью палима, сказала она
Кормилице: «Знай, этот вождь молодой,
Что ныне нагрянул, пылая враждой,—
Из царского рода, мой родич к тому ж,
Стал миром моим солнцеликий сей муж!
Спеши мое слово Шапуру отнесть —
Войною пришедшему — мирную весть.
Поведай: мол, дочь предводителя род *,
Как ты, от Нерси-венценосца ведет.
На свет рождена я прекрасной Нуше,
Вражды Малике не имеет в душе.
Полюбишь — в бою торжество обретешь,
С айваном и роспись его обретешь.
Кормилица твой мне доставит ответ,
Властителя честью скрепленный обет».
И слышит: «Готова рабыня пойти,
Ответ не замедлю тебе принести».
Вот ночь над землей воцарилась, и мгла
От моря до моря повсюду легла.
Земля, что смола; в темно-синий наряд
Одеты вершины, и звезды висят
Над крепостью, словно кандили. Над ней,
Сказал бы, зажгли триста тысяч огней.
Храня осторожность, Таира страшась,
Кормилица верная в путь собралась.
Вот царский шатер перед ней. Позвала
Начальника стражи и речь повела:
«К царю коли тотчас меня отведешь *,
И перстень тогда, и венец обретешь».
Догадливый и проницательный, тот

Немедля ее к властелину ведет.
Поклон до земли сотворила она,
Слова Малике повторила она.
Шапур просиял от известий таких,
Он тысячу ей подарил золотых,
Убор, изливавший алмазов лучи,
Покров драгоценный из чинской парчи.
Так молвил в ответ: «К луноликой спеши,
Скажи ей: хвалу вознося от души,
Клянусь я луною и солнца лучом,
Зердоштовым поясом, царским венцом *,—
Что хочешь — из царства проси моего,
Даровано будет — не жаль ничего.
И словом не стану тебя обижать,
Не стану с тобою разлуки искать.
Дружины глава, обладатель венца
Берет тебя в жены по воле Творца».
С ответом Шапура к царевне спешит
Кормилица, будто на крыльях летит.
Ответ повторив пред красавицей той,
Вскричала: «Нахид стала солнцу четой!»
О стати, красе властелина царей
Твердит госпоже луноликой своей.

[*Царевна сдает Шапуру крепость Таира*]

Лишь солнце явилось в венце золотом,
Из черной земля стала желтым цветком,
Взяла у дестура ключи от казны.
Вот яства готовы, кувшины полны,
На каждого из родовитых мужей,
Прославленных доблестью богатырей
Для пиршества снедь посылает она,
Нарцисс с шенбелидом и вдоволь вина.
Главу виночерпиев после призвав,
Приветливой речью его обласкав,
Сказала: «Пир в веденье нынче твоем,
Таира ты потчуй лишь чистым вином.
Следи, чтобы дань отдавали вину,
Чтоб все угодили в объятия сну».
Сказал виночерпий: «Исполнить клянусь!
Твой раб я и воле твоей предаюсь».
Лик солнца, к закату клонясь, побледнел,
И сумрак сокрыться ему повелел.
Вот чашу свою поднимает Таир,
Гесана вождей поминает Таир.
За стражей второю смолк пиршества гул,
Таир удалился и крепко уснул;

Ушли на покой сотрапезники. Тут
Тайком, голоса приглушая, идут
Прислужники. Им луноликая та
Открыть повелела твердыни врата.
Давно в нетерпенье, безмолвен и хмур,
Пирующих возгласы слушал Шапур.
Увидев призывный огонь у ворот,
Воскликнул: «Мне счастье навстречу идет!»
Красавицу ту проводить повелел
В шатер свой, надежно укрыть повелел.
Немедля владыка дружину поднял,
И пеших и всадников доблестных взял.
Велел наготове стоять остальным —
Всем, годным к сраженью, к делам боевым.
В твердыню ворвался, сполна утолил
Отмщения жажду, что в сердце хранил.
Из войска Таирова гибли одни
Хмельными — уснув, не проснулись они;
Другие вскочили, рванулись к мечам,
То здесь разгорается схватка, то там.
Но бегством не мыслил спастись ни один,
И многих иранский скосил властелин.
Таир стал Шапуровым пленником тут,
Его без доспехов бегом волокут.
Захвачено в крепости много добра;
Пришла для строптивых злосчастья пора.
Там ночь победитель провел, а с зарей,
Лишь солнца шелом воссиял золотой,
Царю бирюзовый в той крепости трон
По давним обычаям был водружен.
Когда же закончился царский прием,
Красавица, схожая с вешним цветком,
Явилась. Рубины в короне горят,
Из чинской парчи златотканой наряд.
Ей место на троне златом указал
Владыка и пленника тотчас призвал.
Ввели с непокрытой главою. Глядит —
В венце Малике на престоле сидит.
Он понял, что дочерью предан, что зло
Ему вероломство ее принесло.
«Ты видишь,— вскричал,— о владыка благой,
Что сделало чадо родное со мной!
Того же и ты от возлюбленной жди,
Обманет чужая, того и гляди!»
И слышит в ответ опозоренный тот:
«Не ты ли, покрывший бесчестием род,
Дочь шаха Бехрама похитить дерзнул *

И пламя вражды угасавшей раздул!»
Таирову голову тут же отсечь
Велит палачу и безглавого сжечь.
Кровавая наземь упала глава.
Уводит дружину державы глава.
Кого из арабов ни встретит в пути,
Ни слова не дав ему произнести,
По плечи он обе руки отрубал.
Всех ужас от царских деяний объял.
Тогда за свирепый, безжалостный прав
Арабы прозвали его Зуль-актаф *.
И вот уже в Парс возвращается он.
Весь мир устремился к нему на поклон.
И каждый, кто руки свои сохранил,
Покорно венчанному дань приносил.
Вращаются сферы и время течет,
И снова свой лик изменил небосвод.

[*Шапур отправляется в Рум*]

В расцвете величия был он пронзен
Внезапной боязнью грядущих времен.
И как-то средь ночи властитель к себе
Призвал звездочета. Его о судьбе
Престола царей вопросил шахиншах,
О днях благоденствия, горестных днях.
Изведавший тайны небесных высот
Свою астролюбию тут же берет,
О сне забывая, стремится узнать —
Ждут беды царя иль Творца благодать?
И звездные знаки прочтя, говорит:
«О доблестный царь, добродетели щит!
С таким суждено тебе встретиться злом —
Никто б не решился поведать о нем!»
Спросил звездочета владыка владык:
«О мудрый, что многие тайны постиг!
Быть может, отыщешь такие пути,
Чтоб грозную волю судьбы обойти?»
«О царь,— отвечает ему звездочет,—
Когда прогневится вертящийся свод,—
Ни знаньем своим не спасется мудрец,
Ни доблестью — неустрашимый боец.
Нам волю судеб изменить не дано,
Сбывается то, чему быть суждено».
Сказал благородный владыка в ответ:
«Благой Судия ограждает от бед.
Не он ли создатель высоких светил!
И немощь он создал, и мощь сотворил».

Не зная напастей, Шапур управлял
Страною, во всем справедливость являл.
В державу при нем процветанье пришло.
Однажды владыке желанье пришло
Отправиться в Рум — убедиться, кейсер,
Мол, вправду ль богатства и силы пример?
Служил пехлеван у Шапура, ему
Доверясь и чести его и уму,
О деле задуманном шах рассказал,
От прочих свой замысел в тайне держал.
Сказал: «Управляйте разумно страной,
Стяжается радость лишь правдой одной».
Собрать повелел караваны потом;
Их десять, погонщиком каждый ведом;
С тюками парчи, самоцветов идут,
И тридцать верблюдов динары везут.
Царь едет, исполнен сомнений и дум.
Путь долгий проделав, вступает он в Рум.
Вблизи от столицы вошел караван
В селенье — приют горожан и дехкан.
И в дом кедходы одного постучась,
Спросил: «Не найдется ли места для нас?»
«Я гостя достойней еще никогда
Не видел»,— с поклоном сказал кедхода.
Там на ночь остался и ел, и дарил,
И много похвал кедходы заслужил.
С зарей нагрузил он верблюдов своих,
К чертогу кейсера помчался, как вихрь.
Услышал хвалу от него саларбар,
Из рук его принял богатый нисар.
Хвалою ответствуя, так говорит:
«Кто ты? Твой поистине царственен вид».
«О нет, я не царь,— услыхал от него,—
Муж честный из парсов, не больше того.
Меха, одеяния, прочую кладь
Из города Джеза везу продавать
К румийцам, надежду на счастье храня.
Быть может, допустишь к владыке меня?
Алмазы, оружие — все, что его
Достойно, когда от слуги своего
Он примет в казну,— буду истинно рад,
Ужель оттого попаду я в наклад!
Тогда торговать стану прочим добром
Без страха, хранимый румийским царем.
Все нужное в Руме купив, караван
Назад поведу в благодатный Иран».
Седой саларбар, вняв речениям тем,

К кейсеру вошел с донесением тем.
И вот приказали завесу открыть,
К престолу владыки купца проводить.
Шапур пред владыкою Рума предстал,
Хваления, как подобало, воздал.
Тот гляпул на статного богатыря —
Румийского сразу пленил он царя.
И вот уж чертоги для пира убрать
Велит он, и яства, и вина подать.
Жил в Руме иранец — из тех, кто хранит
В душе своей горечь снесенных обид.
«О славный,— кейсеру иранец сказал,—
Слуга твой нежданную новость узнал.
Сей гость, что себя называет купцом,
Парчу продающим,— по мне так лицом
И силой, и статью, и речью своей —
Сам грозный Шапур, повелитель царей».
Иранцу внимает кейсер, омрачен,
Враждою к внезапному гостю пронзен.
Он стражу велел наготове стоять,
Сие никому не хотел открывать.
Встал с места Шапур захмелевший, и вот
Знак тайный глазами кейсер подает.
Страж следом выходит: «Не диво ль сие:
Нерсиев Шапур на Румийской земле!» *
Связав его, к женским покоям повлек,—
И мужество, знать, попадает в силок.
Коль знание впрок венценосцу нейдет,
Что проку в расчетах твоих, звездочет!
И вот уж хмельной, при горящих свечах
В ослиную шкуру зашит падишах.
И некто воскликнул: «Утратив престол,
Ослиную шкуру злосчастный обрел!»
Глухая каморка в том месте нашлась,
Туда сволокли несчастливца тотчас,
Швырнули, повесили крепкий замок.
Так шаха кейсер заточенью обрек,
Ключи венценосной вручил госпоже,
При этом он так говорил госпоже:
«Давай ему воду и хлеб, чтобы душа
Не скоро из тела безумца ушла.
Быть может, в несчастье прозрев, наконец,
Оценит утраченный царский венец.
Пусть впредь никому не мерещится трон
Кейсера, коль не был кейсером рожден!»
Темницу замкнула кейсера жена,
В покои свои удалилась она.

Служила в ту пору красавица ей,
Была и наперсница, и казначей.
Девица иранского рода была,
Всех предков своих перечислить могла.
Сей деве был ключ от темницы вручен,
Где был Шапур-шах богатырь заточен.
Оставив зашитого в шкуру, в поход
Кейсер со своею дружиной идет.
Достигнув пределов Иранской земли,
Мечи для жестокой войны занесли.
В полон уводили иранских бойцов,
Опоры ведь не было у храбрецов.
Ни жен, ни мужей, ни детей — никого...
Лишился Иран и богатства всего.
У войска вестей о властителе нет,
Не знают — в живых иль покинул он свет.
Народ от румийцев бежал кто куда,
И земли безлюдными стали тогда.
И много из них христианский устав
Прияли, епископов паствою став.

[*Рабыня избавляет Шапура от ослиной шкуры*]

Так некое время еще пронеслось *,
Все войско Иранской земли разбрелось.
А та, что в те дни близ Шапура была,
При нем неусыпную службу несла,
Страдала от вида столь горьких невзгод —
Недаром вела от иранцев свой род.
Шапура мученьями удручена,
Скорбит, непрестанно рыдает она.
Однажды Шапур услыхал от нее:
«Открой, о прекрасный, мне имя твое!
Измаяла жесткая шкура, она
Тебя, знать, лишает покоя и сна.
Ты прежде стоял словно тополь прямой,
И мускус темнел над прекрасной луной.
А ныне согбен, где же прежняя стать!
Истаяло тело тростинке под стать.
Палимая жалостью, словно огнем,
Лью слезы горючие ночью и днем.
Чего же ты в этом несчастии ждешь,
Что тайну свою от меня бережешь!»
Ответил: «Подобная ликом весне!
Коль движима вправду любовью ко мне,
Хочу, чтобы клятву сейчас принесла,
Нарушить которую ты б не смогла,

Чтоб, тяжкие помня страданья мои,
Врагу не открыла признанья мои.
Не стану я долее тайну беречь,
Услышишь сегодня правдивую речь».
Клялась Судиею и тем, кто призвал *
Тех семьдесят, коих шеммасом он стал,
Душой Иисусовой, скорбью креста,
Дарою, любовью и страхом: уста
Свои не откроет, чтоб тайну изречь,
Корысть из доверчивой речи извлечь...
Шапур свою тайну девице открыл,
Худого и доброго не утаил,
Промолвил: «Коль сердце готова отдать
В залог моей тайне, обет соблюдать,
Меж знатных ты будешь царица, поверь,
Весь мир пред тобою склонится, поверь.
Мне пищу сюда доставляя, тайком
С горячим теперь приходи молоком.
Ты кожу размочишь в тепле молока.
Стать притчею шкуре осла на века!
Не станет Шапура, останется сказ,
Разумные вспомнят об этом не раз».
И стала она молоко добывать,
А дело от взора чужого скрывать.
Как полный котел набирала его —
На сильном огне нагревала его,
Украдкой к Шапуру носила потом,
Никто и полслова не слышал о том.
За этим четырнадцать дней протекло,
И время размокнуть той коже пришло.
От шкуры ослиной избавлен Шапур,
Истерзан душой, окровавлен Шапур.
Он молвит девице: «Поистине, ты —
Пример милосердья, ума, чистоты!
Умом пораскинуть нам должно сейчас,
Чтобы верное средство избавило нас
От плена. Из Рума умчаться пора,
Державе такой да не будет добра!»
Сказала: «С зарею средь шири полей
Откроется праздник. Взяв жен и детей,
Пойдут именитые града всего,
Великое будет у них торжество.
Как только хозяйка дворца в свой черед
Из града на праздник направится тот,
И дом опустеет — за дело примусь,
Поверь мне, опасности не устрашусь.
Двух резвых коней неподкупный твой друг

Доставит, две палицы, стрелы и лук».
Лишь речи такие Шапур услыхал,
Отважной, разумной хваленья воздал.
Надеждой на добрый исход воскрешен,
Все взвесив, доверился разуму он.
На западе скрылся сиянья родник,
Ночь темной чадрою закутала лик,
Венчанный Шапур полон мыслью одной:
Удастся ль исполнить ей замысел свой?
Но вот уж в созвездии Льва заблистал
Диск солнца и сон от людей отогнал.
Весь город на праздник отправился тут.
Блажен, кому празднества радость несут!..
Вот дева среди опустевших хором,
Как тот, кто спасения жаждой влеком,
В безлюдном дворце оказавшись едва,—
С тигриною хваткой, с отвагою льва
Ведет из конюшни двух добрых коней,
Сыскала оружие богатырей,
Немало монет извлекла золотых,
Жемчужин, рубинов, сокровищ иных.
Закончены сборы, пришла темнота,
Исполнила замысел смелый чета.

[*Бегство Шапура из Рума*]

У тех, что помчались к Иранской земле,
Мир в сердце и радости свет на челе.
И ночью и днем на коне беглецы,
Забыли о пище и сне беглецы.
Пустынной дорогой скакали они,
И вот Хузистан увидали они.
Не в силах уж более кони скакать,
И место пора для привала искать.
Селение видит, айваны пред ним,
Сады зеленеют. Нуждою гоним,
И все же с опаской венчанный беглец
Стучится в одни из ворот, наконец.
Хозяин навстречу ему поспешил,
И добрым и гостеприимным он слыл.
Увидел он в панцирях, в шлемах двоих.
«Откуда и кто вы? — стал спрашивать их,—
Примчались столь поздней порою в село,
Поведайте, что вас сюда привело?»
«Почтенный,— Шапур отвечает,— впусти
Без долгих расспросов. Мы сбились с пути.
Я родом иранец, спасенья искал,
И, бегством спасаясь, в твой край прискакал.

Обиду нанес мне румийцев глава,
Да сгинут его и венец и глава!
Коль на ночь как гостя меня приютишь,
Явив милосердье, от бед оградишь,
Когда-нибудь, верь, услаждающий плод
Росток, что посадишь, тебя принесет».
«Мой дом,— отвечает,— родным назови,
Садовника гостем своим назови.
Все то, что под силу мне будет добыть,
Доставлю и тайну клянусь сохранить».
Расстался Шапур утомленный с седлом
И с девою входит к садовнику в дом.
И вот уже все, что состряпать могла,
Жена садовода гостям подала.
Насытились. Налито в чаши вино
В покое особом, как заведено.
Шапуру садовник вино передал,
«Испей за кого пожелаешь!» — сказал.
Ответ от Шапура услышал такой:
«О сладкоречивый и щедрый душой!
Пьет первым, кто потчует, если к тому ж
Богат и умом и годами сей муж.
Ты старше, так чашу к устам поднеси
И первую здравицу провозгласи!»
«О доблестный,— молвит садовник в ответ,—
Пьет первым, в ком виден величия свет.
Главенствовать — твой, без сомненья, удел,
Ты молод годами, но разумом зрел.
Твой лик сотворен для убора царей,
И амбра струится от этих кудрей».
Шапур улыбнулся, вина отхлебнул
И, в думы свои погруженный, вздохнул.
«О праведный,— молвит Шапур,— о судьбе
Иранской земли что известно тебе?»
«О царственноликий,— ответствует тот,—
Пусть злоба злодея тебя обойдет!
Врагу твоему понести бы изъян
Такой, как понес от кейсера Иран!
Народ разбежался, безлюдье кругом,
Ни сева, ни жатвы в Иране во всем.
Разбой и убийства утратили счет,
Рассеяли этот великий народ.
Немало к тому ж христианский устав *
Прияло, епископов паствою став,
И носят теперь джаселиков покров
Вдали от отчизны, родных очагов».
Спросил: «Где Шапур, сын Ормозда-царя,

Что миру светил, как Ормозда заря?
Как дал он померкнуть Ирана звезде,
Позволил кейсеру забыть о стыде!»
«О славный,— садовника слышен ответ,—
В величье и славе живи много лет!
Ни мертвым его, ни живым не нашли,
Следов никаких отыскать не смогли.
Немало мужей полонил супостат,
И ныне свой век они в Руме влачат».
Садовник умолк, и горячий ручей
Безудержно хлынул из скорбных очей.
И просит Шапура: «Хотя бы три дня
Мой дом озаряй, погости у меня.
Издревле известны слова мудрецов:
Кто гостю не рад предоставить свой кров,
Тому добродетель разумных чужда,
В свой час и его обездолит нужда.
Вином услаждаясь, у нас отдохнешь,
Когда пожелаешь — себя назовешь».
Шапур отвечает: «Что ж, быть по сему.
Подвластен хозяину гость своему».

[*Шапур, узнанный иранцами, собирает войско*]

И долго за чашей беседа текла.
Но вот уж заря над вершиной взошла,
Сказал бы ты, стяг золотой засверкал.
Тут сада хозяин пред гостем предстал.
Сказал он: «Да будешь добром осенен!
Да будешь главой выше туч вознесен!
Покоев, достойный тебя, не нашлось,
На ложе достойном возлечь не пришлось».
Ответил: «Являющий разум и честь!
Я дом твой готов и дворцу предпочесть.
Сюда принеси Авесту и барсам,
Тебе над святыней вопросы задам».
Исполнено все, что потребовал шах:
Явился с барсамом, устроен бажгах *.
Он шепотом молвил: «Правдивый ответ
Я должен услышать: где главный мобед?»
Садовника слово тотчас раздалось:
«О сладкоречивый, о доблестный гость!
Отсюда, знай, сидя на месте своем,
Я вижу мобеда старейшего дом».
«У старосты втайне сургуч попроси,— *
Садовнику молвит,— и мне принеси».
Тот, выслушав, из дому вышел, и вот

Сургуч торопливо Шапуру несет.
Свой перстень Шапур к сургучу приложил
И с благословением оттиск вручил
Садовнику, молвив: «К мобеду придешь,
Сургуч передашь и ответ принесешь».
Отправился тот, лишь блеснула заря,
К мобеду мобедов с печатью царя.
И вот он пред домом главы мудрецов.
Закрыты ворота, не видно бойцов.
Он громко взывает и просит открыть:
С мобедом, мол, надо ему говорить.
Открыли. К мобеду садовник идет
И оттиск с поклоном ему отдает.
Мобед, на печать поглядев, просиял,
От радости помолодев, просиял.
Мудрец прослезился над оттиском тем,
«Откуда сие?» — вопрошает затем.
«О славный,— садовник ответил ему,—
От витязя, что приютил я в дому.
С ним дева. Скромна и разумна она,
Как месяц прекрасна, как тополь стройна».
«Скажи,— вопрошает глава мудрецов,—
Сей витязь осанкою, ликом каков?»
И слышит: «Весны кто не зрел молодой,
Не видел, каков кипарис над водой,
Пусть глянет на витязя — сердце пленит
Его благородства исполненный вид.
Верблюжьим ногам его руки под стать,
Грудь льва, на ланитах — здоровья печать.
Приветлив и скромен поистине он,
А ликом, скажу, для венца сотворен».

[*Мобед и пехлеван узнают о прибытии Шапура*]

Услышал посланца благого ответ,
И сердцем, сказал бы, увидел мобед,
Что доблестный муж — сам владыка владык,
Что трон озарил бы тот царственный лик.
Посланца достойного мудрый избрал,
Его к пехлевану немедля послал:
Нашлась, мол, Шапура-царя благодать,
Мол, время повсюду бойцов собирать.
Гонец устремился в дорогу тотчас,
Принес пехлевану мобедов наказ.
Словами его сипехбед воскрешен, *
Давно воздыхал об отмщении он.
Воскликнул: «Начало творения ты,

Достоин один поклонения ты,
Кто мог бы подумать, что с войском своим
Вновь встретится шах, а воители — с ним!
Хвала Тебе, Правый, Единый, Благой
Господь, направляющий верной стезей!»
Ночь стяг распростерла, и звезды зажглись,
Луна озарила небесную высь.
Из всех областей, где иранская знать *
Скрывалась, дружины спешат выступать.
Немало к тому же отважных бойцов
Вдвоем, в одиночку ли,— с разных концов
К Шапуру, владыке Ирана, спешат,
Великою радостью каждый объят.
И вот именитых к Шапуру зовут,
И входят воители в скромный приют.
Предстали они перед ликом царя,
К земле припадали, поклоны творя.
Шапур обнимал одного за другим;
Поведал свои злоключения им,
Что вынес, запитый в позорный покров,
Каких от кейсера наслушался слов;
Как был он избавлен красавицей той,
Ее разумением и добротой.
«Лишь ею,— сказал,— и Творцом сохранен,
Да будет Добром ее век осенен!
Коль может владыка стать верным слугой
Рабыни, исполненной воли благой,
Я — этой рабы милосердной слуга,
Души неподкупной — усердный слуга».
Сказал: «Поспешите по всем областям,
Подвластным владыке Ирана вождям
Гонцов разослать, обо всем известить,
Дороги заставами всюду закрыть.
Особо к Тисфуну заприте пути,
До времени надобно тайну блюсти.
Ведь если врагу доведется узнать,
Что вновь над Ираном царя благодать,—
Нагрянет и нашу дружину сомнет,
Дух сломит иранцам, хребет перебьет.
Мы слабы покуда и нам превозмочь
Кейсера, любимца победы, невмочь.
Когда же мобед соберет мне вождей,
Когда меж бойцов не найдет муравей
Дороги,— построю невиданный строй,
Тогда, знать, очистится сад дорогой.
Нам должно умножить число часовых,
Дозорных иметь и дневных и ночных.

Не смогут румийцы теперь из-за нас
Доспехи снимать и в полуночный час».
Владыка в шесть тысяч воителей рать
Успел за недолгое время собрать.
Отважных бойцов среди войска избрал,
Лазутчиков этих в Тисфун отослал.
Они о владыке румийской страны
Для славного шаха все вызнать должны.
Немедля в Тисфун поскакали они,
Что надобно, тайно узнали они.
Умело исполнив веленье, назад
К царю своему с донесеньем спешат:
Охотой, пирами кейсер поглощен,
Мол, думать забыл о сражении он.
Рассеялось войско. Корыстью горит,
Народ разоряет, бесчинства творит.
Что стадо, покинутое пастухом,
Дружина. Дозоров ни ночью, ни днем.
Кейсер только прихотям верен своим,
Как будто нет в мире враждующих с ним...
Внимает венчанный, светлеет чело,
Все тяготы, скажешь ты, ветром снесло.
Три тысячи выбрал иранских мужей,
Кольчуга на каждом, щитки у коней.
И сам облачился в доспехи, готов
Вести на Тисфун закаленных бойцов.
В путь выступил ночью. Во мраке скакал
Дорогой, с рассветом ее покидал.
То кручами, то бездорожьем степным
Все далее мчится, и войско за ним.
А на два фарсанга вперед верховых
Дозором бойцов посылает своих.
И те неусыпную стражу несли,
Покуда Тисфун не открылся вдали.
Он с третьею стражею стана достиг,
Кейсер не страшил властелина владык.
Там окрика стражи не слышно нигде.
И колокол не возвестил о беде.
Кто ждал нападенья полночного там!
Нет счета по степи палаткам, шатрам.
Уснувшие всюду — земля не видна;
Кейсер в своей ставке, хмельной от вина.
Венчанный воитель, сие увидав,
Поводья коню боевому отдав,
И палицу вскинув могучей рукой,
Ворвался, дружину ведя за собой.
Трубы завыванье до туч поднялось,

Булав грохотанье окрест разнеслось.
Гром гонгов индийских и клики мужей,
Повсюду бряцанье скрещенных мечей.
Скажи, небосвод рассечен там и тут,
И с солнца кровавые капли бегут.
Каве ослепительно блещущий стяг, *
Лиловый булат и полуночный мрак.
Сказал бы, обрушился ливень клинков,
Сказал бы, над миром покров облаков.
За пылью высоких вершин не видать,
И звезды уже перестали сиять.
Кейсеру изведать злосчастье пришлось,
Шапур недостойного ставку разнес.
Иранцы повсюду: и рушат и жгут,
Сказал бы ты, небо там о землю бьют.
И вот уже схвачен кейсер. Навсегда
С ним, видно, рассталась удачи звезда.
А также немало вождей боевых,
Испытанных, смелых бойцов верховых
Иранцы в ту ночь захватили в полон.
Таков самовластного рока закон!
То счастье дарует, то горести шлет,
То ввысь вознесет, то низвергнет с высот.
И лучше, не раня людские сердца,
Опору искать в милосердье Творца...
Лишь время сокрыться для ночи пришло,
И солнце сверкающий стяг вознесло,
Дебиру велит венценосный прийти,
Бумагу и мускус, калям принести.
Послание пишут подвластным краям,
Владыкам и всем именитым вождям.
Вначале писал он в посланье своем:
«От сердца хваленья Творцу вознесем.
Благое творит он для мира всего,
Предела не ведает сила его.
Он — мира создатель, наставник один,
Ко благу ведущий, судьбы властелин.
Кейсер, преступивший Йездана завет,
Посеявший семя злодейства и бед
В Иране,— в оковы теперь заключен,
Ведь разума зову не следовал он.
Недаром утратил иранский престол,
Недаром бесславное имя обрел.
Разгромлено войско, дворец его пал.
Кто б воле Йездана пути указал!
Отныне, румийца увидев, тотчас
Мечом да сразит его каждый из вас.

Избрав справедливо покорности путь,
Должны вы на верность мне вновь присягнуть!»
С посланьем владыки благого гонцы
Немедля во все устремились концы.
Из стана умчался в Тисфуна предел,
С советником мудрым, довольный, воссел.
Венец на главу возложивши свою,
Подателя благ помянул, Судию.
Дебира направил в темницу — сполна
Всех пленников переписать имена.
Их тысяча, сотня и двое мужей
Родов именитых, румийских вождей,—
Кейсера престол окружавшая знать,
Высокая, Рум украшавшая, знать.
И руки и ноги Шапур отрубил
В возмездие тем, кто злодейства чинил.
К Шапуру владыку румийской земли *
И войск предводителя с ним привели.
Не диво ль, кейсерову руку схватил
Палач! От темницы до трона тащил.
Венец шахиншаха увидел злодей,
И хлынул из глаз его жаркий ручей.
Повергся, к земле припадая лицом,
Хвалу возносил перед царским венцом.
Ресницами прах подметал пред собой
И весь, ты сказал бы, смешался с землей.
«Ты, зла воплощенье! — вскричал властелин,—
Изеда отвергнувший, христианин!
Единого сыном назвали Творца,
Кто не был рожден и не знает конца!
Для лживых речей лишь язык ваш остер,
А ложь — это света лишенный костер.
Кейсером зовут — где твой разум, где честь,
Где сердце, могущее к благу привесть!
Сковал меня в шкуре ослиной почто!
Унизил венец властелина почто!
Я мирным торговцем на пир твой пришел,
Не с войском нарушить я мир твой пришел.
Ты ж гостя в ослиную шкуру зашил,
С бойцами набег на Иран совершил!
Мужей из мужей вы увидели, впредь.
Не станете жаждой набегов гореть!»
«О царь! — так кейсер восклицает в ответ,—
От воли Творца избавления нет.
Ума, знать, лишил меня шахский престол,
Покорным рабом меня к бесу привел.
Воздашь за мое злодеянье добром —

Останется в мире сказанье о том.
Забвение имя твое не сотрет,
Прощение счастье тебе принесет.
Даруешь мне жизнь, о прославленный шах,—
Ничтожной казна в моих станет глазах.
Клянусь у порога дворца твоего
Служить возвышенью венца твоего».
«Злодей из злодеев! — владыка вскричал,—
Почто разорению край мой предал!
Что вывезли в Рум, совершая набег,—
Зловредный тот край да не узришь вовек! —
Должны вы немедля сполна возвратить,
Сему благородному войску вручить.
А каждый тобою разрушенный кров,
Убежищем ставший для тигров и львов,
Своими динарами восстанови.
Ответишь за все злодеянья свои!
А вместо убитых иранских вождей
За каждого десять румийских мужей
Из царского рода в Иран отослать
Ты должен — их жизни залогом отдать.
Из кровных кейсера — не надо иных,
Пусть радость вкушают на землях моих.
Деревья, что срублены были тобой,—
Чужие деревья не рубит благой,—
Посадишь, оградою их защитишь,
Быть может, обиженных гнев утолишь.
Тебя только в цепи теперь закую,
Венчанного в шкуру осла не зашью.
Всего не исполнишь, что сказано, в срок —
Сдерут с головы твою кожу до ног».
В два рога два уха его превратив
Кинжалом и ноздри ему просверлив,
Кольцо пропустил — крепко шкура осла
В Шапуровой памяти, видно жила!
Кейсеровы ноги сковали, и вот
Палач его снова в темницу ведет.

[*Поход Шапура на Рум*]

Созвали арезов, ключи от казны
По воле властителя принесены.
Построил дружину, динары дарит,
Отмщения жаждою сердце горит.
В румийские земли с бойцами вступил,
Мечом беспощадным румийцев косил,
Селения, грады сжигая; кругом
Все гибельным было объято огнем.

Вот весть по румийской земле пронеслась
О том, что иранская рать ворвалась,
Неся разрушенье, что в битве ночной
Кейсер полонен, и рассеялся строй.
Повсюду рыданья румийцев встают,
Известья о шахе тревогою жгут.
«Где бедствий причина? — толкует народ,—
Кейсер недостойный — виновник невзгод!»
Был брат у властителя Рума,— в живых *
Была еще мать именитая их,—
Звать Йонусом; молод годами сей муж,
Воинственен, щедр и удачлив к тому ж.
Сошлось к нему войско, и гневная мать
Казну не замедлила щедро раздать.
Так молвила сыну: «За брата отмсти,
Ведь недруги наши, ты знаешь, в пути».
И тот восклицает: «Кто может простить,
За кровного брата врагам не отмстить!»
Взгремели кимвалы, крест выпесли тут
Огромный, и грозною ратью идут.
Два войска сошлись, колыхнулись ряды,
Готовые к схватке, сомкнулись ряды.
Клич грянул, и ринулся Йонус вперед,
Дружину стремительно в битву ведет.
С одной стороны — гор высоких гряда,
С другой у дружины румийской — вода.
Надвинулась туча, и вихрь налетел,
Взор сбился с дороги — весь мир потемнел.
Так ветер сраженья менялся для них,
Пока не поблек свет лучей золотых.
От множества павших, одетых броней,
Все поле казалось бронею сплошной.
Шапур выступает из сердца дружин,
В бой двинул и оба крыла властелин.
С ним витязи, шах горячит скакуна,
Земля сотряслась, вражья рать смущена.
На войско румийское грозно летят,
Незнатных и знатных — всех косят подряд.
И понял тут Йонус: ему не сдержать
Шапурова натиска,— кинулся вспять.
Дружина Шапура помчалась вослед,
Сказал бы ты, пылью затмился весь свет.
Кругом громоздились убитых тела,
Вся залита кровью равнина была.
Сраженных румийских бойцов не сочтешь,
Степь — руки да ноги, да головы сплошь.
Где на поле войско! Где символ Христов!

И нет в крепостях иереев, крестов.
Смог столько добычи собрать властелин,
Что вверг в изумление рать властелин.
Все роздал бойцам, а кейсера казна
Для шаха иранского сохранена.
Доставила столько мучений казна,
Не стоила тех злоключений казна!
Воители Рума меж тем собрались,
Укоры кейсеру средь них раздались:
«Пусть в Руме не будет такого царя,
Пусть Рум позабудет такого царя!
Врагами зоннар иерея сожжен,
Крест митроносителя испепелен,—
Что Рум, что Каннудж — все едино для нас,—
Коль веры Христовой чуть слышится глас».

[*Воцарение Берануша в Руме*]

Правдив, справедливости полн Берануш *,
Премудростью слова отмеченный муж.
Вожди ему молвят: «Властителем будь,
И войск и державы правителем будь.
Словам твоим верит румийская рать,
Тебе и престол и венец озарять».
На царский, из кости слоновой престол
В венце лучезарном владыка взошел.
Величьем державным его облекли
Румийцы, кейсером его нарекли.
В раздумье кейсер Берануш о стране,
О поле сраженья, о близкой войне.
Он знал — с шахиншахом сражаться не след,
Сраженье сулит ему множество бед.
Избрал он посланца, что словом владел,
Что мягкою речью растрогать умел.
То был умудренный, достойный дебир,
В делах искушенный, изведавший мир.
Призвал, возле трона его усадил,
В тончайшие мысли его посвятил.
Составил посланье владыке держав;
Создателя благословенье призвав,
Писал он: «Венец да пребудет твоим,
Да будешь царями, как слугами, чтим!
Ты знаешь, что кровопролитье, разор,
Набег на безвинных людей — с давних пор
Достойные тяжким считали грехом
И в Руме моем и в Иране твоем.
Во время Иреджа война началась *,
Рукой Менучехра она пресеклась.

Давно уже Сельму истлеть суждено,
Сей мир и от Тура избавлен давно.
Коль вспомним вражду Искендера к Даре,—
Состарилась память об этой поре.
Дестуры убили царя своего,
И счастье к тому же ушло от него.
Коль наша вражда от кейсера, то он
Трет цепи, в темнице твоей заточен.
Ты Руму не дай в разоренье прийти,
Ведь в мире подобной страны не найти!
Коль жаждете крови, грабеж вас привлек,—
Весь Рум и теперь уж без рук и без ног.
В полон захватили и жен, и детей,
А сколько их пало от стрел и мечей!
Уж время смягчиться и гнев укротить.
Возможно ли с верою гнев совместить!
Да будет вам жертвою наша казна,—
Всей жизни угроза такая война.
Ты сердце смири, пощади города,
Пусть день наш минует насилья беда.
Того не одобрит вселенной Творец,
Что зло совершает посящий венец.
Владыку да благословит Судия,
Луну да венчает планета твоя!»
Калямы отложены, завершено
Послание, свернуто в свиток оно.
Приложена тут же кейсера печать,
Достойному велено к шаху скакать.
И вот уже посланный путь завершил,
Посланье Шапуру благому вручил.
Внимает посланью державы глава,
Правдивые, добрые льются слова.
И тут прослезился он, в сердце проник
Зов жалости, грозный разгладился лик.
Посланье в ответ написал, о былом
Напомнил, о добром сказал и худом:
«Кто в шкуру ослицую гостя облек?
Кто сызнова старую распрю разжег?
Ко мне, коли разум твой ясен, приди,
Философов, чистых душой, приведи.
Обет не нарушу, дарую вам мир,
Не тесен для мужа разумного мир».
Достойный посланье кейсеру примчал,
Слова шахиншаха ему передал.

[*Приход Берануша к Шапуру*]

Услышал реченья ответа сего,
От радости вспыхнуло сердце его.
На зов Берануша румийцы пришли,
Сто знатных мужей этой славной земли.
Алмазов, одежд и дирхемов грузят
Харвары — их было числом шестьдесят *.
Притом отовсюду динары собрал,
Сто тысяч монет для нисара собрал.
Склонилась, с главой непокрытой представ,
Румийская знать пред владыкой держав.
Рассыпаны злато, алмазы пред ним.
Был каждый румиец владыкой благим
Обласкан. Шапур побежденных простил
И с должным почетом вождей усадил.
«Из Рума пришел,— услыхал Беранушь,—
Муж, злобою полный, неправедный муж.
В пустырь обратили цветущий Иран,
Где град возвышался — разросся бурьян,
Там тигры теперь обитают да львы,
Должны возместить разрушения вы».
«Что требуешь? — Так вопросил Берануш.—
Простил — обещаний своих не нарушь».
Шапур благородный ответил мужам:
«Дарую прощение полное вам,
Коль трижды в году двести тысяч мне слать
Румийских динаров готов обещать;
Коль станет моим Несибин сверх того *,
Отмщения Рум избежит моего».
Сказал Берануш: «Как землею отцов
Владей Несибином и Степью Бойцов.
А также согласен я данником стать,
Нет силы пред гневом твоим устоять».
Вот грамоту пишет Шапур-властелин:
Мол, Рум не увидит иранских дружин.
Придут разве только для радостных встреч,
Не с тем, чтоб румийцев злосчастью обречь.
И всех обласкав, наградил шахиншах,
С почетом послов проводил шахиншах.
Из Рума, Йездану хваленья воздав,
Уводит дружину владыка держав.
Идет в благодатный парсийский Истахр,
Молва о котором у всех на устах.
Известия те в Несибин донеслись,
Там все за оружье немедля взялись:
Того, мол, не стерпит из нас ни один,

Чтоб в руки Шапура попал Несибин.
Мол, шах отвергает ученье Христа,
Путь шаха — язычество, Зенд-Авеста *,
И нашим внимать не захочет словам.
Зачем Авеста, вера старая, нам!
Подвластный взял власть и, готовый к войне,
Священнослужитель на ратном коне.
Тотчас по прибытье известья того,
Что град Несибин отвергает его,
Ко всем христианам враждой воспылал
Владыка, несчетное войско послал.
«Та вера,— сказал,— не годна для людей,
Которую провозвестил иудей!»
Неделю упорная битва идет,
Закрыли воители города вход.
Сразили в бою предводителей их,
И тяжкие цепи сковали живых.
Пришлось поневоле пощады просить,
С посланием к шаху гонцов снарядить.
Прощенье благой властелин даровал
И грозное войско свое отозвал.
Прославился в мире владыка земли,
Удачи к нему за удачами шли.
Так, прозванный победоносным царем,
В венце пребывал на престоле своем.
Красавице, что от неволи спасла,
К могуществу, счастью его привела,
Отрадное прозвище дал — Дилафруз *,
Усладою сердца избрал Дилафруз.
И добрый садовник по-царски почтен,
Отпущен с дарами богатыми он.
Унижен, в темнице, страдает кейсер,
От ран, от недугов стенает кейсер.
Богатства, что в Руме немало годов
Сбирал отовсюду ценою трудов,
Все отдал Шапуру. Недолго потом
Он прожил еще в униженье таком.
В цепях, в заточенье обрел свой конец,
Другому оставил румийский венец.
Вот в Рум Шапур-шах отправляет его,
Лишь мускус главу украшает его.
Так молвил владыка: «О жребий людской!
Кто ведает, где уготован покой!
Один неразумным и низким рожден,
Другой благородством, умом одарен.
Но тот и другой не избегнут конца —
Печаль да отвергнет душа мудреца!»

Когда венценосный все это свершил,
Как должно, иранцев урон возместил,—
Воссел на престоле иранских царей
Могучим владыкой державы своей.
Для новых деяний настала пора.
Венчанный отправил немало добра
В Хузийскую землю. Там город возвел
Для пленников. Край небывало расцвел.
Названье дано ему Хорремабад *,
Кому же достался построенный град?
В том городе тех приказал поселить,
Чьи некогда руки велел отрубить.
И земли к тому ж во владение дал,
Во все новогодья дары посылал.
Град новый средь Шама второй возвели
И Пируз-Шапуром его нарекли *.
В Ахвазе, где град его третий возник,
Дворцы и дома для недужных воздвиг.
Был назван тот город Кенам-Асиран *,
В нем мирный приют полоненному дан.
Полвека он краю глава своему,
И в мире не знают подсобных ему.

[*Пришествие Мани, провозгласившего себя пророком*]

Пришел красноречьем отмеченный муж *
Из Чина. Он был живописцем к тому ж,
Которому не было равных. В те дни
Уж славился всюду. Он звался Мани.
«Искусства пророк,— проповедовал он,—
Всех выше я, веры принесших закон».
Как прибыл,— с Шапуром свиданья просил,
Свои поддержать притязанья просил.
Лишь выслушал царь краснослова того,
Затмился, сказал бы ты, разум его.
Объят возбужденьем, мобедов зовет
И долгую с ними беседу ведет.
«Слова златоуста из Чинской земли *
К его провозвестью мой ум привлекли.
Вы с ним потолкуйте, быть может в словах
Пришельца есть правда»,— сказал шахиншах.
«Сей ликопоклонник,— раздался ответ,— *
Ужели мудрей, чем верховный мобед?
Ему, коль дозволишь сейчас говорить,
Увидев мобеда, уста не раскрыть».
Услышав о вере древнейшей, не смог
Мани возразить: растерялся, умолк.

«О ликопоклонник,— мобед произнес,—
На что в ослеплении руку занес!
Забыл, что Йездан небосвод сотворил,
Пространство и времени ход сотворил,
Всевластен над светом, всевластен над тьмой,
И сущность его выше всякой иной.
Вращающий сферы и ночью и днем,
Ущерб от Него и спасение в Нем.
К написанным ликам склонился душой,
Не внемлешь наставникам веры благой.
Наставники учат: един лишь Йездан,
Служение — путь нам единственный дан.
Когда оживил бы творенье свое,
Тогда подтвердил бы ученье свое.
Но знаешь — не сможешь его подтвердить,
Словам твоим крепких корней не пустить:
Когда б Ахриман был Йездану под стать,
Ночь темная стала бы полднем сиять.
Весь год были б равными ночи и дни,
Ущерба и роста не знали б они.
Не может Творец быть в пространство вмещен,
Превыше пространства и времени он.
Все это — безумца нелепая речь,
Приверженцев ею не сможешь привлечь».
Немало добавил суждений мобед,
Явив благородство и мудрости свет.
Смутился Мани от речей мудреца,
Вся свежесть, сказал бы, исчезла с лица.
Тут гневом великим Шапур воспылал.
И для живописца день черный настал:
Его повелел венценосный схватить,
С позором из царских палат удалить.
Воскликнул: «Не место под кровом людским
Бездушное чтущим, безумцам таким!
Чтоб жертвою смуты державе не стать,
Я кожу велю с нечестивца содрать.
Соломою кожу набить, чтобы впредь
Тщеславьем таким никому не гореть,
Повесить потом у ворот городских *
Иль рядом с воротами Дома больных».
Владыки веление оглашено,
Исполнено без промедленья оно.
И слышит хвалу всенародную шах,
И сыплют на тело казненного прах.

[*Шапур назначает наследником престола брата своего Эрдешира*]

Так правил Шапур на престоле отцов,
Что не было, скажешь, на розах шипов.
От мудрости, правды владыки сего,
От щедрости, ратной удачи его
Злоправных нигде не осталось врагов,
И зло утеряло опору и кров.
Поняв, что от рока спасения нет,—
Ведь семьдесят с лишним отсчитано лет,—
Мобедов главу и дебира призвал
И с ними к себе Эрдешира призвал.
То брат его младший, чья слава была *
Венцом, украшеньем царева чела.
Младенцем Шапур был, венчанного сын,
Не мог ему царство вручить властелин.
И вот при дебире и знатных мужах
Сказал Эрдеширу прославленный шах:
«Коль правый со мной заключишь договор
И клятвенным словом скрепишь договор —
Как мужество к сыну придет моему
И ветром величья повеет ему,
Отдать и казну, и державу, и рать
И верным дестуром его пребывать,—
Венец властелина царей обретешь,
И рать, и казну в свои руки возьмешь».
Дает Эрдешир венценосцу в ответ
Такой при мужах именитых обет:
«Когда возмужает и будет под стать
Ему на престоле в венце восседать,
Все царство наследнику я передам
И преданно буду служить ему сам».
И видит воочью иранская знать:
Вручает владыка венец и печать.
Вот речь к Эрдеширу владыка повел:
«Кто б легким державное бремя почел!
Знай, брат мой, коль царь справедливость попрал,
Он власти основы своей расшатал.
Лишь множить богатства стремится такой,
В злодействе стать всех властелинов главой.
Блажен справедливый и чтущий Творца
Владыка, он радует людям сердца;
Державу свою оградив от врагов,
Возносит венец ее до облаков.
Он миром и правдой богатства скопил
И щедростью сердце от зла защитил.

Виновным — по-царски прощенье дарит,
Завет милосердия свято хранит.
Кто добрые свойства такие обрел,
Тот к мудрости, благоразумью пришел.
Властителю мудростью должно блистать,
И старых и малых умы просвещать.
Подвержен грехам из подвластных любой,
Коль он не Йезданов слуга, не святой.
Ум, сердце — властители тела всего,
А все остальное — дружина его.
Коль сердце нечисто и ум загрязнен,
Надежды на свет очищенья лишен,—
Душа в этом теле в смятенье придет,
Коль нет пехлевана — в дружине разброд.
Без света рассыпаться им на глазах,
Телам без души повергаться во прах.
Вот так же, коль царь — угнетатель, страна
Вверх дном опрокинута, обречена.
По смерти проклятья падут на него,
Безбожником помнят владыку сего.
Плоть верой храни, к вере взор обрати,
В ней тела и ока оплот обрети.
А если другую стезю изберет
Владыка — утратит и власть и почет.
Подвластные бегством спасаться начнут,
Его царедворцы — и те побегут.
Припомни, что мудрые молвят мужи,
В стремленье омыть твое сердце от лжи:
Осудят злодейства творящего, знай.
Приверженных алчности не приближай.
Знай, брат мой, от всех властелинов моих
Ждут светлые разумом качеств таких:
Одно — чтоб силен был победы стяжать
И с поля сраженья не мыслил бежать.
Всегда справедливый с дружиной своей,
Ценил бы высокого рода мужей.
Тому доверял бы дружину водить,
Которому впору владыкою быть.
Еще — чтобы в сердце он правду носил,
Ущерба Добру никогда не чинил.
Четвертое — чтобы подвластному он
И тем, кто служил ему с давних времен,
Всем двери казны открывал, не скупясь,
Как дерево дарит плодами в свой час.
Без войска державе не быть ни одной,
А держится войско царевой казной.
Коль держишь казну справедливо, с умом,—

Тебе она служит и войску добром.
С оружием должно сродниться тебе —
И ночью, случись, пригодится тебе.
На стражу не след полагаться всегда,
Уверишься — действуй спокойно тогда.
Будь светел, будь полон в душе черноты,—
Смерть встретишь свою немилуемо ты».
Речь выслушал, слезы у брата в глазах.
Лишь год после этого жил шахиншах.
Ушел он — сказание память о нем.
Не сей же дурного ты в мире земном!
Ведь срок бытия твоего истечет,
А плод всех стараний твой недруг пожнет.
Ормозд и Бехмен коль дано соблюсти *,
Приют во дворце благодатном найти,
Испей, о счастливец, хмельного вина
Из хума того, что не ведает дна.
Седьмой мне десяток, я глух,— для чего
Ищу благодати средь мира сего?
Теперь Эрдешировы дни воспою,
Внемли же и вдумайся в повесть сию.

[ЦАРСТВОВАНИЕ ЭРДЕШИРА ДОБРОДЕТЕЛЬНОГО ДЛИЛОСЬ ДЕСЯТЬ ЛЕТ]

На трон шахиншаха взошел Эрдешир,
Украсил Шапура престол Эрдешир.
Собраться велит именитым своим.
Мужей усадив перед троном златым,
Сказал: «Не хотел бы, чтоб волей судеб
Кто-либо понес бы обиду, ущерб.
Коль мир покорится и будет в ладу
Со мною — к довольству страну приведу.
А ежели мир не смирится — самим
Придется мириться с неверным таким!
Державу мне вверил мой брат оттого,
Что молод годами наследник его.
Да будет владыке хвала воздана,—
Держава от недругов им спасена.
Как в возраст Шапур, сын Шапура, войдет
И ценность венца и престола поймет,
Отдам ему царство с дружиной, казной,—
Таков договор шахиншаха со мной.
А я на престоле, чтоб верно служить
Ему, о родителе памятью быть.
И вам справедливость пристало блюсти,
И чести дорогой благою идти.

Что в жизни вкушаешь, не станет того,
Ведь смерть не оставит тебе ничего».
Так десять годов управлял Эрдешир,
Вкушал и других оделял Эрдешир.
От податей доли взимать не хотел,
Корысти не зная, державой владел.
Его Добродетельным звали затем,
Что нес благоденствие подданным всем.
Шапуру — лишь только созрел для венца,
Вручил он венец благодатный отца.
Обета священного не преступил,
Явил благородство и верность явил.

[ЦАРСТВОВАНИЕ ШАПУРА, СЫНА ШАПУРА,
ДЛИЛОСЬ ПЯТЬ ЛЕТ И ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА]

И вот на отцовском престоле Шапур,
Пранцы — кто этим доволен, кто хмур.
«О мудрые,— так обратился к мужам,—
Советы благие несущие нам!
Запомните,— каждый, кто с ложью придет,
Почета, награды у нас не найдет.
Ведь мудрости чужды приверженцы лжи,
Лишь мудростью честь обретают мужи.
В лукавых и низких не сыщешь друзей,
В саду своем сорные травы не сей.
Никто из мужей, наделенных умом,
Не скажет дурного нигде ни о ком.
Язык свой придерживать предпочитай,
Отравою душу свою не питай.
Несдержанный в слове роняет себя
Средь мудрых, достоинство мужа губя.
Являющим знанье внимайте всегда,
Не старится знанье одно никогда.
Тоска раздирает корыстному грудь,—
Сколь можешь, вдали от корысти пребудь.
Нечестного, лживого дружбы беги,
Себя от коварных людей береги.
Из качеств высоких четыре даны,
Мужам благородным всем в мире даны:
Одно — если доблестен муж, справедлив,
Другое — когда прямодушен, правдив;
А третье — избравший средину во всем,
Довольный своею судьбою притом;
Четвертое — если отверг хвастовство,
Не этим стремится стяжать торжество.
В обоих мирах благородному свет,

А в сердце у низкого радости нет.
Бесчестье — удел его в мире земном,
И рай не обрящет он в мире ином.
Хвастливый падения не избежит,
Тщеславьем богатства свои расточит.
Достоин хвалы, славословия тот,
Кто мудро златую средину блюдет.
Йездан да поможет вам в этом, всегда
Пусть бодрствует вашего счастья звезда!
Да будет и мне покровитель Творец,
Не вечны ведь царский престол и венец».
Мужи поднялись, на владыку держав
Создателя благословенье призвав.
Минуло пять лет, месяц пятый пошел,
Владыка мужей на охоту повел.
Округа наполнилась множеством псов,
Гепардов, пронзающих высь соколов.
Вот стяг над привалом царя водружен.
Когда отдохнул и насытился он,—
Три царские чаши вина осушил;
В тревожном предчувствии царь опочил.
Вся знать, окружавшая шаха, тотчас
Под стягом оставив его, разошлась.
Средь ночи вдруг ветер поднялся такой,
Какого весь род не припомнит людской.
Вмиг древко напором его снесено,
На голову шаха упало оно.
Таков был отважного горький конец,
Другому оставил он царский венец.
Смирись, на судьбу не ропщи, веселись,
К вражде не стремись и казной не кичись.
Что ждешь ты от темного шара сего?
Душе совершенства ищи одного.
А тайн мировых не пытайся раскрыть,
Раскроешь — печали тебе не избыть.

[ЦАРСТВОВАНИЕ БЕХРАМА, СЫНА ШАПУРА, ДЛИЛОСЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ]

Оплакал кончину отца Бехрам-шах,
Срок должный прошел в сокрушенье, в слезах.
Достойный и мудрый с престола царей
Так молвил собранию знатных мужей:
«Коль множится правдой царева казна,
Поверьте, вовек не скудеет она.
Да будем угодны Изеду, а тот,
В чьих помыслах злое, пусть муки пожнет.

Все знанье у Господа, мы же — рабы,
То взлет, то паденье придет от судьбы.
Вовек Всеблагой неизменен один,
Ушерба не ведает сей властелин.
Богатый умом, добродетельный муж,
В чьей власти быть щедрым,— коль небом к тому ж
Престол и венец прозорливцу даны,—
Под крепким замком не запрячет казны.
Познания щедрой рукой рассыпай,
Ведь неисчерпаемо знание, знай!
В довольстве и в бедах вверяйся душой
Йездану, и благо пребудет с тобой.
Его изволенье в благом и дурном
Прозрев, насладишься небесным Добром.
А ежели сердцем погрязнешь в страстях,
Беспомощным станешь у страсти в когтях.
На Бога надежда моя такова,—
Покуда во прах не склонится глава,
Пречистый во славе меня сохранит,
Как светоч державе меня сохранит.
Достойно царя справедливость являть,
Не должно неправдой богатство искать.
С собой не возьмем ничего от трудов,
Оставим богатства свои для врагов.
Дела, что свершаем мы в жизни своей,
Останутся памятью — доброе сей!»
Вот два семилетья над царской главой
Минуло,— поник кипарис молодой.
Он долгое время был хворью томим,
И каждый из подданных горем палим.
Лишь дочери были одни у него.
Он младшего брата призвал своего;
Казну ему вверил, державу и рать,
И царский престол, и венец, и печать.
Младым венценосец покинул сей свет.
Прошло над владыкой четырнадцать лет.
Прожившему лет шесть десятков и три
О чаше, о пиршествах не говори!
К нежданной кончине готовым пребудь,
Ищи покаяния, мудрости путь.
Я в слове мой разум, что послан Творцом,
Умножил, да будет доволен рабом!
Такая дарована разуму речь,—
Во тьме даже волос сумеет рассечь.
Быть может творенье, что начал давно,
Мной будет на старости завершено
Во славу того, кто булатом разит,

В величье над всеми царями царит.
Пусть время лелеет владыку сего,
Луна озаряется троном его!
Ему благоденствие царству принесть,
Для всех от владыки отрада и честь.
Величие, мудрость да будут твой путь,
Для недруга недостижимым пребудь!

[ЦАРСТВОВАНИЕ ЙЕЗДГЕРДА ДЛИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ОДИН ГОД]

В Иране Йездгерд повелителем стал,
Он всех предводителей ратных собрал.
Он брата венец возложил на чело,—
Несчастие счастье ему принесло.
Так молвил мужам именитым страны:
«Коль вы справедливостью наделены,
Наполните радостью светлой сердца,
За правду мою восхвалите Творца.
Кто в злобе упорствовать станет, таких
Я волей своей не оставлю в живых.
А тех, кто доверится правде моей,
Отвергнувших кривду и злобу мужей,
Прощу и возвышу, в чести сохраню.
Из сердца я гнев и корысть изгоню.
Достойных лишь стану я звать на совет,
Мобедов и витязей доблестных цвет.
Иные, несущие в плоти порок,
Для коих сокровища — силы залог,
Которые бедных нещадно гнетут,
Кичатся богатством,— возмездье пожнут.
Их силу могуществом царским сломлю,
Беднейшим высокую милость явлю.
Коль гнев шахиншаха таких не смирит,
Коль дерзостью сердце безумных горит,—
Их головы хиндский булат отсечет,
А тело во прахе приют обретет.
Покорность владыке — спасение вам,
Да будет щитом разумение вам!»
Был трепетом каждый, что ива, объят,
В грядущем провидя копье да булат.
Как царская власть укрепилась его,—
Растаяла в гордости милость его.
Он царским обычаем пренебрегал,
В те дни унижение мудрый познал.
Благие, что знанием наделены,
Правители, витязи — слава страны,—

Давно для владыки, что ветер, они.
Жестокость душе его стала сродни.
А свет милосердия в сердце угас.
Любое моленье встречало отказ.
Из подданных он никого не ценил *,
Но скор на расправу с виновными был.
Дестуры, двора приближенная знать,
Достойные славу царя умножать,
Одним помышлением удручены:
Вовек, мол, не видеть бы этой страны!
Все были терзаемы страхом они,
Дрожали, мертвели пред шахом они.
Когда прибывали из дальней земли
Послы, иль за правдой подвластные шли,
Как только об этом дестур узнавал,
Он к делу пришельца тотчас приступал.
С приветливой, мягкою речью, смущен,
Ни с чем отправляет посланника он:
Мол, не расположен к ведению дел
Владыка, к себе допускать не велел.
Ему передал я прошенье твое,—
Изречь не изволил решенье свое.

[*Рождение Бехрама, сына Йездгерда*]

Правленья его миновало семь лет.
Обижен, унижен был каждый мобед.
Но вот Фервердин наступает восьмой,
Что солнце являет нам веры самой.
Сын царский родился в день светлый Хормоз
При добром, счастливом стоянии звезд.
Дал имя Бехрама родитель ему,
Был рад повелитель младенцу тому.
По звездам гадавших благих мудрецов,
Доверье внушавших правдивостью слов,
Взыскующих истину ясным умом
Призвал он, предстали они пред царем.
Средь них звездочет был из Хинда, Соруш —
Так звался богатый познаньями муж.
Другой был из Парса, Хушьяром звался,
Он мудростью мог бы взнуздать небеса.
С соллабом пришли вопросить небосвод *,
Пустили таблицы румийские в ход,
И вот что поведали звезды волхвам:
Державным владыкою будет Бехрам.
Земли семь сторон подчинятся ему,
И чистой душой отличаться ему.

Таблицы, соллабы с собою забрав,
Спешат звездочеты к владыке держав.
Когда пред Йездгердом предстали они,
«Все наши познанья,— сказали они,—
Призвали, прочли начертанья светил:
Царевичу рок благосклонность явил.
Владыкою мира признают его,
Повсюду хвалой увенчают его».
Так молвив, покинули царский дворец.
И вот уже Рад и Дестур, и Мудрец *
Собрались, надежных искали путей,
Мол, справиться как нам с задачею сей?
Коль нравом младенец в отца не пойдет,—
Царя справедливого славу пожнет.
Но ежели нравом он сходен с отцом,—
Державу свою опрокинет вверх дном.
Мобедам про радость забыть и вождям,
Всегда будет мрачен, безрадостен сам.
К Йездгерду мобеды толпою пришли,
Так молвят: «Природа младенца светла,
Не может такого коснуться хула.
Все страны тебя, повелителя, чтят,
И дань доставляют, и верность хранят.
Повсюду, где знание пышно цветет,
Где знающий радость державе несет,
Ищи среди мудрых наставника ты,
Чья слава достигла большой высоты.
Да будет искусным наследник царей
И счастье дарует державе своей».
Венчанный мобедов речениям внял,
Посланцев достойных немало собрал,
Отправил их тотчас в Рум, в Чин, в Хиндустан,
В пределы других процветающих стран.
В арабские земли отправлен к тому ж
На поиски знатный и знающий муж.
Помчались гонцы, возвещая о том,
Что нужен Бехраму наставник, умом
Высоким прославленный, кто умудрен
В науках, в законы светил посвящен.
Из каждой страны прибывает мобед,
Богатый познаньями, опытом лет.
Один за другим прибывают они,
В чертог шахиншаха вступают они.
Владыка царей, обласкав мудрецов,
Отводит для них подобающий кров.
Вожди копьеносцев арабских степей *,

Номан и Монзир подоспели поздней.
Когда умудренные в Парс собрались
И все у престола Йездгерда сошлись,
Так каждый сказал: «Мы в служенье верны,
Желаньем творить твою волю полны.
Кому это счастье судьба подарит,—
Чтоб сыну того, кто над миром царит,
Наставником быть, светлым знаньем питать
И юное сердце от тьмы избавлять?
Из Рума, из Парса и Хинда сойдясь,
И зодчий, и сведущий в звездах средь нас,
И в речи искусный, и ловкий в делах,
И славный философ,— мы все только прах
Пред сыном твоим, о владыка владык,
В познании каждый — его проводник.
Смотри же теперь, кто любезней тебе,
Кто будет для дела полезней тебе».
Тут молвил Монзир: «Мы в служенье верны,
Царю в этом мире служить рождены.
Царь ведает, наше достоинство в чем,
Ведь он, что пастух,— мы, что стадо при нем.
Мы — всадники, каждый наездник лихой
И воин. Пред нами отступит любой.
Науке о звездах средь нас не учен
Никто, в исчислениях не изощрен.
Сердца наши к шаху любовью горят,
Да кони арабские вихрем летят.
Мы все его сыну готовы служить,
Главу пред величьем его преклонить».

[*Йездгерд поручает Монзиру и Номану воспитание своего сына Бехрама*]

Когда эти речи Йездгерд услыхал,
И разум и сердце на помощь призвал.
Все взвесив — начало пути и конец,
Бехрама Монзиру вверяет отец.
Наставник по-царски дарами почтен,
Главою, скажи, до небес вознесен.
В халат драгоценный его облекли
И пару йеменских коней привели.
От царских палат уходящая в степь
Коней и верблюдов шагающих цепь;
В носилках нет нянькам, рабыням числа,—
От царских дверей до базара легла
Походных шатров вереница. Весь град
Сверкает, везде украшенья горят.

Йемена Монзир пересек рубежи,
И жены встречают его и мужи.
Когда в свой покой предводитель вступил,
Бойцов благородных избрать поспешил
Из знатных дехкан и арабских мужей.
Затем из среды родовитых семей
Избрал он достойнейших жен четверых,
Являвших блистание черт родовых,
Двух жен аравийских и двух из дехкан,
Чей род восходил до венчанных кеян.
Они за младенцем ходить принялись.
Шли годы. Четыре уже пронеслись.
Взрастал, укреплялся Бехрам с каждым днем.
Вот время пришло разлучить с молоком —
На это немалый положен был труд.
И холят царевича и берегут.
В семь лет он Монзиру слова говорит,
Сказал бы, державы глава говорит.
Сказал он: «Прославленный, с этого дня
Не должно считать за младенца меня.
Меня умудренным и знающим вверь,
Учителя время настало теперь».
«О славный! — Монзир отвечает тогда,—
Еще не приспела в ученье нужда.
Как время наступит учиться твое,
И сердце к сему устремится твое,—
Тогда уж не дам на айване играть
И в детской игре превосходства искать».
На это ему отвечает Бехрам:
«Ты зря уподобил меня малышам.
Есть мудрость, хоть мало годов у меня,
Нет силы и стати бойцов у меня.
Годов твоих больше, а мудрость бедней,
Мое твоего рассужденье верней.
Кто ищет что-либо — свой час стережет,
Свершая важнейшее в первый черед.
А ты, коли ищешь удобнейший час,—
Омой от сомнения сердце тотчас.
Коль время упустишь — напрасен твой труд,
Не тело — разумные голову чтут.
Дозволь же, меня да обучат всему,
Что царскому сану под стать моему.
Глава справедливости — знание. Тот
Блажен, кто в начале провидит исход».
В молчанье Монзир на Бехрама взирал,
Йезданово имя, дивясь, призывал.

Советника тут же на быстром коне
Отправил. И мудрый в Сирийской стране
Избрал знаменитых в пределах своих,
Исполненных знаний мобедов троих:
Один, чтоб искусству дебира учил,
Чтоб сердце младое от мрака омыл.
Другой — дабы сладость охоты познать —
Гепарда и сокола в дело пускать
Научит, владеть в поединке мечом,
Стрелою и луком, човганом с мячом,
Умело уздой скакуна управлять,
Меж витязей славных искусством блистать.
А третий расскажет о прежних царях,
О славных деяниях, мудрых словах
Потомку венчанных, Бехраму, о том,
Что знает и помнит о мире большом.
Когда у Монзира мобеды сошлись,
О разном беседы меж ними велись.
Царевича вверил мобедам, и вот
Он в знанье взрастает и сильным растет.
И вскоре потомок венчанных Бехрам
Достиг совершенства, подобно мужам.
Чем более знаньем питается он,
Усердней к нему устремляется он.
Когда же двенадцатый год миновал,
Он стал пехлеваном, как солнце сиял.
Не нужен Бехраму наставник ни в чем:
В познанье, охоте, човгане с мячом,
Искусстве конем боевым управлять;
Погнать и средь бега его удержать.
«О щедрый,— сказал он Монзиру,— пора
Наставников всех отпустить со двора».
И каждый из них удостоен наград,
Довольные, все восвояси спешат.
Так молвит Монзиру потомок царей:
«Пригнать повели копьеносцам коней,
Пусть ловкость покажут в искусстве своем —
Владенье уздою и ратным копьем.
Когда облюбую коня своего —
Пусть цену назначат, дам больше того».
В таких предводитель ответил словах:
«О жаждущий славы, о доблестный шах!
Ты хочешь конем аравийским владеть,
Так мне ли скупиться, труда пожалеть!»
«Муж доброго имени,— молвит Бехрам,—
Удача твоим да сопутствует дням!

Такого ищу, чтоб с горы поскакать
И в скачке от страха узды не искать.
Когда приучу его к скачке такой,
К Наврузу оставит он вихрь за собой.
Как должно не будет он выезжен — ты
Не требуй тогда от коня быстроты».
И тотчас Номана Монзир отослал,
Чтоб лучших коней молодых отобрал:
Объезди, мол, Степь Копьеносных Бойцов,
К сраженьям пригодных ищи скакунов.
Помчался Номан; вскоре с сотней коней,
Что выбрал у разных арабских вождей,
Вернулся. Бехрам тех коней увидал,
На том, на другом скакуне проскакал.
Скакун, что сказал бы ты, с вихрем дружил.
В седле под Бехрамом никчемнейшим был.
Вот выбран один по душе ездока:
Гнедой, ветроногий и грудь широка.
Избрал и второго; иначе клеймен;
Не конь красногрудый, сказал бы — дракон.
Копытами пламя, скажи, высекал,
А пот на груди его кровью вскипал.
Монзир заплатил, не оспорив цены,
Ведь были куфийских лесов скакуны.
Сверкавших подобно небесным огням,
Обоих коней принимает Бехрам.
Что яблоко свежее, так же берег,
И ветер вреда причинить бы не мог.
Так молвил однажды тот муж молодой
Монзиру: «О мудрый и чистый душой!
Заботами ты окружаешь меня,
От горестей всех ограждаешь меня.
На свете найдется ли сердце одно,
Чтоб тайны в себе не хранило оно?
Томимый тоскою желтеет лицом,
Живущий в веселии крепнет плечом.
Красавица мужу веселье дарит,
Жена от печали спасенье дарит.
Красой утешается муж молодой —
Что сам повелитель, что витязь простой.
И веру в Йездана она бережет,
Ко благу она молодого зовет.
Невольниц пять-шесть не замедли сыскать,
Чьи лица сиянию солнца под стать.
Быть может, достойные будут средь них,
И праведных мыслей исполнюсь благих.
И сына, быть может, увижу потом,

И сердцу отрада откроется в нем.
Создателя благословенье приму,
В собранье любом одобренье приму».
Так молвил Монзиру сей муж молодой,
И старец ответил на это хвалой.
Проворного кликнул гонца своего,
К торговцу рабами отправил его.
Вот сорок румиек ему привели
Прекрасных, что сердце утешить могли.
Двух выбрал — что вешние розы свежи,
Из розы и кости слоновой, скажи.
От стройного древа осанка взята,
Все нега и счастье в них, все — красота.
Из этих двух звезд розоликих одна —
Гуслярка, Сохейлю Йемена равна *,
Другая — арканами косы вились.
Монзир покупает — по сердцу пришлись.
Счастливый Бехрам благодарность воздал,
Лицом, словно лал Бадахшана, сиял.

[*Сказ о Бехраме и девушке-гуслярке на охоте*]

Иного не ведал он: мяч да мейдан *,
Порою охота и снова човган.
Однажды не взял приближенных бойцов,
С гусляркой своею поехал на лов *.
Звалась Азаде. На ланитах у ней
Румянец светился коралла нежней.
Душой с ним едина, желанней всего,
Всегда на устах его, в сердце его.
Верблюда в тот день оседлать повелел,
Парчой златотканой убрать повелел,
Что в гору, что под гору — шел он бегом;
Две пары стремян укрепили на нем —
Серебряных пара и пара златых,
Сверкали алмазы на каждом из них.
Держал под колчаном своим самострел;
Оружием всяким отважный владел.
Газели мелькнули чета за четой,
И молвил, смеясь, богатырь молодой:
«О месяц, когда тетиву наложу *
И этим перстом для стрельбы снаряжу,
Которой хотела б назначить конец?
Вот юная самка и старый самец».
«О лев,— говорит Азадэ,— не под стать
С газелью мужам поединка искать.
Ты самку стрелою в самца обрати

И в самку другою — самца обрати.
Как только ударятся в бегство они,
Верблюда быстрее за ними гони.
Тут в самку мохре самострелом направь *
И ухом к плечу потянуться заставь.
Зачешется ухо бедняжки, и вот
Она свою ногу к нему занесет.
Ей ухо и ногу к плечу приколи,
Тогда назову тебя — светоч земли».
Свой лук Бехрам-Гур тетивой оснастил,
Степное безмолвие звон огласил.
Двужалая в полном колчане стрела
Для зверя степного хранима была.
Газели ускорили бег, устрашась;
Рога быстроногого славный тотчас
Двужалой сшибает. При виде сего
Полна изумленья подруга его:
Мгновенье — и в самку самец обращен,
Без черных рогов удаляется он.
Вдогонку за самкою стрелы летят,
И вот уж во лбу, как задумал, сидят;
И левая, скажешь, и правая — рог,
А грудь заливает кровавый поток.
За новой четою верблюда пустил,
Мохре в желобок самострела вложил,
Нацелился в ухо, и выстрел ему
Понравился — нравиться было чему...
Тут ухо свое почесала газель,
И вмиг тополевая пущена в цель.
Сшить ухо и ногу с плечом удалось,
От жалости сердце рабыни зашлось.
«Что скажешь, о месяц?» — промолвил потом.
Из глаз Азадэ слезы льются ручьем.
Царь слышит: «Людского здесь нет ничего,
Не мужа, а дива твое естество!»
Бехрам замахнулся — с седла снесена,
Низвергнута вниз головою она.
По той луноликой верблюда промчал,
И руки, и гусли, и грудь искромсал.
«Гуслярка безумная! — молвил о ней,—
Почто неудачи искала моей!
Когда бы руке моей дрогнуть пришлось,
Я чести бы рану позора нанес».
С тех пор, как румийку верблюд растоптал,
Он девушек брать на охоту не стал.

[*Бехрам показывает*
свое искусство на лове]

В другую неделю с бойцами на лов
Выходит, гепардов берет, соколов.
Могучего льва близ горы увидал,
Что спину онагра свирепо терзал.
Он ворона черного ловкой рукой *
Снабдил тетивою. Трехкрылой стрелой
Он зверя и сердце онагра прошил,
И лев окровавленный сверху застыл.
В неделю другую отправилиєь с ним
Монзир-предводитель с Номаном благим.
Мужи именитые мчались вослед,
Державы арабской опора и цвет.
Стремился Монзир Бехрам-Гурову стать
И силу, и ловкость езды показать.
Увидели страусов — птицы бегут
Быстрей, чем свободы вкусивший верблюд.
И тотчас, сказал бы ты, взвился Бехрам,
За стаей, как вихрь, устремился Бехрам.
Свой лук натирает и стрелы в запас —
Четыре себе приготовил тот час.
За птицею птицу берет на прицел,
И насмерть сражает любая из стрел.
Перо за пером рассекал пополам —
Так метко пускал свои стрелы Бехрам.
И быстро и вровень вонзались чредой,
Не ниже одна и не выше другой.
Арабская знать подъезжает, глядит:
От выстрела выстрела не отличит.
Немало хвалебных послышалось слов
Монзира и всех копьеносных бойцов.
«Владыка,— сказал он,— так радуешь ты,
Как радует дождь благовонный цветы.
Твой месяц да не потускнеет вовек,
И мышца да не ослабеет вовек!»
Монзир возвратился к себе на айван,
Бехрама он в мыслях вознес на Кейван *.
Немедля к себе живописцев призвал
Йеменских, искуснейших, им приказал
Бехрамовы меткие выстрелы те
Искусством своим воплотить на тафте.
Бехрам на высоком верблюде сидит;
Невиданный выстрел, что стал знаменит,
Искусство и силу являющий в нем;
Лук добрый и лань, и онагр подо львом,

Те страусы, степь и четыре стрелы —
Все ожило в туши чернее смолы *.
И вот уже всадник — Монзиров гонец —
Отправлен с рисунком к царю во дворец,
Пред очи Йездгерда предстал самого.
Мужи собрались вкруг посланья того.
Пришло именитых собранье в восторг,
У всех Бехрам-Гур славословье исторг.
И после о подвиге каждом тотчас
Такая же весть к властелину неслась.

[Бехрам в сопровождении Номана прибывает к отцу своему Йездгерду]

Отца Бехрам-Гур пожелал увидать,
Того, что как солнце блистал, увидать.
Монзиру сказал этот лев молодой:
«Как долго бы ни оставался с тобой,
С отцом повидаться желанье придет.
Как будешь покоен, коль сердце зовет!»
За дело, как должно, Монзир принялся.
Дары шахиншаху: Йемена краса —
Арабские в сбруе златой скакуны,
Сокровища прочие той стороны;
Йеменская ткань и йеменский клипок
И все, что Аден в своих недрах берег.
Бехраму-царевичу в спутники дан
Почет у владыки снискавший Номан.
В дороге беседу ведут о царях,
И вот уже стольный пред ними Истахр.
Владыку владык известили о том,
Что сын прибывает с арабским вождем.
Мобеды навстречу отправились тут,
Придворные должным порядком идут.
Когда же Бехрама узрел шахиншах,
Осанку и плеч богатырский размах,—
В душе изумлен был величьем его,
Являющим званье обличьем его.
Приветствовал, должный почет оказал
И место вблизи от себя указал.
Номан возле царских палат водворен,
Бехраму достойный дворец отведен.
Как должно, рабов повелитель дает,
Невольниц, ему подобающих, шлет.
Весь день пребывает Бехрам пред отцом,
Покоя не знает в служенье своем.
Как месяц побыл у властителя стран,
К себе пожелал воротиться Номан.

Под вечер Йездгерд призывает его
И рядом с престолом сажает его.
Так молвил: «Трудов, знать, немало понес
Монзир в эти годы, покуда возрос
Бехрам благородный. Награда — за мной,
Добра воздаяние — праздник большой.
Сын радует мыслью благою своей,
К добру устремленной душою своей.
Надолго тебя удержал мой дворец,
Наверно, заждался Номана отец».
Полсотни царевичу тысяч даны
Динаров, халат из царевой казны;
Десяток царевых коней дорогих,
Узда — серебро или злато на них,
Ковры и немало к тому же рабов,
Парчи, благовоний и прочих даров
По воле владыки доставил Мехран,
Дары принимает Монзиров Номан.
На радостях щедрости двери открыл
И всех приближенных его одарил.
Посланье Монзиру велит написать,
Какое владыкам венчанным под стать;
Мол, впредь от заботы о сыне моем
Свободен; немало ты пекся о нем.
За дело благое воздать тороплюсь,
Ведь сыном таким я безмерно горжусь...
Меж тем, Бехрам-Гур написал о себе,
О горьком житье о злосчастной судьбе:
«На шаха взирал я с надеждой иной,
Не думал, что так обойдется со мной.
Ни сын, ни слуга у царевых дверей,
Довольный смиренною долей своей».
Номану открыл свое сердце, сказав
О нраве недобром владыки держав.
Номан, шахиншахский покинув дворец,
Пред славным Монзиром предстал, наконец.
К посланью царя, покорившему мир,
Устами, челом прикоснулся Монзир,
И радуясь также прибывшим дарам,
Хвалу добавляет к несчетным хвалам.
А после, в сокрытый покой удалясь,
Монзир о Бехраме услышал рассказ.
Вот строки Бехрама читает дебир.
Лицом благородный стал, точно зерир.
Ответные без промедленья слова
Он пишет — добра, наставленья слова.
«О муж благородный! — так начал.— Хранись

И волей отца пренебречь берегись!
Приемли от шаха и милость и зло,
Будь верен, чтоб к доброму сердце влекло.
Терпенья великих страшится беда,
Муж следовать разуму должен всегда.
Тут видно веление свода сего,
Не можем противиться воле его.
Тот волей небесною к миру влеком,
А этот враждебен и темен лицом.
Так создал извечно Единственный тот,
И должно пастись, как Создатель пасет.
Теперь же, как только познаешь нужду
В динарах, алмазах — на помощь приду,
Чтоб сердце твое не страдало без них,
Не стоят богатства страданий твоих!
Тебе десять тысяч отправил я в дар,
Ты эти динары прими, как нисар.
И ту, что твоею наградой была,
В твоем шебистане отрадой была,
Отправил. Красою своей озарит,
Душе омраченной покой возвратит.
Когда же истратишь динаров запас,
Души не томи недостатком. Тотчас
Немало добавлю еще золотых
И нашего царства сокровищ иных.
Почтение множь, восхваления множь,
Усердие в деле служения множь!
Злонравие это тебе все равно
Из сердца владыки изгнать не дано».
Он десять мужей прозорливых избрал,
И верных и краснопречивых избрал.
И вскоре Бехраму они привезли
Рабыню-красу и монет кошели.
И счастлив Бехрам, от печалей былых
Избавился, словно и не было их.
Советам владыки арабского внял,
В служении отдохновенья не знал.

[*Заточение Бехрама Йездгердом и возвращение его к Монзиру*]

Однажды был пир у владыки того,
Как должно, Бехрам пребывал близ него.
Не вынес стояния долгого он,
Дотоль на ногах был — сморил его сон.
Заметил отец, что закрыты глаза,
Окликнул его, разразилась гроза.
Велит палачу: «Уведи его, впредь *

Ему кушака и венца не узреть.
Отныне он в собственном заперт дому.
В чертоге величья не место ему».
Закрытый в жилище своем, удручен,
Весь год не встречался с родителем он.
И только прошествовать в ратных рядах
В Навруз и в Седе допустил шахиншах.
Однажды к венчанному прибыл Тинуш,
Владыкою Рума был прислан сей муж.
Кейсерову дань — и рабов и казну
Из Рума доставил он в эту страну.
Тинуш шахиншахом обласкан, почтен,
Покой подобавший ему отведен.
И тотчас Бехрам ему весть подает:
«О, муж прозорливый, снискавший почет!
Подвластный неведомо чем прогневил,
Владыка безвинно его отдалил.
К царю обратись, за меня попроси,
Поникшее счастье мое воскреси.
Быть может, назад отошлет из дворца,
Монзир ведь давно уж за мать и отца».
Как выслушал это посланье Тинуш,
Исполнил Бехрама желанье Тинуш.
И вот удрученный душой возрожден,
Избавился от заточения он.
Немало богатства роздал беднякам
И тут же в дорогу собрался Бехрам.
Своих приближенных, как должно, созвал,
Средь почи с дружиной, как вихрь, ускакал.
Так спутникам молвил: «Йездану хвала,
Что туча опасности мимо прошла».
Йемена когда пересек рубежи,
Сбегались и жены с детьми и мужи.
Номан и Монзир поскакали встречать,
За ними летит копьеносная рать.
Пыль встала от войска, окутала мир,
К Бехраму приблизился верный Монзир.
Вот спешились оба. Узнав, что пришлось
Изведать ему, не сдержал своих слез
Достойный Монзир. Обо всем расспросив,
Воскликнул: «Сколь жребий царя несчастлив!
Никак добродетели путь не найдет,
Возмездье, страшусь, неизбежно пожнет».
Воскликнул Бехрам: «Да не будет того,
Чтоб тень от злосчастья коснулась его!»
Оставил все те же покои за ним,
Прибавил щедроты к щедротам былым.

Нет дела другого — мейдан да пиры,
Соперничать в схватках да сыпать дары.
Шло время. В покоях дворца властелин,
В степях благодатью отмеченный сын.
Йездгердовых горестей, радостей срок
По воле судеб круговратных истек.
Задумался царь о державе своей,
Собрал отовсюду премудрых мужей.
Познавшим законы вращенья светил
Велит, чтобы каждый из них вопросил:
Когда, мол, в сем мире придет моя смерть,
Главе и шелому когда потемнеть?
Когда же настигнет, где буду в тот миг,
Где блеклостью смертной покроется лик?..
Сказал звездочет: «Да не будет сего,
Чтоб черные мысли царя моего
Смутили. Как время померкнуть звезде
Настанет — отправится к Савской воде *.
С кимвалом, с литаврами, войско возьмет
И, радостный, к Тусу его поведет.
В том месте властителя дух заключен,
Да будет теперь его слух заключен.
О том, что узнал, и помыслить не след,
Ведь тайну сию охраняет Изед».
Царь выслушал это, поклялся святым *
Хорради-Борзином и солнцем златым.
Во гневе ли, в радости не захотеть
Источника Савского воду узреть.
Три месяца свод круговратный кружил,
Внезапно от крови весь мир забурлил.
Кровь хлещет весь день из царевых ноздрей;
Зовут отовсюду искусных врачей.
От снадобий всяких неделю не шла,
Потом, словно слезы, ручьем потекла.

[*Йездгерд отправляется к источнику Сав, где его убивает водяной конь*]

«О царь,— услыхал он призыв мудреца,—
Ты сбился с пути всеблагого творца,
Помыслив: от смерти уйду все равно,
Ведь ей не всегда побеждать суждено...
Вот средство: в носилках владыку держав
На Шехд повезти до источника Сав.
Прибегнешь к Йездану пречистому там.
Простершись во прахе, горячим мольбам
Дашь волю. Мол, немощный раб пред тобой,
Сеть клятвы раскинувший перед душой.

Мол, ты, справедливый, благой Судия,
К тебе прибегаю: где гибель моя?»
Совет мудреца полюбился царю,
В нем путь избавленья открылся царю.
Носилок три сотни с шатрами берут
И к Шехду-реке властелина везут.
И ночью и днем продолжают поход,
А кровь из ноздрей то и дело идет.
И вот уже прибыл к тому роднику,
Выходит, поблизости видит реку.
Он савскою влагой чело омывал,
Йездана, подателя благ, призывал —
И кровь прекратила мучительный ток;
Поесть, отдохнуть с приближенными мог.
Так молвил надменно: «Вот смелости шаг!
Напрасно сидел в ожидании благ!»
Когда возгордился владыка людей,
Добро приписал только воле своей,
Явился вдруг дымчатый конь из реки,
Круп, скажешь, онагра, и бабки крепки,
Высок, с черным пахом, в глазу синева,
В движеньях стремителен, яростней льва,
Хвост длинный, под гривой не видно спины,
С губ падает пена, копыта черны.
Слова повеленья владыки звучат:
«Пусть воины быстро его окружат!»
Табунщик наездников десять лихих
Расставил. Седло и арканы при них.
Что знал он о тайне Творца самого,
Столкнувшего с этим драконом его!
С конем совладать не сумел ни один.
Охваченный гневом земли властелин
Уздечку, седло захвативши тотчас,
К нему напрямик поспешил, не смутясь.
И дымчатый замер, как вкопанный стал,
Покорно, сказал бы, властителя ждал.
Узду от него принимает скакун,
Седло возложить дозволяет скакун.
Седельный ремень уже был закреплен —
И тут оставался спокоен дракон.
Вот хвост подвязать повелитель держав
Направился. Камнекопытый, заржав,
Лягнул его в голову. Пал шахиншах,
Венцом и главою низринут во прах.
Он вышел из праха, стал прахом опять,
Чего ж от сего семикружия ждать!
Коль нам от него, круговратного, нет

Спасенья — ему поклоняться не след.
Йездану вверяйся, убежище в нем,
Творце небосвода и солнца благом...
Повергнув властителя, конь водяной *
К тому роднику устремился стрелой
И в темных глубинах мгновенно исчез.
Не видели в мире подобных чудес!
Вопль грянул, как будто кимвалом рожден:
«Знать, к Тусу ты роком, о царь, приведен!»
Одежды свои раздирают бойцы
И прахом главу посыпают бойцы.
Вот грудь рассекают владыке тому,
И чрево, и мозг наполняют ему
Кафуром и мускусом руки врача,
И накрепко тело стянула парча.
Парча белу грудь облачает теперь
И голову мускус венчает теперь.
На садже точеном, во гробе златом *
Направился к Парсу владевший венцом.
Таков преходящего мира уклад —
Тот весел, а этот печалью объят.
Ты кроток, но кротость судьбы не видна.
Хлеб съел — принимайся за чашу вина!
Путь веры не лучше ль греху предпочесть,
Когда в тебе сила для этого есть.

[*Иранская знать*
возводит на престол Хосрова]

Гробница владыку под сень приняла *,
Иранская знать, воздыхая, пришла:
Правитель, мобед, пехлеван и дестур *
Почтенный, что светел душою и мудр,—
Все в Парсе из разных концов собрались
И все у гробницы Йездгерда сошлись.
Там был повергавший слона Гостехем,
Карен — богатырь, сын Гошеспа, затем
Милад и Ареш, и Пируз удалой,
Сражавший коней и мужей булавой,
И много еще именитых мужей,
Державы отважных и славных вождей,
Познавших опалу владыки земли,—
Все без промедленья в тот город пришли.
Вот речи дебира Гошеспа звучат:
«Внемлите, о знатные, все — стар и млад!
С тех пор, как зиждителем мир сотворен,
Не видел владыки подобного он.
Ведь только и знал — или гнать, иль казнить,

Казну от подвластных и мысли таить.
Никто столь коварного шаха не знал,
От мудрых мужей о таких не слыхал.
Из рода сего никого не хотим,
Над прахом царевым к Творцу возопим.
Царевич Бехрам — плоть от плоти его,
И мыслью, и сердцем в отца своего.
К тому ж о Монзире все речи он вел,
Ужель притеснитель взойдет на престол!»
И клятвы суровые принесены
Вождями, высокою знатью страны:
«Из рода сего властелина царей
Не примем вовеки по воле своей!»
На том порешили и встали они,
Другого царя пожелали они.
Лишь весть о кончине царя разнеслась,
Дошла до вождей именитых,— тотчас
Элана глава, царских войск пехлеван *,
Воинственный, златовенчанный Шугнан,
Биверд — все сказали: мол, царство мое,
От праха до звезд все пространство — мое!
И вот уже смутами край сотрясен,
Ведь был он главы венценосной лишен.
От витязя славного до мудреца,
Чьи были для правды открыты сердца,—
Все в Парс собираются, держат совет,
Ища избавленья от выпавших бед,
Так молвят: «Найдется ли кто, наконец,
Достойный носить шахиншаха венец?
Не видим величия духа ни в ком,
Кто стан препояшет на троне златом,
Чтоб вырвать из мира злосчастный разлад.
Страна без владыки — запущенный сад».
Был праведный муж, благородный Хосров,
Судьбою отмеченный, зрелых годов,
Древнейшего рода потомок благой,
Из тех, что владеют немалой казной.
Венец повелителя отдан ему,
Стекается войско к владыке сему.

[*Бехрам узнает о смерти отца*]

Пришло к Бехрам-Гуру известие: «Рок
Престол властелина злосчастью обрек.
Отца твоего бытие пресеклось,
Он царское имя с собою унес.
Вожди поклялись, что из рода сего
Не примут владыкой владык никого.

Таков же Бехрам, как поверженный тот,
Отцовское все в нем — и семя, и плод...
Муж некий на троне владыки земли,
Хосровом венчанным его нарекли».
Лишь речи такие Бехрам услыхал,
Ланиты, скорбя об отце, истерзал.
Йемен оглашали четырнадцать дней
Стенанья мобедов и жен, и мужей.
Бехрам, когда месяц печали прошел,
С началом другого воссел на престол.
Монзир и Номан поспешили к нему,
Йеменскую знать допустили к нему.
Льют слезы с Бехрамом, вздыхая, стеня,
А сердце от горя горит без огня.
И после в таких обратились словах
К Бехраму: «Исполненный доблести шах!
Мы прахом, не более, стать рождены,
Не противоядья искать рождены.
Кто матерью в мир принесен был — умрет,
Рождение — гнет, в смерти — блага черед».
«Несчастье наш день омрачает теперь,—
Услышал Монзир от Бехрама,— поверь,
Сей род, коль престола верховных владык
Лишится,— сокроется радости лик.
Над степью арабскою прах вознесут,
Следы от селений пески заметут.
Со мной о родителе скорбь разделив,
Премудрость явите, мне дружбу явив».
Как мужу пристало, на эти слова,
Ответил Бехраму арабов глава.
Так молвил: «Мой день подниматься пришел,
Мой час за добычей погнаться пришел!
А ты, на престоле воссевши, взирай.
Все дни свои в царском уборе блистай!»
Вся знать повторила Монзиру во след
Исполненный мужества, чести обет.
Воинственный вождь и мужи поднялись,
Готовиться к битвам немедля взялись.
Номана отправил Монзир собирать
Воителей, тиграм отвагой под стать,
В Шейбане, Гесане скликать удальцов:
Мол, войско построй в десять тысяч бойцов.
Узнают иранцы, кто их властелин,
Казны обладатель, венца и дружин! —
Могучее войско приводит — копьем
Владеют искусно и грозным мечом.
В поход выступать повеленье дано,

Страну растоптать повеленье дано.
Грозой до Тисфуна дружина прошла,
Земля под копытами изнемогла.
Ни в ком не нашедших защиты, в полон
И малых детей уводили и жен.
В разграбленном крае огонь бушевал,
Ведь трон шахиншахов пустым пребывал.
До Чина, Турана, Мекранской земли,
До Хинда и Рума известья дошли,—
Иран, мол, лишился царя своего,
И нет, мол, достойных престола его.
Напасть на Иран поспешили они,
Разбой, злодеянья чинили они.
И каждый желаньем одним одержим —
Увидеть венец шахиншаха своим.

[*Послание иранцев Монзиру и его ответ*]

Тревогой объяты, иранцы в пути
Спасенье державы стремятся найти.
В смятенье от стольких нагрянувших бед,
Мужи именитые держат совет.
Опасность пределы, мол, все перешла.
Рум, Хинд, аравийцы — враги без числа!
Мол, средство такое должны применить,
Чтоб сердце от мук поскорей исцелить.
Избрали посланника, что прозорлив,
Познаний исполнен и красноречив.
Тот праведный имя носил Джевануй,
Дебиром прославленный был Джевануй.
Их речи ему надлежит передать
Монзиру и слову ответному внять.
«О доблестный! — молвит, представ пред вождем,—
Нуждается мир в благородстве твоем.
Иран и Мекран ждут защиты твоей,
Не ты ли опора отважных мужей?
С тех пор, как царя своего лишена,
От крови — что крылья фазаньи страна,
Правителя марза мы знали в тебе *,
Достоинство марза видали в тебе.
А ты разоренье повсюду, грабеж,
Страданья и кровопролитья несешь.
Ты ранее не был злодеем таким,
Ужель равнодушен к проклятьям людским?
Ужели сие одобряешь? Не вред,
А благо в том видишь на старости лет?
Ведь есть Судия, что превыше людских
Высоких умов, помышлений любых».

Что видел, послу рассказать надлежит,
Старейшин слова передать надлежит.
И вскоре с посланьем иранских вождей
Достиг Джевануй аравийских степей.
Явился к Монзиру, посланье вручил
И речи иранцев ему изложил.
Не скоро, услышав посланцев слова,
Молчанье прервал копьеносцев глава.
«О мудрый посланец! — так молвил потом,—
Ты эти слова повтори пред царем.
С тем словом, что скажет владыка Бехрам,
К пославшим тебя возвратишься вождям».
Послал одного именитого с ним,
И вот Джевануй пред царем молодым.
Премудрый, как только его увидал,
Благого Создателя имя призвал.
И статность и полный величия вид —
Все в нем прозорливого мужа дивит.
Ланиты — сказал бы — вино пролилось,
И мускусом веет от царских волос.
Как будто в беспамятство впавши, застыл
Посланец, наказа слова позабыл.
И понял Бехрам — взоры, сердце посла
Застлала смущенья внезапного мгла.
Приветствия ласковым словом почтив
И рядом с престолом посла усадив,
Ему, ободренному, молвит потом:
«Почто утруждался неблизким путем?
Старания после плоды принесут,
Казне твоей прибыль труды принесут».
И мудрого мужа призвав одного,
К Монзиру с послом отправляет его —
Сказать: на посланье ответ напиши,
Благого желанья ответ напиши.
И, выслушав также изустный рассказ,
Ответь подобающим словом от нас.
Когда Джевануй пред Монзиром предстал,
Монзир от премудрости той просиял.
И муж прозорливый, речениям вняв,
Посланье в ответ написать приказав,
Сказал Джеваную: «О мудрый, ведь тот,
Кто зло совершает,— возмездье пожнет.
Я внял изреченным тобою словам,
Услышал мужей именитых селям.
Скажи мне, кто начал, кем вызвано зло,
Что к горю напрасной войны привело?
Не здесь ли Бехрам, у него — благодать

И сила владык венценосных, и рать.
Змею из норы пожелавший извлечь,
Себя на погибель решился обречь.
Будь вашим в ту пору советником я,
Иран миновала б невзгода сия.
Лицо шахиншаха видал Джевануй,
Речам шахиншаха внимал Джевануй,
Спросите, достоин ли трон украшать,
Величием, славою, счастьем блистать?»
Внимая Монзиру достойному, он
Благим помышлением был осенен.
Сказал: «Именуемый славным вождем,
Чье званье нужды не имеет ни в ком!
Затмился рассудок иранских мужей,
Сколь многие с жизнью расстались своей!
Коль выслушать мужа преклонных годов
Захочешь — советом служить я готов.
С владыкой Бехрамом, чья слава гремит,
В путь выступить смело тебе надлежит.
Скакать с соколами, с гепардами вам
Пристало, как высокородным царям.
Ты слышал иранцев посланье — в Иран
Прибытие, верно, не будет в изъян.
И должное слово промолвишь тогда,
Тебе, умудренный, неправда чужда.
От дел недостойных ты честь бережешь,
Хуленьям себя уязвить не даешь».
Все выслушав, щедро Монзир одарил
Посланца, довольный назад отпустил.

[*Прибытие Бехрам-Гура в Чехрем и встреча его с иранцами*]

Воссел с Бехрам-Гуром, советник при них,
Мужей на совет не призвали других.
Избрав тридцать тысяч арабских бойцов,
Искусно владевших копьем храбрецов,
Динарами щедро снабжает Монзир,
Отвагу в сердцах разжигает Монзир.
Лишь вести о том до иранцев дошли,
Посол Джевануй из арабской земли
Вернулся — душой омрачились мужи,
В Азер-Пак-Борзин устремились мужи,
Молили Создателя мир ниспослать,
На поле сражения — пир ниспослать.
Дружины Монзира достигли меж тем
Ирана. В степи, возле града Чехрем,
Свой царский шатер воздвигает Бехрам,

Нет счета вокруг копьеносцев шатрам.
Монзиру сказал: «О советник благой!
В Чехреме Йемена воинственный строй,—
Сражаться ли, переговоры ль начать,
Как встретить нам должно иранскую рать?»
Монзир отвечает: «Ирана вожди
Прибудут на зов — пировать усади.
На речи ответ подобающий дай,
Спокойствием резкое слово встречай.
Узнаем, что знатные в сердце хранят,
Кого шахиншахом увидеть хотят.
Рассудим — за дело возьмемся тогда,
Быть может, легко устранится вражда.
Но ежели в битву вступить предпочтут,
Обычай тигриный явить предпочтут,—
Я в море просторы степей обращу,
Их солнце в созвездья ночей обращу!
Так мыслю: твой царственный лик увидав
И крепкую стать, и привстливый нрав,
Познанья твои, разуменье твое,
Величие духа, терпенье твое,
Едва ль пожелают другого себе —
Престолу, венцу и державной судьбе.
Но если, дороги строптивых любя,
Решатся похитить престол у тебя,
Монзир, эти всадники, острый булат
День судный на этой земле учинят!
Увидишь чело мое грозное там,
Я жизнь за тебя, не жалея, отдам.
Как только увидят бесчисленный строй,
Закон мой, обычай воинственный мой,
Что бой мне привычен и ведом, поймут,
Что правым храним я Изедом, поймут —
Владыки другого не станут искать:
Венца, мол, достоин, престолу под стать!»
Внимая Монзира отрадным словам,
От счастья смеется владыка Бехрам.
Лишь солнце над горным хребтом поднялось,
Отважных и мудрых иранцев сошлось
Большое собранье — всей знати прием
Устроен на этом просторе степном.
Из кости слоновой престол водружен,
Бехрам драгоценным венцом озарен.
По древнему чину великих владык
Воссел как законный владыка владык.
Монзир и Номан благородный сидят
С владыкою рядом. Сверкает булат

Пред ставкой стоящих арабских бойцов,
Из самых прославленных знатных родов.
Несущие в сердце желанье добра,
Иранцы приблизились к входу шатра.
Велит венценосный завесу поднять,
Входящих мужей имена возглашать.
И те, перед славным Бехрамом представ,
Его на престоле в венце увидав,
Воскликнули: «Славься! Да будет рука
Злодейства всегда от тебя далека!»
Мужей шахиншах обласкал и почтил,
Затем по достоинству всех рассадил.

[*Речь Бехрама*
о своей пригодности к царствованию]

Бехрам возглашает: «Вожди из вождей,
Богатые опытом прожитых дней!
Наследный от дедов, отцов шахиншах —
Не я ли? Откуда ж сомненья в сердцах?»
Воскликнули разом иранцы в ответ:
«Зачем нас неволишь чинить себе вред!
Бехрама на царство венчать не хотим,
Оставь нам державу, правь войском своим.
От рода сего натерпеться пришлось,
Немало мы видели горя и слез».
«Что ж, быть по сему,— отвечает Бехрам,—
Коль сердце людское подвластно страстям.
Но вместо меня избирая кого,
Не должно ль согласья спросить моего?»
Ответил мобед: «Справедливость одна
Для подданных и властелинов дана.
Приди вместе с нами такого избрать,
В ком каждый признал бы царей благодать».
Три дня миновало уж после того.
Чтоб выбрать Ирану царя одного,
Записана сотня имен под конец,
Достойных украсить престол и венец.
Бехрамово имя в собрании том,
Ведь был он для многих желанным царем.
К полсотне достойнейших вскоре пришли,
Усердья исполнены, в споре пришли.
Но правым один оставался Бехрам,
Ведь трона отца добивался Бехрам.
И вот уж записано тридцать из них,
Ирана избранников славных, благих.
Никто Бехрам-Гура не превосходил,
Ведь был из венчанных, царевичем был.

Мобед имена четверых начертал,
Меж ними Бехрам как владыка блистал.
Когда же к избранью владыки пришли,
Ирана старейшины произнесли:
«Такой повелитель не надобен нам —
Гневлив, своеволен и дерзок Бехрам!»
Вожди зашумели при этих словах,
Сердца закипели при этих словах.
Иранцев Монзир вопрошает: «От вас
Хотел бы я правду услышать сейчас:
Так молод годами сей царь, отчего
Сердца ваши в гневе отвергли его?»
У знатных на это готов был ответ:
Парсийцев зовут, натерпевшихся бед
От шаха Йездгерда в недавние дни —
В степи собрались отовсюду они.
Отрублены этому кисти, а тот
Без рук и без ног, изувечен, живет;
Другому и кисти и уши отсек,
Лишил языка, мертвых доле обрек;
Кто рук и по самые плечи лишен.
Увидев увечных, Номан потрясен.
Глаза были вырваны многим. Воззрел
На это Монзир, в сердце гнев закипел.
От тех злодеяний Бехрам застонал.
«Злосчастный! — отцовскому праху сказал.—
Почто угасил свою радость навек
И сердце мое в пламя горести вверг!»
Так молвил Бехраму Монзир: «Не таясь,
Скажи о свершенных злодействах сейчас.
Ты выслушал слово — ответствуй мужам,
Бесчувствие не подобает царям».

[*Речь Бехрама к иранцам*]

Так молвит Бехрам пред собраньем мужей:
«Вожди, умудренные опытом дней!
Вы правду сказали и боле того,
Я вправе отца порицать своего.
И мне этой снеди вкусить довелось,
Страдания чашу испить довелось.
Темницей моею был отчий айван,
Но милость явил всемогущий Йездан —
От рук его спас меня доблестный муж,
Меня от несчастий избавил Тинуш;
Приют у Монзира обрел я тогда —
Ведь милости царской не знал никогда.
Вовек да не явит сей нрав человек!

Коль явит — уйдет человечность навек.
Йездану хваленье, мне мудрость — оплот,
Вкушает душа моя мудрости плод.
Всегда я взываю к Йездану с мольбой,
Чтоб вел меня Правый стезею благой,
Дал сердце и душу очистить от зла,
Что людям Йездгердова власть принесла.
Добра, справедливости буду искать,
Чтоб люду подвластному пастырем стать.
Для счастия подданных стану я жить,
Пречистому стану Йездану служить.
Я доблестью, честью, умом наделен,
А царь-притеснитель достоинств лишен.
Неправда и низость от слабости в нем,
И впору скорбеть о владыке таком.
Мне царствовать право рожденьем дано,
К премудрости, благу стремленье дано.
Шапур, сын Бехрама, и царь Эрдешир,
Другие, чьей славою полнится мир,
От дедов к отцам — мои предки. Они
И в вере и в правде — мой свет искони.
От матери — внук Шемирана. Со мной
Премудрость от ветви одной и другой.
Величие, разум и честь у меня,
И витязя мужество есть у меня.
Достоинств никто не превысит моих
В застолье, в сраженье — в деяньях любых.
Динаров немало в сокрытой казне,
Властителя чтущие преданы мне.
Я правдой устрою державу. Народ
И радость и счастье в той правде найдет».

[*Договор Бехрама с иранцами*]

«Я с вами теперь договор заключу,
Создателю слово залогом вручу.
Из кости слоновой престол водрузив,
Бесценный венец на престол возложив,
Двух из лесу львов приведем молодых,
И так, чтоб венец оказался меж них,
Привяжем, свирепых, с обеих сторон.
А тот, кто престолом царей привлечен,
Приблизится пусть, завладеет венцом,
Чело увенчает по-царски; потом
Меж львами воссядет владыкою он,
На славном престоле венцом озарен.
Не примем другого владыку владык,
Пусть будет он славою, правдой велик.

Когда же отвергнете слово сие,
Найдите воителя, равного мне,—
Вот я, вот Монзир, булава и булат.
Арабы не знают дороги назад!
И вашего шаха с дороги сметем,
И головы ваши до неба взметнем!
Сказал, жду ответных речений от вас,
Благих в этой тяжбе решений от вас»
Поднялся, в шатер удаляется свой,
Собранье взволновано речью такой.
Повсюду иранцы об этих словах,
Что молвил исполненный мудрости шах,
Толкуют: Изеда, мол, в них благодать,
Коварства, нечестия в них не видать.
С начала правдивы они до конца,
Порадуем правдою наши сердца!
О яростных львах говорит он, о том
Престоле меж ними с державным венцом —
Что ж! Если он будет растерзан тотчас,
Не спросит Всеправый за кровь его с нас.
Сам высказал это, измыслил он сам.
Умрет — принесет облегчение нам.
Когда же сумеет венец унести,
Венец Феридуна ему превзойти!
Тогда и владыка не нужен другой.
Избрали мы путь справедливый, благой...
Вот минула ночь, небосвод просветлел,
Владыка опять на престоле воссел.
Послал за иранцами, долго меж них
Опять говорил о событьях былых.
«Владыка! — так мудрые речь повели,—
Мудрейших познанья твои превзошли.
Поведай, какую стезю изберешь,
Коль доблестью, мужеством власть обретешь?
Какие деяния мыслишь свершить
Благие, чтоб кривду и зло устранить?»
Ответил на это благим мудрецам,
Прославленным, высокородным мужам:
«Я щедрость умножу — достигнет высот
Безмерных. Злодейство предел обретет.
Достойным принять властелина удел
Немедля пожалую земли в удел.
Разумно и праведно правя страной,
Я радость найду в справедливости той.
А тем, что достатка и благ лишены,
Я часть уделю из сокрытой казны.
Кто зло причинит — наставленье тому,

А вновь повторит — заточенье тому.
Воителей вовремя мздой оделять
Мы будем, и мудрого чтить, ободрять.
Язык мой и сердце едины всегда,
Душе моей черная кривда чужда.
Скончается ль кто, не имея родных,
Оставив немало сокровищ земных,—
В казну не возьмем, беднякам раздадим,
Свой дух не привяжем ко благам земным.
Со знающим стану держать я совет,
Страстям рассудительность сломит хребет.
Дестура всегда не замедлю призвать,
Как новое дело замыслю начать.
Не стану искать разделенья людей.
И всем, кто прибегнет к защите моей,
Кто правды взыскует, я правдой воздам,
Дозволю звучать лишь правдивым словам.
И злому воздать не замедлю за зло,
Как издавна в царский обычай вошло.
Свидетель мне в этом пречистый Йездан,
Мой разум главою устам моим дан».
Почтенный мобедов мобед, мудрецы
И знать, и покрытые славой бойцы
Сказали: «Тебе покоряемся мы,
Пред волею мудрой склоняемся мы».
Тут молвил Бехрам, к мудрецам обратясь:
«Благою стезею ведущие нас!
Когда преступлю хоть однажды в сто лет
Веление разума, сердца завет,—
Наследья, престола, венца да лишусь,
Среди обездоленных да окажусь!»
Той речи внимает собранье мужей,
Прославленных и прозорливых вождей.
Раскаявшись в том, что роптали они,
Загладить вину пожелали они,
Друг другу такие слова говорят:
«Достойней владыка найдется навряд!
Слова его мудры, высок его род,
Отвагой кто в мире его превзойдет?
Из правды Творец его создал благой,
Вовек да не будет настигнут бедой!
При нем только блага мы будем вкушать.
Нам впору теперь ликовать, пировать.
Противиться воле его ни к чему,
Мы этим закрыли бы очи уму.
При силе такой и величье таком
Не сыщется равного в мире во всем.

Когда завладеет престолом своим,
Кто может явить превосходство над ним!
Его ли тогда устрашить бы могли
Иранцы? Он счел бы их горстью земли!»
И слышит Бехрам: «Над тобой благодать
Сияет, мы рады тебя увенчать.
Кто ведал о качествах стольких благих,
О разуме, речи, познаньях твоих!
Потомок Пешина Хосров, оттого
На царство мы благословили его.
Обетом мы связаны, этот обет
Сулит нам великое множество бед.
Хосров коль пребудет владыкой страны —
Пожарище междоусобной войны
Займется: народа пойдет за ним часть,
А часть за Бехрамову вступится власть.
Знать, твой договор — это лучший исход,
Тогда и держава к тебе перейдет.
Предлог твой — в одних только львах боевых,
Искателей после не будет иных».
Бехрам согласился с решеньем таким,
Ведь было задумано это самим.
Так было в обычаях тех, кто велик:
Коль новым сменялся владыка владык,
Являлся державы верховный мобед,
И трое мудрейших ступали вослед.
На царский престол шахиншаха сажал,
Престол сей торжественно благословлял.
Владыке венец подносил золотой,
Дарящий величием, блеском, красой.
И, царским убором его увенчав,
Ланиты к груди властелина держав
Прикладывал радостно. Всякий нисар,
Царю поднесенный, тот жаловал в дар.
Вверяют мобеду престол и венец,
Их в степь доставляет почтенный мудрец.
Двух яростных львов содержал Гостехем,
Мобеду зверей передал Гостехем.
Их в степь потащили на крепких цепях,
Тащивших довел до безумия страх.
И вот у престола с обеих сторон
Привязаны львы и венец помещен.
Прикованы взоры к престолу, к венцу:
Что жребий пошлет, мол, тому храбрецу?

[*Бехрам убивает львов*
и восходит на престол]

Идут по равнине Хосров и Бехрам,
С тревогой в сердцах направляясь ко львам.
Хосров лишь увидел свирепых зверей,
Меж ними венец властелина царей,
Так молвил мобедам: «Венец добывать —
Тому, кто стремится владыкою стать.
К тому же он молод, а я одряхлел,
Я в схватке бы хищников не одолел.
В деянье таком превосходство за ним,
Могучим искать торжества, молодым».
«Да, истинно так,— отвечает ему
Бехрам,— слово правды таить ни к чему».
Он палицу с бычьей главою берет,
Дивясь, на бесстрашного смотрит народ.
«О шах! — обратился верховный мобед.—
Ты, мудрый, хранишь благочестья завет.
Со львами кто в бой тебя гонит идти!
Сверх царства что можешь в борьбе обрести!
Себя ради царства в беду не ввергай,
Напрасной погибели не обрекай.
Сам в битву ты рвешься, нет нашей вины,
И так уж сердца тебе все отданы!»
Бехрам отвечает: «Учитель благой,
Ни в чем неповинен ни ты, ни другой.
Сих яростных львов сокрушить я рожден,
Могучих и грозных разить я рожден!»
Промолвил мобед: «У Йездана оплот,
Решился — покайся в грехах наперед».
По слову тому поступил Бехрам-шах,
Он душу омыл, повинившись в грехах.
В прозрачные струи потока вошел,
Омылся и место молитвы нашел.
Повергся, ко праху припавши лицом,
Моленья вознес перед правым Творцом.
Так молвил: «Пречистый, взываю к тебе!
Ты смертным даруешь победы в борьбе.
Коль правда раба твоего привела,
Коль жаждет державу очистить от зла,
Душе моей стойкою стать помоги,
Победу над львами стяжать помоги!»
И вот уже мудрый владыка Бехрам
Отважно направился к лютым зверям.
Когда быкоглавой его булавы
Увидели взмах разъяренные львы,

Один свою цепь разорвал в тот же миг,
Огромным прыжком властелина достиг.
Ударил Бехрам-богатырь булавой,
Взор хищника тотчас окутался тьмой.
Рванулся к другому — и этот сражен,
И этот кровавой струей обагрен.
Воссел шахиншах на престоле своем,
Украсил чело светозарным венцом.
Главу перед ним преклоняет Хосров,
«О доблестный царь! — восклицает Хосров,—
На этом престоле счастливо цари,
Да чтут венценосного богатыри!
Ты царь наш, отрадно служенье тебе,
Отрадно нести возвышенье тебе!
К Йездану прибегнем, Йездану вести,
Он путь указует заблудшим в пути».
Алмазами стали царя осыпать *,
Венец обновившийся благословлять.
Шум празднества в царстве поднялся до сфер,
Тогда день Соруша был, месяц Азер...
Нагрянувшей тучею месяц сокрыт,
Из тучи той темной снег валом валит.
Ни степи, ни гор, ни реки — всюду мгла,
Вороньего в небе не вижу крыла.
Уж нет солонины, нет дров, ячменя,
До жатвы надежда ушла от меня.
При этом ненастье гнет подати злой,—
Под снегом земля, словно шар костяной.
Сказал бы, все вниз покатилося вдруг,
И разве что руку протянет мне друг...
Поведаю сказ удивительный я,
Чудесней такого представить нельзя.

[ЦАРСТВОВАНИЕ БЕХРАМ-ГУРА
ДЛИЛОСЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ТРИ ГОДА]

Воссел Бехрам-Гур на сияющий трон,
Сказал бы ты, солнцем он благословлен!
С молитвой к создателю мира прибег,
Чье око все видит, не дремлет вовек,—
К властителю силы и славных побед,
Властителю счастья людского и бед.
Так молвил собранью: «Я этот престол
По воле творца наших судеб обрел.
С надеждою страх в моем сердце живет,
Хвалу возношу за обилье щедрот.
И вы на него уповайте всегда,
В заветах его пребывайте всегда».

Ирана мужи отвечают ему:
«Готовы владыке служить своему!
Пребудь возвеличен державной судьбой,
Отвага и счастье да будут с тобой!»
И благословив венценосного, знать
Алмазами стала престол осыпать.
«О витязи, многое в жизни своей
Видавшие! — молвит владыка царей,—
Мы только рабы, а над нами Изед,
И нам поклоняться другому не след.
Я вас от злосчастия оберегу,
Идти на поклон не заставлю к врагу».
Так молвил владыка, и встали они,
Ему славословья воздали они.
Всю ночь не смолкали беседы мужей.
Лишь мир озарился сияньем лучей,
Воссел повелитель. Иранцы пришли,
Допущены были к владыке земли,
«Достойные славы и счастья! — Бехрам
С престола сказал именитым мужам,—
Творцу предадимся и радость пожнем,
Отринем гордыню, тщету отметем».
Для славных затем выкликали коней —
Украсили двор властелина царей!
В день третий сказал он, воссевши на трон:
«Наш долг — прославлять поклоненья закон,
Свидетельствуя о Йездане, душой
Искать приближения к воле благой.
Рай будет, ад будет, день страшный суда,
Не скроются наши деянья тогда.
Не мудр, кто в день судный не верует, знай,
И благочестивым его не считай».
В четвертый, воссев на престоле своем,
Украсив главу благодатным венцом,
Так молвил: «Богатствам не радуюсь я,
Людьми дорожу, в людях радость моя.
Не может прельстить меня бренный чертог,
И дух не терзает мне смертный порог.
Там — вечность, а здесь — преходящие дни.
Корысти хранись и печали гони!»
В день пятый: «Страданьям не рад я ничьим,
Сколь можно, чинить их не стану другим.
Умножим усилья, чтоб рай обрести.
Блажен, кто добро только сеял в пути!»
«Того да не будет,— в шестой произнес,—
Чтоб я пораженье подвластным принес!
Как должно мы войско свое укрепим,

Тогда замышляющих зло устрашим».
«О знатные,— царь возглашает в седьмой,—
Мужи, умудренные жизнью самой!
Сумеем жестокому жесткость явить,
Тем с мудрыми в единодушии быть.
Кто мне пожелает вредить, для того
Я буду суровей отца моего.
А чтущего повиновенья обет
В заботах, в нужде оставлять нам не след».
В восьмой венценосец, как только воссел,
К себе Джевануя призвать повелел.
Сказал: «Напиши родовитым мужам *
И каждого края высоким вождям
Послания — милости, правды слова:
Отныне, мол, царства счастливый глава —
Бехрам. Справедливый, источник щедрот,
Он с кривдой, злодейством в ладу не живет.
Ему благодать и величье даны,
Уста славословий Йездану полны.
Явившего повиновенье приму,
Прощу и вину, коли можно, ему.
На троне отца правосудье творить
Я стану, под стать Тахмуресу царить.
Всегда справедливостью только ведом,
И с тем, кто повинен в деянье худом,
Я милостью предков своих превзойду,
Стезей благочестия вас поведу.
Приверженец веры Зердошта, с пути
Тех праведных предков не мыслю сойти.
Мы веру Зердошта в стране утвердим,
Ту истину, что возвестил Ибрагим.
Всему достоянью властители вы,
Щит родины, веры хранители вы,
Властители жен и потомства к тому ж.
Блажен прозорливый и праведный муж!
Мы злато не станем без меры стяжать,
Стяжая казну, бедняков притеснять.
Коль век мой продлит милосердный Изед,
Меня оградит от враждебных планет,
Прочтете вы новый отрадный указ,
Возвысит навек, осчастливит он нас.
Владыкам привет посылаю благой
И тем особливо, кто кроток душой».
К посланьям царя приложили печать,
Достойных послов поспешили избрать.
И вот уж во все поскакали концы
Те мудрые, чистые сердцем гонцы.

[*Бехрам прощается с Монзиром и Номаном, прощает недоимки иранцам*]

Наутро, лишь только диск солнечный встал,
И горы очистил, и сон разогнал,
Иранцы, что прежде владыке царей
Немало враждой досаждали своей,
К Монзиру пришли, сокрушенно винясь:
Проси, мол, царя, да помилует нас!
От зла, что повсюду чинил Йездгерд-шах,
Кровь, скажешь ты, стыла у знатных в сердцах —
От низостей всех, оскорблений его,
Жестокостей и притеснений его.
К Бехраму сердца охладели не зря —
Жила в нас обида на злого царя...
И тотчас Монзир во дворец поспешил
И сердце владыки речами смягчил.
Простил им вину, хоть немалой была,
Ведь в царской душе справедливость жила.
Дворец повелели украсить, убрать,
На пир созывают высокую знать.
Палаты просторные отведены,
Мужи по достоинству размещены.
Нет счета обильно накрытым столам,
Льют вина рекою, внимают певцам.
Назавтра гостей созывает других,
Владыка без устали потчует их.
Три дня пировал миродержец, далек
От всякой печали, от всяких тревог.
Услышали все, чем обязан Бехрам
Монзиру, Номану,— двум славным мужам.
Про жизнь их в степи, боевые дела
Поведал. И грянула дружно хвала.
Сокровищниц двери владыка раскрыл,
Парчою и златом дворец озарил.
Немало кольчуг, благовоний, камней,
С уздой драгоценной ретивых коней
Монзир, с ним и храбрый Номан получил,
По счету дары Джевануй им вручил.
Властитель был в щедрости непревзойден,
Не ведал в усердии равного он.
И воинов также арабских домой,
Счастливых, отправил владыка благой.
Блистательный дар — быстроногих коней,
Богатый убор пехлевийских царей
Хосрову пожаловал. Обнял его,
Близ славного трона сажал своего.

Потом от Хосрова к Нерси перешел,—
От царского трона к корси перешел *
Брат шаха, с ним сердцем и словом к тому ж
Единый; моложе годами сей муж.
Ему пехлевана верховного сан,
Чтоб край процветал, повелителем дан.
Все войско он в руки Нерси передал,
Державу щедротами завоевал.
Казну родовую свою отворил,
Динарами войско ублаготворил.
По воле владыки, принесшего мир,
Явился Гошесп, умудренный дебир,
И с ним Джевануй прозорливый идет,
В чьем веденье царского золота счет.
Что каждый иранец казне задолжал,
Простить милосердный Бехрам приказал.
Благие дебиры в Диван собрались *,
Где ждал их для счета Кейван, собрались.
В ту пору мудрейшим ученым он слыл,
Весь счет по державе в руках его был.
И вот недоимки, что в ней набрались,
Дебиры усердно считать принялись.
Сочли девяносто три раза подряд:
На тысячи тысяч дирхемов лежат
Счета. Все владыка простить повелел,
Айван со счетами спалить повелел.
И счастлив, услышав об этом, народ,
И каждый владыке хвалу воздает.
Во храмы Огня устремились везде,
Туда, где справляли Навруз и Седе.
И мускус курится на вечных кострах,
И всюду прославлен молвой Бехрам-шах.
Потом искушенные шаха гонцы
Во все поскакали державы концы.
Собрать им приказано в граде одном
Всех, изгнанных прежде Йездгердом-царем,
Чтоб каждого в царскую книгу вписать,
Чтоб всех родовитых к престолу призвать.
Вот каждому знатному дар подоспел:
Динаров мешок и земельный удел.
И каждый из витязей и мудрецов,
Как только Бехрама услышали зов,
К нему во дворец устремился тотчас,
Лицом просияв и душой возродясь.
Обиженных, кто правосудья искал,
Мобеду верховному препоручал.
Когда укрепился он в царстве своем,

Глашатай воззвал перед царским дворцом:
«О честный, приверженный шаху народ!
Чуждайся греха и не ведай забот.
Хвалу воздавай неустанно Тому,
Кто шлет благоденствие миру всему.
К Творцу одному прибегайте всегда,
Он — щит и опора нам, знайте всегда.
Всем, верно хранящим со мною союз,
Являющим повиновенье, клянусь
Провинности прежние не поминать
И царскую щедрость для них умножать.
Но тем, кто собьется с благого пути,
От кары моей никуда не уйти.
Коль будет угодно Творцу осенить
Мой трон благодатью и благословить
Правленье мое — вам немало добра
Содею. Придет славословий пора».
Услышав слова властелина земли,
Иранцы от счастья душой расцвели.
Когда укрепился Бехрамов престол,
Минули печали, день счастья пришел.
Охотой, пирами, човганом с мечом
Он тешил себя, не тужил ни о чем.

[*Сказ о Бехрам-Гуре и Лонбеке-водоносе*]

Однажды среди приближенных бойцов
Владыка на львиный отправился лов.
Приблизился с посохом некий старик:
«О чтущий Йездана владыка владык! —
Сказал он.— Двух знаю в сем граде мужей:
Один неимущий, другой — богатей.
Богач — иудей Абрахам, из таких,
Кто низок душой, полон замыслов злых.
Лонбек-водонос прославляем молвой
За честность, радушие, нрав золотой».
«Что это за люди,— у знатных спросил
Владыка,— о коих старик говорил?»
Муж праведный некий промолвил в ответ:
«Владыка, чьей славою полнится свет!
Что гостеприимен Лонбек-водонос
И добр — это слышать и мне довелось.
До полдня торгует водою своей,
Другие полдня зазывает гостей
И, завтрашним не озабоченный днем,
Ни крохи не прячет он в доме своем.
Но скуп и жесток Абрахам-иудей,
И это не тайна для здешних людей.

А злата немало у старого есть,
Ковров и парчи драгоценной не счесть».
Призвал тут глашатая царь и велит,—
Мол, пусть на базаре призыв прозвучит:
«Кто нынче воды у Лонбека возьмет,
Поплатится, горькой воды изопьет!»
Лишь пала на солнечный лик желтизна,
Бехрам своего оседлал скакуна
И к дому Лонбека помчался верхом,
Зовет водоноса, в дверь стукнов кольцом.
Сказал он: «Из войска иранского я,
Стемнело, мне путь продолжать уж нельзя.
Не дашь ли приюта мне на ночь? Яви
Обычай людской доброты и любви!»
Охотно откликнулся дома глава,
Люб голос ему и по сердцу слова.
Промолвил: «О витязь, войти поспеши,
Да будешь отрадой для царской души!
Привел бы ты спутников десять с собой,
Верь, каждый мне стал бы высокой луной».
Царь спешился. К гостю почтенье храня,
Взял тут же хозяин поводья коня
И весело, быстро его расседлал,
Усердно обтер, а затем привязал.
Когда же воссел Бехрам-шах, водонос
Красивые шахматы мигом принес.
Для трапезы все приготовлено им,
Вносилось, как должно, одно за другим.
«О муж благородный,— сказал он,— воссесть
За ужин со мной не окажешь ли честь?»
Покончено с трапезой. Тотчас вино
Счастливым хозяином принесено.
Дивится тому угощенью Бехрам
И доброй улыбке, и теплым речам.
Наутро глаза венценосец открыл,
Хозяина голос его пробудил.
Внимает Бехрам водоносу тому:
«Вчера, знать, досталось коню твоему!
Хоть на день ты в доме останься моем,
Захочешь — к застолью друзей призовем.
Я рад угодить тебе всею душой,
Пребудь, разделяя день счастья со мной!»
Сказал властелин водоносу в ответ:
«Что ж, дел неотложных, как помнится, нет».
К базару понес бурдюки водонос,
Да только на воду купцов не нашлось.
Лонбек огорчился. Но тут же стащил

Рубаху к продаже. Сам плечи покрыл
Дерюгой, что стлал под своим бурдюком.
И кешка и мяса купивши потом *,
Домой возвратился, поставил варить.
Все помыслы: гостя ублаготворить.
Сварилось. Покончили с пищей. Опять
Для пиршества чаши спешат подавать.
Владыка за чашей сидел допоздна,
А с ним и Лонбек, почитатель вина.
Ночь утром сменилась. К Бехраму спешит
Лонбек и такие слова говорит:
«Лишь в радости ночи и дни пребывай,
Страданий, тревоги, печали не знай!
Сегодня б еще у меня погостил —
Сказал бы, мне жизнь и казну подарил!»
«Мне с третьего пира уйти твоего? —
Воскликнул Бехрам.— Да не будет того!»
Хвалой водонос отвечает ему:
«Будь счастлив, не меркнуть уму твоему!»
Отнес бурдюки и другое, что мог,
Торговцу богатому отдал в залог.
Купил, что задумал, домой прибежал,
Веселый, представ пред Бехрамом, сказал:
«Со мной тебе яств не вкусить почему ж?
Не в яствах ли здравие черпает муж?»
Из рук его мясо взял тотчас Бехрам,
Разрезал и яства настряпал он сам.
Насытились, налили в чаши вина,
Властителю первая посвящена.
Пир кончен, и ложе Лонбек постелил,
И на ночь для гостя свечу засветил.
Настал уж четвертого утра восход,
От сна Бехрам-Гур пробудился, и вот
Лонбек его просит: «О муж из мужей!
Хоть в темной и тесной лачуге моей
Тебе неспокойно,— ко мне снизойди,
Коль царской немилости нет впереди.
Еще две недели в жилище моем
Побудь, коли по сердцу бедный мой дом».
Приветливо молвит владыка в ответ:
«Тебе я и долгих и радостных лет
Желаю. Мы здесь пировали три дня,
Владык величали, обычай храня.
Там буду я, знай, о тебе говорить,
Где радостью смогут твой век озарить.
И нравом радушным своим наконец
Добудешь себе и престол и венец».

Коня оседлал он с веселой душой
И к месту охоты помчался стрелой.
День отдал охоте, а ночью один
В долину спустился опять властелин.

[*Сказ о Бехрам-Гуре*
и об иудее Абрахаме]

И вот уже мчится владыка царей
Туда, где живет Абрахам-иудей.
В дверь дома стучится он, так говоря:
«Я после охоты отстал от царя.
Уж ночь наступает, не знаю пути,
Царя мне с бойцами теперь не найти.
Коль на ночь пристанище дашь мне в дому,
Не будет вреда от того никому».
Слова, что ему именитый сказал,
Слуга Абрахаму тотчас передал.
«Обидным пускай не сочтет мой ответ,—
Тот молвит,— приюта здесь воину нет».
Выходит привратник, и слышит Бехрам,
Что в просьбе ему отказал Абрахам,
«Скажи господину,— Бехрам возразил,—
Что путь продолжать не имею я сил.
Лишь на ночь меня приюти, мол, затем
Тебя уж тревожить не стану ничем».
И снова слуга к Абрахаму спешит.
«Видать, этот всадник,— ему говорит,—
Не мыслит покинуть сей ночью твой дом,
Одно лишь заладил, стоит на своем».
Но слышит: «Поди, растолкуй поясней,
Что тесно в лачуге убогой моей.
Здесь нищий еврей, мол, ютится, томим
Он голодом, нет и циновки под ним».
«Что ж,— молвит на это Бехрам,— коли ты
Не можешь впустить по вине тесноты,
Дозволь у порога мне заночевать,
Не стану я больше тебе докучать».
Тут, выйдя, сказал Абрахам: «Эй, боец,
Меня извести пожелал ты вконец!
Коль глаз не сомкнешь, иль ограбят — беда,
С тобой не разделаюсь вовсе тогда!
Входи, коли мир тебе тесен, в мой дом,
Свет клином, как видно, сошелся на нем!
Мне слово лишь дай ничего не просить,
Себе я и саван не смог прикопить!
Притом, коли будет мой двор загрязнен,
Единый хотя бы кирпич поврежден,

Ты в поле навоз унесешь со двора
И выметешь двор мой получше с утра.
И мне за кирпич обожженный тогда ж
Что следует без промедленья отдашь».
«Исполню,— сказал,— обещаюсь тебе,
Своей головою ручаюсь тебе».
Царь, спешась, коня за узду привязал,
Меч вынул, себе подседельник постлал,
Готова постель. Голова на седле,
А ноги Бехрама на голой земле.
Ворота замкнуть иудей поспешил
И скатерть с едою обильной раскрыл.
«Эй, витязь,— Бехраму сказал он потом,—
Послушай и вспомни о слове моем:
Кто яства имеет — пируя, сидит,
А кто не имеет — сидит да глядит».
«О да! — Абрахаму ответствует царь,—
И я эту присказку слыхивал встарь.
Но то, что лишь слышать досель довелось,
Увидеть воочию нынче пришлось!»
Насытясь, взялся иудей за вино,
Воскликнул, когда взвеселило оно:
«Эй, воин, усталый, послушай теперь
Старинную притчу, коль хочешь — поверь:
Светло на душе у того, кто богат,
Его, словно панцирь, дирхемы хранят.
А бедный — тот голодом ночью томим,
Уста его сохнут, подобно твоим».
«Не видывал впрямь я диковин таких,—
Бехрам отвечает,— запомню я их!
Коль чаша сия не сулит тебе зла,
Что ж, пьющему благо и чаше хвала!»
Вот меч золотой над горами сверкнул,
Дремоту Бехрам торопливо стряхнул.
И жестким своим изголовьем Бехрам
Седлает коня некормленого сам.
«Эй, витязь,— старик приступает к нему,—
Ты слову неверен, гляжу, своему!
Двор после коня ты сулил подмести,
Навоз, им оставленный, в поле снести.
Сдержи свое слово, берись за метлу,
Гостей не терплю я, приверженных злу!»
«Пришли мне работника,— молвит Бехрам,—
Двор пусть он очистит, я золото дам».
Ответил: «Работников нет у меня
Для службы такой. Обещанье храня,
Мети, а не то распущу я молву,

Неправедным всюду тебя назову!»
Царь выслушал корыстолюбца того,
И новая мысль осенила его.
Из-за голенища владыка извлек
Пропитанный амброй богатый платок.
Навоз в тот платок Бехрам-Гур завернул.
Когда же его за ворота швырнул,
Бегом устремился к платку Абрахам.
Глядит на него и дивится Бехрам.
Сказал: «О твоем благородстве коль весть
До шаха дойдет,— по достоинству честь
Воздаст он, осыплет дарами тебя,
Возвысит над всеми мужами тебя!»

[*Бехрам дарит богатства Абрахама Лонбеку*]

В чертог свой вернулся владыка благой,
До света обдумывал замысел свой.
Смеялся порой неизвестно чему,
Но мыслей своих не открыл никому.
Наутро воссел он в сиянье венца,
Раскрыты для витязей двери дворца.
По воле владыки Лонбек приведен,
Склонился с руками скрещенными он.
Бегом во дворец притащили купца,
Презренного, полного злобы скупца.
Лишь были рассажены все по местам,
Избрал бескорыстного мужа Бехрам
И молвит: «Я честности верю твоей,
Возьми, сколько надобно, вьючных коней
И в дом Абрахама отправься. Сберешь
Богатства его и сюда привезешь».
Вот праведный в доме еврея того,
И что же представилось взору его?
Динары, одежды для всякой поры,
Сосуды, парча, дорогие ковры.
При доме купца караванам приют.
Ни пяди свободной не сыщется тут —
Алмазы и жемчуг в больших сундуках,
Со златом мешки и венцы на мешках.
Легко ли такое пришедшему счесть!
Велит десять сотен верблюдов привесть
Чехремских. Добро погрузив, наконец,
Ведет караваны к царю во дворец.
И вот колокольцы звенят у дверей,
Внимает мобеду владыка царей:
«Не столько алмазов и в царской казне!

Еще там осталось нош двести, по мне».
Придя в изумленье от вести такой,
Владыка об алчности мыслит людской:
Копил иудей, выбивался из сил —
Все втуне, коль жребий иное судил!
Дирхемов нош сотню верблюжьих, ковры,
Одежды еще и другие дары
Вручил мародержец Лонбеку, и тот
Домой, осчастливлен, богатства везет.
А царь, подозвав Абрахама, сказал:
«О ты, что и праха ничтожнее стал!
Твердишь о пророке древнейшем твоем,
А сам прибеднялся, корыстью ведом.
Знай, видел я витязя — присказку он
Напомнил, известную с давних времен:
Дано лишь имущему всласть пировать,
Удел неимущего — чахнуть, страдать...
Ты руки отныне от яств отведи,
Как станет вкушать водонос, погляди!»
Он все — и кирпич, и навоз, и платок
Припомнил скупцу, нечестивцу в упрек.
Четыре дирхема презренному дал,
«Вот ныне твое достоянье! — сказал,—
Не стоишь ты больше — вот правды слова.
Добро — беднякам, а тебе — голова».
И златом скупца одарил он людей
Достойных. Ушел, завонив, иудей.
Весь дом чужака разорен до конца.
Такого злосчастный дождался венца!

[*Сказ о Бехрам-Гуре и Мехр-Бендаде*]

Припомнил гепардов своих, посему
На ловлю тотчас захотелось ему.
Вскочил на коня быстроногого шах
И в степь устремляется, сокол в руках.
Тенистую рощу в пути увидал,
Счастливых пристанище — так бы сказал.
И в роще что рай зеленеющей сей
Не видит нигде ни людей, ни зверей.
Так молвил: «Здесь, верно, урочище львов,
Подобное место — для славных бойцов».
Бехрам, объезжая той рощи предел,
Внимательным взором повсюду глядел,
И встретился доблестный вскоре со львом,
Увидел спасение в споре со львом.
Охотник искусный, исполненный сил,
Свой лук оснастил, ярый клич испустил,

И с сердцем пронзенным пал замертво лев.
Тут львица свирепая, сердцем вскипев,
Исторгла рычанье, рванулась тотчас,
Еще только б миг — и когтями впилась.
Но всадника острым мечом пронзена,
Мгновенно ослабла и пала она.
Вдруг муж престарелый явился. Идет,
Бехраму с почтеньем хвалу воздает.
Победе булата Бехрамова рад
Безмерно, а звали его Мехр-Бендад.
Дехкан, почитатель Йездана он был,
В том месте отраднейшем издавна жил.
К владыке Ирана приблизился он,
Хвалу произнес, низкий отдал поклон.
«О доблестный! — молвит он,— слава тебе,
Да будешь угоден счастливой судьбе!
Один из дехкан я, о чистый душой!
Здесь домом владею, а также землей,
Имею быков и ослов, и овец.
Набегами львов я измучен вконец.
А ныне Создатель меня от зверей
Избавил мечом и рукою твоей.
Ты в царской сей роще воссядь, отдохни,
Вина, молока здесь и меда в тени
Вкуси. Пожелаешь — доставим ягнят,
Деревья плодами тебя одарят».
Покинув седло, оглянулся Бехрам —
Все в роще зеленой отрадно очам.
Шелко́вые травы, прозрачный ручей —
Достойный приют благородных мужей!
Дехкан удалился и вскоре привел
Мужей именитых, с певцами пришел.
Зарезано было овец без числа,
И чаша златая готова была.
Покончено с пищей. Как заведено,
Тут розы несут, шенбелид и вино.
Сам прежде испил, дал Бехраму потом,
За пиром ему угождая во всем.
И так Мехр-Бендад, взвеселясь, говорит:
«О витязь, рука твоя счастье дарит!
Знай, облик твой сходен с такою луной,
Что в полночь средь месяца зрим над собой».
«Что ж,— молвит владыка дехкану в ответ,—
Обличье дает нам всевластный Изед,
Такими, как хочет, в сей час сотворя,
Ни больше, ни меньше достоинств даря.
Коль вправду я сходен с владыкой царей,

И рощею сей и землею владей!»
Так молвил, тотчас скакуна оседлал,
Веселый, хмельной во дворец ускакал.
В веселии, знатью своей окружен,
Затеями разными тешился он.

[*Сказ о Бехрам-Гуре и Кебруе и запрещении вина*]

Воссел и вина пожелал он тотчас,
Веселая знать войсковая сошлась.
В то утро старейшина некий селян
Владыке с плодами привел караван.
Айву на верблюдах и яблоки вез,
Гранаты, пуки шахиншахские роз.
Владыка, увидев его, обласкал,
Меж витязей место ему указал:
Мол, с нами, плоды нам привезший. пируй!..
А звался он на пехлевийском — Кебруй.
Хмельной лицезреньем царя своего
И витязей знатных, и пира всего,
Увидел наполненной чашу вина —
И сердце его распалила она.
В честь шаха он поднял хрустальную тут:
«Я,— молвил он,— бражник, Кебруем зовут.
Пред ликом венчанного чашу с вином
Я пью, чтобы снова наполнить потом».
Так молвил и вот уж семь раз осушил.
Вина почитателей всех низложил...
Спросив дозволения, вышел — узнать,
Как тело сумеет с вином совладать.
Из города выехал, счастьем искрясь.
Когда же вся грудь от вина разожглась,
Поводья пустил и, мужей обогнав,
К горам по равнине умчался стремглав.
И вскоре в укромное место свернул,
Тенистое дерево выбрав, уснул.
Вран черный был телом его привлечен,
Глаза ему, спящему, выклевал он.
Когда же мужи прискакали толпой,
Его уже мертвым нашли под горой.
Вран черный лежащего очи склевал,
Скакун нерасседланный рядом стоял.
Подвластные тут зарыдали о нем,
Кляня это пиршество, чашу с вином.
Вот ложе свое покидает Бехрам,
Словам доброхота внимает Бехрам:
Кебруевы светлые очи, о шах,

Мол, выклевал пьяному ворон в горах.
Владыка державы лицом пожелтел,
Услышав про скорбный Кебруев удел.
Призыв прозвучал перед царским дворцом:
«Мужи благородные с ясным умом!
И витязям, и горожанам равно
Отныне в державе запретно вино».

[Сказ о мальчике-башмачнике и льве и разрешение Бехрам-Гуром вина]

Так минул в державе Бехрамовой год.
Запретным вино почитал весь народ...
И сам шахиншах, коль меджлис собирал *,
Лишь древними книгами дух услаждал.
Был юный башмачник; досталась жена
Ему о ту пору — с достатком, умна.
Но эта работа ему не далась,
И мать, незадачей такой огорчась,
Припрятанный прежде кувшин извлекла
И сына младого к себе позвала.
Сказала: «Семь чаш этих выпей, сынок,
Чтоб радостным стать и уверенным смог.
И нынче, быть может, сломаешь печать.
Мотыгою войлочной можно ль копать?»
Чаш семь или восемь хватил он всего,
Окрепли и сердце и ноги его.
Стал юноша мужем отважным теперь.
Направился к дому и высадил дверь.
Вернулся он к матери, радостен лик
И радостно сердце — он цели достиг.
Случилось, что лев властелина держав
На улицу выбежал, цепи порвав.
Был пьян еще юноша тот, посему
И море, скажи, по колено ему.
Он прыгнул, рычащего льва оседлал
И крепко свирепого за уши взял.
А лев этим часом был сытым, и вот —
Сидит простолюдин, лев грозный везет.
Примчался хранитель зверей впопыхах
С железною цепью, арканом в руках.
И видит — башмачник на львиной спине
Как будто верхом на ослиной спине.
К дворцу устремился он вихря быстрей
И смело предстал пред владыкой царей.
Поведал про чудо, увидевший сам
Неслыханный случай, представший глазам.
Владыку владык изумляет рассказ,

Мобеда, вождей призывает тотчас.
И молвит мобеду: «Откуда свой род,
Узнайте мне, этот башмачник ведет.
Не диво, коль он пехлеван по отцу,
Отвага сия пехлевану к лицу».
Людей расспросили и мать обо всем:
Мол, к доблести нету ли знатности в нем?
Мать видит, что длинный у дела конец,
Открыться владыке спешит во дворец.
Хвалу воздает властелину царей:
Мол, радостен будь до скончания дней!
Столь юным, как следует, не возмужал,
Жену себе выбрал, хозяином стал.
До дела дошло — не управился он.
Природой, казалось жене, обделен.
Три чаши ему налила я тайком,
Никто в целом мире не ведал о том.
Лицо словно лал запылало, а с ним
И войлок встряхнулся и стал костяным.
Отец был башмачник, башмачником дед,
В роду благородней башмачника — нет.
Вся знатность его — эти чаши с вином,
Кто знал, что владыка услышит о нем!..
Царя насмешила старухина речь,
Подумал: подобным нельзя пренебречь.
И молвит мобеду: «Дозволено всем
Отныне вино. Отличайте меж тем
Так пьющих, чтоб, если уж сели на льва,
Цела оставалась бы их голова».
И вот уж глашатая клики звучат:
«О витязи златопоясные! Снят
Запрет с винопитья. Вкушайте вино,
Но с силами соразмеряйте вино.
Когда захмелеете — надобно лечь,
Дабы от несчастья себя уберечь».

[*Бехрам разрушает селение и вновь возрождает его*]

С зарею Бехрам устремился опять
На ловлю, с венчанным окольная знать.
По правую руку Хормоз-кедхода,
А слева мобед, верный правде всегда.
Царю своему повествуют они
Про Джемовы, про Феридуновы дни.
Гепарды и псы, сокола при мужах,
Все утро скакал по степи шахиншах.
Уж солнце в зенит поднялось, между тем

Онагров и ланей не видно совсем.
Владыку полуденный зной утомил,
В досаде охоту оставить решил.
Достигли села многолюдного. Там
Повсюду сады, нету счета стадам.
И вот уж селяне к дороге спешат,
Толпятся, на войско Бехрама глядят.
Усталый, сердитый, правитель желал
С бойцами в селении стать на привал.
Не слышит приветствий владыка земли,
Сказал бы, ослы эти в землю вросли.
Подобною встречей разгневан Бехрам —
Угодны ли дерзкие царским очам?
Так молвил мобеду во гневе своем:
«Злосчастное место! Ему поделом
Убежищем стать для свирепых зверей,
Смоле бы наполнить их светлый ручей!»
Внял мудрый веленью царя своего,
Направился к людям селенья того.
Сказал им: «Цветущие ваши места,
Где столько садов и людей, и скота,
По нраву владыке пришлись моему,
Отрадой наполнили сердце ему.
Всем знатность дарует, чтоб ваше село
В державе умножило градов число.
И дети и жены отныне знатны,
Покорность являть никому не должны.
Владелец земли со своим батраком
Отныне равны меж собою во всем.
И дети, и муж, и жена — господа,
В селении каждый теперь кедхода».
Крик радости грянул в богатом селе:
Мол, стали негаданно знатными все!
В совете мужей слышен голос жены,
Наемник, слуга и хозяин — равны.
Младые мужи до бесстыдства дошли
И головы с плеч именитым снесли.
И вспыхнула распря затем среди них,
И кровь полилась на тропинках глухих.
Сказал бы ты, день обращается в ночь,
Народ из селения кинулся прочь.
Недужные старцы остались одни,
Мотыги и сохи исчезли в те дни.
Село в запустенье. Зачахли сады,
Нигде не услышишь журчанья воды,
В полях и жилищах — везде пустота,
Рассеялись люди, не видно скота.

Год минул, и снова Бехрам по весне
Собрался охотиться в той стороне.
Когда же цветущего края того
Достиг, не узнал повелитель его.
Сухие деревья, развалины сплошь,
Нигде ни людей, ни скота не найдешь.
По лику царя желтизна разлилась.
Печалью объятый, Йездана страшась,
Сказал он мобеду: «О славный Рузбех!
Разрушить селенье подобное — грех.
Немедля с казною на помощь приди,
Селенье из праха невзгод возроди».
С Бехрамом тотчас распростился мобед,
В обитель раззора пустился мобед.
Из улицы в улицу ездил, пока
Сидящего скорбно нашел старика.
Тут спешился он, старика обласкал
И место вблизи от себя указал.
Так молвил: «Почтенный, поведай о том,
Что сталось с твоим процветавшим селом?»
И слышит: «В один из злосчастнейших дней
Наш царь проезжал тут со знатью своей.
Пришел от него неразумный мобед,
Из тех, в чьей душе света благости нет.
Отныне все люди селенья сего
Знатны, не считайте главой никого,—
Сказал он: мол, каждый из вас кедхода,
Все жены теперь, все мужи — господа.
И быстро наполнилось смутой село,
Резня, грабежи — лихолетье пришло.
Да будет защиты Йездана лишен,
Невзгодам конца да не ведает он!
Вся жизнь, видно, к гибели мчится сейчас,
Поистине, впору оплакивать нас!»
Рузбеха от слов этих боль обожгла,
«Из вас,— вопросил он,— кто старший села?»
«Какой,— отвечает он,— староста там.
Где нету плодов, где житье сорнякам!»
«Ты,— молвит Рузбех,— ныне старостой будь,
Во всяких делах указующим путь.
Динары попросишь, семян и быков,
Съестное — все дать повелитель готов.
Людей поспеши для работы собрать,
Им — быть в подчиненье, тебе — возглавлять.
Мобеда же старого не проклинай,
Он шел не своею охотою, знай!
Нужда коль в помощниках будет каких,—

Немедля пришлю из дворцовых своих».
Воспрянул почтенный, ту выслушав речь,
И бремя злосчастия сброшено с плеч.
К жилищам направился тотчас, людей
Решил к водоему собрать поскорей.
За дело принялся, поля обошел,
Повсюду работу как должно повел.
Быков от соседей, ослов привели,
Чтоб снова украсить просторы земли.
Усталости будто не знали они,
Повсюду сады возрождали они.
Вот первый предел обработан. Глядят
Селяне, и радостью каждый объят.
А тот, кто бежал из селенья сего,
Лил жгучие слезы вдали от него,
Узнав, что воскресло село, что оно
Усердным старейшиной возрождено,
Вернулся домой. Возвратились тогда
В село чистота и в каналы — вода.
Овец и коров умножалось число,
И птица опять наводнила село.
Повсюду сажают деревья, и край
Все краше, богаче, цветет, словно рай.
В три года разумный селу возвратил
Довольство, обильную жатву взрастил.
Настала пора благодатной весны,
Вновь мчится на ловлю владыка страны.
С Рузбехом, как прежде, с мобедом своим,
И снова селенье открылось пред ним.
Округу цветущую видит Бехрам,
На пастбищах тучных приволье коням.
Строенья высокие выросли здесь,
В селенье коров и баранов не счесть.
Сады и ручьи, всходов радует вид,
По степи рассыпаны мак, шенбелид.
По склонам отары овец и ягнят,—
Сказал бы ты, рая чарующий сад!
Спросил: «О Рузбех, как ты сделать сумел,
Чтоб край процветающий вдруг захирел?
Что к бегству людей и скота привело?
И как возвратил процветанье в село?»
«От слова единого,— молвит мобед,—
Тот жалкий пустырь появился на свет.
От мысли одной процветает сейчас,
Владыку владык услаждает сейчас.
Мне царь повелел этот сад разорить,
Со всеми богатствами в пыль обратить.

Но я устрашился Йездана тогда,
Суда именитых, подвластных суда.
Я вспомнил: два помысла в сердце войдут,
На верную гибель его обрекут.
Вот также, коль город во власти двоих,
Недолго пребудут владения их.
Пошел я в селенье, сказал старикам:
Нет, люди, отныне хозяина вам!
И жены и дети — хозяева впредь,
Слуге и нахлебнику долей владеть...
Как только подвластные власть обрели,
Все знатные горькую часть обрели.
Так словом село разорилось одним,
Я чист перед божьим судом и людским.
Лишь гнев свой владыка на милость сменил,
Другую дорогу я людям открыл.
Поставил я старца над ними главой,
Разумною он наделен головой.
Усердием благоустроил село,
И в сердце подвластного счастье пришло.
Единый глава и благие дела —
Добро возросло и неправда ушла.
Так исподволь зло показал, а теперь
Открыл перед ними Изедову дверь.
Да, слово жемчужины царской ценней,
Лишь пользуйся вовремя силою сей.
Ум должен быть шахом, язык твой — бойцом,
Чтоб не было горечи в сердце твоем.
Владыки душа да пребудет светла,
Свободна вовек от неправды и зла!»
Бехрам отвечал ему: «Слава, Рузбех!
Престола достоин ты, право, Рузбех!»
Динаров тугим кошелем награжден
За предусмотрительность мудрую он.
И тому же пожалован царский халат,
Обласкан премудрый, прославлен стократ.

[*Сказ о Бехрам-Гуре и четырех сестрах*]

Неделя минула. Вновь мчится на лов
Владыка с мобедом, с дружиной бойцов.
И вот уже месяц в степях и горах
С мужами пирует, охотится шах.
Повсюду удачно охота идет,
Добыче, сказал бы, утратили счет.
Довольный, с бойцами отправился прочь.
В дороге застигла их темная ночь.
Мужи скакунов погоняют своих

И песни поют о владыках былых.
Внезапно огонь вдалеке заблистал
Такой, словно пах день Бехмена справлял.
Увидев селенье обширное там,
К селу скакуна направляет Бехрам.
Приблизился: мельница перед селом,
Селяне почтенные перед костром.
В сторонке за этим костром, невдали
Одни только девицы праздник вели.
Венки из цветов на девичьих кудрях,
Певицы рассажены — лютни в руках.
О славном Хосрове, о битвах былых
За песнею песня звучала у них.
И все луполики, их кудри темны
И благоуханны, а речи — красны.
От мельничных неподалеку ворот
Цепочкой тянулся подруг хоровод.
У всех по букету в руке, от вина,
От радости каждая полупьяна.
Одна из пирующих чашу взяла,
Во здравье Бехрама-царя подняла:
«Он солнцу подобен красою своей,
Величием и благодатью царей.
Лапиты, скажи, что вино разлилось,
И мускусом веет от царских волос.
Добыча его — только лев или гур *,
За то величают его Бехрам-Гур».
Слова эти слыша, туда напрямик
Коня направляет владыка владык.
Приблизился к девицам он, оглядел
От края до края веселый предел.
Увидел наполненный девами круг.
Из круга такого не вырваться вдруг!
Велит он доставить запасы с вином:
Да пьют, мол, вино перед царским лицом!
Вот кравчий хрустальную чашу несет,
С вином Бехрам-Гуру ее подает.
Тут девы, заметные в сонме других,
Выходят — всего было четверо их.
Одна Мушкеназ, рядом с ней — Мушкинек,
За той Назияб, позади — Сусенек.
Взялись они за руки, к шаху идут,
Высокие станом, что весны цветут.
Они славословят Бехрама, в стихах
Прославленный, мудрый воспет шахиншах.
От них уже сердцем пылает Бехрам,
И тех четырех вопрошает Бехрам:

«О девы, что ликами розам равны,
Вы кто? И зачем здесь огни зажжены?»
Одна отвечает: «О витязь, твой лик
Что солнце, и сам — как владыка владык!
Отец наш тут мельником с давней поры,
Охотится возле подножья горы.
Он скоро вернется, ночь стала темна,
И взор ему тьмой заслоняет она».
Тут мельник с друзьями своими как раз
С охоты домой воротился. Тотчас,
Увидев Бехрама, во прах перед ним
Повергся, объял его страх перед ним.
Царь чашу златую велит наливать,
С дороги пришедшему старцу подать.
И так говорит: «Солнцеликих своих
Что держишь? Не время ль замужеству их?»
Воздав славословье, тот молвит в ответ:
«Нет пары — и мужа у девушки нет.
Хоть в летах, но девы — и эта, и та,
В девичестве каждая также чиста.
Да нет у них злата и нет серебра,
И нет никакого иного добра».
Бехрам говорит ему: «Мне дочерей
Отдай и забудь о заботе своей».
Ответ раздается: «О витязь, поверь,
Не стоит стучаться в подобную дверь.
Нет платья у них и земли ни клочка,
Ни дома у них, ни осла, ни быка».
Так молвит Бехрам: «Что ж, и это по мне.
Достаток ищу я не в этой казне».
«Все,— слышит он,— жены отныне твои,
В твоем шебистане рабыни твои.
Изъяны, достоинства видел ты сам,
И сердцу пришлись твоему и очам».
Бехрам отвечает: «Мол, взял четверых,
От чистого взял воспитателя их».
Так молвив, поднялся владыка царей,
Округа наполнилась ржаньем коней.
Приказ Бехрам-Гура служителям дан
Красавиц доставить в царев шебистан.
С дружиною тотчас отправился прочь.
Той степью скакали всю темную ночь.
А мельник, меж тем, изумленьем сражен,
Покой потерял этой ночью и сон.
Жене говорит он: «Сей доблестный муж,
Красою что месяц, могучий к тому ж,
Как темною ночью в селенье попал?»

«Огонь,— отвечает жена,— увидал,
И девушек песня по сердцу пришлась.
Вино, музыкантов доставил тотчас».
А мельник жену вопрошает опять:
«Теперь же, как мыслишь, чего ожидать:
Хорошего или худого конца?»
И слышит: «Как видно, тут воля Творца,
Увидев, не стал вопрошать ни о чем,
И род и богатство ему нипочем.
Ища луноликую, мир обскакал,
Не злато, не дочери царской искал.
Коль случай с подобной шамана сведет —
Хваление чинским кумирам прервет».
Выходит уже из-за враньей спины
Блистающий светоч, всё речи слышны
Супругов; толкуют о тех, о других:
О неблагородных, о людях благих.
Наутро к ним староста первым из всех
Явился. И молвил: «О славный Рузбех,
Пришел к твоему изголовию свет,
Плоды обретает зеленая ветвь.
Увидел он празднество, яркость огня,
К селению тотчас направил коня.
Теперь твои дочери жены ему,
Блаженство вкушают в царевом дому.
Столь чистых душою взрастил дочерей —
Как знал, что растил для владыки царей!
Бехрам венценосный стал зятем твоим,
Повсюду отныне ты славен и чтим.
Владыка весь край этот вверил тебе,
Теперь о своей не печалься судьбе.
Отныне как подданных нас возглавляй.
Что — подданных! Всех нас рабами считай!
Владычить изволь, нам — подвластными быть,
Тебе станем верой и правдой служить».
От слов этих нет на супругах лица,
Смущенной душой призывают Творца.
Гость молвит: «Увидев красавиц таких,
С четвертого неба сошел бы жених».

[*Бехрам находит город Джемшида*]

Неделя минула, на ловлю опять
С владыкой мобед и окольная знать.
Один верноподанный,— посох при нем,—
Завидев дружину, примчался бегом.
Приветствовав, молвил почтенный старик:
Мол, где здесь Бехрам, повелитель владык?

«Что хочешь? — мобед вопрошает,— ответь,
Лица миродержца тебе не узреть».
Старик отвечает: «Пред ликом его
Пока не предстал, не скажу ничего».
Настойчивость, разум увидели — тут
Его к властелину державы ведут.
Почтенный, представ пред царем, произнес:
«Я тайное слово владыке принес».
Поводья гнедого Бехрам подобрал,
Отъехал, и тот венценосцу сказал:
«О царь-миродержец! Что сказано мной
Здесь будет, вниманьем своим удостой.
Я здешний дехкан, во владенье моем
Вся эта земля и посевы, и дом.
Я воду как раз отводил на поля,
Чтоб труд мой плодом увенчала земля.
На поле внезапно вода прорвалась,
И тут посредине земля раздалась.
Ушей моих шум непонятный достиг,
Невольно из уст моих вырвался крик.
Услышал я: сандж под водою звучит *,
О кладе, подумал я, звон говорит...»
Бехрам скакуна направляет туда
И видит: весь луг покрывает вода.
Тотчас повелел он гонцов разослать,
Побольше сюда землекопов собрать.
Спустился с коня повелитель царей,
Разбили шатер для него близ полей.
Вот ночь наступила, светильник зажгли
Воители, всюду костры развели.
Как солнца лучи над рекой вознеслись,
И стала зеркальной лиловая высь,
Сошлось землекопов такое число —
Сказал бы, огромное войско пришло.
Копать принимаются. Ямой сплошной
Зияет пространство равнины былой.
Когда изнемог от копанья весь люд,
Открылась громада пред взорами тут.
Сорудж так кирпич обожженный скреплял,
Красою небесной дворец изумлял.
Топор землекопом пускается в ход,
И вот в глубине открывается вход.
И первым туда проникает мобед,
Один из воителей входит вослед.
Пред ними просторный дворцовый чертог,
На несколько гязов взнесен потолок *.
Двух буйволов видят они золотых,

Из золота также кормушка у них.
Кормушка полна драгоценных камней,
Рубин, изумруд перемешаны в ней,
Как два упряжных; а в утробе большой
Немало гранатов и яблок с айвой,
И жемчугом чистым набиты плоды,
Жемчужина каждая с каплю воды.
Их каждое око рубином горит,
Являют их головы ветхости вид.
Вкруг — львы да онагры, у тех вместо глаз
Лучистый рубин и прозрачный топаз.
Фазаны, павлины златые сидят,
И грудь, и глаза в самоцветах горят.
К Бехраму оттуда мобед поспешил,
От счастья, скажи, до луны воспарил.
«За дело! — взывает к владыке страны,—
Пришла к тебе в руки казна из казны.
Открылся алмазами полный чертог —
Ключи от него небосвод приберег».
Венчанный сказал: «Сохраняет казна
Владетелей прежних своих имена.
Чье имя на этих богатствах? Взгляни.
В чье время накоплены были они?»
К чертогу мобед устремился опять,
На буйволе видит Джемшида печать.
Вернувшись, владыке земли говорит:
«На буйволе царское имя — Джемшид».
И слышит от шаха такие слова:
«О мудрый из мудрых, мобедов глава!
Зачем бы казну, что Джемшид собирал,
Я ныне своим достояньем назвал!
Добро, коль не правым добыто мечом,
Вовек да не будет царевым добром!
Достойным раздай все богатства как есть,
Не след подвергать унижению честь.
Коль ищем высокую славу одну,
Мечом, справедливостью скопим казну.
Не должно, чтоб витязи клад обрели,
Не тесны для храбрых просторы земли!
Сначала, обычаям царским под стать,
Сокровища надобно пересчитать.
Ты эти алмазы продай поскорей,
Вдов бедных, сирот, неимущих мужей,
Из тех, что гонимы своею судьбой,
Почет потеряли, довольство, покой,
Из градов больших и селений глухих
Сберите. Когда сосчитаете их,—

Всем щедрой рукою динары даря,
Порадуйте душу Джемшида-царя!
Покуда я молод, здоровьем богат,
На что мне Джемшидом накопленный клад!
Десятая доля — награда тому,
Кто смело пробился к царю своему.
Кто втайне, хотя бы на саван возьмет,
На радость надежду свою погребет.
На Чин и Туран двину войско — в борьбе
И славу и злато добуду себе.
Я, конь мой Шебдиз да звенящий булат * —
Ничто повернуть не заставит назад!»
К державной казне обратился потом,
Что потом своим собирал и трудом.
Бойцов отовсюду скликает Бехрам,
Их мздой годовой оделяет Бехрам.
И пир в Новбехаре для витязей дан,
Блистает алмазноузорный айван.
Вот в чаше хрустальной сверкает рубин.
Веселья исполнясь, благой властелин
Так молвит: «О витязи, каждый из вас
Слыхал о престоле великих ни раз.
С Хушенговых дней до Новзера времен,
Когда Феридуна был век возрожден,
И дальше, до дней Кей-Кобада, что был
Достоин венца, справедливо царил,
Смотрите, остался ли кто из владык,
И кто им хвалу по заслугам воздвиг!
Пронесся их дней предназначенный ряд,
И только преданья о них говорят:
Мол, этот велик был, ничтожен был тот,
Тех славит предание, этих клянет.
И все, как настанет черед наш, уйдем.
Ужели во зле свои дни проживем!
Зачем бы ушедших добром завладел,
В динарах искал бы счастливый удел!
Обителью бренною сей не пленюсь,
Венцом не кичусь, на богатство не льщусь.
Разумный, коль радости выдался день,
Отгонит заботы докучную тень.
Когда хоть один из подвластных людей,
Дехкан иль двора приближенных мужей,
Однажды застонет, обиженный мной,—
Да сгину с престолом, венцом и казной!»
Махьяр престарелый средь витязей был,
Лет сто шестьдесят уже с лишним прожил.
Он, речь повелителя выслушав, встал:

«О царь справедливый и мудрый! — сказал,-
О днях Феридуна, Джемшидовых днях
Мне ведомо, слышал о многих царях.
Такого не знали как ты меж царей,
Ты — малых надежда и гордость вождей.
Будь морю душа твоя ширью равна,
С той силою встала в том море волна,
С какой в твоем сердце Соруш воссиял —
Мудрейший, и тот бы свой ум растерял.
Весь клад даровал ты державе своей,
Никто не припомнил бы дара щедрей.
В дни Джема «Сокровищем Буйволов» он
Был всюду устами молвы наречен.
Не знали, где клад знаменитый сокрыт,—
То ль в пасти дракона, то ль в землю зарыт.
Ты, клад обретя, для себя не берег,
Презренным почел этот бренный чертог.
И в море столь редкостный жемчуга счет
Не видят глаза обитателей вод.
Ты дочиста роздал жемчужины те,
И даже быков подарил бедноте.
Украшен всегда кушаком и венцом.
Да будешь ты счастьем победным ведом!
Тетради царевы наполнит рассказ,
И новые сложат об этом не раз».

[*Сказ о Бехрам-Гуре, купце и его подручном*]

Неделя прошла, и взгрустнулось царю,
С колчаном и луком он встретил зарю.
Пылают от зноя просторы степей,
Он медленно едет с охоты своей.
Подъехал к жилищу купца одного,
Кругом огляделся — нигде никого.
Купцу говорит он: «Коль примешь в свой дом,
Обиды от нас не увидишь ни в чем».
И гостя хозяин впускает. В дому
Для отдыха место устроил ему.
Прибывший, от колик страдая, стонал,
Дирхемов хозяину несколько дал
И молвит ему: «Старый сыр доставай,
С зерном миндаля мне поджарь и подай».
Купец не принес то, что гость захотел,
В запасах своих миндаля не имел.
Когда уж стемнело, пришел, наконец;
С зажаренной курицей входит купец
И ставит пред гостем. На блюдо взглянул

Бехрам-богатырь и купца упрекнул:
«Я старого сыра просил с миндалем,
Я просьбы с тобой говорил языком.
Принес ты не то, хоть дирхемы я дал
Затем, что от колик жестоко страдал».
«О муж безрассудный! — услышал в ответ,—
Наставника, видно, душе твоей нет.
Коль скоро принес я жаркого тебе,
Просить не пристало другого тебе».
Так гостю хозяин сказал своему,
И сыра уже расхотелось тому.
Раскаялся в сказанном, хлеба вкусить
Решил он, торговца оставил корить.
До часа того, как объял его сон,
Уж больше ни слова не вымолвил он.
Покинуло солнце бурлящий простор,
Невидимым стал этот темный шатер.
Подручного кликнув, так молвит купец:
«Эх ты, не вникающий в дело глупец!
За птицу дирхема не дали б нигде,—
Купил, не торгуясь, к хозяйской беде.
Будь птица дешевле — меж гостем и мной
Не вышло бы ссоры порою ночной.
Явился бы с сыром, грошовым куском,—
Со мною он стал бы, что мед с молоком!»
«Гость,— молвил подручный,— всего-то один,
Ты птицу за мною считай, господин!
Будь гостем моим вместе с витязем тем,
Со мной из-за курицы спорить зачем!»
От сладкого сна Бехрам-Гур пробудясь,
К коню резвоногому вышел тотчас.
Седлать его хочет, скакать во дворец
И вновь вознести до Кейвана венец.
Промолвил подручный, представ перед ним:
«Сегодня, о витязь, будь гостем моим!»
Воссел властелин у него на тахте,
Дивясь благородству его, доброте.
Две сотни яиц вносит малый простой,
Хозяину шепчет: «Почтенный, не стой!
Сыр старый, как должно, поджарь с миндалем
И свежего хлеба подай. Ведь о том
Просил он, как прибыл вчера. Собирай
Еду поскорее, да стол накрывай».
«О витязь,— приблизясь к Бехраму, сказал,—
Яиц, мне сдается, намедни желал.
Горячими тотчас доставим сюда,
Другая меж тем подоспеет еда».

Искендер, как он вешает мобедов

Лист 642R, худ Риза-йе Мусаввир. Рукопись ГПБ 333 (Dorn. 318—319). Исфаганская школа, сер. XVII в.

Искендер убивает фура

Лист. 650V, худ. Пир Мухаммед аль-Хафиз. Рукопись ГПБ 333 (Dorn. 318—319)
Исфаганская школа, сер. XVII в

Искендер отправляется за живой водой

Лист 659 худ Реза-йе Мусаввир. Рукопись ГПБ 333 (Dorn. 318—319). Исфаганская школа, сер. XVII в.

Бехрам-Гур на охоте (*сшивает стрелой льва и онагра*)

Лист 696V, худ. Реза-йе Мусаввир. Рукопись ГПБ 333 (Dorn. 318—319). Исфаганская школа, сер. XVII в.

Так молвил, затем на базар поспешил,
Тут новый размах покупатель явил.
Барашек да курица, сахар, миндаль:
Украсится скатерть — для гостя не жаль!
С шафраном и мускусом, добрым вином,
С голябом торопится радостно в дом *.
Отменными яствами скатерть покрыл,
Достойным и щедрым он юношей был.
Покончили с трапезой. Чаши черед.
Вначале Бехраму ее подает.
Одну за другой осушают они,
Веселие, радость вкушают они.
К хозяину речь обращает Бехрам:
«В путь время, меня призывает Бехрам.
Вы пейте, хмелейте, покуда вино
Не будет, как следует, здесь почтено!»
Шебдиза-коня потрепал, оседлал,
От хмеля веселый, в Гольшен поскакал *.
Купцу, уезжая, сказал: «Не ловчи,
О прибыли меньше, купец, хлопочи!
Не ты ли за грош мне вчера изменил,
Не ты ли с подручным душою кривил?
Мол, птицу купить подешевле не смог,
Меня, мол, драконовой пасти обрек!»
Такие слова на прощанье купцу
Сказал — и стрелою к цареву дворцу.
Лишь солнце с престола сверкнуло венцом,
Воссел мародержец на троне своем.
Призвал саларбара, велит: во дворец
Пусть явится без промедленья купец.
Привел его вместе с подручным. Душой
Один торжествует, в тревоге другой.
Подручного царь обласкал и почтил,
Счастливым пред знатью своей усадил.
Столь туго набитый кошель принесли,
Что в сердце, сказал бы ты, месяц зажгли.
Купцу говорит он: «До смертной черты,
Знай, будешь слугою подручному ты.
Еще шесть десятков дирхемов к тому
Отсчитывай в месяце дважды ему.
Добром твоим пусть ублажает гостей
И радует души достойных мужей».
Мобеду сказал он: «Не видя того,
Что в царстве творится, владыка его
Что мог бы узнать о подвластных своих
И чем отличал бы дурных от благих?»

Внемли, коли разумом ты наделен
И знания ищешь: есть мудрый закон —
Скупым да не будешь, коль ты человек,
Не то свою радость утратишь навек...

[*Сказ о Бехрам-Гуре и огороднице*]

Так некое время проходит. Бехрам
Средь знати пирует, внимает певцам.
Настала весна, всюду рая краса,
Рассыпали маки везде небеса.
Степное приволье добычи полно,
Не воды в ручьях — молоко и вино.
Цепочки онагров и ланей средь гор,
Повсюду исчерчен зеленый ковер.
И мускус несет полноводный поток,
А в хумах вино — что граната цветок.
Сказала Бехраму окольная знать:
«Не время ли нам за онагром скакать?»
«Бойцов верховых,— отвечал властелин,—
Взять тысячу должно из наших дружин.
Гепардов с собою возьмем, соколов
И чергов, и гордых шахинов на лов *.
В Тур нынче на месяц отправимся мы,
Охотою там позабавимся мы».
Вот Тура достиг венценосный. Страна
Цветения, благоуханья полна.
Онагров и ланей, и горных козлов
Не стало, скажи, после тех удальцов.
Два дня вслед за тем отдыхал Бехрам-Гур,
Со знатью своей пировал Бехрам-Гур.
На третий, как только заря поднялась
И ночь устрашенная прочь унеслась,
На землю лучи золотые легли,
И горы и воды реки обрели
Цвет кости слоновой, царь в степь поскакал.
Дракона, с львом схожего, вдруг повстречал.
Шерсть гривы — длиною с него самого,
И женская грудь у дракона того.
Немедля владыка свой лук оснастил,
Драконову грудь тополевой пронзил.
Вторую вонзил тут же в голову он —
И ядом и кровью исходит дракон.
Он спешился, выхватил острый клинок
И надвое мигом утробу рассек.
Драконом проглочен был муж молодой,
Средь яда и крови расстался с душой.
Льет слезы над телом его Бехрам-шах,

От яда меж тем потемнело в глазах.
Прочь скачет, слабеет он, жаждой палим,
Желанием сна одурманен, томим.
Не скоро жилища людского достиг,
Средь степи желанного крова достиг.
С кувшином увидел он женщину, вмиг
Она от Бехрама сокрыла свой лик.
«Дадите ль пристанище,— так попросил,—
Иль путь продолжать мне, лишенному сил?»
«О доблестный муж! — отвечает ему,—
У нас, как в своем оставайся дому».
Услышав ответ, заезжает во двор.
Тут мужа она вызывает во двор:
«Почисти да сеном коня накорми,
Скребницы не сыщешь, дерюгу возьми».
Зайдя на свою половину, взяла
Что надо. Покой для гостей подмела,
Постлала циновку, подушки кладет;
Бехраму, как должно, хвалу воздает.
Воды принести поспешила она,
А в мыслях супруга бранила она:
«Тот старый глупец, когда гости в дому,
Не сдвинется, нет будто дела ему!
Не женам такую работу вершить,
Что воин, должна я в готовности быть».
Владыка лицо умывает, его
Гнетет нездоровье от яда того.
Вот скатерть хозяйка приносит, порей,
Хлеб, уксус и маст разложила на ней.
Немного поел и, стеная, прилег,
И чинский на лик свой накинул платок.
Проснулся он — с мужем жена говорит.
«Урод неумытый! — она говорит,—
Барашка зарезал бы,— гость не простой,
Из рода царей этот гость дорогой.
Осанка владыки, величье на нем,
Сравнить его впору с Бехрамом-царем».
Тут муж недостойный ответил жене:
«Не знаешь, зачем привязалась ко мне!
Ни соли, ни хлеба, ни дров не найдешь,
И ты вечерами, как все, не прядешь.
Зарежешь барашка — поест и уйдет
Наш витязь, тебе-то от этих щедрот
Какая корысть? Поразмысли сама.
И холод и ветер готовит зима».
Но мужа словам не внимает жена,
Ведь сердцем добра и к тому же умна.

И разум жены, наконец, победил,
Зарезан ягненок для витязя был.
Сварив терине, головни унесла *
И угли горящие из-под котла.
Вот скатерть легла пред владыкой царей,
На скатерти яйца, прибрежный порей.
Бедро от барашка ему подала
И все, что состряпала, тут же внесла.
Вот руки омыты. Страдает Бехрам,
В недуге без сна пребывает Бехрам.
Как солнце и ночь повстречались, она
В сосуде из тыквы приносит вина,
А также синджит. Молвит ей властелин:
«О немногословная, древний один
Дастан мне поведай. Я стану внимать,
Быть может, смогу я тоску разогнать.
Да вот для начала скажи мне о чем:
Довольна ли, нет ли ты вашим царем?»
Ответ был: «Мы хвалим царя своего,
Начало всех дел и конец от него».
«И только? — ее вопрошает Бехрам,—
А милость и благо не явлены вам?»
«О муж благомыслящий! Много людей,—
Достойная молвит,— в деревне моей.
Случается часто: наедут сюда
Чиновные шаха — верхами всегда.
Кого-нибудь здесь в воровстве обвинят,
Тем горя немало ему причинят.
За пять-шесть дирхемов стараясь, прижмут
И тьмою день светлый его облекут.
Похуже творили дела, не одну
Безгрешную здесь опорочив жену.
А этот ущерб возместит ли казна?
Вот наши обиды».— И смолкла она.
В раздумье владыка, тот слыша укор:
На имя, на честь его падал позор.
Так мыслит Йездану приверженный шах:
«Пред милостивым позабыли про страх!
Суровость явлю я в какие-то дни,
Чтоб милость и гнет различали они».
Той черною мыслью терзался всю ночь,
Отмщенью в душе предавался всю ночь.
Вот мускусно-черный покров прорвало
И, ликом блистая, светило взошло.
Тут мужа хозяйка зовет: «Выходи,
Котел выноси да огонь разводи.
Потом семена для ширбо засыпай *,

На солнце открытыми не оставляй.
Пока подою да вернусь с молоком,
Следи неотлучно за этим котлом».
На пастбище тотчас идет. Привела
Корову, травы для нее принесла.
Трет вымя и молвит: «Во имя того,
Ни равного нет, ни четы для кого».
Но вымя пустым оказалось. Жена
Внезапным предчувствием омрачена.
Так молвит она: «О хозяин, не зря
Так сталось. Нрав, знать, изменился царя.
Стал нынче жестоким владыка владык,
Вчера еще гнев ему в сердце проник».
«Э, полно! — ответил,— толкуешь о чем?
К чему помышлять о знаменье дурном!»
Сказала: «Не должно, о муж дорогой,
Слова мои счесть болтовнею пустой.
Как должно луне воссиять не дано,
Коль сердце владыки ожесточено.
В сосцах молоку суждено иссякать
И мускусу благоуханье терять.
Разврат, лицемерье родятся тогда,
И в камень сердца обратятся тогда.
Людей станут волки степные губить
И будет неправедный мудрых теснить,
И яйца пойдут под наседкой не впрок,
Как станет владыка державы жесток.
Здесь пастбище не оскудело травой,
И тот же, что ранее был, водопой.
А вымя — пустое! Корову свою,
Блеск черных боков ее не узнаю».
Когда эти речи владыка владык
Услышал,— раскаялся в этот же миг.
К Йездану воззвал: «О даритель добра,
Всей жизни оплот и хранитель добра!
Коль я милосердья отрину закон,
Престола венчанных да буду лишен».
И в мыслях и в сердце пред Богом чиста,
Вновь вымя коровы трет женщина та.
Во имя Господне за дело взялась:
Мол, ты молоко извлекаешь для нас!
И тут же струя молока потекла.
«О помощь дарующий! — так воззвала,—
Жестокому смог милосердье внушить,
Он сам не сумел бы такое свершить».
Хозяину так говорит своему:
«Знать, благоразумье вернулось к нему.

Улыбкой веселой лицо озари,
За милость Создателя благодари!»
Когда молоко закипело у них,
Как только закончилось дело у них,
Направилась к гостю благая жена.
Хозяином скатерть за ней внесена.
На скатерть поставили миску с ширбо
Отменной,— сказал бы, что миска с зирбо *.
Владыка немного той снеди вкусил,
К жене огородника речь обратил:
«Возьми эту плетку, повесь у ворот
К дороге, где ходит и ездит народ.
Для этого крепкую выбери ветвь,
Вреда причинить ей не должен и ветр.
Когда на дороге увидишь людей,
Присматривай зорче за плеткой моей».
И домохозяин, бегом устремясь,
Тут царскую плетку повесил тотчас
И некое время на страже стоял,
Вдруг войско большое вдали увидал.
Приблизившись, плеть узнавали бойцы,
Бехраму хвалу воздавали бойцы.
И пешие к ней подходили они,
Пред плеткой поклоны творили они.
Хозяева молвят: «Владыка в дому!
Сей облик престолу под стать одному».
И тут же с дороги пустились бегом,
Предстали, смущенья полны, пред царем:
О царь, о великий, о мудрости свет,
Оплот, мол, страны, из мобедов мобед!
Здесь в хижине видел ты скудость вокруг,
Из бедных — жена, огородник — супруг.
Рабы не готовились, им невдомек,
Что сам шахиншах переступит порог,
Пожалует этой дорогою к нам,
Заглянет в жилище убогое к нам...
Царь молвил: «Порадуйся новой судьбе,
Селенье и землю вручаю тебе.
Гостей принимай своих смело теперь,
Оставь огородника дело теперь!»
Выходит, улыбкою лик озарен.
Воссел на коня ветроногого он.
Покинув селенье, вернулся Бехрам
К высоким алмазноузорным стенам.

[*Бехрам сватает дочерей дехкана Барзина*]

И снова на ловлю владыка царей
Готовится выйти. На третий из дней
Три сотни верхами к нему удальцов
Из знатных иранцев явились на зов.
По тридцать подвластных при каждом из них —
Румийцев, туранцев, парсийцев своих.
Десяток верблюдов — блистают парчой,
Жемчужной попоною, сбруей златой.
Для царского все обихода его,
Шатра из парчи для похода его.
Семь царских слонов впереди. На одном
Престол бирюзовый. Горит хрусталем
И златом подножье владыки царей.
При каждом по тридцать проворных мужей
Из царских гулямов. Они при мечах,
На седлах богатых, в златых поясах.
Сто мулов для царских певцов, игрецов;
Горят драгоценные камни венцов.
Сокольничих с птицами сто шестьдесят,
Шахинов и чергов в две сотни сидят.
Последний в ряду сокол с черным пером,
Из ловчих особо любимый царем.
Черны обе лапы, клюв желтый блестит,
То злато, скажи, на лажверде горит.
Глаз сокола каждый багровей костра,
Той птицы невиданной кличка — Тогра.
То дар от хакана. Прислал этот муж
Престол и венец из кораллов к тому ж;
Убор золотой в изумрудах был весь,
Да сорок запястий, серег тридцать шесть,
Нош триста диковин, прославивших Чин,
Да перстней три сотни, и в каждом — рубин.
Сто двадцать гепардов сокольничим вслед
На ловлю взял царь, озаряющий свет.
Ошейники жемчугом шиты у них,
Гепардов вели на цепях золотых.
Так в степь выезжает в величье своем,
Скажи, Моштери затмевает венцом.
Чредою вослед за владыкой своим
Охотники двинулись к водам речным.
В тот край поохотиться, благословясь,
Бехрам выезжал в семилетие раз.
И вот уж приблизился к берегу шах,
Увидел он множество птиц на водах.

Бьют в гонг — и Тогра устремился вперед,
Не терпится птице державной в полет.
Журавль под когтями такими сникал,
И тигр этой птицы добычей бывал.
Орел ему в небе попался, и вот
Исчез он в бескрайности этих высот.
Стрелою, что пущена луком тугим,
Сокольничий степью помчался за ним.
Бехрам происшествием тем омрачен,
На звон бубенца устремляется он.
Узрел впереди зеленеющий сад,
Чертоги средь этого сада стоят.
Лишь несколько мчалось мужей за царем,
Другие остались на месте своем.
Вступает в тот сад Бехрам-Гур. Пред собой
Увидел цветник под крутою горой.
Блестит водоем среди вешних цветов,
И муж восседает преклонных годов.
Украшено место парчою, вокруг
Убранство богатое, множество слуг.
С ним рядом три девы, скажи — близнецы,
На них бирюзовые светят венцы.
Лицом, что весна, стройным тополем стан,
И брови — что лук, и коса — что аркан.
По чаше хрустальной у каждой в руках.
На этих красавиц глядит Бехрам-шах.
Их вид повелителя взоры слепит,
А сердце печаль о Тогре тяготит.
Почтенный, как только Бехрама узрел,
От страха мгновенно лицом пожелтел.
Дехкана разумного звали Барзин;
В смущенье пришел он — пред ним властелин.
Навстречу Барзин устремляется вмиг,
Ко праху припал пред владыкой владык.
«О царь солнцеликий! — сказал,— да пошлет
Тебе свою милость вертящийся свод.
Осмелюсь промолвить — останься гостить,
И двести готов верховых приютить.
И счастье Барзина достигнет луны,
Коль сад угодит властелину страны».
Владыка Барзину поведал в тот час:
«Сегодня Тогра потерялся у нас.
Без ловчей той птицы мне радости нет.
На звон колокольчика скачем вослед».
Владыке на это Барзин отвечал:
«Я только что черную птицу видал.
Златой колокольчик, а перья черны,

Клюв, когти зериру, сказал бы, равны.
На этот орешник спустилась с высот,
Твоею удачею в руки придет».
Бойца подозвал повелитель царей,
Орешник велит осмотреть поскорей.
Тот вихрем помчался, и слышится крик:
«Будь радостен вечно, владыка владык!
На ветке Тогру я увидел сейчас,
Сокольничий снимет оттуда как раз».
Тогра появился, тут молвит Барзин:
«О равных не знавший земли властелин!
Да благословится тобою сей дом!
Царь каждый да будет владыки рабом!
На радостях чашу вина пожелай,
Коль сердце утешил,— уста услаждай».
Вблизи водоема спустился с седла,
И в сердце Барзиново радость пришла.
Воссел повелитель с дестуром своим,
Его казначей и окольные с ним.
И чаши и красное ставят вино,
Властителя имя сперва почтено.
И тут же хрустальную чашу несут,
Царю Бехрам-Гуру ее подают.
Он сам до краев наполняет ее,
До дна шахиншах осушает ее:
Барзин это видит, в нем радость зажглась,
Он хумы для всех расставляет тотчас.
Когда захмелел он, Барзин дочерям
Так молвит: «Идите, искусницы, к нам!
Наш сад Бехрам-Гур властелин посетил,
Не воин из царских дружин посетил.
Ты песнь, о певунья любимая, спой,
А ты, луноликая, ченг свой настрой» *.
Всех трех пред собою узрел шахиншах,
На каждой венец в дорогих жемчугах.
Плясунья одна, эта с ченгом дружна,
Та — с песней, печаль исцеляет она.
Царь чашу наполнил. Отрадно ему
Внимать сладкозвучному пенью тому.
«Чьи дочери это? — спросил он потом,—
Им радостно, вижу я, в доме твоем».
«О, царь наш! — Барзин отвечает на то,—
Пусть жизнь без тебя не увидит никто!
Все — дочери мне, все хранимые мной,
Достойные девы, любимые мной.
Той — ченгом владеть, этой — песни слагать,
А третьей — стан в пляске дано изгибать.

Ни в чем, о великий, не знаю нужды,
Есть злато, дирхемы, поля и сады,
Три дочери — словно цветенье весны,
Какими их видит владыка страны».
Певунье сказал: «Луноликая, здесь
Из сердца излей о властителе песнь».
Вот песню и ченг огласили они,
Сердца от забот оградили они.
И песнь о владыке владык потекла:
«О месяцеликий! — ее начала,—
Лишь месяцу в небе подобен твой лик,
Тебе лишь престол подобает владык.
Обличием месяц, а станом — платан,
Венец властелинов тобой осиян.
Блаженна, кто узрит, едва расцветет,
Твой лик и волос твоих амбру вдохнет.
Стан — словно у барса, плечами могуч,
Венец твой сиянье возносит до туч.
Ланиты твои — что гранатовый цвет,
Отраден сердцам твоей милости свет.
Душа твоя — море, как туча — рука,
Аркану любая добыча легка.
Ты волос стрелой рассекаешь, ручей
Молочным становится правдой твоей.
Как войско увидит твой грозный аркан,
Могучую руку твою, пехлеван,—
Застынут и сердце и разум бойцов,
Хоть будет бесчисленным войско врагов».
Бехрам, эту песню вниманьем почтив,
Хрустальную чашу до дна осушив,
Так молвил Барзину: «О старец благой,
Изведавший в мире и стужу и зной!
Достойнее зятя не сыщешь, внемли
Вождю венценосных, владыке земли.
Мне в жены ты всех дочерей своих дай,
Высокой судьбою себя увенчай!»
«Твой взор, о владыка,— Барзин говорит,—
Наш пир и пирующих да озарит!
Помыслить об этом осмелится кто,
В чьем сердце отваги хватило б на то!
Коль примешь меня как раба твоего,
Чтоб я послужил у престола того,
Служить буду верно державе твоей,
Величию, счастию, славе твоей.
Красавицы эти отныне твои,
Хранящие верность рабыни твои.
Явил благосклонность рабыням, трех дев

Еще издали красоту разглядев.
Что мрамор белы, словно явор стройны,
Скажи, для престола все три рождены.
Достойно ли, нет ли, что скрытым держу,
Владыке теперь обо всем расскажу.
Одежды богатой, покровов, ковров
И всяких к раздаче готовых даров
Нош двести верблюжьих и больше того,
Быть может, лежит у раба твоего.
Уборы достойны престола, венца —
Такие, что девицам тешат сердца».
Бехрам рассмеялся при этих словах:
«Все то, что хранишь ты в своих тайниках,
Пускай остается на месте своем,
А ты веселись, наслаждайся вином!»
«Трех дев луноликих,— так старец сказал,—
Как царь Кеюмарс, как Хушенг завещал,
Вручаю,— они словно прах для тебя,
Все три будут жить, шахиншах, для тебя.
Одна из них, старшая, Махаферид,
Потом Феранек, а еще Шенбелид.
Такими, как видел, достойными счел,
Девицам знатнейших родов предпочел».
Чтоб четверо взяли носилок, велит,
Чтоб доблестный витязь, чей род именит,
Возглавил румийских бойцов шестьдесят.
Вот в царских носилках девицы сидят.
Они в окруженье мужей верховых,
Внимают хвале несмолкающей их.
Вступили красавицы в царский гарем,
А царь продолжал пированье меж тем.
Повешена воином царская плеть,
Ведь ей надлежало у входа висеть.
Бойцам о вожде сообщала она
Повсюду, где вход украшала она.
Узрев рукоятку ее издали,
Спешили склониться пред ней до земли.
Пирует Бехрам. А когда захмелел,
С веселой душою в носилки воссел.
И вот в шебистан прибывает Бехрам,
В златой, благовонный вступает Бехрам.
Семь дней там владыка владык пировал,
Немало дарил и веселье вкушал.

[*Бехрам являет доблесть на охоте*]

На утро восьмое в степь едет на лов
С Рузбехом и тысячей конных бойцов.
Несчетных онагров он видит вокруг,
И царский тотчас извлекается лук.
Два черных конца тетивой оснастил,
Йездана призвавши, дарителя сил.
Весна. Все онагры в стремленье одном,
И каждый лишь поиском пары ведом.
Повсюду борьба меж онаграми шла,
От крови цвет лала земля обрела.
Вот видит владыка Бехрам пред собой
Онагров-самцов, опьяненных борьбой.
Когда же один победил, наконец,
Приблизился к самке отважный самец.
Свой лук оснащенным венчанный как раз
Имея, исходу такому смеясь,
Он выстрелил в спину онагра, стрела
Со всем оперением в тело вошла.
Сшил самку одною стрелой и самца.
Воителей возликовали сердца.
И каждый, увидевший эту стрелу,
Воздать не замедлил владыке хвалу:
«Злой глаз да минует твою благодать,
Да будет лишь празднику день твой под стать!
Дух мужества непревзойденного дан
Тебе, повелитель, ты — царь, пехлеван!»

[*Бехрам убивает львов и берет в жены дочь торговца жемчугом*]

И вновь вороного погнал он вперед.
И вот на пути ему лес предстает.
Львов грозную пару близ чащи густой
Увидел и лук оснастил тетивой.
И львиную грудь и утробу тотчас
Пронзил, оперенная в землю впилась.
Направил на львицу, плечо развернул
И грудь до бедра той стрелою проткнул
Так молвил: «Бесперая эта стрела
С тупым наконечником, видно, была».
Воители дружно хвалу вознесли:
«О славы достойный владыка земли!
Не знал, не увидит никто из людей
Такого, как ты, на престоле царей.
Уж если ты львицу бесперой разишь,
Гранитную гору легко сокрушишь!»

Царь далее мчится по травам густым,
Воители верные следом за ним.
Вновь роща пред ними. Отары видны.
Со страху оставили их чабаны.
Лишь старший чабан пред Бехрамом предстал,
От грозных зверей он покоя не знал.
«Кто этих овец,— вопрошает Бехрам,—
К таким пригоняет недобрым местам?»
«О славный,— чабан отвечает,— скажу,—
Из целого света лишь я прихожу.
И эти торговца алмазов стада
Вчера только с гор перегнал я сюда.
Владельцу богатому нету нужды:
В угрозе ущерба не видит беды.
Алмазы харварами, золото есть,
Полно серебра, украшений не счесть.
Дочь дружную с ченгом послал ему Бог,
А кудри ее — к завитку завиток.
Лишь ей дозволяет вино подавать,
Такого меж старцев нигде не сыскать.
Не будь шахиншах справедливым таким,
Остался бы разве с богатством своим?
Нет алчности у властелина сего,
Мобеды его не теснят никого.
«О славный! — чабан вопросил под конец,—
Могучий и мудрый, отважный боец!
Не скажешь ли, кто этих львов поразил?
Храним да пребудет Дарителем сил!»
Бехрам отвечает: «Тем львам принесла
Погибель отважного мужа стрела.
Умчался, сразив этих яростных львов,
Боец благородный и семь молодцов.
Торговца айван далеко ли от нас?
Не скрой, укажи нам дорогу сейчас».
И слышит: «Отправься отсюда по той,
Селенье цветущее перед тобой
Предстанет. До города шум от него
Летит, достигая дворца самого.
Как небо оденется в черный атлас,
Тот муж пировать начинает как раз.
Задержишься — вскоре достигнут ушей
Звон ченга, застольные крики мужей».
Потребовал тут же Бехрам скакуна,
Одежда владыке владык подана.
Оставил дестура и витязей он,
Как видно, желаньем одним поглощен.
При этом Рузбех именитым сказал:

«Владыка Ирана в село поскакал.
Он в двери купца постучится затем,
Послушайте все, что случится затем!
Попросит отца о девице младой,
Венец несомненно возложит златой,
А там и в чертог золотой увезет,
Еще и в Барзинов покой увезет!
Не знает, скажи, насыщенья того;
Бежит среди ночи жена от него.
А более ста шебистанов за ним.
Достойно ли быть шахиншаху таким!
Уже девять сотен и тридцать числом —
У всех драгоценный венец над челом —
Служитель в чертогах царя насчитал,
Из них без богатств ни одной не видал.
Дань требует с разных земель властелин,
Румийская тратится в месяц один.
Как жаль этих плеч, эту грудь, этот стан,
И лик, что величьем царей осиян!
Что стати, что силы не знали такой,
Двух крепких онагров сшивает стрелой.
Погибнет подверженный этим страстям,
Ослабнет, подобно распутным мужам.
Тусклы станут очи, ланиты желты,
Согбенный, он дряхлости явит черты.
От запаха женщин придет седина,
Надежды твои унесет седина.
Стан юноши будет човгану сродни,
Так много недугов приносят они.
Коль в месяце чаще чем раз проведешь
С женой,— без сомнения, кровь свою льешь.
Служить чадородию — лишь для того
Потребно разумному семя его.
Излишества множат недуги к тому ж,
Бессильным, бескровным становится муж».
Достигли дворца за беседою той,
Когда заблудился уж светоч дневной.
Средь мрака спешит Бехрам-Гур, за царем
Один лишь слуга — присмотреть за конем.
Царь к дому торговца уже подъезжал,
Звук ченга как раз впереди услыхал.
Пустился туда, где звучала струна,
Торопит взволнованный царь скакуна.
Открыть призывает, кольцом постучав,
Создателя солнца на помощь призвав.
«Кто это? — приветно спросили его,—
В ночь темную в двери стучишь для чего?»

«С рассветом,— так молвит в ответ,— шахиншах
Направился ловлей заняться в степях.
Скакун подо мной захромал сей же час,
И я от охоты отстал сей же час.
Такого коня, золотую узду,
Коль здесь украдут, я управу найду».
Служанка к дехкану явилась тотчас:
Муж некий, мол, просит ночлега у вас.
Случись с златоуздым беда,— говорит,—
Сведут,— не взыщите тогда, говорит...
«Дверь,— молвит дехкан,— отворяй поскорей,
Иль прежде у нас не видала гостей!»
Рабыня бегом возвратилась к дверям.
«Пожалуй, сынок!» — слышит голос Бехрам.
Вошел, огляделся и видит он: дом —
Что полная чаша, и слуги кругом,
Он в сердце воззвал: «О благой Судия!
Ко благу приводит десница Твоя!
Да будут лишь к правде дороги мои,
Путь зла да не ведают ноги мои,
Всегда справедливы да будут дела,
Чтоб радость у подданных в сердце жила.
Умножу добро, справедливость в стране —
Останется память светла обо мне.
И подданный будет, торговцу под стать,
Пирами и ченгом себя услаждать».
Взойдя на айван, повелитель владык
Красавицу-деву узрел в тот же миг.
Вошедшего видя, поднялся дехкан,
Приблизясь, пред гостем склоняет он стан.
Так молвит: «Пусть ночь твоя будет сладка,
А недругов сердце терзает тоска».
Готовит он ложе, подушки кладет,
От радости, глядя на гостя, цветет.
Стол щедрый был тут же накрыт перед ним,
Вся снедь, что имелась, стоит перед ним.
Явился конюший, чтоб волю узнать.
Хозяин велит скакуна привязать.
А также слугу накормить приказал,
Особо его поместить приказал.
Сиденье хозяину тут принесли,
И сел он вблизи властелина земли.
С почтеньем затем обратился дехкан
К Бехраму. Сказал: «О благой пехлеван!
Ты в этом жилище хозяином будь,
За слово, что вымолвлю, не обессудь.
Хлеб съевши, к устам должно чашу поднесть.

Сон, сладкое отдохновенье обресть.
Ночь темная, царское в чаше вино.
Уснешь, когда сердце насытит оно.
От сна пробудишься, как солнце взойдет,
Тогда и поскачешь по-царски вперед».
Ответил: «Не каждому ночью глухой
Такой попадется хозяин благой.
Ценить подобает нам блага Творца,
В тревоге у неблагодарных сердца».
Девица им воду для рук принесла,
От гостя очей отвести не могла.
Вот руки омыты, вина пожелал,
Чтоб сладостно пела струна, пожелал.
В кувшине вино, в чаше крепкий небид *,
Душистый притом принесла шенбелид.
Вот чашу, что первым хозяин поднес
К устам, вымыв амброй, настоем из роз,
Бехраму девица-краса подала.
«Кто витязь пирующий? — произнесла.—
Готова я биться с тобой об заклад,
Ты сам Бехрам-шах, не ошибся мой взгляд!»
Немало таким посмеявшись словам,
«Я витязь Гошесп,— отвечает Бехрам,—
Привлек меня ченга далекого звон,
Не чашей, не отдыхом я привлечен».
Хозяин сказал: «Моя дочь пред тобой,
Меня возносящая к небу главой.
Умеет в горе вином разогнать,
И песни при говоре ченга слагать.
Зовется Арзу. От красы дорогой
Душе утешение, сердцу покой.
Свой ченг захвати,— молвил деве потом,—
В уборе приди благовонном, цветном».
Вот с ченгом явилась, как тополь стройна,
А ликом Сохейлю Йемена равна.
Сказала: «Избранник меж славных мужей,
Столь схожий во всем с властелином царей!
В сем доме обрел ты дом празднества, знай,
Отца казначеем, дворецким считай.
Да будут счастливыми ночи твои,
Туч вешних превыше главу вознеси!»
Промолвил родитель: «Ударь по струнам!
Внять песне отрадной не терпится нам.
Да станет Махьяр нынче весел и млад,
Дав гостю желанному сердце в заклад!»
Взял ченг и струнам рокотать повелев,
Заводит красавица магов напев.

Шелковая как зазвенела струна,
Дом словно в жасмин окунула она.
Во славу Махьяра слова полились:
Мол, статен ты, словно близ вод кипарис.
Вкруг розовых щек — седины камфара,
Приветлива речь, в сердце — жажда добра.
Твой враг да не ведает радостных дней,
Да правит лишь разум душою твоей!
Тебе, как царю Феридуну, служу
Рабыней покорной. Мне имя — Арзу.
Так счастлив ты славного гостя принять
Как царь, чья в сраженье осилила рать...
Хвалу завершила и к гостю идет,
При говоре струн славословье поет:
«О царственноликий, муж светлой судьбы.
Правдивый, бесстрашный на поле борьбы!
Кто сердца отраду — Бехрама-царя
Не видел воспетого богатыря,—
Твой облик увидеть довольно тому,
Во всем ты подобен ему одному.
Вся стать кипариса, тростинкою стан,
Стал тополь — ступающий плавно фазан.
Слон — мощью, отвагой сравнишься со львом,
Врага за два миля настигнешь копьем.
Ланиты — цветенью граната под стать,
Меж роз и тюльпанов такому взрастать.
Рука, скажешь, силу верблюжью таит,
Она и скалу Бисотун сокрушит.
У ног твоих прахом да станет Арзу,
Служить тебе век не устанет Арзу».
Владыка от ченга и пенья ее,
От стати, красы, разуменья ее
Такой был охвачен любовью, что в нем,
Скажи, переполнилось сердце огнем.
Махьяру хмельному такие слова
Промолвил иранского царства глава:
«Мне дочь, нашей веры обычай храня,
Дай в жены,— снискает почет у меня».
И тут же Арзу вопрошает Махьяр:
«От мужа сего что хотела бы в дар?
Смотри, поразмысли, по сердцу ль тебе,
Пребудешь ли с ним благодарна судьбе?»
И тотчас девицы ответ прозвучал:
«Отец добронравный, достойный похвал!
Меня коль замыслил супругу вручить,
Супругом Гошеспу, иному не быть.
Кто мог бы, подобный увидевши лик,

Не молвить: «владыки Бехрама двойник!»
Но тем не довольствуясь, девы отец
Так молвил Бехраму: «Достойный боец!
Ты в эту девицу получше вглядись,
В усердии, знаньях ее убедись.
Уверься, что вправду по сердцу она.
Краса ее разумом превзойдена.
При этих достоинствах нищей ее
Кто счел бы? Верь, слово неложно мое;
Алмазы Махьяра поди сосчитай,
Их больше, чем в царских ларцах, почитай!
Помедли, покой этой ночью вкуси.
К ней тянешься — чашу к устам поднеси.
Союз, во хмелю заключенный, невпрок
Тому особливо, кто родом высок.
Дождись, озарится пока небосвод,
От сна именитые встанут на сход.
Старейших тогда собери мудрецов,
Приверженных благу, жрецов и чтецов.
Средь ночи такие дела не вершат,
Таков ли царя Феридуна обряд?
Не мыслит разумный под хмелем избрать
Жену или дело иное начать».
«Все это пустое,— гость молвит в ответ,—
Пророчить беду в деле Божьем не след.
Мне дева за ченгом мила в эту ночь,
Не ведай сомнений, беды не пророчь».
«Арзу,— вопрошает родитель благой,—
Тебе полюбился он, избран тобой?»
Ответила: «Да, чуть завидя его,
Узнала избранника в нем своего.
Ты, дело свершив, положись на Творца,
С Махьяром ужель во вражде небеса!»
Тут молвил: «Ему ты отныне жена,
Ему под защиту отныне дана».
Дочь отдал, и в жены Бехрам ее взял,
Дела завершились, как день воссиял.
«Плеть царскую,— слышит прислужник,— возьми,
Ее у Махьяра повесь над дверьми».
В светлицу Арзу удалилась. Весь дом
Еще недвижим был, охваченный сном.
Родитель, как только в покой свой вступил,
К Гошеспу-воителю мысль обратил.
Слуге говорит: «Дверь закрытой оставь,
Посланца на пастбища наши отправь.
Ужели нам стол без ягнят накрывать?
На славу откормленных должно избрать.

А сам неотлучно при витязе будь,
Проснется — про пиво со льдом не забудь.
Да чашу с кафуром и влагою роз
Внеси, благовонье чтоб с ложа лилось.
Во мне еще хмеля вчерашнего жар.
Куда тебе бражничать, старый Махьяр!»
Так молвив, покров на чело натянул,
Заботы оставил и сладко уснул.
Лишь солнце в венце золотом вознеслось
И мир обратило в слоновую кость,
Примчались бойцы — при копье, со щитом;
Увидели плеткой отмеченный дом,
И вот уже войско у дома того,
Как будто у входа дворца самого.
И каждый Бехрамову плеть узнает,
И каждый глубокий поклон отдает.
Привратник, увидев несчетных бойцов,
Сверкание дротиков, копий, щитов,
Помчался и спящего вмиг разбудил,
Сморенного добрым вином отрезвил.
Воскликнул: «Проснись, делу дай закипеть!
Не время дремать иль спокойно сидеть.
Владыка земли осчастливил твой дом,
Стал гостем в смиренном жилище твоем!»
Лишь молвил привратник такие слова,
Взъярился хозяин, в огне голова.
«О чем говоришь ты! — промолвил ему,—
Царя где увидел ты в этом дому!»
А тот не смолкает, все то же твердит.
Вскочил, за реченья такие сердит,
Кричит на привратника: «Этаких слов
Не скажет муж разума, зрелых годов!»
«О муж умудренный! — ответ был раба,—
Быть шахом Ирана твоя ли судьба?
Ведь строй перед домом такой, что пути
Ты сам не нашел бы, задумав пройти.
А те, что стоят перед входом в твой дом,
Склоняются разве пред старым ковром?
Знай, гостя прислужник, едва рассвело,
— Светило дневное еще не взошло,—
Прочь вышел и плетку из нитей златых,
Слепящую блеском камней дорогих,
Над нашею дверью повесил. Она
Всем мимо идущим оттуда видна.
За дело скорей, расторопнее будь,
Похмелье и недомоганье забудь!»
Тут речи значенье до старца дошло,

И сердце смущенье тогда обожгло.
Почто, мол, вчера при царе захмелел
И дочь от вина остеречь не сумел!
В светлицу Арзу устремившись, Махьяр
Воскликнул: «О неба блистательный дар!
Владыка Бехрам обнаружился в том,
Пришедшем к торговцу алмазами в дом.
С охоты скача, очутился он где ж?
Сюда завернул на пути в Кохендеж!
Вставай же, румийской парчой облекись,
В короне своей властелину явись.
Нисаром богатым порадуй, даря
Три яхонта алых, достойных царя.
Увидев сей лик, схожий с солнцем самим,
Ты руки в поклоне скрести перед ним,
Взглянуть не дерзая, готовая чтить
Владыку, его больше жизни любить.
Услышав привет, добрым словом воздай,
Стыдливо и скромно ему отвечай.
Я ж выйду, когда удостоит призвать
И место укажет мне слугам под стать.
Как равный уселся за царским столом...
Костям раздробиться бы в теле моем!
Пить вздумал к тому пред владыкой вино,
В грех вводит и старых и юных оно!»
Вбегает прислужник тут с вестью такой:
«От сна пробудился владыка благой!»
Встал в здравии добром, направился в сад.
Как должно, свершив омовенья обряд,
С молитвою к солнцу он взоры возвел,
Надежду на милость Йездана обрел.
Воссел, воротившись, на месте своем
И снова потребовал чашу с вином.
Узнав о прибытье подвластных своих,
Потом отпустить соизволивши их,
Немедля призвать повелел он Арзу,
Желанную видеть хотел он Арзу.
С вином и дарами узрел ее шах,
За нею рабыни в серьгах и венцах.
Склоняется, стан перегнув пополам,
И радостно ей улыбнулся Бехрам.
«Зачем же,— властителя речь раздалась,—
Меня опьянила и скрылась из глаз!
Мне только бы ченгу да пенью внимать,
Не мужу от женщин дары принимать.
Вновь дай мне услышать о лове мужей,
Ударах копья и сраженьях царей.

А где ж,— потом вопросил он,— купец?
С ним оба вчера упились мы вконец».
Ушла и с отцом воротилась тотчас,
Властителя великодушью дивясь.
Приблизясь, с руками скрещенными, он
Царю солнцеликому отдал поклон.
И молвил: «О царь, о бесстрашный боец,
О доблестный вождь, богатырь и мудрец!
Твоя да сияет благая звезда,
Да блещет в венцах твое имя всегда!
Кто выпил напиток, враждебный уму,
Молчанья держаться пристало тому.
Вчера я невежеством в грех был введен
И, верно, безумцем тобою сочтен.
Провинность мою ты простить соизволь,
Мой радостью путь осветить соизволь.
Рабом неразумным оставь при дверях.
Меня ль человеком сочтет шахиншах!»
На это Бехрам отвечает: «Ни в чем
Хмельных не винит наделенный умом.
Кто хмур и печален за чашей, тому
И знаться с душистым вином ни к чему.
Нет, ты не нанес во хмелю мне обид,
Слова мои пусть и Арзу подтвердит.
Коль ищешь прощенья — пусть ченг запоет.
Жасмином, тюльпанами песнь расцветет!
Ей станем внимать, услаждаясь вином,
Не станем печалиться завтрашним днем».
Склонился Махьяр пред царем до земли,
И к празднеству приготовленья пошли.
У царских дверей пребывавшую знать
Достойный тот муж не замедлил призвать.
Смущеньем объята при виде чужих,
В светлицу Арзу удалилась от них.
И там оставалась, пока небосвод
Померк и луна засияла с высот.
Пир кончен. Вновь дочь призывает свою,
Ее на златую сажает скамью.
Велит луноликой ченг сладостный взять
И песню, угодную шаху, начать.
Так пела: «О царь, в ком отвага жива!
Из чащи лесной изгоняешь ты льва.
Ты царь-победитель, крушитель дружин,
Твой лик — меж тюльпанов цветущий жасмин.
Кто статью тебе из венчанных под стать!
Дано тебе ликом луну затмевать.
Завидя в сраженье твой грозный шелом,

Как в битве разишь смертоносным копьем,—
Не глядя, где кручи, где пропасти, вспять
Несется в смятенье враждебная рать».
Внимают ей, возвеселясь от вина,
Вновь чашу подняв, осушают до дна.
Явился Рузбех к властелину земли,
В селенье жилище ему отвели.
Доставил он сорок шатров расписных,
Рабыни-румийки прекрасные в них.
Ланиты с румийскою схожи парчой,
Сказал бы, весь край озарили красой.
И вот уж в покое царя золотом
Арзу увенчали алмазным венцом.

[*Сказ о Бехрам-Гуре, Фершидверде и дровосеке*]

Вернулся владыка из дома того
С Рузбехом, и радостно сердце его.
В чертоге провел эту ночь, а с зарей
Покинул его для охоты степной.
Дорога иль нет — все едино мужам;
Уж месяц, как тешится ловом Бехрам.
Вкруг ставки шатры водрузили мужи,
В степи не оставили дичи, скажи!
Вино, из подстреленной дичи кебаб;
Сон гонят от каждого ченг и рубаб.
И хворост и сучья сырые несут,
Костры среди степи без устали жгут.
Немало из города люда пришло,
Кто — тратить, кто — множить динаров число.
И вот уже купля-продажа пошла,
От царской охоты вся степь ожила.
Онагров и ланей десятками там
За четверть цены продавали купцам.
Раскуплено множество дичи степной,
Немало к тому же и птицы речной.
Ослиными ношами брали — детей
Есть досыта чем накормить и гостей.
Вот месяц прошел. Нетерпеньем гоним,
Владыка торопится к женам своим.
С охоты он войско спешит увести,
От поднятой пыли не видно пути.
Летели как вихрь, неустанно гоня,
Пока помрачился лик ясного дня.
Вот город пред ними с немалым числом
Базаров, несчетные улицы в нем.
Царь войско с обозом отправил, ему
В том граде хотелось побыть одному.

«Где старосты дом?» — у прохожих спросил.
Услышал ответ и туда поспешил.
Дверь сломана, хоть высока, широка.
С поклоном открывшего дверь старика
Увидя, спросил: «Чье жилье? Отчего
Развалина в сердце селенья сего?»
Ответил хозяин: «Он мой, этот дом.
Такой уж злосчастной звездою ведом!
Ведь нет ни быка, ни осла, ни одежд,
Нет знаний, отваги, достатка, надежд.
Каков я — ты видишь, а дом разглядишь —
Его проклянешь ты, не благословишь».
Царь в двери вошел, огляделся в дому
И дурно едва тут не стало ему.
Повсюду овечий навоз, хоть высок,
Просторен был тот обветшавший чертог.
Сказал: «Что-нибудь расстели поскорей,
О гостеприимнейший муж из мужей!»
А тот: «Над хозяином нищим смеясь,
Пустую забаву избрал ты, о князь!
Когда бы имел что постлать на земле,
Мой гость дал бы волю хвале, не хуле.
На ложе, и то не накинут покров;
Нет хлеба, одежды, не то что ковров.
Ты в доме другом поискал бы приют,
Сам видишь, жилище убогое тут».
Вновь просит Бехрам: «За подушкой сходи,
Хотя б ненадолго меня усади!»
Тот: «Столь же была бы задача легка,
Коль птичьего ты б захотел молока».
А гость: «Молока потеплей мне добудь,
Да свежего хлеба, смотри, не забудь!»
Но слышит: «Пред мысленным взором яви,
Что съел и ушел, и спокойно живи!
Будь хлеб — и душа в этом теле была б.
Жизнь хлеба дороже. Я вовсе ослаб».
«Овец не имеешь,— вновь слышен вопрос,—
Откуда же в доме овечий навоз?»
Ответил: «Надвинулась темная ночь,
Длить споры бесплодные, право, невмочь!
Жилище сыщи, где ковер хоть бы есть,
Где гостя прибытье — хозяину честь.
Почто для ночлега забрел к бедноте,
Чье ложе в ночи на древесном листе!
Сплошь в золоте меч и твои стремена,
Коснуться их вора рука не должна.
А в жалкой трущобе, подобной моей,

Для татей лишь место, для диких зверей».
Царь молвит: «Клинка бы досель не сберег,
Будь вору под силу украсть мой клинок.
Дай на ночь убежище в доме твоем,
Не станем теперь толковать о другом».
Но слышит: «Обида и гнев ни к чему.
Приютом не станет мой дом никому».
«О старец премудрый! — воскликнул Бехрам,—
Что без толку длить пререкания нам!
Глоток хоть, быть может, холодной воды
Мне дашь ты, о муж — образец доброты!»
Ответил: «Не видел ты разве в пути,—
Стрелы два полета всего лишь пройти,—
Большой водоем. Пей, с собой унеси,
Здесь, в бедном дому, ничего не проси.
Ужели не видишь, бедняк пред тобой,
Столь дряхлый, что двинуть не в силах рукой».
Промолвил Бехрам: «Коли староста ты,
Что споришь с бойцом из-за капли воды!
Зовешься ты как?» «Фершидверд,— был ответ,—
Нет поля, воды, корки хлеба здесь нет!»
«Почто ж обрести не стараешься сам
И хлеб и покой?» — вопрошает Бехрам.
Заохал тут старец: «Да скоро ль Творец
Положит моим злоключеньям конец!
Когда ж от тебя мой избавится дом,
Чтоб пал я, хвалу вознося пред Творцом!
Лачугу пустую покинуть пора,
Не знать бы ни счастья тебе, ни добра!»
И вопль испустил столь пронзительный он,
Что в бегство тем воплем был гость обращен.
Смеясь, устремился вдогонку бойцам
И с ними свой путь продолжает Бехрам.

[*Дровосек рассказывает царю о Фершидверде*]

Покинув селение, царь-богатырь
Увидел заросший колючкой пустырь.
Старик-дровосек там работал в кустах,
С вопросом к нему обращается шах:
«Какие в селении вашем мужи
Известны тебе, враг колючки, скажи».
Ответил: «Да вот Фершидверда хоть взять,
Он алчен и скуп, если правду сказать.
Сто тысяч, должно быть, овец у него,
Коней и верблюдов не меньше того.
Несметные клады в земле и в дому

Скрывает — добра не видать бы ему!
Сам бос и оборван, пуст вечно живот,
Без чад, без родных и без друга живет.
Когда бы надел свой задумал он сбыть,
Весь дом свой алмазами мог бы набить.
В котел свой пастух его наверняка
Кус мяса положит, вольет молока.
Лепешкой из проса да сыром он сыт,
Рубаха одна и над тою дрожит».
Вновь царь дровосеку вопрос задает:
«Тебе коль известен отар его счет,
Не знаешь ли, где их пасут чабаны?
Где бродят верблюды, коней табуны?»
«О витязь,— ответ услыхал он такой,—
Путь близкий до места, где этой порой
Овец и верблюдов он держит своих,
Кипит мое сердце от дел его злых!»
Царь золото дал старику, говоря:
«Отныне возвысится доля твоя».
Достойного выбрал меж ратных мужей,
Велит ему двинуться в путь поскорей.
Бехруз было имя того мудреца,
Муж доблестный был, озарявший сердца.
С ним сотню послал верховых шахиншах,
Избрав искушенных, умелых в делах,
А также дебира, берегшего честь.
Кто мог бы искусней все должное счесть!
«В путь! — молвит Бехрам дровосеку,— гони!
Колючку сбирал, ныне золото жни!
Бойцов проводи, верный путь не тая,
И сотая доля сокровищ твоя».
Старик — Дилафруза он имя носил —
Подвижен, сложения крепкого был.
И вот уже конь быстроногий пред ним,
И слышит он: «С вихрем сравняйся степным!»
И славой свой край озарил Дилафруз,
Все дело, как должно, свершил Дилафруз.
Воителей вел по горам и степям.
Отары кормились несчетные там.
Одних караванов верблюжьих бродил
Десяток,— при каждом погонщик ходил,—
Да тысяч двенадцать молочных коров
И годных в упряжку могучих быков.
Верблюдов отменных, коней скаковых
Сочли — двадцать тысяч, не менее, их.
Изрыты копытами степи с весны,
Кувшины все маслом коровьим полны;

Да сыр, да сушеный творог; коль сочтешь,
Три сотни, знать, тысяч верблюжьих там нош.
Степь, горы — сплошь пастбище только одно,
Такого не видели в мире давно.
Посланье сын Хура Бехруз написал
Царю Бехрам-Гуру о том, что узнал.
Вначале хваленье Творцу возносил,
Творцу всеблагому, подателю сил.
Восславил затем шахиншаха, того,
Кто бремя нужды отдалил от него.
И далее пишет: «Земли властелин!
Все чтут тебя — знатный и простолюдин.
Ты милостив, царской сей милости нет
Предела. Казне твоей это во вред.
Разумная мера должна быть всему,
В ней сердцу покой обретешь своему.
Не знал Фершидверда никто. На пирах
Его не видали, о нем и в боях
Никто из мужей, будь он знатен иль мал,
Доселе и слыхом еще не слыхал.
Ни Бога он чтить не умел, ни царя,
За блага обильные благодаря.
Богатства несметные втайне скопив,
Ютится по-нищенски, скуп и сварлив.
Знай, злом обернулась твоя доброта.
В вину не вмени, что сказал я спроста.
Добро его — целая, скажешь, казна,
Лишь к третьему году сочтется она.
Дебиров призвали мы со стороны
К подножью Эльборза. Трудами полны
Их дни, все же счету не виден конец,
Уж сгорбился неутомимый писец.
От сведущих также слыхал я людей:
Он злата немало, бесценных камней
Хранит под землею. Жду ныне в горах
Велений твоих, о владетельный шах!
Владыке Ирана привет и хвала,
Да будет вовек его слава светла!»
И вот уж скакун быстролетный в пути,
Послание велено шаху везти.
Бехрузовы строки прочел Бехрам-Гур,
И вспыхнуло сердце. Стал грозен и хмур,
Наполнились очи слезами, чело
Морщинами негодованье свело.
Дебира к себе призывает Бехрам,
Шелк Чина спросил и румийский калям.
В начале посланья хвалою почтил

Владыку победы, подателя сил,
В чьей воле и мудрость, и радость сердец,
В чьей власти царя властелинов венец.
Ты пишешь: будь я справедливым царем,
Давно занялся бы подобным скупцом.
Не вор, не от крови богатство его,
Злодейства стезею не вел никого.
Зло в том, что ему благодарность чужда,
Он божьего страха не знал никогда.
Лишь страж достоянию был своему,
И духу, и телу вредил своему.
В стадах у такого — что овцы, что волк,
Не кормят, не греют, какой от них толк!
Что камень закопан в земле, что алмаз,
Коль пищи не даст он, одежды не даст.
Плод стольких усилий в казну не возьму,
Не пленник я бренному миру сему.
На свете давно Феридуна уж нет,
Сельм с Туром, Иредж — все покинули свет!
Где царь Кей-Кобад с Кей-Кавусом, воззри,
Другие — столь славные в мире цари!
Где сердце мое истерзавший вконец
Неправедный мой, вероломный отец!
Нет более тех венценосцев, о том
Напрасно мы стали бы спорить с Творцом.
Казну Фершидверда, что столь велика,
Раздай, не дотронувшись до волоска.
Несчастных, что прячут от взоров нужду,
Не видят спасенья, попавши в беду,
И старцев, которым трудиться невмочь,
Кого от дверей гонят сильные прочь,
Таких, что, простясь с достояньем своим,
Не знают конца воздыханьям своим;
Купцов, что увязли в долгах и нигде
Найти не сумели подмоги в беде;
Сирот, коли им не осталось добра,
Отцовского золота и серебра,
И вдов, не имеющих должных одежд,
Томящихся без ремесла, без надежд,
Богатствами этими ты одари,
Сердца изнемогших лучом озари.
Немедля затем возвращайся назад,
Искать не помысли закопанный клад.
Динары, что спрятал в земле иль в дому
Тот старец, оставь в утешенье ему,
Хоть праху теперь его злато равно,
Коль скоро в могилу сойти суждено.

Под сенью благой небосвода пребудь,
Чти правды стезю, благочестия путь!»
К письму приложили цареву печать,
Посланцу назад повелели скакать.

[*Бехрам охотится на львов*]

Приказано в сад, где цветенье весны,
Доставить престол властелина страны.
И вот бирюзой изукрашенный трон
Под древом, роняющим цвет, водружен.
Вот чаши, вино, музыканты уж там,
С бойцами окольными прибыл Бехрам.
Советникам молвит владыка благой:
«Не люди ли жизнь украшают собой?
Довольно, что буду в гробнице один,
Хотя бы на высшей из высших вершин.
Стирает развалины смерть, и дворцы
Во прах повергает, и башен зубцы.
Владыка и нищий — всем должно уйти,
Лишь доброе имя мы в силах спасти,
Труды непрестанные — только во вред;
Не стало тебя, и трудов твоих нет.
Хваление пусть нам века сберегут,
К другому венец и кушак перейдут.
Стремись к милосердью и правде — тогда
От благ, что вкушал, не потерпишь вреда.
Год тридцать восьмой минул жизни моей,
Немало мне светлых даровано дней.
Как жизнь подойдет к рубежу сорока,
Уж в мыслях день смерти, и в сердце тоска.
Лишь волос единый в кудрях побелел,
Надежде на радость приходит предел.
Плох мускус, коль портит его камфара,
Венец от сего не дождется добра.
Два года еще попирую, а там —
Лишь время настанет покинуть плечам,—
Надев власяницу, Творца восхвалю,
Ему благодарность ужель не явлю?
Весельем я в жизни натешился всласть,
Вкусил венценосца верховную власть,
Теперь между розой, гранатом, айвой
Не след пустовать нашей чаше златой.
Лишь первый увижу коралловый плод,
И станет пятнистым, как барс, небосвод,
Везде благовонья рассыплет весна,
И радовать станет багрянец вина,
Дни ровными станут — ни стужа, ни зной,—

Лазурными — воды, земля — молодой,—
Как в Мехр подобает, в меха облачась,
На ловлю мы в Джез устремимся тотчас.
Охота пойдет на просторе степей
Такая, что мир будет помнить о ней.
Стал ныне уж силу онагр набирать,
Свирепостью — льву, видом — тигру под стать.
Гепардов, собак, соколов всех пород
Готовьте заранее в дальний поход.
Там вместо онагров и лука, и стрел
Наполнится скачкою вольный предел.
Бывал я под Джезом. Средь шири степной
Тростник, словно копья, своей высотой.
В урочищах тамошних сыщем и львов.
Пробудем подольше — порадует лов».
Царь туч шехривера дождался, и вот
В степь вышел, с ним войска немало идет.
Дружины с вождями из множества стран
На зов шахиншаха примчались в Иран.
Сильнейших он выбрал из богатырей,
Бесстрашных, искусных в охоте мужей.
На лов десять тысяч выводит своих
Разящих булатом бойцов верховых.
Близ ставки царевой раскинули там
Шатры, приготовили стойла коням.
Подвластных вперед посылают вожди,
Копать повелевши колодцы в пути,
Глубокие, с воротом, дабы нигде
Дружины нужды не терпели в воде.
Царь двинулся следом за войском своим
На место охоты, окольные с ним.
Он видит: равнина онагров полна,
И чаща, знать, львами заполонена.
Сказал: «Нынче наша добыча — вино.
Так львиных следов это место полно,
Что завтра, должно, попадется мне зверь.
В веселье и здравье усните теперь.
Пусть ночь до зари в пированье пройдет,
Когда ж светоч мира венец вознесет,
Мечами булатными львов истребим,
Чудовище встретится — сладим и с ним.
От львов эту чащу очищу, а там
Заставлю онагра покорствовать нам».
Так минула ночь, а при первых лучах
Направился в чащу с окольными шах.
Вот первый из зарослей выглянул лев,
Онагра досыта поев, осмелев.

Воителям молвил Бехрам: «Самострел
Со мною, руки моей меток прицел.
Но выйти на львов я с мечом предпочел,
Никто чтоб лишенным отваги не счел».
Надел увлажненный кафтан шерстяной,
Уже под властителем конь боевой.
И вот пред собою дракона узрев,
На задние лапы становится лев.
Он в голову метил ударить коня,
Но всадник, коня в наступленье гоня,
Льва в голову острым мечом поразил,
А львица бежала, страх силы лишил.
Рассекши по самую грудь пополам,
Он ужас внушил этим грозным зверям.
Из зарослей тут показался другой,
С ним львица и львенок. Могучей рукой
Льву в шею вонзил закаленный клинок
И голову махом единым отсек.
«О царь солнцеликий,— промолвил мобед,—
К себе у тебя капли жалости нет!
Львиц чаща полна, да к тому же таких,
Что кормят детенышей малых своих,
И надобно остерегаться теперь:
В Мехрган ведь выводит потомство сей зверь.
Тут на три фарсанга ведь тянется лес.
Год целый хотя бы охотился здесь,
Ты чащу сию не очистишь от львов,
Почто ты к себе столь безмерно суров!
Ты львов не страшился, когда на престол,
Обет соблюдая, победно взошел.
Владыка ты ныне, онагров травить
Собрался, о львах не пора ль позабыть!»
«О старец премудрый,— ответил Бехрам,—
С зарей — на онагров, им спуску не дам!
Но славу себе богатырь удалой
Добудет ли луком одним и стрелой?
Явить коли мужество мыслим свое,
Мы в дело пускаем булат и копье».
Воскликнул мобед: «Если б десять бойцов
Имел ты — подобных тебе храбрецов,
И Чин бы лишился престола, и Рум,
Моря покорил бы высокий твой ум.
Злой глаз да минует твою благодать,
В Гольшене тебе с торжеством восседать!»
К шатру своему воротился во стан
Владыка, с ним вместе мобед, пехлеван.
Рать славит Бехрама: «Да будет и трон

И перстень вовеки тобой озарен!»
Вступает в шатер, лишь дружина ушла,
Пот скачки смывает он с рук и чела.
Был некий марзбан у владыки страны,
Шатры уже убраны, подметены.
Рассыпал кафур, свежей влагою роз
Кропит, также мускус для ложа принес.
Столов золотых простирается ряд,
Сверкают, на чинский украшены лад.
Вот жареных вносят ягнят, после них
Немало и яств благовонных иных.
Дав пищей насытиться вдоволь мужам,
Хрустальную требует чашу Бехрам.
И дева — пери подобал бы сей лик!—
Подносит ее властелину владык.
Сказал: «Эрдешир, чья могла благодать
И старцев в мужей молодых обращать,
Царь истинный был, мы лишь слуги его,—
Еще мы достойны ль названья сего?
В боях, на пирах, на совете мужей
Он звался по праву владыкой царей.
А царь Искендер, что из Рума вступил
В Иран, беспощадно сей край разорил,
Был чужд благородству, несдержан и дик —
Убил тридцать шесть венценосных владык.
Нет в мире царя, чтоб его не хулил,
В сердцах только ненависть он поселил.
Мир проклял его, жаждой мщенья горя,
Но благословил Феридуна-царя.
Хочу, чтобы каждый, велик он иль мал,
Везде мое имя добром поминал.
Зовите глашатая,— молвил,— чтоб муж
Был славный, да с голосом звучным к тому ж.
Дорогами и бездорожьем пройдя,
Пусть всех известит, от бойца до вождя:
В Беркухе, мол, в Джезе — речь эта для всех:
Кто золото, жемчуг, парчу или мех,
Иное ли что — хоть былинку — дерзнет
Присвоить неправедно — ведайте, тот
Спиною вперед будет к конской спине
Привязан, прикрутят и ноги. В огне
От срама, два воина по сторонам —
Так в Азергошесп будет послан, во храм.
О милости перед священным огнем
Пусть молит Йездана, во прахе лицом.
Его ж достоянье достанется тем,
Кого он ограбил. глумился над кем.

Кто пустит коня за чужую межу,
Плод с древа сорвет ли — того посажу
Надолго в темницу, всем жребий один,
Будь родом он знатен иль простолюдин.
Что степь нам дарует — довольно того,
А в городе не обирать никого!»
Из града Беркуха, из Джеза потом
В ту степь потянулись купец за купцом.
Сказал бы ты, чинское торжище там,
Где с войском стоянку устроил Бехрам.

[*Бехрам являет свое искусство на ловле онагров*]

Наутро, лишь солнца венец засверкал,
На ловлю онагров Бехрам поскакал.
С ним знатные, лук оснастив тетивой,
Летят, замыкая воителей строй.
Царь молвил: «Стрелок если лук свой потрет,
Как должно прицелясь, плечо отведет,
В круп прямо онагру вонзиться должна
Стрела, из груди тут же выйдет она».
«О царь,— отвечает один из бойцов,—
Взгляни на славнейших своих храбрецов.
Чьим стрелам дарован подобный полет?
Признает и недруг и твой доброхот,—
Такое тебе по плечу одному.
Не ведать заката венцу твоему!
Как выйдешь ты с палицей, луком, копьем,
Во всем богатырском величье своем,
Стыд витязей обуревает, о шах,
И луки дрожат в ослабевших руках».
А царь: «Силу Бог посылает мужам.
Коль силу отнимет, что будет Бехрам!»
Шебдиза погнал Бехрам-Гур. Лишь настиг
Онагра-самца, к луку тотчас приник,
В миг должный онагра стрелой поразил
И круп вместе с грудью мгновенно пронзил.
Тот рухнул. Мужи в золотых кушаках
Примчались, увидели, что Бехрам-шах
Свершил, и дивятся искусству тому,
И славу владыке поют своему.
Где перья и где наконечник? Стрела
Исчезла, вся в тело онагра ушла.
Не молкнут хваленья бойцов верховых,
Испытанных в брани вождей боевых.
Сказал ему первый из богатырей:
«Печальных вовек да не ведаешь дней!

Бехрам-Гур сватается к индийской княжне

Лист 721R, худ. Реза-йе Мусаввир. Рукопись ГПБ 333 (Dorn. 318—319). Исфаганская школа, сер. XVII в.

Бехрам-Гур беседует с мобедами

Лист 711R, худ. Реза-йе Мусаввир. Рукопись ГПБ 333 (Dorn. 318—319). Исфаганская школа, сер XVII в.

Бехрам убивает индийского носорога

Лист 311V. Рукопись ИВАН С 1654, Йезд, 40-е годы XV в.

Искендер и всадники у говорящего дерева

Лист 270R. Рукопись ИВАН С 1654, Йезд, 40-е годы XV в.

Ты — всадник, а мы — на ослах ездоки,
И даже слабей, чем ослов седоки».
Ответил Бехрам: «Та стрела — не моя,
Рукой моей водит благой Судия.
Кто в благость и силу Творца своего
Не верит, нет в мире презренней того!»
Пустил ретивого, скажи, превращен
Мгновенно в Хомая крылатого он *.
Онагра нагнал: это самка была,
Детеныша рядом с собою вела.
Так ловко и сильно ударил Бехрам,
Что острым булатом рассек пополам.
Вожди подоспели вослед и бойцы,
Разящие острым мечом удальцы.
Глядят и дивятся удару, и речь
Мобедову слышат: «Вот сила, вот меч!
Да будет от сглаза укрыт властелин!
Сравнится с ним месяц небесный один.
Цари ему слуги. Во прах небосвод
Пред этим мечом и стрелою падет».
Летит за владыкой окольная знать,
Онагров подстреленных не сосчитать.
Колец повелел наковать золотых
И вырезать царское имя на них;
Онагров, их в уши продев, отпустить,
Так триста онагровых стад отклеймить.
Свободу им дал ради славы своей,
Для радости царской, забавы своей.
Владыки указ огласили потом:
Никто, мол, на этом просторе степном
Не должен онагров купцам продавать,
Их велено даром народу раздать.
Из града Беркуха, из Джеза чредой
Мужи прибывали с мехами, с парчой.
Все принято. Велено освободить
От пошлин, хоть было в их силах платить.
И каждый, кто в тех городах изнывал
От бедности, хлеб свой трудом добывал,
Был даром властителя обогащен.
Иному достался и княжеский трон.
Царь в город вступает с дружиной своей,
С ним радостно город пирует семь дней.
Был местом приемов нередко мейдан,
Шли витязи, спешась, к властителю стран.
Один из мужей сладкогласных, таких,
Что правды взыскуют, разумных, благих,
Взывал: «Произвола познавшие гнет!

1/210 Фирдоуси

Йездана прославьте, он — верный оплот.
Кому были горести причинены,
Кто тщетно подмоги искал у казны,
Спешите к мейдану, и наш властелин
Вам жизнь обновит, оградит от кручин.
А также кто стар и трудом изможден,
Пусть молод, но силы, здоровья лишен;
Кто в сеть неоплатных долгов угодил,
От натиска заимодавцев без сил;
И дети, что долей сиротской своей
Гонимы к порогу богатых людей;
И матери, что, уступая стыду,
Скрывают от взора чужого нужду;
Когда из имущих кто-либо умрет,
Сирот оставляя, а тех оберет
Сановник, корысти своей уступив,
Стыд в сердце утратив, страх Божий забыв,—
Хранить не должны вы молчанье о том,
Ведь я не нуждаюсь в молчанье таком.
Могу бедняка в богача превратить,
Отвергшего веру Творцу возвратить,
И долг уплатить за беднягу, что сжат
Тисками безденежья, горем объят.
Пред каждым, кто бедствует втайне, казну
С готовностью я широко распахну.
Кто станет чинить притеснения, мзды
Осмелится требовать у сироты,—
Повешу злодея, забывшего честь,
Дерзнувшего горе свободным принесть!»
И вот уж распахнуты двери казны
И впавшие в бедность обогащены.
Оттуда венчанный помчался в Багдад,
Душой просветленный, свершенному рад.
Явилось из иноплеменных вождей,
А также царю соплеменных мужей
Немало. И всех отпустив наконец,
Вступает владыка в отрадный дворец.
Златой шебистан разукрасили тут,
Рабыни и чаши, и мускус несут.
Отосланы лишние, ченги на лад
Настроены, песни красавиц звучат.
Звон струнный, свирелей и дев голоса
Возносятся, скажешь, с земли в небеса.
У всех без обиды, чей выйдет черед,
Веселье до ночи глубокой идет.
Четырнадцать дней в том дворце пребывал,
И щедрой рукой из казны раздавал

Дирхемы. В Истахр возвратившись потом,
Чело озарил многославным венцом.
Вот дверь шебистана Бехрам отворил,
Красавиц дирхемами всех одарил.
Заметив, что есть не у каждой из жен
Венец золотой, подобающий трон,
Владыка Ирана вознегодовал,
Сжал губы сурово, Рузбеха призвал.
«Знай,— молвил,— отдать я намерен им в дар
Всю дань, что с румийцев сберешь, и хазар.
У Рея динаров харвары возьми,
В казне Исфагана динары возьми.
Пришел шебистан в разорение, мне,
Ирана царю, не пристало сие».
Дань новую требуют с каждой из стран,
Устлали блестящей парчой шебистан.
Проносится время, пирует Бехрам,
Ни к мирным, ни к бранным не рвется трудам.

[*Нападение владыки Чина на Иран*]

До Чинской земли, до Туранской земли,
До Хинда и Рума известья дошли:
Мол, празден Бехрам, забавляясь живет,
На свете ни с кем не считаясь живет.
Нет вышек дозорных и нет часовых,
И на рубежах нет вождей боевых.
Потехам да играм весь день посвящен,
О явном и тайном не ведает он.
Как вести такие хакан услыхал *,—
Из Чина, Хотана дружины призвал.
Дирхемы раздавши, пошел к рубежам
Ирана,— и в мысль не приходит Бехрам!
Когда ж до Ирана известья дошли
Из Рума и Чина, и Хиндской земли,
Что войско румийский послал властелин
И тот, кто Хотан возглавляет и Чин,—
Немало Ирана знатнейших мужей
И витязей старых, и новых вождей —
Пришли к Бехрам-Гуру, владыке страны;
Сердца возмущенья и гнева полны.
И молвили дерзко: «Знать, время судьбе
Настало спиной повернуться к тебе!
О битвах мечты венценосцев других,
Лишь празднества, игрища в мыслях твоих.
И войско ничто для тебя, и казна,
И царский венец, и родная страна».
Ответствует царь-миродержец мужам,

Своим указующим путь мудрецам:
«Мое упованье — Создатель миров,
Он выше премудрости всех мудрецов.
Победною силой великих царей
Иран сберегу я от волчьих когтей.
Удачей и войском, мечом и казной
Заставлю несчастье пройти стороной».
Как прежде, забавами тешится шах,
У витязей очи в кровавых слезах.
Твердят: «Этот царь истерзает сердца,
Страданьям достойных не видно конца!»
Но бодрствует сердце Бехрама, оно
Всечасно заботам войны отдано.
Готовится втайне к походу, про то
В державе Иранской не знает никто.
Как вспомнят иранцы, чем занят Бехрам,—
Расколоты, скажешь сердца пополам.
На шаха надежда покинула их:
Мол, жизней лишимся, владений своих!..
Известье, меж тем, получил Бехрам-шах,
Что враг на иранских уже рубежах.
Вождя Гостехема владыка зовет *,
С ним речь о властителе Чина ведет.
Советник царя, полный силы к тому ж,
В бой шел, как на праздник, сей доблестный муж.
Пришел Мехр-Барзин, чей родитель — Ферхад,
Еще Мехр-Фируз, чей родитель — Хоррад,
Бехрамова рода Бехрам, Хезерван,
Роххам именитый и с ним Эндеман,
Владыка Гиляна и Рея глава,
Чью стойкость в бою прославляет молва;
Еще Дад-Барзин, что искусно ведет
Сраженье, чья доблесть — Забула оплот.
Еще сын Борзмехра, Карен-исполин,
И с грозным челом пехлеван Рад-Барзин.
Шесть тысяч иранцев избрал он, мужей *
Испытанных, славных отвагой своей.
Оставил он брату престол и страну *,
Дабы сохранял он и рать и казну,—
Нерси ясноликому, что справедлив
И мудрости полон, и благочестив.
Вот с места поднялся воинственный стан,
Царь мчится с дружиной в Азерабадган.
Из Парса столь малое войско он взял,
Что так заключил про себя стар и мал:
Мол, к Азергошеспу царь двинулся в путь,
Задумав от битвы с врагом ускользнуть...

Лишь только Бехрам в край Азера ушел,
Примчался, как вихрь, от кейсера посол.
Румийцу почтенье Нерси оказал,
Чертог предоставил, какой подобал.
К мобеду мобедов иранцы сошлись,
Узнав об уходе царя. Полились
Их речи: мол, шах расточает казну,
По-царски, мол, не умножает казну.
Не жаль ему жизни, не то что казны!
Годам молодым, мол, не знает цены.
Страну разорил и рассеял он рать,
Мол, каждый стал доступа к власти искать...
Немало мужи рассуждали о том,
Слова исчерпав, на решенье таком
Сошлись: мудреца из Иранских вождей
К властителю Чина послать поскорей,
Все средства возможные в дело пустить,
Набег неприятеля предотвратить,—
Да минет Иранскую землю разгром,
Коль скоро хозяин покинул свой дом!..
«Негоже! — Нерси отвечает,— нигде
И русла не сыщешь подобной воде!
Пред Чинским владыкой главы не склоню,
Слонами, дружинами степь наводню.
Оружие, злато, мужи у меня,
Клинки удальцов наших жарче огня.
В отчаянье тем Бехрам-шах вас привел,
Что с малой дружиной отсюда ушел.
Дурное почто в ваше сердце вошло!
Злой мыслью бывает накликано зло».
Речь выслушав эту, иранцев совет
Такие слова произносит в ответ:
«То — войско ль, что взял, отправляясь, Бехрам?
Заботою как не терзаться сердцам!
Коль вторгнется в нашу державу хакан,
И запах и цвет свой утратит Иран.
Враг войско сметет и Нерси самого,
Все будем растоптаны до одного.
Поищем же средства страну уберечь,
На верную гибель себя не обречь».
Был некий мобед, прозывался Хомай,
Чей разум и знанья прославили край.
Был избран иранцами праведный тот,
Да пустит, мол, средство спасения в ход.
И вот уж послание сочинено
Хакану, смирением дышит оно.
Так пишут: «Рабами своими сочти,

Покорность готовы тебе принести.
Всего, что имеем в Иране родном,
Смиренно хвалу воздавая, пришлем.
Платить обещаем сверх этого дань,
Ведь нам не под силу с туранцами брань».
С посланием этим, не медля ничуть,
Хомай и вожди отправляются в путь.
Послание знати хакану вручил,
Тем словом владыка обрадован был.
Потом о Бехраме, властителе стран,
Что спешно с мужами покинул Иран,
Правителю Чина поведал посол,
Тот сердцем от вести нежданной расцвел
И речь перед знатью туранской ведет:
Оседлан, мол, нами вертящийся свод!
Без боя Иран доставался кому?
Лишь мудрости нашей, упорству, уму...
Посланца он щедрой рукой наградил,
Дирхемов, динаров немало вручил,
Послание также составил в ответ:
«Да светит всем праведным разума свет!
От вас, справедливых, дошедшую весть
Приемлю, во всем соглашаюсь как есть.
Лишь только бы в Мерв мое войско вошло,—
Украшу я край, как фазанье крыло.
День правды, согласья, расцвета придет,
Повсюду в ручьях молоко потечет.
Дождусь только дани, что вышлет Иран,
Страною отважных прослывший меж стран,—
До Мерва дойду, за Астар не пойду,
И вас мое войско не ввергнет в нужду».
Немедля посланец в Иран поскакал,
Что видел, слыхал у хакана, сказал.
Рать входит хаканова в Мерва предел,
От пыли поднявшейся мир почернел.
Воссел пировать, давши отдых бойцам;
И в мысль никому не приходит Бехрам!
От звона рубабов и ченгов всю ночь *
Уснуть никому в целом Мерве невмочь.
По степи раскинулся стан. Не видны
Дозоры. Без стражи коней табуны.
Охота, най с ченгом да чаши с вином *,
Война не заботит ни ночью, ни днем.
Той дани иранской заждался хакан,
И гневом уже загорался хакан.

[*Нападение Бехрам-Гура на владыку Чина*]

Бехрам между тем не бездействует. Он
Заботой о войске своем поглощен.
Лазутчиков ночью и днем рассылал,
Ни дня на вино и пиры не терял.
Как весть к Бехрам-шаху пришла, что хакан
Уж в Мерве раскинул воинственный стан,
Из Азергошеспа — обоза не взял *,
Бойцы при конях запасных,— ускакал.
У каждого панцирь, румийский шелом,
Днем скачут и скачут во мраке ночном.
Сказал бы, несется стремительный силь.
Амола достиг, миновал Эрдебиль,
Оттуда к Горгану помчался, в пути
Заботы великих привыкший нести.
И дальше к Нису переход совершил,
При нем проводник многоопытный был.
Скакал по горам, бездорожьем степей,
Как ветер, не зная ни дней, ни ночей.
Дозоры держал он дневною порой,
Недремлющих стражей ночною порой.
Так мчится — и вот уже Мерва предел,
Фазан быстролетный быстрей не летел.
Посланец лазутчиков вести несет:
Хакан, мол, далек от державных забот.
Охотится, знай в Кешмихене, ведом
Рукой Ахримана и ночью и днем.
Известием этим обрадован шах,
Забыл о тяжелых походных трудах.
И там, однодневный устроив привал,
Он отдых коням и воителям дал.
Пришел к Кешмихену рассветной порой,
Лишь светоч вселенной взошел над горой.
Возносится труб оглушительный рев
И взоры слепит пестрота бунчуков.
Клич битвы взлетел над простором степным,
Слух шаха и войска наполнены им,
И львиные уши тот гром раздирал!
Сказал бы, неслыханный град грохотал.
Кровавых потоков равнина полна,
Дождь крови извергла, ты скажешь, луна.
От хмеля охоты очнулся хакан,
Но поздно — его полонил Хезерван.
С ним триста знатнейших из Чинской земли,
Привязанных к седлам, в полон увезли.

Оттуда примчался он в Мерв. Скакуны
От скачки той были тростинке равны.
И в Мерве уж чинских не стало бойцов,
Спаслось от погибели мало бойцов.
За теми, кто кинулся в бегство, Бехрам
Пустился с дружиной своей по пятам;
С ним витязь Карен из Парсийской земли.
Так тридцать фарсангов в погоне прошли.
Затем в Кешмихен устремился опять
И войско добычею стал оделять.
Над Чином победу сию одержав,
Йездана восславил владыка держав,
Во благе и бедах дарителя сил,
Зиждителя солнца и сонма светил.

[*Бехрам ставит пограничные столбы между Ираном и Тураном*]

Недолго затем пробыл в Мерве Бехрам.
Дав отдых себе и своим скакунам,
Вновь битвы, не мира, душой возжелал,
Сразиться теперь с Бухарой возжелал *.
За сутки достиг полноводной Аму,
Не лов — целый мир, скажешь, нужен ему.
Средь ночи теченье реки пересек
И сразу Фараба пески пересек.
Вот солнце взошло, позлатившее высь,
Покровы лаквердовые совлеклись.
От пыли стал мир словно черга крыло,
Маймерг уже войско Бехрама прошло.
Туранскому войску разгром принесли,
Страну разорили, огню обрекли.
Длань месяца ищет звезда — не найдет,
Отец ищет сына — следа не найдет.
Туранской земли боевые вожди,
И старые и молодые вожди
Явились, посыпав на головы прах.
Шли пешие — с горечью, болью в сердцах.
«О царь, о великий, с высокой звездой,—
Сказали,— о доблестный вождь боевой!
Хотя пред тобой провинился хакан,
Хоть верность нарушил властителю стран,
В возмездие крови безвинных не лей.
Злопамятство не украшает мужей.
Что головы знатных во гневе рубить!
Не лучше ль на сдавшихся дань наложить.
Повержены в битве — отныне твои,
Здесь только рабы да рабыни твои».

Тут в сердце Бехрам сострадание впустил,
Рукою рассудка свой гнев укротил.
Встревожился чтущий Йездана, точас
Его повеленьем резня пресеклась.
Он милость явил побежденным врагам,
Он мир возвратил возмущенным сердцам.
Знатнейших глава пред владыкой предстал,
Согласье на дань изобильную дал.
Добившийся дани богатой, притом
Взял выкуп с туранцев немалым добром.
Вот в город Фараб прибывает, в глазах
Сиянье, улыбка на царских устах.
И там семидневный устроил привал,
Вождей Чина знатнейших призвал.
Из камня с известкой возводит столбы,
В Иран из Халладжа, Турана дабы
Без грамоты царской никто не ходил;
К тому же Джейхун рубежом послужил.
Муж некий, умом наделенный большим,
Был в войске туранском, по имени Шимр.
Его посадил на престоле страны,
Венец его, скажешь, вознес до луны:
И вот на престоле серебряном том
Царь Шимр восседает в венце золотом.
Себя для трудов препоясав, раскрыл
Длань щедрую, счастьем Туран озарил.

[*Послание Бехрам-Гура брату его Нерси и витязям Ирана*]

Как только в Туране устроил дела,
Душа властелина покой обрела.
Нерси написать пожелал шахиншах
О битве с туранцем и прочих делах.
Вначале хвалу от раба возносил
Создателю мира, дателю сил,
Которым победы, величье даны,
Владыке Бехрама, Кейвана, Луны:
«Великое, малое в воле Творца
С начала всего бытия до конца.
Для брата в Иранскую землю мою
Я с Чинской границы послание шлю.
Ко всем именитым иранцам реку
Я этим посланьем на чинском шелку:
Кто битву с хаканом не мог увидать,
Об этих воинственных должен узнать.
Дружин было столько — сказал бы в тот миг,
Что небо смолою измазало лик.

Страна стала морем кровавым тогда,
Трон рухнул с владыкой неправым тогда.
В полон угодил в том сражении к нам,
Ведь он опостылел самим небесам.
Везу на верблюде в надежных ремнях,
Изнывшего сердцем, в кровавых слезах.
Вожди присмирели, что масло — их речь,
Хоть сердце уж кровью готово истечь.
Кто недругом был, дань согласен нести,
На путь возвратился — кто сбился с пути.
С дружиной вослед за посланьем и сам
Прибуду, на радость всем верным сердцам».
Рванулись вперед скаковые, летят,
Что вихрь над землею, что грома раскат.
И вот уж посланье Нерси вручено,
Читает, и радостью сердце полно.
К вождю поспешает верховный мобед,
Из родичей, витязей созван совет.
Клич радости встал у дворцовых ворот,
Известьям отрадным внимает народ.
И те, что роптали, корили царя,
Пришли, от раскаянья сердцем горя.
Мольбу о прощенье Нерси принести
Явилось их более ста тридцати:
Мол, помысел кривды и див совратил,
С путем миродержца сердца разлучил.
Когда уходила горсть малая та,
Кто ждал, что откроются неба врата!
Мудрейшим из мудрых слыви — все равно
Здесь чудо, что мысли объять не дано.
Как станешь в ответ о благом и худом
Посланье писать, напиши, мол, о том
Что каются витязи, гложет их стыд —
Быть может, владыка виновных простит...
Нерси благородный согласие дал,
Властителя гнев угасить обещал.
И вот уж Нерси за ответным письмом.
Царя извещая о добром и злом,
Так пишет: «Страшась, что нагрянувший враг
Страну и казну и домашний очаг
Разрушит, надежды на шаха лишась,
Держава на милость хакана сдалась.
Поверь, тут не умысел злой, не вражда,
Не звали б другого царя никогда.
Заступником ныне избрали Нерси:
Мол, милости царской для нас испроси!
Теперь, коль вину шахиншах не простит,—

Виновным и ночи и дни омрачит».
Муж, имя Борзмехра носящий, к пути
Готов, отряженный посланье везти.
И вскоре предстал он пред взором царя,
Что ведал — открыл, напрямик говоря.
Известие выслушав, царь просиял,
Подобен бездымному пламени стал.
Чегана и Хаттля и Балха вожди,
Мобеды Герче, Бухары впереди —
Все с бажем явились, барсамы в руках
И благословенья у всех на устах
Огня почитателю. Дань в меру сил
С тех пор всякий царь ежегодно платил.

[*Возвращение Бехрам-Гура в Иран*]

Покончив с заботой о храме Огня,
То место Седе и Наврузова дня
Покинул. Азерабадгана достиг
С иранскою знатью владыка владык.
Во храме Огню поклонились они,
С мобедами вместе молились они.
Дары совершавшим служенье раздал,
И вновь победитель свой путь продолжал.
И вот уже в древний вступает Истахр —
Был каждый тем городом горд шахиншах.
Везли за владыкой на спинах слонов
Тугие кантары из кожи быков *,
И в каждом — их тысяча сто шестьдесят —
Дирхемы, динары златые лежат —
Казна из монет: «пейдовси» искони *
Звались у мобедов парсийских они.
Всю землю вокруг бурдюками устлал
И радостно всем серебро рассыпал.
О всех поврежденных мостах на пути,
О ветхих ребатах велит донести *,
За счет властелина казны починить,
Хлопот и обид никому не чинить.
И нищих велел оделить шахиншах,
И тех, кто искал пропитанья в трудах.
Он щедрой рукою дирхемы давал,
Раскаянья в щедрости царской не знал.
Сиротам и вдовам велел серебро
Отвесить, прибавить иное добро.
И всех изможденных годов чередой,
Кому уж ни труд не под силу, ни бой,
И знатных мужей разорившихся, тех,
До коих нет дела богатым, и всех,

Кто, странствия кончив, вернулся в свой дом
И прятать нужду понуждаем стыдом,
Богатствами новыми царь одарил,
Порадовать душу ничью не забыл.
Добычу военную роздал бойцам,
Ни крохи своим не оставив ларцам.
Мобеду, хранившему веру и честь,
Хакана венец повелел он принесть.
Алмазы, сверкавшие в нем, извлекли;
Во храме на стены узоры легли
Алмазно-златые, а также престол
Огня в драгоценном убранстве расцвел.
Оттуда с дружиною он поскакал
В Тисфун, где с везиром Нерси пребывал.
Выходят воители шаха встречать,
Ирана вожди, вся верховная знать.
Увидел Нерси властелина венец
И войско под стягом, отрадой сердец;
Покинул седло и склонился пред ним
С вождями Ирана, с мобедом благим.
Царь сесть на коня его просит, берет
Он за руку брата, с ним скачет вперед.
Воссев во дворце на сверкающий трон,
Толпой родовитых мужей окружен,
Он щедрой рукой бедняков одарил,
Для узников двери темниц растворил.
Весельем и правдой страна расцвела,
И скорбь из скорбящего сердца ушла.
От каждого края беду отогнал,
На празднество всех именитых созвал.
И те, что на празднество это пришли,
Дары унесли и почет обрели.

[*Бехрам шлет наставления своим сановникам*]

В день третий для знатных устроили пир,
Вблизи от владыки посажен дебир.
За чашей, как радость коснулась чела,
Составил — исполнено света, тепла —
Посланье; вначале хвалу возносил
Тому, кто премудростью душу омыл,
Кто сердце украсил высоким умом,
Добро человечности множил трудом,
Йездана источником блага признал,
Чтил мудрость и дружбы с разумным искал,
Кто знает, что правда лишь благо дарит
И в двери злонравия не постучит.

Коль подданный наш от сановных мужей,
От знатных, наместников или вождей
Застонет — темницу иль петлю пожнут,
Убитыми наземь с позором падут.
Страданья старайтесь везде уменьшать,
В сердцах опечаленных мир воскрешать.
Бессмертного нет на земле никого,
Ищите лишь правды, добра одного.
Я этим словам подтверждение — сам,
Я правды в делах воплощение — сам.
Враг сильный замыслил сразиться со мной,
Со мной и с великою нашей страной.
Я выступил с малой дружиной, и вот,
Кто был зложелатель — теперь доброхот
Такой многославный, что Чин возглавлял,
В венце миродержца на троне блистал,
В сраженье от длани моей не ушел,
Туранский теперь опрокинут престол.
По воле Творца победил я в боях,
А головы недругов пали во прах.
Свой век да наполню служеньем одним,
Одной справедливостью руководим.
Брать подать с народа не стану семь лет,
С подвластных ли, знатных — различия нет.
Послание мы пехлеви языком
Правителям всем написали о том,
Дабы справедливость являли они,
Насилия не учиняли они.
Из жителей края беднейших людей,
Таких, что не ведают радостных дней,
Прислать не замедлите мне имена,
И будет им доля в достатке дана.
А также мужей родовитых, таких,
Чье сердце скорбит о богатствах былых,
Вы всех обеспечьте из нашей казны,
А мудрых почетом украсить должны.
За тех, что не в силах долги возвратить,
Везде обреченных презренье сносить,
Долги из казны заплатите сполна,
Как должно, в диван занеся имена.
Молите Йездана, чтоб дал нам и впредь
О вере, законе всем сердцем радеть.
Ваш дух да порадует этот указ,
Да видит заступников подданный в вас.
И даже раба не тирань своего,
Ведь раб — это раб и Творца самого.
Кто дело такое посильным найдет,

Пусть мудрым в ученье детей отдает.
Познаньями обогащайте себя,
И веры венцом увенчайте себя.
К чужому добру не тянитесь, вреда
Не делайте, чтите Йездана всегда.
Трудитесь, завет наш страшась преступить,
Чтоб корни у дерева зла обрубить.
Взывайте, чтоб вам Вседержитель помог,
Любовь ко Всевышнему — жизни залог.
Соседям же не наносите обид,
И тем особливо, чей род именит.
Того, кто неправдою разбогател,
Оставил подвластности прежний удел,
Не чтите великим — он быстро с высот
В свое недостоинство вновь перейдет.
Для бедных людей не жалейте казны,
Коль сами богатствами наделены.
Добром, покровительством чистым воздай,
А душу просящего не сокрушай.
Коль дело от правды вдали отстоит,
Деянье такое добра не сулит.
Да благословит Вседержитель таких,
Чья суть преисполнена качеств благих!»
Блистающий шелк с письменами свернул
Дебир, в крепкий мускус тростник обмакнул.
«Царь мира, дух правды, и зло и добро
Познавший,— унван начертало перо,—
В чьих милость, величие, сила руках,
Источник щедрот, Бехрам-Гур шахиншах
Марзбанам, покорность являющим нам,
Воителям доблестным, мудрым вождям».
Во все необъятной державы концы
С посланием царским несутся гонцы,
И вскоре посланье достигло вождей,
Правителей всех городов, областей.
Йездану хваленье повсюду звучит:
Мол, есть миродержец, что Господа чтит!
К просторам степным все на свете спешат,
И жены и малые дети спешат:
От сердца хвалу властелину земли,
Тому справедливому все вознесли.
Повсюду устроили пиршества тут,
Все было: вино, музыканты и руд.
Так зажили, в сердце веселье храня,
Полдня пировали, трудились полдня.
С зарей, что ни утро, внимает народ
Глашатая зову близ царских ворот:

«Имеющий блага, вкушая, дари
И нас за достаток свой благодари!
Тому, кто нуждается, выдать должна
По пять полновесных дирхемов казна.
И каждого добрым вином наделят:
Три мана — златого иль цвета гранат».
Веселью народ предается везде,
И голос хмельных раздается везде.
За красный, из ивовых листьев венок
Уже два динара потребовал торг.
За каждый нарцисс отдавали дирхем,—
Все ж не было лиц, опечаленных тем.
От радости старец как юноша стал,
И каждый родник молоко источал.
Восславил творца повелитель владык,
Увидев державы столь радостный лик.

[*Бехрам-Гур посылает своего брата Нерси в Хорасан*]

Однажды Бехрам призывает Нерси,
Венец и печать он вручает Нерси *.
«Возьми Хорасан,— молвит,— благоустрой,
Пусть подданный радостен станет душой.
Один избери — справедливости путь,
Смотри же, к бесчинству не мысли свернуть.
Отец, коль свирепствовал, чуждый добру,
Был скручен потом, как нагой на ветру».
Халат приготовить велит, из казны
Богатства немалые уделены.
При этом сказал: «Будь Йезданом храним,
Трон солнца да будет престолом твоим!»
Четырнадцать дней собирался Нерси,
Легко Хорасан доставался Нерси!..
Неделя, как отбыл Нерси, отошла,
Душа властелина покой обрела.
Мобеда мобедов владыка царей
К себе призывает, с ним знатных мужей.
«Кейсера,— сказал,— задержался посол,
Давно уже не представлялся посол.
Каков этот муж? Разуменьем каков?
Ведь разум для духа основа основ».
«Будь счастлив, о царь! — отвечает мобед,—
Тебя да хранит благодатью Изед.
Разумен и скромен, в почтенных годах,
С приветливой речью всегда на устах.
Платоновой мудростью был просвещен,
И знатен, и рода высокого он.

Как прибыл из Рума, величьем сиял,
А ныне величие все растерял.
Желт, словно тростник; или в месяце Дей
Такую нашел бы ты немощь у змей.
Мужи при румийце — сравнить их готов
С косулей, что гончих завидела псов.
Сурово и хмуро взирает посол
И нас за людей не считает посол».
Бехрам отвечает: «Дарует Творец
Величие, силу, престол и венец.
Коль он победителем сделал меня,
А ночь моей доли — сиянием дня,—
И этот, что в Руме теперь властелин,
Единодержавный страны господин,—
Великий, кровь Сельма, который на трон
Рукой Феридуновой был возведен.
И ныне пример человечности дал,
В безумье, подобно хакану, не впал.
Велю, чтоб румиец к приему пришел,
Услышим, что дельного скажет посол.
Потом отошлю его с миром назад —
Всегда был умножить сторонников рад.
Тот ищет сраженья — бойцов приведет,
Тот — пир и венец золотой предпочтет.
Их помыслы мне различать надлежит,
Блажен, кто с великими лад сохранит!»
С любовью хваленье мобед воздает:
«Будь счастлив, доколе вращается свод!
Глаголет язык твой благое всегда,
Пребудь средь великих главою всегда!»

[*Вопросы и ответы румийского посла в беседе с мобедами Ирана*]

Вот солнца венец появился. Огнем *
Охвачен рассветных небес окоем.
Владыка державы воссел на престол,
При всех именитых был призван посол.
Вошел многоопытный муж, отягчен
Годами, и красноречив, и умен.
Он, руки скрестивши, главу преклонил,
Пред троном царя на коленях застыл.
Приветствовал старца Бехрам, обласкал,
Сиденье близ трона ему указал
И молвил: «Немалый здесь пробыл ты срок,
Но этой страной насладиться не мог.
С хаканом война удаляла меня,
На долгое время связала меня.

Мне встреча с тобою — что светлая весть,
Продли же свое пребывание здесь.
Ответы на речи дарую твои,
Ко благу слова истолкую твои».
Почтенный посланец ответил хвалой:
«И время и мир да пребудут с тобой!
Ведь каждый владыка богатый умом
К речениям мудрых душою влеком.
К Йездану пречистому ближе они,
Окутаны мраком зломысленных дни.
Не зря повелитель венчанных других,—
Ведь ты и владыка, и лучший из них.
Язык твой — весы, жемчуг — речь, посему.
Коль взвешен твой жемчуг,— что злато ему!
Твой разум и знание, и благодать
Властителям победоносным под стать.
Твои помышления мудры, чисты,
Всех мудрых возглавил воистину ты.
И пусть я кейсеру служу одному,
Я раб, о венчанный, рабу твоему.
Владыке владык от кейсера поклон,
Вовек да пребудут венец твой и трон!
Еще мне про семь повелели вещей
Спросить у твоих быстроумных мужей».
Царь молвит на это посланцу: «Ну что ж,
Искусною речью почет обретешь».
Велит, чтоб глава умудренных вошел,
С собой именитых мобедов привел.
Владыка речами посла завлечен,
Вздыхает, томясь нетерпением, он:
Мол, что за вопросы румиец хранит,
О коих с мобедами заговорит?
Мудрейший пришел и ученые все,
В науках любых искушенные все.
Сокрытое красноречивый открыл,
По слову кейсерову так говорил:
«О путь указующий, как наречешь
Такое, что внутренним только зовешь?
Что внешним, скажи, величаешь всегда,
Названья иного не знал никогда?
Что — высь и что — низ, бесконечное — что,
И самым ничтожным считается кто?
И что это: множество носит имен
И властью великой везде облечен?»
Мобеда мобедов тут речь раздалась:
«Терпение явим и разум сейчас».
«О муж прозорливый,— промолвил потом,—

Все будет, что должно, в ответе моем.
Что вне, что внутри — в том неясного нет,
Не надобен тут многословный ответ.
Вовне — небеса, в них эфирная часть,
Над ними творца благодатная власть.
Изед — бесконечное. Коли пред ним
Мы знаньем кичимся — дурное творим.
И дальше: рай — верхнее, нижнее — ад.
Злосчастен, кто Богу враждою объят.
А это, что множество носит имен,
Чьей силою, волею мир покорен,
Не разум ли, о многославный, скажи.
Им к цели ведомы благие мужи.
Тот — верностью, этот — любовью зовет;
Где разум уходит, там зло восстает.
В речах искушенные правдой зовут,
Счастливые сметливость в разуме чтут.
И учит терпенью, и тайну хранит,
Незыблемой прочностью слово дарит.
Так многообразны его имена —
Граница поистине им не видна.
Превыше, чем разум, не чти ничего,
Признай меж достоинств главенство его.
Он тайны откроет несчетные там,
Куда не проникнуть телесным очам.
О том, что разумный ничтожным сочтет,
Когда он деянья творца познает:
Вот звезды на небе, светящие всем,
Смотрящий им счета не знает, меж тем;
Высокому, нету фарсангов ему
И нету дороги туда никому.
Безделица, мыслишь, его исчислять,
Вращенье извечное сфер познавать?
Хоть видят на выстрел из лука глаза,—
Но тем удивить быстроумных нельзя.
А звезды затеять небесные счесть —
О мудрый, что можно ничтожнее счесть!
Так мыслю. Быть может, иной есть ответ.
Бесчисленны тайны Создавшего свет!»
Кейсера мудрец при ответе таком
Простерся во прахе — согласен во всем.
«О царь-миродержец! — Бехраму сказал,—
О чем бы еще ты к Йездану взывал!
Под властью твоею пределы земли,
Все знатные клятву тебе принесли.
Столь чтимого славными, знатными нет,
Не помнит владыки подобного свет.

Дестур твой и знаньем и мудростью слов
Всех выше мобедов и всех мудрецов.
Философы, скажешь, рабы перед ним,
Склоняются все перед знаньем таким».
Доволен Бехрам словом мужа сего,
Прибавилось света в душе у него.
Десяток тугих кошелей подарил
Мобеду, одежды, коней подарил.
Покинув дворец властелина, ушел
Царя именитого, Рума посол.

[*Бехрам-Гур провожает румийского посла*]

Вот солнца простертая длань в небесах
Явилась, воссел на престол шахиншах.
И вновь во дворец властелина земли
Мобед и кейсеров посланец пришли.
Предстали пред шахом с веселым лицом,
Вновь речи пошли об одном, о другом.
Послу говорит шахиншаха мобед:
«О сведущий, коему равного нет!
Какое деянье вреднее всего
И впору оплакать творящих его?
Какое полезное знаешь, за что
Везде возвышают свершающих то?»
Посол отвечает: «Кто знаньем богат,
Могуществен в мире и славен стократ.
Невежда ничтожней, чем прах под ногой,
И милостей, право, не стоит такой.
Спросил о невеждах, о знающих. Что ж,
Быть может к правдивым ответ мой причтешь».
«Получше вглядись,— улыбнулся мобед,—
На сушу вытаскивать рыбу не след» *.
«Достойный хвалы,— отвечает посол,—
Я мысли от знанья к разгадке привел.
Коль знаешь иную дорогу — скажи,
Ведь знанием честь умножают мужи».
«Продли размышленье,— промолвил мобед,—
Для слова оно — благодетельный свет.
Коль добрым кто прожил свой век меж людей,
Знай, мир с его смертию станет бедней.
Довольны — и вправе, коль злой погребен,
На смерть от рожденья злодей осужден.
Одна станет пользой, другая — вредом,
Пусть разум рассудит о том и другом».
Румиец словами его покорен,
Нашел эти речи полезными он.

Царю улыбнулся, от сердца хваля:
«Да благословится Ирана земля!
Престол шахиншаха имеет она;
Бехрама на нем лицезреет она.
В познаниях — миру венец золотой,
Мобедами стал над царями главой.
Ты вправе с кейсера взять дань, государь,
Ведь даже дестур твой — над разумом царь».
Владыка обрадован словом посла,
Душа, как цветок по весне, расцвела,
Простился посол, удаляется прочь,
Под знаменем черным является ночь.
Но вот просветлел благовонный шатер
И амброю светоч лапиты протер.
Не знает терпенья вертящийся свод;
Он спящего будит — и спящий встает.
Тут знамя свое светоч мира взметнул,
Владыка с чела сновиденья стряхнул.
Открыт саларбаром высокий покой,
Венчанный воссел на престол золотой.
Приказано дар для румийца собрать,
Его самого к шахиншаху призвать.
Златые изделия, сбруи, копей,
Казну из динаров назвал казначей.
Алмазы, парча, амбра — старец-посол
Дивится — все меры тот дар превзошел.

[*Бехрам беседует с вождями о справедливости*]

Покончивши дело с румийским послом,
Владыка в заботах о войске своем.
На зов венценосца премудрый мобед
Мужей именитых привел на совет.
Пожаловал земли владыка Бехрам
Тем знатным и доблестным богатырям.
Копей и казны, и венцов не жалел,
Достойному княжеский вверил удел.
Держава наполнилась правдой, добром;
Незнатный и знатный доволен царем.
И только неправедных не одарил,
Сурово с неправедным царь говорил.
К мобедам в таких обратился словах:
«О, полные доблести, правды в сердцах!
Вы помните разных великих мужей,
Деянья дурных, справедливых царей.
Иные из них к злодеяньям влеклись
И только о неге телесной пеклись.
Зломысленный в страхе державу держал,

Сердца добродетельных мукой терзал.
Бесчинства повсюду — никто не хотел
Усилие сделать для праведных дел.
Весь мир содрогался у дива в когтях,
И не было божьего страха в сердцах.
Истоки благого, победа над злом,
Дверь знания, праведность с честным трудом —
Все это на чести царя одного,
И правда и кривда идут от него.
И если отец мой неправду творил,
Забыв добродетель, Йездана не чтил,
Сие не должно удивлять никого —
Ржа пала на светлое сердце его.
Припомните Джема, Кавуса дела —
Куда только дива тропа завела!
По той же дороге отец мой ходил,
Он мудростью душу свою не омыл.
Подвластных душа от него извелась,
И многих жестокостью жизнь пресеклась.
Исчез, только слава худая жива;
Не слышит он благословений слова.
Но мы его душу да благословим,
От мести страдающий дух защитим.
Коль я на престоле отца своего,
Направится к раю дорога его.
Молю об одном всеблагого творца —
И тайно и явно помочь до конца
В ладу и согласье мне с подданным быть,
Прах в мускус живительный преобразить.
Чтоб в час, как закончится путь мой земной,
Не рвал бы за полы обиженный мной.
И вы от нечестья омойте себя
И правды покровом укройте себя.
Аравии, Рума, Ирана ль сыны —
Мы все лишь для смерти на свет рождены.
От этих когтей не уйти никому.
Подобная хваткою льву одному,
Она и свирепого льва приберет,
Дракон не спасется от смертных тенет.
Где головы славных царей, где венцы!
Где витязи, где удалые бойцы,
Вожди благородные, древняя знать!
От них и следа на земле не сыскать.
Где нежные девы с обличьем пери,
Чьей дивной красой услаждались цари!
И те, что чадрой укрывались, равно —
Все с прахом могильным смешались давно.

Протянем же руки к добру, чистоте,
Не станем кружиться во зле, суете!
Клянусь благодать ниспославшим творцом,
Прославленным родом, престолом, венцом:
С горсть праха сановник вреда нанесет,—
Из низших ли будет, из высших ли тот,—
Коль тело его на костре не спалю,
Повесить на виселице повелю.
Средь ночи, как несколько страж отойдут,
У бедного коврик, случись, украдут —
Из царской казны возместится урон;
Бедняк да не будет бедой удручен.
Случится в ночи иль порой грозовой
Овцу уведут из отары какой —
Конем возмещу; да не будет того,
Чтоб я благодарности ждал от него!
Коль выведу в битву дружину свою,
И всадника нашего ранят в бою,
Я за год дирхемы отправлю тогда;
В беде его чад не оставлю тогда.
Нам всем Судие благодарность хранить,
Он, вечный, умеет добро оценить.
Не след прикасаться к огню и воде *,
Хербедам одним подобает сие.
Не следует пахотных кровь проливать,
Грешно в этом мире быков убивать,
Пусть силы не стало от старости в нем
И стал для владельца ненужным быком.
И стельной коровы нельзя убивать,
Уходит за это от нас благодать.
Советуйся с мудрым в деяньях любых,
Не рань униженьем сердца молодых.
Не пейте на старости лет допьяна,
Негоже быть старцу во власти вина.
Внушения дива отриньте, пиры
Оставьте с приходом военной поры.
Коль с подданных подати стану взимать —
Престол да утрачу, творца благодать!
Злодейства, свершенные прежде отцом,
Йездгердом, теперь возмещаю добром.
Дух грешный, быть может, омоет Творец,
Путь в рай из геенны откроет Творец *.
Не будьте ни в чем пред Йезданом грешны,
Под старость о смерти подумать должны.
Коль будет доволен тобой Судия,
Забота о завтрашнем дне — не твоя.
Правленьем Его утешайтесь всегда,

Свободно огню поклоняйтесь всегда».
Когда именитые, выслушав речь,
И вникли, и благо успели извлечь,
Наполнились влагою очи мужей
От мудрости, правды владыки царей.
Хвалу громогласную все вознесли,
Властителем мира его нарекли.

[*Бехрам-Гур пишет послание Шенголу, царю Хинда*]

Вот мудрый везир повелителя встал,
«О праведный, о справедливый! — сказал.—
Пред недругом страха не знает страна,
Дни горя и бед миновала она.
Из Хинда Шенгол именитый, лишь он
Доселе душой от добра отвращен.
До Чинской земли рубежей, почитай,
Разбоем и смутами полнится край.
Дурное не раз замышлял против нас,
Об этом заботиться должно сейчас.
Ты — шах, Хинд — Шенгола предел, почему
Дань Хинда и Чина сбирают ему?
Воззри, не оставь без вниманья сего,
Беда не пришла бы сюда от него!»
Тревожно, как выслушал, стало царю,
Жизнь чащей лесною предстала царю.
Сказал, наконец: «Втайне меры приму,
Проведать не должно о сем никому.
Сам мыслю увидеть дружину его
И двор, и обычай владыки того.
К нему, не сказавши иранским мужам,
Отправлюсь, подобно обычным послам.
А ты, благочестия полный мобед,
Посланье составь, да услышит сосед
То полную ласки, то грозную речь».
Везир поспешил слово в дело облечь.
Являются к шаху и верный везир,
И нужные в деле мужи, и дебир.
Внимает владыка совета словам,
Доставили мускус, бумагу, калям.
Посланье готово. Хваления в нем
Творцу, и слова наставления в нем.
Вначале там призвана милость Творца
На тех, чьи влекутся ко благу сердца:
«Он жизни и небытия властелин,
Все двойственно в мире, Изед лишь един.
Из благ, что дарует Создатель рабам,—

Будь это слуга, венценосец ли сам,—
Нет большего в мире, чем разум благих,
Он — светоч для знатных мужей и простых.
Кто в Разуме высшую радость найдет,
Дорогою зла никогда не пойдет.
Избравший добро не раскается ввек,
Сок знания злой не вкусит человек.
Лишь Разум — защита людей от вреда,
Так пусть никого не постигнет беда!
Меж признаков Разума — первый из них —
Страшиться деяний и помыслов злых,
Свою сокровенную сущность познать
И Разума оком сей мир созерцать.
Ведь Разум — венец драгоценный царей,
Он — слава, краса именитых мужей.
Когда свое место, свой долг не поймешь,—
Мученьям душу свою обречешь.
Уж коль венценосец в сей срок — только я,
Хорошего ль, худа залог — только я.
А ты воцаришься — для правды урон,
Злодейства посыплются с разных сторон.
Негоже владыкам набеги свершать,
Тем самым порокам и злу потакать.
Твой дед нам покорным прислужником был,
Отец твой владыкам иранским служил.
Из нас ни один потерпеть бы не смог,
Чтоб Хинд свою подать не выплатил в срок.
Припомни постигший хакана удел:
Он, вторгшись из Чина в Иранский предел,
Утратил и то, что с собою привез,
За зло сотворенное кару понес.
Обычай твой, вижу, хакану под стать,
И вера, и праведность, и благодать...
Немало оружья у нас и казны,
Бойцов закаленных ряды сплочены.
Тебе ль храбрецов моих натиск снести!
И некому хиндское войско вести.
Когда ж обольщаешься силой своей,
Выводишь ты, знай, против моря ручей.
Посланца к тебе даровитого шлю,
Иранца к тебе именитого шлю.
Мне дань отошли иль готовься к войне,
Подпругу, смотри, затяни на коне!
Того бы от сердца приветствовать мог,
В ком правда — основа, в ком разум — утóк».
Вот мускус просушен. Писавший мудрец,
Послание это свернув, под конец

Унван пачертал: «От властителя стран,
От шаха Бехрама, кем чтится Йездан,
Кому от Йездгерда кеянский престол
В день Эрд, в светлый месяц Хордад перешел,
Кто войск предводитель, а царству — оплот,
Кто дань от Саклаба и Рума берет —
Шенголу, кому во владенье дана
От брега Каннуджа до Синда страна».

[*Бехрам-Гур едет в Хиндустан со своим посланием*]

Легла на посланье царева печать.
Сбирался — как будто на лов выезжать:
Не ведает дум потаенных его
Дружина — лишь горсть приближенных его.
Помчались. Вот хиндских они берегов
Достигли, приплыли в Страну колдунов.
Встает перед ними Шенгола приют,
И вход и завеса глазам предстают.
До неба главою дворец вознесен,
Наполнен оружьем, припасами он.
Ряды верховых от ворот и слоны,
Гонг, трубы и звон колокольцев слышны.
На эти чертоги взирает, дивясь,
Тревожная дума в душе родилась.
Так молвил завесы хранителям тем,
Придворным и царским служителям тем:
От шаха Бехрама, чей славен венец,
Посланец, мол, прибыл в сей царский дворец.
Тотчас саларбар устремился бегом
И с этим известьем предстал пред царем.
Немедля завесу велит вознести
И с должным почетом посланца ввести.
Идет Бехрам-Гур величаво вперед,
Что небо, над ним возвышается свод
Хрустальный. Пред ним восседает Шенгол.
Увидел венец и высокий престол.
В величье могущества царь восседал,
Престол на хрустальном подножье сверкал.
Тюрбан властелина блистал серебром,
И золото сплошь — одеянье на нем.
На месте особом властителя брат,
В венце драгоценные камни горят.
Вблизи властелина советник сидит,
Венчанного сын у престола стоит.
К престолу приблизясь, шах отдал поклон
И долго пред ним оставался склонен.

Так молвил потом: «От властителя стран,
От шаха Бехрама, кем чтится Йездан,
Весть Хинда властителю принесена,
На этом шелку пехлеви письмена».
Посланника голос едва отзвучал,
Скамью золотую внести приказал
Владыка, дабы усадили посла,
Тут знать на призыв властелина вошла.
Воссевши, снимает молчанья печать.
«Владыка высокий! — так начал опять,—
Раскрою уста изволеньем твоим.
Величием, славой да будешь храним!»
«Что ж,— молвит Шенгол,— говори. Небосвод
Свою благодать говорящему шлет».
Вот слышат: «Властитель из рода царей,
Не знающий равного в славе своей,
Державе — оплот, повелитель царям;
Яд правдою он обращает в бальзам.
Великие — данники до одного,
Львы — в пору охоты — добыча его.
В сражении выхватит острый булат,
Кровавые волны в степи забурлят.
Щедротами с тучей весенней сравни,
Динары в глазах его праху сродни.
Царю Хиндустана блистательный тот
Письмо на шелку пехлевийское шлет».

[*Ответ Шенгола на послание Бехрама*]

Письмо пожелал он услышать тотчас,
Тому именитому втайне дивясь.
Посланье прочел благородный дебир.
Лицо венценосного, словно зерир.
«О смелый речами! — так начал ответ,—
В словах не спеши, горячиться не след.
Надменностью, вижу, твой царь одержим,
Путем и тебя направляет таким.
Кто дань с Хиндустана потребует, тот
К согласью со мною вовек не придет.
Дружиной, казною потребует он:
Мол, бедствиям будет твой край обречен,—
Что цапли орлу, то цари предо мной,
Они словно прах пред могучей волной.
Никто не дерзнет со звездой воевать
И славы в сражении с небом искать.
Не лучше ли доблесть, ведь праздностью слов
Заслужишь презренье в глазах мудрецов.
Ни знанья, ни мужества! Что за страна!

Не царство у вас — только слава одна!
Земля моя — клады сокрытые сплошь,
Не тронутых предками их не сочтешь.
Доспехи бойцам и броня для коней;
Коль связку развяжет свою казначей,
Слоны для ключей этих будут нужны.
И то если выдержат ношу слоны.
Когда б до мечей и шеломов дошло,
Ничтожным бы звезд показалось число.
Земля от дружин изнеможет моих,
От башен на хиндских слонах боевых
Меня, коль по-хиндски подсчет поведут,
Владыкою тысячи тысяч зовут.
Я — крепость, опора державы моей,
Владею богатствами гор и морей.
Алоя запасы извечны, щедры,
И амбры, и мускуса, и камфары.
Целительных снадобий множество, их
Достанет на всех в целом мире больных.
Алмазов и золота и серебра —
Немало найдется любого добра.
Без малого сотня мне бьющих челом
Властителей, каждый в венце золотом.
Морями и кручами ограждена,
Не впустит и дива такая страна.
От града Каннудж до Иранских земель,
До края Саклабов и Чина досель
Подвластен владыка любой стороны,
Все чтить повелителя принуждены.
В Хотане и Чине, как в Хинде равно,
От стражей мое слышат имя одно.
Все множат хваленья венцу моему,
Усердны в служенье царю своему.
Под сенью дворцовою, верность храня,
Фагфурова дочь величает меня.
Сын ею дарован. Такому мечом
Исторгнуть и сердце горы нипочем!
Со дней Кей-Кавуса до самых времен
Кобада наш край не бывал покорен.
Мужей триста тысяч прославленных есть,
Что мне воздают как властителю честь,
Да тысяча двести еще из родни;
Престол мой когда окружают они,
Уж доступа более нет никому,
Все рады величью служить моему.
Как витязи с кличем в сраженье идут,
Львы лапы от страха средь чащи грызут.

И будь благородному это под стать,—
Исполнившись гнева, послов убивать,—
Снес тотчас бы с плеч эту голову я,
Оплакала б только рубаха твоя!»
«О царь! — отвечает на это Бехрам.—
Горячность сия не пристала царям.
Мне царь так сказал: «Передай ему: тот,
Кто мудр, недостойным путем не пойдет.
При Хиндском дворе коли сыщется муж
Из знающих, красноречивый к тому ж,
Коль он превзойдет моего одного
Познаньями, силой ума своего,—
Не будет к твоей притязаний стране,
Ведь слово разумное тоже в цене.
Иль сто избери среди знатных мужей,
Владеющих палицей ратных мужей,
И пусть эти сто хиндустанских бойцов
Сразятся с одним из иранских бойцов.
Проявится в мужестве ценность твоя —
Дань с марза сего не потребую я».

[*Бехрам показывает свое искусство в борьбе при дворе Шенгола*]

На это Бехраму ответил Шенгол:
«Людского в словах твоих я не нашел.
Ты спешься покуда, кушак развяжи,
Слова неполезные попридержи!»
Отрадный чертог для посла отведен,
Был всем, что ему подобало, снабжен.
Бехрам отдыхал до полудня. И вот
Венец светозарный в зените встает.
Прислужник для пира по воле царя
Чертоги украсил, усердьем горя.
Накрыли столы, и Шенгол одного
Из слуг посылает: зови, мол, того,
Кто послан сюда из Ирана царем.
Речистый... Впервые к нам прибыл послом.
И спутников также его приведи,
К сановным за стол пировать усади.
Бехрам, не замедлив, к Шенголу идет,
Уселся, дань яствам без слов отдает.
Насытились. Вот появляется руд,
Пирующим чаши, вино подают.
От яств благовонье струится, и взор
Ласкает ковров златотканых узор.
Когда от вина взвеселились мужи,
От всяких забот отрешились мужи,

Двум силъным борцам было велено встать,
Из тех, кому с дивом тягаться под стать.
Выходят искусные в схватках таких,
Изар затянули на бедрах у них *.
Хватают, сгибают в борьбе удалой,
То этот берет перевес, то другой.
Хрустальную чашу Бехрам осушил,
Небид возбудил в нем воинственный пыл.
Так молвил: «О царь, соизволь приказать
Мне бедра изаром теперь повязать.
Коль схватку с могучим сейчас поведу,
Хмельное оставлю, во хмель не впаду».
Шенгол улыбнулся и молвил: «Вставай!
А будет под силу, хоть кровь проливай».
Лишь это услышал, поднялся Бехрам.
Свой стан перегнул богатырь пополам,
И всякий, чей пояс он накрепко брал,
Сказал бы, то лев на онагра напал!—
Так брошен, что кости хрустели его,
И тотчас лапиты бледнели его.
Взирает на это Шенгол, изумлен
И ростом и статью могучего он.
Йездана по-хиндски призвав, отличил
Посла, во главе сорока посадил.
От вин благовонных все пьяны вконец,
Пустеет алмазноузорный дворец.
Высь шелковый черный накинула плат,
Покой после пира вкусил стар и млад.
Все сну предались до рассветной зари —
И шах и воители-богатыри.
Вот мускусный снова шатер позлащен,
Светилом дневным озарен небосклон.
Царь Хинда, коня оседлав, на мейдан
Помчался, в руке у Шенгола човган.
И стрелы и лук повезли за царем.
Натешился скачкою вволю, потом
Бехраму велит, чтоб коня оседлал,
— Лук царский возьми,— так при этом сказал.
«О царь,— слышит слово ответа Шенгол,—
Я всадников много иранских привел.
Всех лук и човган привлекают равно,
Что славным властителем предпочтено?»
«Для всадника,— слышит Шенгола ответ,—
Лук, стрелы — основа, сомнения нет.
Ты, мощью отмеченный, лук оснасти,
Стрелу свою крепкой рукою пусти».
Бехрам-богатырь оснащает свой лук,

Поводья коня выпускает из рук,
Стрелу наложил и, прицелясь, пустил.
Одною стрелою мишень расщепил.
Хваления дружно ему вознесли
Иранцы и витязи Хиндской земли.

[*Шенгол задерживает Бехрама в Хинде*]

Бехрам подозренье Шенголу внушал:
Величие, силу и меткость являл,
Послу не под стать, кем бы ни был рожден —
Хиндийцем ли, тюрком, свободным ли он.
То ль шаха родня, то ль из знати его;
Не диво, коль брата прислал своего...
Бехраму с улыбкою царь говорит:
«О доблестный, знатный, чей царственен вид,
Должно быть, ты шаха иранского брат —
Столь меток, отважен и силой богат.
Льва силу являешь, величье царей,
Знать, ты из прославленных богатырей?»
«О Хинда владыка! — ответил Бехрам,—
Венчанного имя не должен послам
Давать. Я не царь, не Йездгердов мой род,
Грешит, кто меня царским братом зовет!
Чужак, из иранских прибывший краев,
Я не из ученых, не из мудрецов.
Назад отпусти меня, путь мой далек,
Страшусь, как бы шаха я гнев не навлек».
«К чему горячиться! — ответ прозвучал,—
Беседам с тобою конец не настал.
С отъездом тебе торопиться не след,
Благого в поспешном отбытии нет.
Останься, забудь о тревоге своей,
Вино молодое иль старое пей».
Дестура призвал для совета Шенгол,
И с ним о Бехраме беседу повел.
Советнику так говорит своему:
«Есть тайное слово к тебе одному...
Ведь если сей муж не из рода царей,
Один из обычных там богатырей —
Не дивно ль сие благородным мужам?
Представить такое немыслимо нам!
Ему подобру не замедли сказать:
Каннудж, мол, не надо тебе покидать...
Тебе будет легче, так мыслю, завлечь,
Моя ведь его устрашила бы речь.
Разумней, коль ты будешь с ним говорить.
И так говори, чтоб верней убедить.

Скажи ему: дело, мол, верное ждет,
Ведь ты приобрел у владыки почет.
При нем оставаясь, благое свершишь,
Заветным желаньям его угодишь.
Край лучший пожалует в царстве своем,
Высоко ценим ты индийским царем
В краю нашем вечен весенний наряд,
Ручьи источают цветов аромат,
Здесь дважды сбирают в году урожай...
Разумный Каннудж не покинул бы, знай!
Алмазы, парча и златая казна.
Когда есть дирхемы — печаль не страшна.
И царь тебя любит, приветит всегда,
Улыбкою радостной встретит всегда.
Подобных речей, за беседой сойдясь,
Скажи, сколько нужным найдешь, не скупясь.
Про имя спроси под конец у него,
Знай, радостью будет услышать его.
Глядишь, приживется он в нашем краю
И доблестью славу умножит мою.
Дружин предводителем станет у нас
Он вскоре, правителем станет у нас».
Отправился мудрый дестур и сказал
Все это Бехраму — на путь наставлял.
Про имя его под конец вопросил,
Ответ бы неполным без имени был.
Внимает Бехрам, и ланит его цвет
Поблек. На такое что молвить в ответ?
«О красноречивый! В двух странах в позор
Меня не ввергай,— раздается укор.—
Мне ради богатства владыку предать!
Хотя б от нужды приходилось страдать!
Но веры устав не таков и закон,
И наши обычаи с древних времен.
Кто шаху изменит,— собьется с пути,
Покоя вовеки тому не найти.
Владеющим разумом алчность чужда,
Не вечно богатство, пройдет и нужда.
Где царь Феридун? Где венца его свет!
А в годы былые держался им свет.
И где обладатели славных венцов,
Владыки земли Кей-Кобад, Кей-Хосров!..
К тому же ты знаешь Бехрама, какой
Воинственный, властный сей царь молодой...
Его повеленье нарушил бы я,
Во гневе он жизни лишил бы меня.
До горсти земли, разорив Хиндустан,

Волшебников край увезет в свой Иран.
Мне лучше назад воротиться скорей,
Явиться пред взором владыки царей.
Знать имя ты хочешь? Барзуй меня звать,
Так царь называет, отец мой и мать.
До слова Шенголу ответ доложи,
Мне мешкать нельзя на чужбине — скажи».
Как выслушал это, к владыке дестур
Тотчас устремился. Тот, грозен и хмур,
Такое ответное слово изрек:
«Он ныне еще от дороги далек!
В ход средство сумею такое пустить,
Чтоб с жизнью сей светоч земли разлучить».

[*Битва Бехрама с носорогом*]

Один носорог в том краю обитал
Громадный, путь ветру собой закрывал.
Приблизиться лев к этой чаще не смел,
И ястреб проворный туда не летел.
Округе он ужас безмерный внушал,
Неистовым ревом людей оглушал.
«О доблестный! — молвит Бехраму Шенгол,—
Сей подвиг бы длани твоей подошел.
Есть место лесное близ города здесь,
Мне много хлопот доставляет тот лес.
Там есть носорог, что морскому под стать
Чудовищу. Сердце у льва разорвать
Ему нипочем. И пора поспешить,
Да стрелами крепкую шкуру пронить.
Быть может, покой нам вернет наконец
Победы твоей благодатный венец!
Почет у царя, среди знатных мужей
Себе обретешь ты в державе моей.
Хвала будет каждым тебе воздана
И в Хинде и Чине во все времена».
Шенголу немедля ответил Бехрам:
«Один проводник только нужен, а там —
Йездан мне подмога, я в битву вступлю,
Чудовища шкуру в крови потоплю».
Немедля Шенгол провожатого дал,
Который дорогу до логова знал.
Помчался Бехрам с провожатым своим;
Внимает, тревогою в сердце палим,
Словам добросердного мужа: где спит
Чудовище это, какое на вид.
Приблизились к лесу, и вот уж спешат:
Бехрам к носорогу, вожатый назад.

Брал славный лишь горстку иранцев с собой,
Готовых вступить с этим чудищем в бой.
Но рог носорога узрев издали,
Рев слыша, потрясший просторы земли,
«О царь,— стали разом просить,— воздержись,
Отваги предел перейти не стремись!
Нам ведом, о царь, дух воинственный твой.
Но кто станет биться с гранитной горой?
Шенголу скажи: здесь мне биться не след,
На то изволения царского нет.
Мой царь, коль сражусь без веленья его,
Оставит лишь прах от дворца моего».
Такой дал ответ: «Коль пречистый Йездан
Избрал для могилы моей Хиндустан,
Как мог бы я в месте другом опочить?
Такое немыслимо вообразить!»
На лук тетиву богатырь наложил,
Он жизнью, сказал бы ты, не дорожил.
Идет к носорогу, взор мужа суров,
И сердцем отважный ко смерти готов.
Лук царский рукой богатырскою сжал,
В колчане стрелу тополевую взял
И выстрелил. Следом посыпался град:
Стрела за стрелой в носорога летят.
Когда же он понял, что тот изнемог,
Извлек, не замедлив, свой острый клинок
И махом одним зверю голову снес.
«Во имя Единого! — тут произнес,—
Он силы моей и величья оплот,
По воле его светит солнце с высот».
Быков и повозку готовить к пути
Велит, чтобы голову зверя везти.
Как только Шенгол их завидел вдали,
Парчою украсил чертоги свои.
На трон благородный владыка воссел,
Бехрама вблизи усадить повелел.
Звучала ему неустанно хвала,
Гостей и вождей Хиндустана хвала.
И каждый Бехраму нисар подносил.
«О славный! — при этом ему говорил,—
Сей подвиг свершить никому не под стать,
Нет мочи величье твое созерцать!»
То весел Шенгол, то исполнен забот,
Отважный то радует дух, то гнетет.

[*Бехрам убивает дракона*]

Дракон земноводный жил в этих краях, *
То выйдет на солнце, то канет в волнах.
Мог пастью втянуть боевого слона,
Встает от него, скажешь, Нила волна!
Так молвил Шенгол приближенным своим,
Доверенным и умудренным своим:
«Сей царский посланец, отважный, как лев,
То радость мне в сердце вселяет, то гнев.
Оплот и падежду я видел бы в нем,
Останься в Каннудже он ратным вождем.
Но если вернется на родину он,
То будет Бехрамом Каннудж разорен.
Коль меньший таков у владыки того,
Ни цвета, ни духа от края сего
Не сыщется вскоре». Всю ночь размышлял,
Как быть с ним, и новое средство сыскал.
«К дракону тому повелю я пойти,
Спасенья посланцу теперь не найти.
Не буду повинен, что б ни было с ним,
Коль вступит в сраженье с драконом самим».
И после, Бехрама к престолу призвав,
Немало о добрых мужах рассказав,
Так молвит ему: «Видно правый Йездан
Тебя из Ирана привел в Хиндустан,
Чтоб ты, как пристало отважным мужам,
От зла избавленье дал нашим краям.
Опасный и тягостный труд впереди,
Зато и награды блистательной жди.
Исполнишь — дозволю, не медля ничуть,
Сбираться, на родину двинуться в путь».
И слышит Шенгол от владыки ответ:
«С пути твоего уклоняться не след.
И волю, как должно, исполнить готов,
Лишь не был бы свод круговратный суров».
Так молвит Шенгол: «Край бедою сражен!
Есть в нашей державе огромный дракон.
По суше он двигаться может и плыть,
Он вод огнедышащее победить
Чудовище в силах. Коль средство найдешь
Избавить страну от беды, повезешь
Дань хиндскую. Щедро получит Иран,
Что волей своею пошлет Хиндустан.
Сверх дани прибавит даров дорогих,
Алоя, мечей и сокровищ других».
«О царь! — так Шенголу ответствует он,—

Здесь, в Хинде, и воля твоя и закон.
Я волей Йездана, создавшего свет,
Сотру здесь дракона нечистого след.
Не знаю, где логово надо искать.
Путь верный должны мне туда указать».
Приказано проводнику одному
Бехрама вести ко дракону тому.
Он тридцать иранцев берет верховых,
Тех знатных бойцов, мечепосцев своих.
И вот уже к морю Бехрам прискакал,
Во мраке дракона того увидал.
Тот в ярости бился на береге морском,
Глаза его грозным пылали огнем.
Тут вопль испустили Ирана мужи,
Вид чудища варом их обдал, скажи.
«О царь! — поспешили Бехраму сказать,—
Такого нельзя с носорогом равнять!
Иранский не ввергни в несчастие край,
Злорадствовать недругу в Хинде не дай!»
Бехрам-пехлеван так ответствует им:
«Творцу, Судие свою жизнь предадим!
Коль пасть от дракона мне днесь суждено,
Отваге сей срок изменить не дано».
Свой лук оснастив тетивою, избрав
Стрелу, напоенную ядом из трав,
В дракона пустил. Как в бою нападал,
То слева, то справа он стрелы метал.
Стальным наконечником пасть ему сшил,
И травы излившийся яд опалил.
А четырехжалой попал между глаз,
Кровь с ядом на шею, на грудь полилась.
Всю землю от этой последней из стрел
Кровь с ядом покрыла,— дракон ослабел.
Из ножен отравленный вырвав клинок,
Он сердце дракона мгновенно рассек.
Клинком и секирою голову снес,
В повозке к Шенголу немедля повез.
Драконову голову видит Шенгол:
От вида ее в изумленье пришел.
Весь Хинд торжествует и славит Иран:
Да благословит, мол, пречистый Йездан
Ту землю, что витязей может родить,
Которым под силу дракона сразить!
Такое величие, сила и стать
Одним властелинам, ты скажешь, под стать!

[*Бехрам берет в жены дочь владыки Хиндустана*]

Всем — радость, лишь сердце Шенгола болит;
Лик желтый, забота его тяготит.
Средь почи призвал мудреца и других
Мужей из родных и придворных своих.
Так молвит: «Сей муж, Бехрам-шаха слугой
Назвавшийся; смелый, искусный такой,
Согласья остаться у нас не дает,
Хоть много соблазнов пускали мы в ход.
Он, если вернется в державу свою,
Представит владыке отважных мою
Дружину бессильною в ратных делах,
Нет витязей, скажет он, в хиндских краях.
Мой враг возгордится. Так пусть наперед
Здесь голову меч мой ему отсечет.
Я гибель его сберегу от молвы.
Скажите, об этом что мыслите вы?»
«О царь,— отвечает мудрец,— не терзай
Так сердце свое.— И продолжил он:— Знай,
Что царских послов убиенье нельзя
Разумным признать — то неправды стезя!
Того и не мыслили в прежние дни,
И ты помышления эти гони.
У знатных обрел бы бесчестие сим,—
Давно сипехбед уже всеми любим.
Нагрянут иранские воины к нам
С таким во главе, как венчанный Бехрам,
Из нас никого здесь потом не сыскать;
Не должен ты рук от Добра омывать.
Наш край от дракона избавил — так что ж,
Погибель ему в воздаянье пошлешь?
Дракон, носорог были им сражены,
Не смерти желать — долголетья должны».
Речь выслушав эту, смутился Шенгол,
От слов мудреца омрачился Шенгол.
В раздумье глубоком всю ночь пребывал,
Наутро слугу к Бехрам-шаху послал.
Без царских советников, с глазу на глаз,
И даже дестура впустить воздержась,
Бехраму сказал: «О, достойный любви!
Умножатся ныне богатства твои.
Я дочь тебе в жены отдам — никогда
Мои не бывают слова без плода.
Сие совершится — останься при мне,
Разумно ль в такой не остаться стране.

Дружин предводителем сделаю здесь
И края властителем сделаю здесь».
В раздумье Бехрам о державе своей,
О троне и роде, и славе своей,
Сказал он себе: «Невозможен тут спор.
И тестем Шенгола назвать не позор.
К тому же мне путь ко спасению дан,
Я снова, быть может, увижу Иран.
Давно уже в Хинде — доколе терпеть,
Лев к лису попался, как вижу я, в сеть!»
«Тебе повинуюсь,— услышал Шенгол,—
В речах твоих дух мой отраду обрел.
Но выбери ту из своих дочерей,
Чтоб ей увенчаться хвалою моей».
Царь Хинда от слов его радостен стал,
В шелк чинский чертоги убрать приказал.
Явились три девы — все краски весны
В убранстве их, благоуханья полны.
Промолвил тогда Бехрам-Гуру: «Войди,
И зрелищем новым свой дух услади».
Бехрам, к луноликим вступивши в покой,
Из них предпочтение отдал одной.
Звалась Сепинуд, вешним цветом пежна,
Вся — нега, стыдливость, вся счастье она.
Шенгол отдает Сепинуд, что красой
Сравнишь с кипарисом, бездымной свечой.
Одну из сокровищниц он растворил,
Ключи от нее луноликой вручил.
Призвал и прибывших с Бехрамом мужей,
Тех славных и доблестных богатырей.
Дал амбры им, золота и серебра,
Алоя, кафура, другого добра.
Алмазноузорный украшен чертог,
И каждый в Каннудже, кто родом высок,
В палаты владыки Шенгола пришел,
На празднество с сердцем веселым пришел.
Неделю там каждый душой ликовал,
С наполненной чашей в руке пировал.
Сама Сепинуд с Бехрам-Гуром — одно,
Что светлое в чаше хрустальной вино.

[*Послание владыки Чина Бехрам-Гуру*]

К властителю Чина известья дошли,
Что доблестный муж из Иранской земли,
Прибывший к властителю Хинда послом,
Владыкам могучим подобен во всем,
Что дочь ему в жены Шенголом дана,

Пред чьей красотою померкнет луна.
Посланье могущественный написал,
В Каннудж Бехрам-шаху с гонцом отослал.
«От нас, миродержца,— таков был унван,—
Венца именитых, властителя стран —
Посланнику Парса, с кем тридцать мужей
Явились в Каннудж из державы своей».
«Молва о тебе,— так писал он,— до нас,
О знатный, блистательный муж, донеслась.
О мужестве, мудрости, знаньях твоих,
Как стойкость являл ты в деяньях своих.
Не спасся, мечом твоим острым сражен,
Вослед за лесным носорогом дракон.
Дочь царскую взял, что зову я родной,
Весь Хинд ее родинки стоит одной!
С владыкою победоносным родство
До неба твое вознесло торжество.
В том честь и владыке Иранской страны,
Слуга его ныне — венец для луны.
В путь двинулся волею шаха, к тому ж
Луну взял в объятья пришедший в Каннудж.
За труд не сочти и меня навестить,
Сколь будет угодно, ты волен гостить.
Глаза лицезреньем благим услажу,
А душу познаньем твоим услажу.
Вернешься назад, как потянет тебя,
Никто здесь неволить не станет тебя.
Халат уделю и немало даров,
И щедро твоих награжу храбрецов.
Тебе у меня побывать не позор,
Я с шахом войны не веду с давних пор.
Ко мне соберись, не колеблясь ничуть.
Вернуться решишь — тут же двинешься в путь».
К Бехраму послание это пришло
И негодование в сердце зажгло.
Призвал он писца, строк ложатся ряды,
Ты скажешь, посажено древо вражды.
Так начал: «Дошло твое слово. Один,
Как видно, глаза твои видели Чин!
От нас, миродержца,— гласит твой унван,—
Главы именитых, властителя стран...
Слова твои правдой назвать не могу,
Величье исконным признать не могу.
Один шахиншах — Бехрам-Гур только есть,
Другого не мыслю владыкою счесть.
Род, мудрость и мужество, и благодать —
Земля не припомнит другого под стать.

Зову миродержцем, любимцем побед,
И выше его средь властителей нет.
Тобою деянья превознесены,
Что в Хинде рукою моей свершены.
И это — от шаха Бехрама, того,
С кем слава, величие, блеск, торжество!
Верх доблести, знай, у иранцев одних,
Ничто и свирепые тигры для них.
Чтут правду, Йездана, душа их светла,
Влекомы добром, неприступны для зла.
О дочери пишешь, что дал мне Шенгол,—
Я мужеством эту царевну обрел.
Шенгол венценосный из волчьих когтей
Лань вырвет — блистает отвагой своей.
Меня, знать, достойным союза признал,
Коль в жены мне дочь благородную дал.
Еще призываешь: спеши, мол, ко мне,
Осыплю, мол, благами в нашей стране.
Но в Хинд посылал меня мой властелин!
За чинской парчою коль ринусь я в Чин,
Владыка Иранской державы навряд
Узнать о поступке таком будет рад.
Ты пишешь: пожаловать гостю готов,
В Иран провожая, немало даров.
Йездану хвала — недостатка ни в чем
Не знал, о богатстве не грезил чужом!
Обильны даянья царя моего,
Я денно и нощно молюсь за него.
В-четвертых: хваленья, что мне воздаешь,
Мои превышают достоинства. Все ж
Приемлю, о Чина владыка, скажу
О сем властелину, какому служу.
Тебе Вседержитель пусть милости шлет,
Которым и небо не ведает счет».
К посланью свою приложивши печать,
Велит к повелителю Чина скакать.

[*Бегство Бехрама из Хиндустана с дочерью Шенгола*]

В согласье с подругою зажил своей
Бехрам. В нем узнала владыку царей.
От нежности плача, о нем лишь пеклась,
С него не спускала заботливых глаз.
Узнав о любви, что царила меж них,
Отрекся Шенгол от сомнений былых.
Однажды счастливые были вдвоем,
Беседа текла об одном, о другом.

Так молвил Бехрам луноликой жене:
«Мне блага желаешь ты, ведомо мне.
Поведаю тайну, узнаешь одна
О ней. Да пребудет сокрытой она.
Решился я ныне из Хинда бежать,
Когда согласишься мне спутницей стать,
С собою тебя увезу. Не забудь
Молчанье хранить, осмотрительна будь.
Знай, выше, чем видишь, в Иране мой сан,
Мне правый во всем помогает Йездан.
Коль, разума вняв назиданьям благим,
Последуешь предначертаньям моим,—
Владычицей каждый тебя наречет,
Отец пред тобой на колени падет».
«О муж благородный,— сказала в ответ,—
К добру пусть ведет тебя разума свет!
Достойною может назваться жена,
Коль радость в улыбке супруга видна.
От этих речей твоих будь суждено
Мне пасть — не покину тебя все равно».
«Что ж, действуй,— промолвил он,— быть по сему.
Но замысла не открывай никому».
«Достойный царить! — говорит Сепипуд,—
Исполню, коль звезды на помощь придут.
Есть роща, к ней путь недалекий, туда
Для празднеств отец выезжает всегда.
Священной, к тому же, та роща слывет,
Кумиру там почести жрец воздает.
Туда, где пред идолом плачут, пути
Фарсангов не менее, знать, двадцати.
Выходит туда на онагровый лов
Владыка среди верховых удальцов.
И только лишь к лову приступят тому,
Нет доступа больше туда никому.
Воспользуйся этим, коль хочешь бежать.
Их пиру поблекнуть, тебе процветать!
Терпенья еще дней на пять наберись.
Лишь солнце украсит лазурную высь,
И город покинет владыка,— ничуть
Не медли, сбирайся и двигайся в путь».
Промолвил Бехрам: «Порешили на том,
Смотри, чтоб никто не узнал ни о чем».
Дождался для празднеств назначенных дней.
Как в рощу собрался со знатью своей
Царь Хинда, от дочери слышит он вдруг:
«Напал на Барзуя нежданный недуг.
Приносит тебе извиненья свои:

О царь, мол, обиды в душе не таи!
Вконец омрачить может хворый один
Все празднество, знает о том властелин».
Ответил Шенгол: «Да не будет того,
Чтоб звал я недужного на торжество!»
И вот заблистал первый утренний луч,
Царь мчится на праздник, покинув Каннудж.
Когда же стемнело, услышал Бехрам:
«Пора, о супруг мой, в дорогу и нам».
Грудь панцирем, шлемом облекши главу,
Аркан приторочивши, взяв булаву,
В седло Сепинуд усадил Бехрам-шах.
Йездапово имя одно на устах.
Без отдыха мчатся. И вот впереди
Ширь водная. Встретился им на пути
Большой караван — из Ирана купцы,
На суше и на море все — храбрецы.
Глава каравана лик царский узнал,
Но знак ему сделан, чтоб вида не дал.
Владыка поклон не велит отдавать,
От спутников велено тайну скрывать.
«От слов воздержись,— тихо молвил Бехрам,—
Молчание ныне полезнее нам.
Коль в Хинде откроется тайна сия,
В крови захлебнется Ирана земля.
Замкнувший уста все развяжет. Лишь там
Успешны дела, где нет воли устам.
Язык ваш я клятвою должен связать,
Чтоб снова державы владыкою стать:
Бехрамова, мол, не покинем пути
И тайну его станем свято блюсти».
Всю клятву святую царю принесли.
Душой успокоясь, владыка земли
Сказал: «Ныне тайну я вам предаю,
Ее, словно жизнь, берегите свою,
Коль вправду хотите, чтоб царский престол,
Из плена избавясь, я снова обрел...
Ведь если со мною расстанется трон,
Нагрянут войною к вам с разных сторон,
Сметут и властителя здесь, и купцов,
И трон, и венец, и дехкан, и бойцов».
Иранцы, услышав об этих речах,
К царю устремились в волненье, в слезах:
Падет за тебя, мол, из знатных любой.
Век младость и царство да будут с тобой!
Клад тайны твоей обнаружить, раскрыть,
В кровавое море наш край обратить —

Кто б мог о злодействе помыслить таком:
Где надобен разум, рубить топором!..
Услышав ответ именитых мужей,
Хвалою почтил их владыка царей.
И вскачь до речного он берега гнал,
Иранскую стражу уснувшей застал.
Вот челн, для отплытья готовый, берут,
Туда Бехрам-Гур усадил Сепинуд.
Поплыли и суши достигли с зарей,
Как светоч небесный взошел над землей.

[*Шенгол настигает Бехрама*]

Помчался гонец из Каннуджа, чтоб весть
Нежданную эту Шенголу принесть.
Услышав слова, что сказал доброхот,
Пир бросил, как молния ринулся тот
В погоню. До берега мчится, и тут
Увидел Бехрама с младой Сепинуд.
Свершив переправу, во гневе Шенгол
Воскликнул: «Сколь дерзко обманщик увел
Тебя, быстроглазая, полная зла!
Что львица, ты воды с ним переплыла.
Тайком от меня устремилась в Иран —
В ничтожный пустырь, из жемчужины стран.
Покинула ты изголовье мое —
Узнаешь, сколь метко отцово копье!»
«О злобный! — на это Бехрам отвечал,—
Почто как безумный за нами скакал!
Меня испытал — ведь таков я в бою,
Как будто вино с сотрапезником пью.
Сам знаешь, мне хиндов сто тысяч мечом
Сразить, как бойца одного, нипочем.
Где я, да в броне три десятка бойцов,
Разящих булатом парсийских клинков,
Там слезы кровавые хиндам пролить,
С душою недолго мне всех разлучить!»
И понял царь Хинда, что спорил бы зря
С отвагой и доблестью богатыря.
Воскликнул: «Отринул, тебя возлюбя,
Потомство, отринул родных для тебя.
Лелеял, подобно зенице очей,
Держал, что венец над главою своей,
Дочь отдал, какую ты сам пожелал,—
За верность мою злодеяньем воздал!
Лишь зло, не добро твою душу влекло —
Кто слышал, чтоб мздою добра было зло!
Что ныне скажу, коли та, что своей

Звал дочерью, думал — нет в мире родней,—
Умчалась теперь, словно дерзкий ездок.
Знать, думала — счастье поймала в силок!
Но сердцу парсийскому верность чужда,
«Нет» мыслит, хотя и ответствует «да».
Во всем уподобилась львенку тому,
Что горе принес пестуну своему:
Когтей обладателем став и клыков,
Свирепо напасть на кормильца готов».
Бехрам отвечает: «Узнав, как зовусь,
Коварным и злым не сочтешь, поручусь.
Не станешь меня за побег укорять,
В деяньях и мыслях дурных обвинять.
В Иране, в Туране владыка царей,
Вождь рати, опора я богатырей.
Тебе обещаю добром отплатить,
Врагов твоих всех с головой разлучить.
В Иране приму как родителя, знай,
И данью притом не унижу твой край.
Как светоч Востока, почтут твою дочь,
Владычиц венцом нарекут твою дочь».
Речь выслушав эту, Шенгол изумлен.
Чалму свою хиндскую сбросивши, он
Хлестнул скакуна, у бойцов на глазах
Примчался просить, да простит шахиншах
За все, что в сердцах было сказано зря.
И с радостным сердцем он обнял царя.
Торжественный пир приготовить потом
Велит, наполняются чаши вином.
И тайну свою открывает Бехрам:
Как все, мол, в Иране затеял он сам,
Что в помыслах было и что совершил,
И кто в этом деле советником был.
Немало испивши вина, поднялись,
Мольбы о прощении вновь полились.
И рукопожатьем скрепили обет
Кумиропоклонник и тот, кем Изед
Был чтим,— не покинуть благого пути,
Ложь с корнем исторгнуть и правду блюсти:
Мол, вечную верность друг другу хранить
Мы будем и мудрых речения чтить...
Царь Хинда прощаться тут с дочерью стал —
Уток и основу, скажи, раздирал.
От мыслей враждебных очистив сердца,
Цари устремились в два разных конца.
По суше один, водной ширью другой
Помчались, ликуя, воспрянув душой.

[*Иранцы встречают своего царя Бехрам-Гура*]

Лишь вести о том до иранцев дошли,
Что едет с мужами владыка земли
Назад из Каннуджа — всех радость зажгла,
В убранстве богатом страна расцвела.
Скажи, весь от края до края Иран —
Сплошь золото, мускус, алмазы, шафран.
Когда Йездгерд эту весть услыхал,
Дружину иранскую тут же собрал.
С Нерси благородным верховный мобед
Навстречу выходит, и мудрых совет.
Владыки Бехрама завидевши лик,
Сын спешился тотчас, ко праху приник.
Склонились и брат и мобед до земли,
Ликуют сердца, хоть ланиты в пыли.
Направился после Бехрам ко дворцу,
И душу и тело предавши Творцу.
Стемнело, серебряный щит в небесах
Блеснул, и ко сну отошел шахиншах.
День с ночи сорвал покрывало, и вот
Сияющий светоч над миром встает.
Воссев на престол золотой, шахиншах
В безмолвии ждет при открытых дверях.
Немало пришло умудренных мужей,
Властителей царств, именитых вождей.
Сперва Вседержителя он воспевал,
Высокому Разуму честь воздавал.
Так молвил: «Вселенной благого Творца,
Познавшего тайны и явь до конца,
Страшитесь, и ваши мольбы горячи
Да будут и днем и в глубокой ночи.
Он силы податель, даритель побед,
Им создан и солнца, и месяца свет.
Коль в рай благодатный стремитесь войти,
Злых мыслей страшитесь, худого пути.
Пусть милость и щедрость, и правда царят,
От лжи и злодейства сердца отвратят.
Меня не страшитесь, хотя бы гора
Была у вас золота и серебра.
Боязнь из сердец изгоните своих,
Побольше деяний творите благих.
Дехкан родовитый и пахарь простой
Равны перед правым судом, предо мной.
Кто трон и венец у меня обретет,
Йездану, не мне, пусть хвалу воздает.

Сверх этого, если дозволит Йездан
И будет удачей мой путь осиян,—
Безмерно щедроты мои возрастут,
За мною подвластные к счастью пойдут.
Богатства свои не стремлюсь умножать,
Народ не хочу разорить, разогнать.
Одной сохраню справедливости клад,
Чтоб дух после смерти блажен был стократ.
А кто от сановников или вождей,
Иль родичей, иль от дружины моей
Терпел произвол, но сокрыл от меня,
Обиду в душе уязвленной храня,—
Тот против себя самого согрешил.
Хвалы недостоин, кто это свершил!
На месяц накинул он тучи покров,
И пусть его судит Владыка миров!
Быть может, стремленья иные у вас,—
Свой нрав ведь у всякого. Все в этот час
Мне думы откройте. Владыке под стать
Желаниям старым жизнь новую дать.
Внемлите и все повинуйтесь сему,
В завете сем пища душе и уму».
Так молвил и радости полон взошел
В венце благодатном на царский престол.
Хвалу воздает повелителю знать:
«Твоими да будут венец и печать!
Коль мудрости полон и счастьем ведом,
Престол и держава гордятся царем.
Ты больше, чем этого требует трон,
Величьем, отвагой, умом наделен.
И духом, и нравом, и родом велик —
Земля не припомнит подобных владык.
Отныне, знай, каждый из нас — стар и млад —
Тебя, повелителя, чествовать рад.
Восславим мы доблесть твою пред Творцом,
Тебя между знатными превознесем.
Ты, щедрость являющий, мощь, благодать,
Достоин на троне владык восседать.
Столь речь твоя милости, правды полна,
Что мертвых из гроба поднимет она.
Всевышний да будет оплотом твоим,
Удачею будь неизменно любим!»
С веселой душой покидают дворец
Вожди, мудрецы, люди чистых сердец.
В седло средь окольных садится Бехрам,
Все в Азергошесп устремились — во храм.
Дал злато, алмазы познавшим нужду,

Но больше дарил он скрывавшим нужду.
Явился с барсамом и бажем в руках
Зердоштова пламени жрец. Шахиншах
К нему привести Сепинуд поспешил,
Тот веры обрядам ее обучил.
Свершил омовенье, как вера велит,—
Что прах или ржавчина, грех с нее смыт.
И тесных темниц распахнулись врата,
И злата раздача опять начата.

[*Шенгол с семью царями прибывает к Бехрам-Гуру*]

Услышал о жизни владыки того
Шенгол и венчанной подруги его:
В Иране охота ему побывать,
Царя благородного, дочь повидать.
Благого послал он из Хинда посла,
Чья речь сладкозвучной и мудрой была,—
Просить, чтобы грамоту выслал ему:
Как памятный дар, сохраню, мол, в дому...
И грамоту новую царь написал,
Знак каждый, что райское солнце, сиял.
С письмом пехлевийским, что царской рукой
Начертано, мчится посланец домой.
Как только назад возвратился посол,
Каннуджа правитель посланье прочел
И тотчас в Иран собираться он стал,
Но это от родичей Чинских скрывал.
Вот семь венценосцев явились к нему,
Сопутствовать будут главе своему.
Кабула владыка и Синда глава,
Царь джугов, кого прославляла молва,
Богатый и сильный Сандала глава,
Величия полный Джандала глава,
Кашмира могущественный государь,
Мултана везде почитаемый царь.
Искатели славы — все в царских венцах,
В уборе владык — ожерельях, серьгах
Из злата и жемчуга, и серебра;
Чатр хиндский над ними павлинья пера *.
Украшены спины слоновьи парчой,
За версты уж виден блистающий строй.
Нет счета дарам и нисару — в глазах
Властителя станут динары, что прах.
Так царь, с семерыми начавший поход,
Их вел от стоянки к стоянке вперед.
Узнав о прибывших из Хинда царях,

Навстречу дружину ведет шахиншах.
Достиг Нехревана, вступает в сей град —
Ум мудрого старца, а счастием млад.
Два славных, достойных царя в этот час
Встречаются, к месту свиданья примчась.
Вот спешился шах, также Хинда глава,
Любви на устах и привета слова.
Сошлись, обнялись два венчанных царя,
Величием два осиянных царя.
Бойцы двух дружин покидают коней,
И говор наполнил просторы степей.
Так встретились два властелина земли
И долго о разном беседу вели.
Потом оседлали опять скакунов,
За ними ряды именитых бойцов.
Пред троном златым властелина царей
Расставлены чаши по чину царей.
С ягнятиной, с жареной птицей столы
Длиной в расстоянье полета стрелы.
Насытились, царского пира настал
Черед. И сиял он, и благоухал.
Вина принесли, зазвенела струна,
Палата, сказал бы, сплошь песен полна.
Рабы в драгоценных уборах стоят,
Что рай, и престол и убранство палат.
Вино только в чаши хрустальные льют,
Вкушают из блещущих золотом блюд.
Пирующий каждый в венце золотом,
И блещут алмазами кафши на нем.
Шенгол на убранство чертога глядит,
Дивится, за чашей себе говорит:
«Иран то ли рай, то ль весна средь полей...
Здесь мускусом веет, скажи, от друзей!»
Шенгол слово тихое просьбы такой
К царю обращает: мол, встречу устрой
Мне с дочерью... Тут же он стражам дворца
Велит проводить к луноликой отца.
С ним слуги почетные отряжены.
В покое другом, наподобье луны,
На троне из кости слоновой отец
Дочь видит, на ней из коралла венец.
Приблизясь, целует он голову ей,
Коснулся челом и ланит и очей,
Льет слезы любви, стало сердцу невмочь,
И с ним зарыдала красавица дочь.
Покой озирает и весь обиход,
И руку, довольный, он об руку трет.

Так дочери молвит: «Попала ты в рай,
Дом бедный покинув, убогий свой край!»
Дары, что доставил из Хиндской земли,—
Рабынь и венцы, и монет кошели
С немалым нисаром он дочери дал,
Отрадный покой, что весна, заблистал.
Повсюду уборы в алмазах горят —
Их цену назвать бы сумели навряд.
И снова на пир к шахиншаху пришел,
И все любовался чертогом Шенгол.
Дань вместе с мужами веселью, вину
Отдавши, царь Хинда отходит ко сну.
Чадра цвета мускуса вот уж видна
И звездное небо — что барса спина.
Хранимые слугами, сладостным сном
Уснули мужи, ублажившись вином.
Когда ж золотистая чаша взошла,
Что солнцем людская молва нарекла,
Избавивши мир от чадры смоляной,
Рассыпав топазы по шири степной,—
Бехрам с удальцами собрался в поход,
На ловлю, и Хинда владыку зовет.
Гепардов своих, соколов властелин
Берет, здесь и черг и отважный шахин.
За ловом онагров и ланей степных,
Что день, промелькнул целый месяц у них.
И не омрачался душой ни один,
Не ведал никто ни забот, ни кручин.
Настал новый месяц, окончился лов,
И все устремились к веселью пиров.
На ловле зверей, за накрытым столом
Шах с Хиндским везде неразлучен царем.
С мячом ли потеха, собранье ль мужей —
Шенгол неизменно с владыкой царей.

[*Возвращение Шенгола в Хиндустан*]

Увидел, что срок уж немалый прошел,
И стал собираться в дорогу Шенгол.
Со стрельбища как-то вернулся, и вот
В покои он дочери тотчас идет.
Калям и бумагу царь Хинда спросил,
Из тертого мускуса также чернил,
Послание стал по-индийски писать.
Искусным пером, пехлевийским под стать.
Впачале посланье хвалу вознесло
Тому, кем из царства исторгнуто зло,
Кто чести, добру утвердиться помог,

Прочь, к диву отбросил и ложь и порок.
«Свою Сепинуд во дворец расписной
Я ввел Бехрам-шаха достойной женой.
Да славится вечно венчанный Бехрам,
Вовек да пребудет главою царям!
С земли этой бренной когда воспарю,
Раджой быть в Каннудже Бехраму-царю.
Вам верность ему надлежит соблюдать,
Огню бездыханное тело предать.
Мою Бехрам-шаху вручите казну,
Дворец и венец, и престол, и страну».
Чернеют на тонком шелку письмена,
И грамота им Сепинуд вручена.
Два месяца вот уж в Иране провел,
И знатного мужа отправил Шенгол
К царю,— мол, дозволь воротиться домой
И мне, и мужам венценосным со мной...
«Согласен,— ответ на прошение дан,—
Вернуться ты можешь в родной Хиндустан».
Мобеды, по воле Бехрама, спешат
Собрать из всего, чем Иран столь богат,
Дары: были с золотом тут кошельки,
Алмазы, престолы, венцы, кушаки,
Парча, одеянья с иглы — до того
Их много, не счесть, не измерить всего.
Дал спутникам также коней властелин
И тканей, которыми славится Чин.
Довольных и радостных всех отпустил,
Путь с ними до третьей стоянки свершил.
И то еще малым владыка признал —
До самого Хинда припасов им дал.

[*Бехрам-шах слагает подати с дехкан*]

Когда Бехрам-шах воротился назад,
В покое воссел среди царских палат.
Помыслил про смерть, неизбежный удел,
Стеснилось в нем сердце, лицом пожелтел.
На зов венцепосца явился дебир,
Мобед благородный, владыки везир.
Велел: да подсчитаны будут сполна
Одежды, каменья, златая казна.
Давно звездочеты сказали ему,—
И был он встревожен душой потому,—
Ты будешь, мол, жить трижды двадесять лет,
Потом опечалишь кончиною свет.
«Что ж,— молвил,— на двадцать веселье вкушу,
В душе моей радости древо взращу.

Вторые — желанием правды влеком,—
Державу наполню, сколь можно, добром.
Во все уголки процветанье придет
И каждый у нас пропитанье найдет.
А в третье — Йездану предамся душой,
Меня да направит стезею благой».
Три года еще называл звездочет,
Но трех этих лет был таинственным счет.
От памятных слов звездочета скорбел,
Хотя и великим богатством владел.
Блажен беспечальный, несуетный муж,
Коль он властелином родился к тому ж!
В цареву казну поспешил казначей,
И много труда положил казначей.
В хранилищах целые дни пребывал,
И все при везире, как есть, сосчитал.
Везир шахиншаха как принял тот счет,
Властителю полный представил отчет.
Сказал ему: «Двадцать три года казна
Все нужды твои обеспечит сполна.
Прокорм, содержанье отсчитано всем,
Дирхемы на славное войско, затем
Расход на послов от соседних царей,
Посланцев из разных твоих областей.
На все эти годы достанет добра,
Сокровищ и золота, и серебра».
Бехрам этой речи в раздумье внимал,
И, мудрый, печаль о грядущем прогнал.
Так молвил: «Заботою меньше как раз!
Ведь жизнь, как посмотришь, в три дня пронеслась.
Вчера отошло, завтра только идет,
Пусть нынче тревога нам спину не гнет.
Коль есть чем дарить, есть престол и венец,
Положим для податей царских конец».
Велел он державную подать его
Спять с малых и знатных от года сего.
Был избран для города каждого муж,
Чтоб не было спящих в бездействии душ,
Затем, чтобы ссор не случалось худых,—
От ссор столько дел порождалось худых!
Дал все из казны — чем себя пропитать,
Во что облачаться и что расстилать.
И мудрым мобедам давался наказ:
«Ни зла, ни добра не скрывайте от нас.
Посредствуйте в спорах, не требуя мзды,
Вождям благородным в ней нету нужды.
О добром и злом извещайте меня,

Сомненьями не омрачайте меня».
Мобеды разъехались, вскоре при них
Дел скрытых не стало — ни добрых, ни злых.
И вот уж державы из разных концов
Посыпались письма от тех мудрецов:
Мол, щедрость и праздность, и сытый удел
Причиной, что разум людей оскудел.
И стычки, и кровопролитья идут,
Младые мужей благородных не чтут.
Их сердце лишь страстью ко благам горит,
Мобедов забыли и царь позабыт...
Все чаще посланья подобные шли,
Кровавые стычки печаль принесли.
Сановников выбрал из всех областей,
Приверженных правде разумных мужей.
Даны пропитанье, одежда, ковры,
Из царской казны для раздачи дары.
Диван собирали полгода они,
Дирхемы взимали с народа они.
Был податью назван тот сбор серебром,
Взимавший был важен, украшен венцом.
Шесть месяцев взыскивал, шесть — раздавал,—
Сам радости в том серебре не искал,—
Затем, чтоб от праздности кровь не лилась,
Душа к недостойным делам не влеклась.
И царская служба доносит в ответ:
От щедрости, мол, безопасности нет.
С достатка пустились в худые дела,
Немало обидчиков, ищущих зла...
Все эти посланья прочел Бехрам-Гур,
И сердцем в волненье пришел Бехрам-Гур.
Правителя каждому краю дает
Из тех, в чьей душе справедливость живет.
И так повелел он: «Кто кровь будет лить,
Забыв справедливость, неправду творить,—
Пусть воля Йездана свершится над ним,
Да всяк над путем поразмыслит своим».
Немалое время минуло затем,
Велит он готовить послания тем
Правдивым и знающим дело мужам,
Что прежде по всем разослал областям:
В державе, мол, нет ли творящихся бед,
Что этому царству чинили бы вред?
Ответили так: мол, от царских щедрот
Порядок, обычай никто не блюдет.
Про землю и думать забыли они,
Хоть ценность людей от труда искони.

Куда ни взгляни — без надзора быки,
На пашнях заброшенных — сплошь сорняки...
«До полдня,— ответ властелина гласит,—
Пока светоч мира не станет в зенит,
Не должно работ прекращать на полях
Тому, чье достоинство в этих трудах.
В другой половине вольны отдыхать,
Пирами себя, красотой услаждать.
Когда землепашец бежит от труда,
Достоинств не жди от него никогда.
Идет от невежества праздность его,
И впору оплакать невежду сего.
А ежели кто без семян и быков,
К таким да не будешь чрезмерно суров.
Снабди подобру из царевой казны,
Чтоб не были бедностью побеждены.
Ущерб от погоды понес человек,—
Не властен ведь он над погодой вовек,—
Иль где саранча на поля налетит
И всходы нещадно она истребит,—
Убыток любой из казны возмести.
По краю о воле моей возвести.
Коль чьи-то дороги бесплодней поля,
Иль где-нибудь кладбище, а не земля,—
Дабы не скитаться по свету всему,
По землям незнатных и знатных ему,—
С таких, что сказал, не взыщи ничего.
А если возьмется хоть грош у кого,—
Любого, что сборщиком служит моим,
Будь мне воспитателем он дорогим,
На месте живьем повелю закопать.
Не знать ему крова, приюта не знать!»
Вот царской печатью скрепили, гонцы
С посланьем во все поскакали концы.

[*Бехрам призывает лури из Хиндустана*]

Мобедам владыка послания слал.
Кто беден, тому одеяния слал.
Спросил: «Без заботы живущие кто?
И кто в нищете, неимущие кто?
Как есть обо всем известите меня,
Ко свету, скажу, поведите меня».
Такой повелителю слали ответ
И знатный, и мудрый, и каждый мобед:
«Мы видим цветущими землю, дела,
Звучит непрестанная всюду хвала.
Но жалоба всюду слышна бедняка

Такая: мол, бедных судьба не легка!
Мол, с чашей когда восседает богач,
Венок из цветов надевает богач,
Под пение ченга пирует, меж тем
Людьми бедняков не считает совсем.
Пьет бедный без роз и без ченга вино,
Богатым лишь радовать сердце дано...»
Потешила шаха послания суть.
Отправил коня быстроногого в путь:
К Шенголу гонца своего отрядил.
«О царь-избавитель— в письме говорил,—
Обоего пола сто сотен лури,
Бербетом владеющих, нам отбери» *.
Когда же к царю они прибыли, тот
Открыть им дорогу веленье дает.
Ослов и быков уделил пришлецам,
Лури земледельцами сделал Бехрам.
И тысяча также харваров зерна
Хранителем царским была раздана.
Затем, чтоб пахал на ослах и быках,
Выращивал свой урожай на полях,
Дабы музыкантом он стал беднякам,
Всегда безвозмедно играл беднякам.
Тот съел и быков, и харвары зерна,
Пришел через год, на щеках желтизна.
Царь молвил: «Как видно, тебе не под стать
Ни сеять, ни жатву с полей собирать.
Остался осел. Что ж, осла нагружай,
Да руд мастери, да струной оснащай!»
Поныне лури, слову верному в лад,
По свету, прокорма ища, колесят.
Сосед и попутчик — собака да волк,
Ночлег по дорогам, татьба под шумок.

[*Кончина Бехрам-Гура*]

Прошли шестьдесят и три года его,
И не было равных ему никого.
Год новый пошел. Как-то входит везир,
Премудрый мобед, он же царский дебир.
Казна, мол, пустеет владыки царей,
Пришел я услышать о воле твоей.
Никто, мол, кому здесь богатство дано,
Нам подать платить и не мыслит давно...
«Забудь о казне,— раздается ответ,—
Ее умножать, право, нужды нам нет.
О мире печется, кто мир сотворил
И сей небосвод круговратный явил.

Прейдет небосвод, но пребудет Йездан,
Им путь ко благому для всех осиян».
Уснул этой ночью, а с первым лучом
Несметное войско сошлось пред дворцом.
Кого надлежало, призвал властелин.
Явился Йездгерд, венценосного сын.
Трон кости слоновой, при знатных, венец
И цепь, и подвески вручает отец.
Предаться Изеду, срок, видно пришел,
Венец низложил и покинул престол.
Душой утомясь от мирской суеты,
Возлег с наступленьем ночной темноты.
Вот длань протянуло светило с высот,
Мобеда внезапно тревога берет:
Мол, что миродержец доселе не встал?
Иль видеть своих приближенных устал?
Йездгерд перед ложем отца своего,
Взглянул, и уста пересохли его.
Увидел он цвет помертвевших ланит,
На царской парче бездыханного зрит...
Так есть, будет так до конца бытия,
Лишь сердце не выжгла бы алчность твоя!
Смерть сердце железа и камня страшит,
Сей мир и тебя не на век сохранит.
Беззлобным пребудь, человечность любя,
Чтоб прошлое не погубило тебя.
Нет шаха Бехрама, нет стати такой
На росписях, длани такой с булавой.
Нет равных, не будет во веки веков,
О Боже, омой его дух от грехов!
Да будет небесному свету сродни,
Далекой от зла его душу храни!..
Родителя сорок оплакивал дней,
И в черном и в синем собранье мужей.
Как был шахиншах-богатырь погребен,
Мир, скажешь, со щедростью был разлучен.
Такого не видеть уж Солнцу, Луне,
Зохре и Кейвану, венцу и стране.
Нет той благодати и стати, увы,
Жаль доли высокой, руки, булавы!
Трон кости слоновой собой украшал,
Дань, подать от Рума и Чина взимал,
Но так же, как нищий голодный ушел,
От войн и от доблести что приобрел!
Коль с ним бедняка одинаков уход,
Притом сожалений не ведает тот,
Что проку от царских услад! Все равно

Процарствовать вечно тебе не дано.
Блажен неимущий, в ком вера живет,
Разумный, познавший немало невзгод.
Оп доброе имя, покинув сей свет,
Оставит, и добрый свершенного след.
И в мире ином должной долей почтен,
Пред ликом Йездана прославится он.
Не будет, как я, несчастливый стократ,
Надеждой обманут, отправленным в ад.
Нет счастья на этом, надежды на тот,
Среди двух миров, скажешь, пьяный бредет.
Теперь, коли с мыслями вновь соберусь,
За сказ о владыке Йездгерде примусь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

В этом томе при переводе в отдельных случаях использовалось, кроме основного текста (Вуллерс — Нафиси, Тегеран, 1934, в сокращении В.— Н.), издание: Аб. Фирдоуси. «Шахнаме». Критический текст. Изд-во АН СССР. М., 1961. Случаи использования в переводе вариантов, приводимых у В.— Н., обычно не оговариваются.

В комментариях отмечены те места текста, где при идентичном содержании число стихов в переводе не совпадает с числом стихов в подлиннике.

Пометка «перестановка бейтов» указывает на то, что в переводе, соответственно особенностям русского стиха и синтаксиса, допущена перестановка смежных бейтов подлинника. В тех случаях, когда в поэтическом переводе оказываются выпавшими какие-либо реалии или когда представляющая интерес идиома подлинника переводится по общему смыслу, в комментариях дается дословный перевод.

Небольшие примечания справочного характера обычно снабжены ссылкой на более подробное примечание, содержащееся в одном из предшествующих томов.

Как и в прежних томах, на наличие примечания указывает звездочка в конце стихотворной строки. Примечание дается под порядковым номером соответствующего стиха. По поводу транскрипций, условных сокращений и других моментов оформления см. пояснения в т. 1, с. 599—600.

Нумерация перевода дана в пятом томе заново, т. е. с первого стиха. В квадратных скобках при первом и последнем стихах перевода даны цифры, отражающие суммарное (по четырем томам) количество переведенных строк («полубейтов») поэмы.

Царствование Искендера длилось четырнадцать лет.— Легенды об Александре Македонском, о его жизни и походах, по-видимому, стали создаваться вскоре после смерти великого завоевателя. Роман о жизни и деяниях Александра многократно перерабатывался и расширялся. Его древнейшая версия, приписывавшаяся врачу Александра Каллисфену (впоследствии было доказано, что Каллисфен не имел к этому никакого отношения), дошла в виде весьма дефектного греческого текста (так наз. «версия А»). Во II—III вв. в Римской империи был официально введен культ Александра, и роман стал особенно популярным. Он был переведен на латинский (Юлием Валерием), имеются также его переводы на сирийский, армянский, коптский языки. Сохранились отрывочные сведения и о среднеперсидском варианте романа. В Византии была сделана переработка этого романа (так наз. «версия В») и, наконец, еще одна кардинальная переработка («версия С») относится к XI в.

Первоначальный вариант романа, созданный в Египте (Александр, согласно роману, был сыном египетского жреца Нектанеба и жены Филиппа Македонского Олимпии; такая «генеалогия» давала возможность Птолемеидам — македонским правителям Египта — считать себя законными преемниками древнеегипетских династий), включал в себя, в частности, рассказы о войне с правителем Индии Пором (у Фирдоуси — Фур), его встречу с брахманами, историю Александра и царицы Кандаке (у Фирдоуси — Кейдафе), его посещение амазонок и описание его смерти в Вавилоне.

В «Романе об Александре» присутствуют и «чудесные» истории, в основе которых лежат, по-видимому, сочиненные уже после смерти Александра его письма Аристотелю и Олимпиаде о загадочной Индии.

Некоторые из этих историй знал уже Страбон: «они рассказывают нам о людях, которые сидят на своих ушах, о безротых, безносых, об одноглазых и длинноногих». Остальные части версии Псевдо-Каллисфена не совпадают с текстом Фирдоуси.

Среднеперсидский вариант романа не сохранился, но он, бесспорно, существовал (отрывки среднеперсидской версии, например, советы Александру Аристотеля,

имеются в так наз. «Письме Тансара» — сасанидском псевдоэпиграфе VI в.). Для религиозных зороастрийских текстов сасанидского времени Александр Румиец (в написании Alaksandar i hrōmāyik, имя «Искендер» («Искандер») возникло уже в арабское время, когда начало имени было принято за арабский определенный артикль) — это «адское создание, злосчастный еретик», уничтожавший зороастрийские священные книги и разрушавший храмы. Остается только гадать о содержании этого сасанидского «Романа об Александре», но отчасти для его реконструкции можно использовать сравнение «версии А» с рассказами, сохраненными у Табари и Бал'ами, с одной стороны, и текстом Фирдоуси, с другой. Табари использует перевод среднеперсидского текста (например, имя коня Александра — Букефалос, у Табари дано в среднеперсидской «маске» — Букафарасп). Среди историй, упомянутых Табари,— походы Александра в Индию, Китай, Тибет, путешествие в «Страну вечного мрака», поиски «живой воды».

Хотя в «Шахнаме» не отражено прозвище Александра (Зу-ль Карнайн, «двурогий»), тем не менее, здесь есть вставной достан о походе Александра к Каабе (см. ниже 1299—1372), взятый из какого-то комментария к Корану, а также другие сообщения хадисов о Зу-ль Карнайне. Нужно отметить также довольно большое количество арабизмов именно в этой части поэмы.

Кроме этого, в «Шахнаме» содержится ряд рассказов, не встречающихся ни у Псевдо-Каллисфена, ни у арабо-персидских историков, использовавших среднеперсидскую версию «Романа».

Эти рассказы, как правило, наполнены мистической символикой и страшными предсказаниями (убийство змея, рассказ о троне с мертвецом, о дворце из зеленого камня, вещих птицах и др.) или напоминают описания «диковинок и чудес мира» (рассказы о стране мягконогих», о стране краснолицых, о чудовищном волке, обитающем в лесах Абиссинии, и др.).

О существовании подобной литературы в сасанидскую эпоху сохранились некоторые сведения. Так, например, книга «Абйаткариха — и шахриха» («Достопримечательности стран») упоминается в «Бундахишне» («Создание» — религиозное сочинение на среднеперсидском языке). Интересен отрывок из среднеперсидского сочинения «Спор пальмы с козой»: «(44)... с горы на гору идут к большой стране земли, от берегов Инда к озеру Варкаш, к людям различных племен на другой земле... и они называются «Варчашм» («грудоглазые»), ибо глаза у них — на груди, а голова их — собачья».

Такие произведения переводились на арабский язык (и иллюстрировались), но существовали, по-видимому, как отдельные книги (не входили в состав официальной сасанидской истории — «Хватав-намак», см. ниже). Некоторые из подобных описаний могли быть насыщены разными мистическими предсказаниями — в VIII — начале IX в. такого рода идеи были популярны в среднеперсидских сочинениях.

Отличается повествование Фирдоуси от текстов Табари и Бал'ами еще и подходом к образу Александра. Он почти лишен черт воинствующего антизороастрийца, разрушителя храмов огня и т. д.— тех именно черт, которыми он был наделен в литературе сасанидского времени. Александр именно таков у Табари и других раннесредневековых авторов, поскольку только таким он и мог быть в не дошедшей до нас среднеперсидской версии романа.

Интересно также и представленное Фирдоуси «генеалогическое древо» Александра. В «Шахнаме» он — потомок Дария, т. е., в сущности, законный государь, поскольку наделен «фарром» — божественной предназначенностью быть царем Ирана.

Ни в одном сасанидском произведении Александр не включался, да и не мог включаться, в цепочку законных правителей. Впервые, насколько известно, связь Александра с Ахеменидами (Александр — сын Дария и дочери Филиппа Македонского) отражена у Динавери (ум. в 895 г.), который был тесно связан с шуубидскими кругами (о шуубизме см. «Шахнаме», т. 1, с. 471 сл.), где идеи иранского легитимизма были особенно популярны. Табари, в качестве основной, использует генеалогическую версию официальных исторических среднеперсидских сочинений (Александр — узурпатор), но вводит в свой текст и версию Динавери, с пометкой о том, что «так думают другие знатоки».

Таким образом, источник Фирдоуси — скорее всего, не сасанидская версия «Романа» и, конечно, не сасанидские официозы и зороастрийские сочинения. Среди арабских или персидских переводов и переложений сасанидской литературы в качестве источника для дастана об Искендере Фирдоуси следует искать, скорее всего, такую сводную компиляцию, своеобразный литературный монстр, куда были включены:

1) сасанидская версия «Романа об Александре» (использована, в частности, Табари);

2) созданная уже в послесасанидское время версия об иранской генеалогии Александра (по той же модели, что и генеалогическое древо Сасанидов, восходящее к Дарию, об этом см. ниже), возможно, в IX в.;

3) ряд упоминаний об Александре, содержащихся в Коране, хадисах и, возможно, ранних «тафсирах» (комментариях к Корану) — вероятно, того же времени (этим, в частности, объясняется сравнительное обилие арабской лексики в соответствующих частях «дастана» Фирдоуси);

4) арабские переводы сочинений типа «Диковинки мира», где «чудесные» рассказы были искусственно связаны с походами Александра на «край света».

Если не предполагать, что эту работу по соединению различных частей в единый дастан проделал сам Фирдоуси (это предположение нельзя, в сущности, ни доказать, ни опровергнуть), то остается возможность считать, что все это было включено в ту большую «Шахнаме», которую начала переводить на новоперсидский язык, составляя из различных книг (и арабских, и персидских), комиссия из четырех хорасанских ученых в конце 50-х годов X в. (об этом подробнее см. «Шахнаме», т. 1, с. 473 и ниже, примеч. к 4011), и которой, несомненно, пользовался Фирдоуси.

Такая «модель» более всего соответствует различным деталям этого «дастана». В этом случае станет понятным, например, проникновение в этот «дастан» намеков о связи Александра с исламом, наряду с четким представлением о том, что Александр, будучи румийцем, несомненно, христианин (что вряд ли было бы возможно в сасанидском сочинении), или шуубидской идеи «иранского легитимизма» (см. также «Шахнаме», т. IV, с. 437—438).

11—14 В тексте восхваляется пророк Мухаммед, его сподвижники и, в особенности, Али (602—661), четвертый халиф династии Омейадов, прославленный полководец («меч Ислама»). Сторонники Али — шииты (от араб. шийа — «партия») провозгласили его первым имамом — главой правоверных и полагали, что во главе стран ислама должны стоять лишь его потомки — имамы. Али имел титул вели (араб) — «святой, близкий к богу». Шиизм был широко распространен в Иране, но, как кажется, Фирдоуси не был слишком уж рьяным шиитом и потому восторженное восхваление Али в этих стихах ему вряд ли принадлежит (все введение в дастан об Александре рассматривается обычно как поздняя интерполяция).

29 *Моштери* — арабское название планеты Юпитер.

31 *Махмуд* (в тексте: Абу-ль Касем Махмуд) — Махмуд Газневид (см. примеч. к т. 1).

65 Йездан (*Изед*) — в среднеперсидском — мн. число от «йазата» — «божество», букв. «достойный поклонения» — зороастрийский термин для разных «благостных» божеств, угодных «верховному божеству» Ахура-Мазде (Ормозду). У Фирдоуси часто «йездан» употребляется для обозначения Ахура-Мазды.

87 *Дебир* — ученый писец.

95—110 Арриан (11, 21) так описывает это событие: Дарий, после поражения в Мидии [у Экбатан], был схвачен своими сатрапами. Во главе персидской армии встал сатрап Бактрии Бесс. Знать хотела выдать Дария Александру, но погоня, которую воины Александра не прекращали даже ночью, вынудила их заколоть Дария и бросить его. Александр отослал тело Дария в Парс и приказал похоронить его по обычаям персидских царей в усыпальнице, вырубленной в скале около Персеполя. Захватив Бесса, Александр приказал казнить его (Плутарх, Алекс., 43).

109 *Мне шахом самим Ровшенек отдана.*— Согласно Арриану (II, 25) и Плутарху (Алекс., 21), Дарий предлагал Александру в жены свою дочь еще до захвата Персеполя, но Александр отказался. По Плутарху (Алекс., 70), Александр женился на дочери Дария Статире после индийского похода.

[115] *Исфаган* (другое произношение — Сепахан — «военный лагерь») — древний город на юге Ирана.

[140] *Мобед* — зороастрийский жрец, здесь — мудрый советник.

[143] *Царицей цариц ты войди в шебистан...* — Александр предлагает Ровшенек стать его старшей женой. Титул «царица цариц, владычица шабестана (шебистана), т. е. гарема» был титулом старшей жены шахиншахов сасанидской династии.

[223] *Терджоман* — переводчик.

[227] *Айван* — важнейшая конструктивная часть парадных зданий древнего и средневекового Ирана, открытое с одной стороны помещение с перекрытием, поддерживаемым колоннами.

[229–230] *Нисар* — деньги, бросаемые народу на празднествах. Иногда подношение, дар. *Дирхем* — серебряная монета.

[251] *Истахр* — древний город в Иране, недалеко от Персеполя, с IV в. до н. э. до III в. н. э.— центр княжества Парс; в эпоху Сасанидов — один из самых крупных городов Парса, провинциальный центр. В Истахре с 20-х годов ведутся археологические раскопки.

[270] *Динар* — золотая монета.

[277] *Кейд* — в сирийской версии «Романа об Александре» — Кандарос, у Мас'уди — Канд, возможно, из Чандра-Чандрагупта.

[281–284] Соответствует двум стихам подлинника.

[295] *Мехран* — возможно, искаженное «брахман». В одной из сутр сохранился рассказ о снах юного Чандрагупты, которые растолковал ему брахман. Смысл слов совпадает с рассказом у Фирдоуси. Как полагает Г. М. Бонгард-Левин (Индия эпохи Маурьев. М., 1973, с. 318), если это сопоставление не случайно, можно считать, что в «Романе об Александре» имеются следы использования индийских источников.

[427–437] Пророчество о приходе Мухаммеда. Три другие религии: зороастризм, иудаизм, греческая вера.

[433–436] Соответствует двум стихам подлинника.

[433–434] *Дехкан, что огню поклоняется, тот,/ Кто в руки без бажа барсам не берет.*— *Бадж* (*Баж*) «слово», «изречение» — ежедневная зороастрийская молитва — произнесение стихов Авесты перед началом и после окончания любой деятельности с целью оградить себя от зла. *Барсам* — пучок ветвей тамариска, использовавшийся в ритуале зороастрийскими жрецами.

[441–442] В критическом издании: *четвертый подходит* (*к этому холсту*) *тот самый/ с чистыми помыслами, который возвысил мудрецов.*— В этом случае не упоминается религия, но, может быть, имеется в виду христианство. В издании Нефиси: «Четвертый — из арабов с чистой верой, тот, кто поднимет из праха головы мудрецов», т. е. речь идет опять о пророке Мухаммеде, поэтому в данном случае предпочтительнее текст критического издания.

Весь этот отрывок (Фирдоуси называет его «пехлевийским рассказом») делится как бы на две части: сны Кейда и предсказания Мехрана о четырех сокровищах, которыми обладает этот индийский царь и которые он должен поднести Александру с тем, чтобы не допустить сражения.

В сущности, к «дастану об Искендере» имеет непосредственное отношение лишь этот рассказ о четырех сокровищах. Сны истолковываются Мехраном в апокалиптическом духе и имеют, вероятно, источником переведенные на арабский язык пехлевийские «апокалипсисы», создававшиеся зороастрийскими мобедами, преимущественно в Парсе, в первой четверти IX в. В них предсказывались «тяжелые времена», которые должны были закончиться приходом Саошьянта (спасителя), который возродит прошлые порядки.

Четвертый сон Кейда (см. выше) восходит, по-видимому, к послесасанидским сочинениям типа «Еретик Абалиш» — дошедшему до нас средненерсидскому рассказу о споре об истинной вере зороастрийца-еретика Абалиша с мобедом мобедов, главным кади халифа Ма'муна, и христианским и иудейскими священниками.

Такого типа сочинения распространялись в мутазилитской исламской среде, где шли свободные дискуссии о вопросах веры и интерес к философским и теологическим вопросам был очень велик.

452 *Сорайа* (Сорайе) — созвездие Плеяды.

487 *Хум* — большой керамический сосуд.

487–488 Соответствует четырем стихам подлинника.

501 *Кейван* — планета Сатурн.

539 *Нахид*, Анахита — древнеиранская богиня любви и планета Венера.

541–542 *Вот взорам царя открывается град / Обширный, что звался в ту пору Милад.* — Здесь, как и далее в этой части поэмы, многие географические названия фантастичны. Возможно, имеется в виду город индийского племени маллов, жившего в Пенджабе и отличавшегося особой воинственностью (см., напр., Арриан. Поход Александра).

567 *Каннудж* (правильно — Каннаудж) — столичный город одного из княжеств Индии, на берегу Ганга, завоеванного Махмудом Газневи.

578 *Калям* — тростниковое перо.

627 По варианту Л.

631–632 Соответствует четырем стихам подлинника.

669–670 Соответствует четырем стихам подлинника.

691–694 Перестановка бейтов.

765–766 *Молитвы на лад христианский творя, / С прекрасной луной обвенчали царя.*— Анахронизм, несвойственный, однако, пехлевийскому оригиналу (в среднеперсидских источниках — «Александр Румиец» или «Александр грешник»), а скорее — арабскому переводу или самому Фирдоуси.

963 *Кейсер* — кесарь.

976 Следующий бейт опущен как повторный.

981 *Там пишет послание Фуру...*—*Фур* — исторический царь Индии Пор, с которым воевал Александр. В дальнейшем изложении есть ряд подлинных событий, сохраненных, в частности, в «Романе об Александре» Псевдо-Каллисфена.

1014–1018 По критическому тексту.

1037 *Унван* — традиционное вступление, адрес, где перечислялись титулы адресата, а затем отправителя послания.

1042 *Дара попросил о подмоге меня.*— Участие индийских воинов, а также индийских слонов, посланных на подмогу Дарию, исторически достоверно: так, в битве при Гаугемелле в армии Дария участвовала индийская пехота и 15 слонов.

1056 *Ахриман* (др. ир. Ангхро Майнью — злой помысел) в зороастризме — дух тьмы и зла, антипод бога света Ахура-Мазды.

1119–1132 У Александра при сражении с Пором было 6000 пехотинцев и около 5000 всадников. Пор противопоставил Александру 4000 конников, 300 колесниц, 200 слонов и около 30000 пехоты. Согласно Арриану (V, 18), потери Пора были очень значительны (почти вся пехота, около 3000 конников); Александр потерял не более 400 человек.

Войско Александра состояло из македонской фаланги, всадников — «друзей» Александра, и небольшого количества наемников — лучников, копьеметателей и др. В нем не было ни берберов, ни египтян (воители Мисра), ни арабов. В этом рассказе Фирдоуси, описывая войско Александра, прилагает к нему «стереотип» войска Дария.

Шам, Йемен, Хеджаз — Сирия, Йемен, Южная Аравия.

1145–1146 *Слоны у врага, мол, такие, что рать / Любую под силу ему растоптать.*— Слоны в войске Пора действительно представляли большую опасность. Согласно Арриану (V, 17): «Это было сражение, не похожее ни на одно прежнее. Слоны врывались в ряды (македонской) пехоты, поворачивались, и в этом месте строя македонцев как не бывало... Слонов оттеснили, наконец, в узкое место и здесь... толкаясь и топча людей, вреда своим они наносили не меньше, чем врагам... Македонцы, если вокруг было просторно, и они могли напасть на слонов, обычно разбегались, когда животные устремлялись на них, а когда они поворачивались, преследовали их и метали копья... Наконец, животные устали, обессилели и начали, посапывая, отходить назад, повернувшись к врагу, словно корабли, которые идут вспять».

1193–1194 Соответствует четырем стихам подлинника.

1289 ...*противник — что слон*...—По описанию Плутарха (Алекс., 60), «Пор был ростом в четыре с половиною локтя и по своему росту и весу так же подходил к слону, как всадник подходит к лошади». Пор сражался до последнего. Раненный в плечо, он сдался в плен лишь тогда, когда один из его друзей, бывший в войске Александра, убедил его, что дальнейшее сопротивление бесполезно (Арриан, V, 18). Александр сохранил жизнь Пору и «вручил ему власть над его индами и прибавил к прежним владениям еще и другие, которые были больше исконных» (Арриан, V, 19).

1305 *Харама достигли*...— «Харам» — заповедное, запретное (для иноверцев) место: Медина с гробом пророка и Мекка с Каабой (Ка'абой).

1308 *Он дом Авраама увидеть пришел.*— Авраам, по Корану, прародитель арабов и строитель Каабы (Бейт аль Харам). По арабским генеалогиям VII—VIII вв. все арабские племена происходят от Авраама (Ибрахима). Один из его сыновей, Исмаил, считался родоначальником северных арабских племен, которые в трудах арабских генеалогов считались «арабизированными арабами» (ал-араб ал-муттаарриба), так сказать, племенами «второго сорта». Южные (йеменские) арабы возводили свою генеалогию к Йаткану (отождествлялся с героем южноарабского эпоса Кахтаном), и их называли «истинными арабами» (ал-араб ал-ариба).

1315 *Нужды не имеет создатель миров / В чертоге для неги, утех и пиров. / Доколе продлится земли бытие, / Святилище не опустеет сие.*— Идея необязательности специального храма для вознесения молитв Аллаху была в эпоху Фирдоуси более свойственна крайним шиитским кругам, что может иметь значение для установления первоисточника этого дастана (см. ниже, прим. 1321). В Коране совершение молитвы (в особенности салат ал-джум'а — пятничного намаза) предпочтительнее проводить в мечетях. В этих бейтах, быть может, игра слов: парастегахи бувад та бувад джай (ср. Масджид-ар, букв.—«место поклонения [богу]»).

1321—1356 В этом месте дастана о посещении Ка'абы имеется ряд указаний на возможный источник, которым пользовался Фирдоуси.

Упоминаемый в тексте Кахтан — предок Кахтанидов (южные арабы), Хуза'а (у Фирдоуси — Хезаэт) — одно из южноарабских племен (в тексте — глава племени). И Кахтан, и Хуза'а, согласно поэме, неправедные владетели, не принадлежавшие к роду пророка Исмаила, отнявшие святыню и земли вплоть до «египетского моря» у предков Наср-бин-Катиба, который принадлежал к роду Исмаила.

В омейядском халифате шла ожесточенная борьба между южными арабскими племенами (или «истинными арабами») и северными (или «арабизированными») не только в политической, но и в идеологической сфере.

Некоторые места из Корана уже в VII в. толковались в кахтанидском духе. Тогда же создавались хадисы (предания о словах и поступках Мухаммеда), восхвалявшие доисламский Йемен и южноарабские племена, которые (в отличие от узурпаторов — аднанидов) искони верили в Аллаха.

Мусульманские ученые уже тогда решили, что упоминаемый в Коране Зу-ль Карнайн — это Александр, один из пророков, исповедовавший веру Ибрахима (Авраама) — строителя Ка'абы. В кахтанидском же предании Зу-ль Карнайн был отождествлен с героем кахтанидского бедуинского эпоса Ас'адом ал-Камилем и мифическим Туббой — древним йеменским царем, также упоминаемым в Коране.

У Фирдоуси, таким образом, представлена североарабская версия о домухаммедовой истории Мекки и Медины. Согласно Фирдоуси, именно северные арабы — потомки Исма'ила — искони владели Ка'абой, и Александр помогает Наср-бин-Катибу уничтожить всех Кахтанидов и племя Хуза'а и восстановить справедливость.

Такая антикахтанидская версия более всего подходит к времени напряженных богословских споров VII — первой половины VIII в.

Дастана о походе Александра к Ка'абе нет ни у Табари, ни у Бал'ами, хотя Табари указывает на то, что род Александра восходит к пророку Ибрахиму, а Бал'ами, кроме того, приводит ряд хадисов (опущенных Табари), где упоминается Александр, и указывает на то, что ряд богословов считает его пророком.

Таким образом, если этот вставной рассказ действительно принадлежит перу Фирдоуси (в чем вряд ли можно сомневаться, исходя из лексики, а также потому, что он присутствует во всех старейших рукописях «Шахнаме» и у Бундари), ис-

точник, им использованный, был чей-то тафсир (комментарий к Корану вряд ли «Тафсир» Табари, где хотя и обсуждаются комментарии о древнейеменском царе Туббе, они представлены именно в кахтанидской редакции) с резко выраженными североарабскими настроениями. Не исключено также влияние на Фирдоуси или его основной источник каких-либо богословских сочинений, или же споров при саманидском дворе, где горячо поддерживали исмаилитство.

1373 *Джидда* (*Джедда*) — город-порт недалеко от Мекки.

1419–1424 Перестановка бейтов.

1427 *Фарсанг* — единица измерения пути, около 6 км.

1451–1454 Соответствует двум стихам подлинника.

1495 *Своих Искендер джаселиков зовет.*— Дословно: Приказал Искендер, чтобы джаселик привел арраде и манджаники.

Джаселик — в данном контексте — мастер по установке осадных орудий; арраде, манджаник — осадные орудия, часто упоминаемые в арабских источниках. Манджаник — большая камнеметная машина, красочное описание которой приводит персидский поэт при газневидском дворе Ал-Лахури (перевод А. М. Беленицкого):

Что это за предмет, у которого с одной стороны лестница,
Другая сторона подобна ноге шайтана,
Верх колена в виде вилки (на конце древка) стрелы
Свисает с нее хобот слона,
Две кошки железные на нем...
На том хоботе видишь сто кос,
Все они заплетены, подобно косам красавицы.
Когда соберется к ней много любовников,
Каждый берется за одну из кос.
Выбрасывает она нечто подобное (по тяжести) наковальне,
От страха и испуга каждый дрожит.

Арраде — небольшая баллиста на колесах. Насколько известно, наиболее раннее описание подобных машин относится к 597 г. («Сказание о чудесах св. Дмитрия»). Арабы применяли подобные машины, например, при осаде Мекки в 683 г. и при осаде Самарканда и других городов Средней Азии в 20-х годах VIII в. На фреске «Дворца Диваштича» в Пенджикенте недавно открыто самое раннее в Средней Азии изображение манджаники.

Манджаники, действительно, пробивали мощные крепостные стены и выбрасывали камни на громадную высоту. Так, например, при осаде Дайбула (совр. Карачи) в 708 г. арабами была установлена манджаник (ее называли «невеста» из-за множества веревок, подобных косам), которую обслуживали 500 человек. Эта манджаник, в частности, сбила флагшток на высокой башне города.

1501–1504 Соответствует шести стихам подлинника.

1513–1518 Соответствует четырем стихам подлинника.

1570 *Ты голову истинно чудом сберег.*— Дословно: Выиграл ты голову, снесенную с плеч.

1638 *Кафши* — вид обуви.

1639–1642 Перестановка бейтов.

1699 *Саларбар* — церемониймейстер, распорядитель при дворе.

1865 *Дерзаешь сидеть пред царицей самой...*— В оригинале: «Ты разве не знаешь, что если ты на дворцовом приеме — не сиди перед шахом и не показывай руки». Обычай, свойственный еще сасанидскому придворному церемониалу: придворные стояли перед царем, спрятав ладони скрещенных на груди рук подмышками.

1870 *Тороидж* — вид цитрусовых плодов.

1916 *Дестур* — наставник, советник, часто — эквивалент арабского слова «везир».

2039 *Убор извлекла, что оставил отец...*— В оригинале: «Открыла двери сокровищницы и извлекла корону отца вместе с браслетами и ожерельями».

Головные уборы определенной формы (тадж или кулах), золотые браслеты и ожерелье были отличительными (инвеститурными) знаками царей и при Ахеменидах. Пожалование их Искендеру равнозначно признанию его повелителем.

2051–2055 *Затем из хранилища вынесли трон...*— Троны с подножиями в виде фантастических животных, в особенности в виде льво-грифонов, изображаются на ахеменидских, парфянских и сасанидских памятниках.

2055 *Мискаль* — мера веса, в разные эпохи исчислялась по-разному, в среднем — около 4,5 г.

2071 *Носилки из шиза...*— Шиз — черное дерево.

2084 *Кафур* — камфара.

2134 *Целует пред славным владыкою прах...*— Обычай, который греки времен Геродота называли «проскенейос» и который поражал их: подданные царя царей простирались ниц перед своим повелителем и целовали землю. Александр, став царем Азии, ввел и этот обычай, что на первых порах вызывало возмущение его сподвижников.

2156 *Достойных венцом, кушаком одарил.*— Дословно: «К тому, кто был низок (по положению), пришел кулах и пояс». Кулах (шапка определенной формы) и пояс — инвеститурные знаки титула, в сасанидское время — знаки принадлежности к рангу высшей знати (вазургам).

2163–2324 Встреча Александра с так. наз. гимнософистами — нагими мудрецами, славившимся своими меткими и краткими ответами, произвела на него большое впечатление. Она описана во многих версиях «Романа об Александре», а также у Арриана, Плутарха, Диодора и других античных авторов (см., напр., Плутарх, Алекс., 64).

2237–2238 *Кого, мне поведайте, больше — живых,/ Иль мертвых, забывших о нуждах земных.*— В письмах Александра Аристотелю, использованных Плутархом, так передана беседа Александра с нагими мудрецами: «Самому старшему велел он быть судьей и первым его и спросили: кого существует больше — живых или мертвых? Он ответил: «Живых; мертвых не существует». Второй (мудрец) на вопрос: земля или море кормит больше животных? — ответил: «Земля, ибо море — только часть земли». Остальные вопросы Искендера и ответы нагих мудрецов у Фирдоуси отражают встречающуюся многократно и в дальнейшем идею «предела», положенного и Искендеру и любому другому человеку, сколь бы он ни был велик.

2280 *Шенбелид* — желтый цветок, анемон.

2359 *Раш* — локоть, мера длины.

2384 *Хебеш* (хабаш) — абиссинец, эфиоп.

2515–2702 Рассказ о встрече Александра с амазонками также присутствует во всех версиях «Романа об Александре» и, видимо, был популярен еще и до создания «Романа». Во всяком случае, этому рассказу не верил уже Арриан (ср. Поход Александра, VII, 13). Он сообщает о том, что сатрап Мидии привел к Александру сотню амазонок. «Говорят, что правая грудь у них меньше, — пишет Арриан, — во время битвы она у них наружу. Александр велел убрать их из войска... Обо всем этом нет ни слова ни у Аристобула, ни у Птолемея (спутники Александра, описавшие его походы.— *В. Л.*)... Я же не думаю, чтобы племя амазонок сохранилось до времени, предшествующего Александру... Что вообще не существовало племени этих женщин, я не допускаю: столько и таких поэтов их воспевало!»

2654 *Раттль* — мера веса, 84 мискаля (см. примеч. к ст. 2055).

2739–2794 В этом рассказе, как и в рассказе о четвертом сне Кейда (стихи 445—456) и посещении Александром Каабы (стихи 1299—1372), отразилась кораническая традиция толкования различных хадисов, в которых Зу-ль Карнайн как-то связывается с пророком Хизром.

Любопытен арабизм в ст. 2781—2782: «Когда войско подошло к источнику с живой водой, поднялся крик из стены: «Велик Аллах!» (этот бейт есть во всех старых рукописях «Шахнаме»).

2893 *Миля* — в ор. миль; здесь мера, в основе которой — расстояние между вышками для дымовых сигналов, посредством которых передавались сообщения.

2929–2932 Перестановка бейтов.

2957 *Гяджа* — здесь известь.

3001 *Лажверд* — лазурит.

3004 *Кандили* — висячие светильники.

3061 *Сипехбед* — предводитель войска.

3139 *Ман* — мера веса, 84 мискаля (см. примеч. к ст. 2055).

3145 *Фагфур* — у Фирдоуси — титул китайского императора.

3263 *Джемшид, Феридун, Зохак* — см. т. 1.

3432 *Гуш-Бестар* — вислоухий, букв. «имеющий уши-подстилки».

3442–3443 *Афрасиаб, Афрасьяб*; Кей-Хосров — см. т. 1.

3498 *Саклаб* — славяне.

3614 *Мекран* — провинция в Иране.

3710 *Искендерие* — Александрия, город в Египте, основанный Александром

3801–3802 Перечисляются родоначальники различных иранских династий (парфянской, кейанидской) и чужеземные правители (царь Индии, царь тюрок).

3889–3970 [*Речь в похвалу султану Махмуду*].— О Махмуде Газневидском (998—1030) и отношении к нему Фирдоуси см. «Шахнаме», т. 1, с. 496—505. Махмуд первым из мусульманских правителей носил титул «султан» («власть»).

3897 *Ирана властитель,/ Забульской земли...*— Империя Махмуда простиралась от границ Азербайджана и Курдистана на западе до долины Ганга на востоке и от Хорезма до побережья Индийского океана.

3901–3906 *Салар его славный Мир-Наср да живет...*— Речь идет о младшем брате Махмуда Абу-ль Музаффаре Насре, с 1002 г.— правителе Систана; он имел титул салар-и гуламан — начальника особого войска — гвардии, первоначально набиравшейся из рабов-тюрок, ядра армии Газневидов.

3915 *Шаввал* — название десятого месяца по мусульманскому лунному календарю.

3921 *Пуширван*, сын Кобада — сасанидский шахиншах Хосров I Ануширван.

3948 Аджам (*Эджем*) — название иранских земель.

3972 *Восславь Ашканидов далекие дни.*— Ашканиды (ашканиан) — название династии Аршакидов или парфян, правивших в Иране с 247 г. до н. э. (коронование основателя династии Аршака I) по 226 г. Перечень аршакидских царей, приводимый Фирдоуси,— тот же, что и в различных версиях арабских переводов сасанидской хроники «Хватав-намак». Вряд ли Фирдоуси использовал что-нибудь, кроме «Большой Ходай-наме», хотя в начале дастана он и ссылается на некоего «сказителя из Чача» (ст. 3978). Как и в других подобных случаях, разбросанных по всей поэме, «древние сказители», «мудрецы», «древние рассказы»— лишь поэтические приемы Фирдоуси, необходимые ему для «зачина» нового дастана. Во всех тех случаях, которые удается проверить, ясно, что такими «зачинами» совсем не вводятся в ткань рассказа какие-то иные письменные источники, тем более — неизвестные (не дошедшие до нашего времени) источники на среднеперсидском языке.

В сущности, всему 500-летнему периоду правления в Иране парфянской династии Фирдоуси посвятил лишь девять бейтов.

3980 *Арешева славного рода сыны...*— Ареш — легендарный предок парфянской династии Аршакидов. Основатель династии Аршакидов носил имя Аршак; в дальнейшем это имя, как эпоним, упоминается во всех официальных титулах царей Аршакидов (например, на их монетах в официальной титулатуре вплоть до II в. н. э. никогда не упоминалось личное имя царя, но только эпоним). Имя «Аршак» происходит от авестийского слова aršan — «муж, герой». Уже в I в. до н. э. (а возможно и ранее) аршакиды возводили свой род к ахеменидскому царю Артаксерксу I (об этом см. подробнее примеч. к ст. 4088). Существовали также и иные генеалогии.

У Фирдоуси предок аршакидской династии — герой иранского национального эпоса Ареш, т. е. Кави Аршан, искусный лучник, один из правителей полулегендарной кейанидской (kavi) династии, о которой повествуют иранские мифы. Кави — древнее слово, которое обозначало жреца-шамана, мудреца, поэта. Династия Кейанидов (кавианидов), согласно Авесте, состояла из девяти царей: Кавата (в среднеперсидском — Кай Кават, у Фирдоуси — Кей-Кобад), Апиваху (Кай Апивех), Усадана (Кай-Каус, у Фирдоуси — Кей-Кавус), Аршана (Кай Ариш), Пишинаха (Кай Пишин, у Фирдоуси — Кей Пешин), Бияршана (Кай Биарш), Сиаваршана (Кай Сиавуш, у Фирдоуси — Сиавуш), Хаусраваха (Кай Хусрав, у Фирдоуси — Кей-Хосров) и Виштаспы (Кай Гуштасп, у Фирдоуси — Гоштасп). (Мифы о них см. в т. II.) Некоторые ученые полагают, что в этих преданиях сохранились

слабые отголоски исторической действительности — о правлении «жрецов-царей» где-то в Восточном Иране в начале I тыс. до н. э. Кави Виштаспа, по зороастрийской традиции,— первый, принявший веру Зороастра и его покровитель (см. также «Шахнаме», т. IV, с. 408, 419).

Создание псевдоисторических генеалогий — одно из важных направлений в древней и раннесредневековой исторической литературе, поскольку такими генеалогиями обычно оправдывалась законность права на престол. В данном случае интересно то обстоятельство, что Ашканиды — незаконная династия, узурпировавшая власть у законных иранских владык (а именно такая точка зрения господствовала в сасанидской официальной истории и должна была отразиться и в арабских переводах «Хватав-намак»), у Фирдоуси представлена как восходящая к знаменитым «праведным» царям иранского эпоса. У Табари эта тенденция соединить род Аршакидов с Кавианидами представлена еще ярче — Аршакиды возводят свой род к самому Кави Виштаспе (Гуштаспу), покровителю Зороастра. Поскольку такая генеалогия невозможна для официозов сасанидского круга, остается предполагать, что в источнике Фирдоуси сохранилось (в обрывках, только в «генеалогическом древе») какое-то местное восточноиранское (возможно, сакское) предание.

В дальнейшем Фирдоуси возвращается к официальной сасанидской версии: Аршакиды владеют отдельными землями и их называют «владетели племен» (Мулук-е таваиф).

3989–3990 *Тот путь — дабы впредь благоденствовал Рум — / Пашел Искендера блистательный ум.*— Согласно источникам сасанидского времени («Письмо Тансара» и др.), идея раздела Ирана на мелкие владения с тем, чтобы их владетели находились в постоянной зависимости от Александра, принадлежит его учителю Аристотелю.

Именно с этого бейта начинается изложение так наз. «Карнамака» («Книга о деяниях Арташира, сына Папака» — о ней подробно см. ниже, примеч. к ст. 4011), исторического романа на среднеперсидском языке. Фирдоуси вполне точно передает начальные строки этого романа: «... после смерти Александра Румийца в Ираншахре было 240 владений. Исфаханом, Парсом и ближайшими окрестностями владел Ардаван, сардар». Ардаван — парфянский царь царей Артабан (213—224).

4011 [*Бабек видит сон о Сасане*].— Далее, в нескольких дастанах, Фирдоуси точно следует «Карнамаку». Этот же источник используется во всей ранней арабоперсидской исторической традиции, так или иначе восходящей к «Хватав-намак». «Карнамак» был создан в IV в. при сасанидском шахиншахе Шапуре II. Моисей Хоренский («История Армении», II, 70) сообщает: «Хорбут, будучи секретарем парсийского царя Шапуха (Шапура II), попался в плен к грекам... Изучив греческий язык, он написал историю деяний Шапуха и [римского императора] Юлиана; вместе с тем, он перевел историческую книгу о древнейших временах, написанную товарищем его по плену Барсумою и называемую персами «Раст сухан» («Правдивое слово»). Из этой книги заимствуем нужное для нашего сочинения, оставляя в стороне баснословные нелепости. Неуместно было бы нам повторять здесь басни о сновидениях Папака, об исхождении ... племени Сасана ... о луне, о предсказаниях астрологов ... о блудных помыслах Арташира, купно с убийствами, о хитросплетениях дочери мага, относительно барана и тому подобное». Все эти «басни» и составляют содержание первых глав «Карнамака». Это был ярко выраженный официоз, где, насколько известно, впервые в определенных политических целях история сасанидской династии связывалась с эпохой Ахеменидов и настойчиво подчеркивалось освященное древностью право на престол сасанидских царей. Среднеперсидский вариант, известный в настоящее время, по ряду данных должен быть датирован концом VI — началом VII в.

Это был период, когда в Иране настойчиво собирались, оформлялись в отдельные литературные произведения, а иногда и впервые фиксировались письменно различные квазиисторические рассказы, «романы» о подвигах героев далекого и недавнего прошлого, истории о знаменитых людях, чудесных странах и т. д.

В их числе были и приключенческие романы о деяниях различных царей (например, «Роман о Бахраме Гуре» — см. ниже). Наряду с этим широкой известностью пользовались легенды о полубогах и героях, царях древних династий,

Пишдадидах и Кейанидах. Существовали также официальные «погодные» исторические хроники, куда заносились основные события, главным образом политические, дневники с записями указов и распоряжений сасанидских шахиншахов. Наконец, большую популярность имели так наз. «Андарзы» — «Поучения», содержащие перечень религиозных и житейских правил и мудрые изречения, приписываемые знаменитым людям.

Часть этой «светской» литературы на среднеперсидском языке (религиозные тексты Авесты на так наз. «авестийском» языке, записанные около V в. особым алфавитом, видимо, тогда же были снабжены среднеперсидским комментированным переводом) при шахиншахе Хосрове II (591—628) стала собираться в единый свод, названный «Книгой владык» («Хватав намак»). В этом своде также ясно проглядывали идеи легитимизма — Сасаниды возводили свой род уже не только к Ахеменидам и Кейанидам, но и к Пишдадидам. Окончательно сасанидская «Хватав намак» оформилась в самом конце сасанидской эпохи, при Ездигерде III (632—651). В нее были включены, конечно, далеко не все литературные произведения, о которых говорилось выше; часть их — такие, например, как «Карнамак», «Парвиз намак» («Книга о деяниях Хосрова II Парвиза»), «Роман о Бахраме Гуре» и другие, существовали как отдельные произведения. Точно так же, бесспорно, отдельными произведениями (не включенными в «Хватав намак») были сасанидский «Роман об Александре», переведенная при Хосрове I с индийского на персидский «Панчатантра» и другие произведения. Арабский историк Хамза Исфахани (конец X в.) писал о том, что исторические книги и различные лирические стихотворные произведения сасанидской эпохи, хранившиеся в библиотеках, были столь многочисленны, что их трудно перечислить. Хотя большинство из них было уничтожено, но даже в эпоху Хамзы Исфахани только поэтических произведений (они были написаны размером «раджаз») насчитывалось более десяти тысяч листов.

Эта ситуация и вызвала то обстоятельство, что когда сасанидские исторические произведения стали переводить на арабский язык (впервые Ибн ал-Мукаффой в 40—50-х годах VIII в.), несмотря на то, что все эти переводы назывались одинаково («Сийар ал-Мулук ал-Фурс» — «Деяния царей Персии»), они настолько отличались друг от друга, что тот же Хамза, собрав более 20 различных списков таких «Деяний», не нашел среди них ни одного совпадающего — разными переводчиками, редакторами, составителями «Сводов» к основному «ядру» прибавлялись те или иные «Романы», «Андарзы» или другие сасанидские произведения. В X в. «Деяния» стали переводиться на новоперсидский язык (их стали называть «Шахнаме»). Это была уже как бы третья сводная редакция (после собственно сасанидской и арабской), которая еще более разнообразила исходные материалы.

В 957 г., по приказу Абу Мансура Мухаммада ибн Абд ар-Раззака, правителя Тута, четырьмя учеными мужами (все они носят чисто зороастрийские имена, и были, конечно, знакомы со среднеперсидским языком), была создана так наз. «Большая Шахнаме». Но это была уже, в сущности, не просто компиляция или свод различных источников. Историческая наука того времени уже приобрела определенный метод (прекрасный пример тому — хронологические разыскания Хамзы Исфахани) и гордилась существенными успехами. Образцами были исторические работы Табари, Динавери и др. Поэтому «Большая Шахнаме» имела, скорее всего (как и, например, персидская адаптация Табари, сделанная в 963 г. Абу Али Бал'ами), структуру, да и основное ядро именно арабских «Деяний». Судя по всему, только эта рукопись и была использована Фирдоуси. Ее материалы, следовательно, отличались от исторических сочинений Табари—Бал'ами лишь значительно большей подробностью и различными «отступлениями» — сасанидскими романами, которые ученые-историки того времени, более всего ценившие факты, имена и даты, презрительно называли «ночными сказками».

Но именно такую книгу (согласно сохранившемуся предисловию) и хотел получить Абд ар-Раззак: примером сочетания глубокой поучительности и развлекательности ему служила «Калила и Димна» в переводе Мукаффы. «Он [Абд ар-Раззак] услышал об истории с «Калилой и Димной» и пожелал..., чтобы его тоже помнили в этом мире. И его слуга Абу Мансур ал Ма'мари по его приказу ... по-

слал в города Хорасана и привез оттуда мудрецов (далее перечисляются мобеды из Гора, Сейстана, Нишапура и Туса)... И дал он им книги о делах шахов (далее перечисляются произведения различных жанров, повествующие о времени от Кеюмарса до Йездигерда II). И эту книгу назвали «Шахнаме».

Однако «Шахнаме» Фирдоуси это не просто поэтическое переложение его основного источника. Даже в так наз. «исторической части» это, вообще говоря, совсем не история; Фирдоуси, как это явствует из поэмы, менее всего интересовался фактами и датами, во всяком случае, по-видимому, намного менее, чем те четыре зороастрийских жреца, которые составили «Большую Шахнаме», и уж наверняка менее, чем Табари или Бал'ами. Фирдоуси был поэтом и писал характеры. И поэтому во всей сасанидской части им были выделены только наполненный тайнами, авантюрными ситуациями, погонями «рыцарский» роман об Арташире Папакане («Карнамак») и три очень разных и очень ярких характера — Бахрам Гур, Хосров Ануширван и Хосров Парвиз.

Именно это превращает «историческую» часть поэмы прежде всего в необычайно яркий источник по истории сасанидской культуры в самом широком смысле этого слова. Источником же по политической истории Сасанидов (как, скажем, Табари) Фирдоуси, конечно, служить не может.

Версия о происхождении сасанидской династии, представленная в «Карнамаке», вероятно, в «Хватав намак» и у Фирдоуси, конечно, легендарна. Она, однако, считалась достоверной в сасанидской официальной историографии. Так, византийский историк VI в. Агафий Схоластик (умер в 582 г.) сообщает своеобразную «антиверсию» «Карнамака»: Папак был не правителем, а сапожным мастером, хотя и звездочетом, а Сасан — просто солдатом, который однажды остановился у него в доме. Распознав величие потомков Сасана, Папак свел его со своей женой, которая родила сына Арташира. Агафий уверял, что этот рассказ он почерпнул из архивов сасанидских царей, однако ясно, что перед нами версия каких-то враждебных Сасанидам кругов знати или жрецов.

Ибн ал-Асир, Табари, Бал'ами, а также антиохийский патриарх Евтихий (умер в 929 г.) сообщают иную, историческую версию о происхождении Сасанидов. Согласно этой версии, дед Арташира, отец Папака Сасан, хотя и не принадлежал к «владетелям племен» и не носил титул царя, но владел небольшой областью около Истахра; на территории этой области находился храм богини Анахиты, который был его родовым святилищем. Его жена принадлежала к роду владетелей (царей) Парса (в мусульманских источниках — Баврангиды). Царем Парса в то время был некий Бозоргмихр. Папак — сын Сасана — после его смерти наследовал его владения. Арташир, сын Папака, был послан ко двору одного из вассалов царя Парса — владетеля города Дарабгирд с тем, чтобы там Арташир обучился всему тому, что должен знать юноша знатного рода.

Владетель Дарабгирда (в мусульманских источниках его имя — Бабуйа) воспитал Арташира как собственного сына и после своей смерти предоставил ему владение Дарабгирдом. Усилив свои позиции, Арташир, его отец Папак и старший брат Арташира Шапур решили овладеть Истахром, столицей Парса. Бозоргмихр был свергнут, и царями Парса стали Папак и Шапур. Вскоре, в результате придворной интриги, Шапур был отстранен, и Арташир был провозглашен царем Парса. Затем, после ряда успешных походов, Арташир захватил значительные области по соседству и в 224 (или в 226) г. на равнине Хормиздакан разбил основные силы последнего парфянского царя Артабана V, после чего провозгласил себя царем Ирана. Одна из раннесасанидских надписей устанавливает, по-видимому, дату захвата Папаком Истахра — 208 г.

Эта версия полностью подтверждается всеми раннесасанидскими источниками: монетами с титулом и изображением последнего из владетелей Парса парфянского времени, которого на самом деле звали Менучихр (ок. 200—208 г.), а не Бозоргмихр; монетами с титулами и портретами новых царей Парса Папака и его старшего сына Шапура (208 — ок. 215 ?); наконец, ранними монетами Арташира и всеми раннесасанидскими надписями (см. также «Шахнаме», т. IV, с. 434—435).

[4019] *Ужас в Хиндустане, тоскою томим...*— О том, что потомки Дария бежали в Индию, сообщается, насколько известно, только в «Шахнаме». Ни в каких иных источниках об этом сведений нет.

4044–4045 *И видит он: вносит торжественно жрец / Три пламени...*— В «Карнамаке» речь идет об алтарях трех самых священных зороастрийских «Огней» (храмов огня): Атур Фарнбаг, Атур Гушнасп и Атур Борзен-Мехр (у Фирдоуси — соответственно Хоррад, Азергошесп и Мехр). Несколько ниже в «Карнамаке» дается следующее разъяснение: «(13) А Атур Фарнбаг — символ веры вельмож и мобедов, Атур Гушнасп — воинов и военачальников, Атур Борзен-Мехр — земледельцев». Таким образом, эти храмы были святынями сословий Ирана. Святыни или символы веры всех сословий Ирана, принесенные в дом Сасана, символизировали будущую власть его потомков над всем Ираном.

Эти три священных огня, по-видимому, почитались еще в раннепарфянское время, поскольку в сасанидскую эпоху их происхождение уже было обрамлено ожерельем легенд. Согласно зороастрийскому сочинению «Большой Бундахишн», все три огня были принесены в мир самим Ахура-Маздой.

Во времена Тахмураса (Тахмуреса) огни на спине мифического быка Сришока были переправлены в новую обитель иранцев в восточном Иране, освещая иранцам путь через море. Храм огня Атур Борзен-Михр (в честь божества Митры), согласно зороастрийским источникам, был установлен на горе Реванд (возможно, район Нишапура) самим Кави Виштаспой (у Фирдоуси — Гоштасп). Второй священный огонь Атур Гушнасп (названный так в честь священного жеребца, на шее которого он, якобы, был перенесен на новое место одним из царей — героев древнеиранского эпоса) в позднесасанидское время (по-видимому, с V в.) был установлен в местности Тахт-и Сулейман («Трон Соломона») в Южном Азербайджане. Недавно немецкая экспедиция закончила раскопки этого храма, обнаружив, в частности, многочисленные глиняные лепешки («буллы») с оттисками печатей, в надписях на которых упомянуто его название.

В результате раскопок выявлены следующие составные части храма: двор, купольный зал с айваном в северной и южной частях и два сложных комплекса построек по обеим сторонам двора. Храм окружали стены с бастионами. Этот архитектурный ансамбль является прототипом раннеисламских дворцов, раскопанных в Самарре.

Материалы, добытые археологами, позволяют считать, что храм функционировал вплоть до монгольского завоевания. Его, в частности, описывал Низами в поэме «Искандер-Наме» (окончена в 1201 г.). Он упоминает, в частности, одну из частей храма — Тахт-и Сарир («трон тронов»), где, видимо, находился главный алтарь.

Алтари огня действительно представляли собой подобие тронов — жаровня на ножках в виде львиных лап, водруженная на колонну. Открытие нового храма огня сопровождалось необычайно пышными ритуалами и называлось «восшествие [огня] на трон» (тахт нешини). Горящий огонь вносили в новый храм четыре жреца на специальных носилках под тентом. Их сопровождали другие жрецы со священными атрибутами в руках и процессия верующих.

Наконец, Атур Фарнбаг, «Огонь с частицей божественной благодати», находился в Фарсе, недалеко от Дарабгирда. Согласно различным источникам, все три храма служили местом паломничества, шахиншахи Ирана, жречество и знать подносили им многочисленные дары, в них происходила коронация, при храмах существовали школы жрецов и обширные библиотеки различных религиозных текстов (см. также «Шахнаме», т. IV, с. 405—406).

Об этих трех храмах (они назывались «существеннейшими» – mādagwar) сохранилось несколько преданий.

Особенно интересное сообщение в 17 главе «Бундахишна» («О свойствах огней»), которую недавно опубликовал немецкий иранист Г. Гропп (*Gropp G.* Die Derbent-Inschriften und das Adur Gušnasp. Monumentum H. S. Nyberg; I, Liege, 1975).

«(1) Эти три огня суть Атур Фарнбаг, Гушнасп и Бурзенмихр. (2) От начала сотворения мира они существуют в благодати именно в таком виде, как Ахура-Мазда определил их благодать [фарр] для охраны и защиты мира. (3) И в период царствования Тахмураса на спине быка Сришока, когда переселялись люди из Хванираса (мифическая прародина иранцев.— *В. Л.*) в другие климаты земли, однажды ночью, посреди моря при сильном ветре упал алтарь с огнем со спины

быка, на которой он был установлен. Тогда все три [этих] огня, подобно трем благодатям [фаррам] загорелись на месте [этого] алтаря огня, и вновь стало светло, и те люди смогли пересечь море. (5) А Йима (у Фирдоуси — Джемшид. — *В. Л.*) во время своего царствования благодаря помощи тех трех огней правил более успешно. И установил он Атур Фарнбаг в храме (dādgāh) на горе Хварроxомахед в Хорезме (pad Xwārazm). А когда Йима был предан, то именно Атур Фарнбаг спас его фарр от посягательств Дахака (у Фирдоуси — Зоххак). (6) В царствование царя Виштаспы благодаря откровению свыше (букв. «откровению из веры» [его] [Атур Фарнбаг] перенесли из Хорезма на гору Рошн, которая около селения Карнийан, и до сего дня этот огонь находится там. (7) Атур Гушнасп до царствования Кей-Хосрова также защищал мир. Когда Кей-Хосров разрушал капища идолов, он [огонь] сиял на гриве [его] коня, разгонял тьму и освещал мир. И так было все время, пока [Кей-Хосров] разрушал капища идолов. И там, на горе Аснаванд, был основан храм этого огня. Его называют «Гушнасп», потому что он находился на гриве коня. (8) Атур Борзин-Михр до правления царя Виштаспы также сохранял мир. Когда Заратуштра с бессмертной душой провозгласил [свою] веру, то для ее распространения, чтобы сам Виштаспа и его потомки придерживались веры богов, огонь (Атур Борзин-Михр) показал многие знамения. Виштаспа основал его храм на горе Реванд, которую называют „хребет Виштаспы“».

4061–4062 *Ты видел, что мир венценосец придет,/Он солнца превыше главу вознесет.*— Здесь, возможно, дефектность текста в основном источнике Фирдоуси. В «Карнамаке» Папак видит три сна: Сасана, которого озаряет солнце, Сасана на слоне и Сасана с тремя огнями. У Фирдоуси — два сна, но в толкование проникает и третий (в «Карнамаке»— первый: «(7) воссияло солнце над головой Сасана и озарило светом весь мир»).

4088–4090 *О витязь, Сасан — мой родитель, а род/Восходит к царю Эрдеширу. Тот муж Бехменом у сведущих звался к тому ж.*— В этом месте весьма любопытное соединение всех этапов развития сасанидского генеалогического древа. Судя по среднеперсидским источникам, до IV в. (время создания первоначального варианта «Карнамака») вся генеалогия Сасанидов простиралась лишь до Сасана. Сасан, согласно сасанидским источникам (см. примеч. к стиху 4011), был владетелем Истахра и жрецом храма династийной богини — Анахиты; его сын Папак стал царем Парса, а сын Папака — Арташир — в конце концов царем царей Ирана. В «Карнамаке» это реальное генеалогическое древо уже продолжено до Ахеменидов («(6) А Сасан ... был из рода Дары, сына Дары»). Сасанидские цари стали возводить себя к Кейанидам (слово «кейанид» в их официальном титуле появляется в конце IV в.), а среди рода распространяются «кейанидские» имена — Хосров, Кавад и т. д.

Наконец, при создании «Хватав намак» род продолжается до Пишдадидов. Тогда же происходит, видимо, и «атрибуция» сохранившихся исторических имен древних царей с именами легендарных царей «Кейанидского» цикла. Интересно, что эта «атрибуция» из сохранившихся источников отражена только в этом бейте у Фирдоуси: царь Эрдешир, которого звали Бехменом,— это Артаксеркс I, отождествленный с царем кейанидской династии Бахманом. Здесь же нужно отметить, что и парфянские владыки уже в I в. до н. э. относили свой род к Артаксерксу I. Так, например, в парфянских документах, найденных советскими археологами в Нисе, упомянут «виноградник Артахшатракан», доход с которого выделялся храму «в память» об Артаксерксе I. (Та же генеалогия и у античных авторов, например у Синкелла). Этот интересный факт еще ждет своего объяснения, во всяком случае, следует напомнить, что, по-видимому, именно при Артаксерксе I был введен так наз. «зороастрийский», или «младоавестийский», календарь (см. ниже, примеч. к ст. 4741).

4133–4134 *Не мешкая, славного в путь снаряди/И с сердцем веселым ко мне проводи.*— Обычай воспитания знатных юношей при царском дворе известен еще в ахеменидскую эпоху. От эпохи Сасанидов дошло даже своеобразное литературное произведение «Хосров, сын Кавада и его паж». В тексте рассказывается о том, чему должен быть обучен знатный юноша: «(1). Юноша, иранец из знати (васпухркан), стоял перед царем царей и ладони рук его спрятаны подмышки

(т. е. он в почтительной позе) ... (3). И сказал он: «будь бессмертен, о царь царей, будь навеки господином мира и исполнителем желаний (официальный титул Хосрова I) ... (4). Моя семья ... всегда была благородна, могущественна и богата ... (8). В свое время меня отдали в школу (фрахангестан), и в обучении я был старателен. (9). И я выучился яштам, и хадохту, и ясне, и Видевдату (части Авесты) — как хербед, и изучил весь Зенд (среднеперсидский комментарий к Авесте) — часть за частью. (10). А в дабирстве (светских науках) я знаю и изящную литературу и ... литературную речь. (11). А в джигитовке (асеварих) и стрельбе из лука я так искусен, что [мой противник] считает себя счастливым, если может избежать моей стрелы ... (12). А во владении копьем — я таков, что несчастным должен считать себя тот всадник, который вступит со мной в единоборство или в скачке, или в фехтовании копьем и мечом, или в игре в мяч, в борьбе (далее перечисляются прочие воинственные подвиги). (13). И также в игре на вине, барбуте (струнные инструменты), на барабане и литаврах, и в пении, и в «вопросах и ответах» (соревнования в поэтических экспромтах) — я — первый. (14). И во всем, что касается знания звезд и планет — я таков ... что нет мне равного. (15). И в игре в шатранг (шахматы), и невартаншир (нарды), и хаштпад (*букв.* «восемь ходов» — какой-то вид игры) — я первый среди своих сверстников».

Шахиншах затем испытывает юношу в том, знает ли он лучшие сорта вин, лучшие блюда, одежды, лучшую музыку и т. д. (по мнению юноши, в частности, ничто не может сравниться с красивой девушкой гарема, которая играет на чанге и поет высоким голосом).

Далее шахиншах спрашивает юношу об обычаях на банкете, о самых лучших цветах (лучшим, по мнению юноши, считается запах жасмина — йасмин), о красоте женщин, о достоинствах коней. На все эти вопросы юноша дает прекрасные ответы, за что получает подарок в 12 тысяч драхм, содержание — по четыре динара в день, и место при дворе. Многие реалии из описанных в этом сочинении часто встречаются у Фирдоуси. Сочинение «Хосров и его паж» известно по двум очень поздним среднеперсидским рукописям, но, бесспорно, было переведено на арабский после падения сасанидской династии (арабский перевод сохранился в «Истории царей персидских» Абу Мансура ас-Саалиби (ум. в 1038 г.).

4164 *Рей* — древний город; развалины Рея — под Тегераном.

4261–4384 Как и в других случаях, этот эпизод полностью соответствует тексту «Карнамака», однако полезно привести для сравнения с поэмой этот прозаический текст, поскольку он подробнее, насыщен другими идеями и совсем иной по колориту. Сравнение, по-видимому, интересно для оценки подхода Фирдоуси к тексту, который он версифицирует:

«У Артавана была прекрасная служанка, которая была ему драгоценнее всех других его служанок, и всегда, когда надо было служить Артавану, она это делала. Однажды, когда Арташир сидел в конюшне, разжег очаг (?), пел и веселился, играя на тамбуре, служанка увидела его и влюбилась в него. И затем она проявила к нему страсть и нежность и приверженность и ... и постоянно, каждую ночь ... эта служанка приходила к Арташиру, оставалась у него до утра и затем возвращалась к Артавану. Однажды Артаван призвал мудрецов и астрологов, состоявших при его дворе, и спросил их: «Что видите вы в сочетании семи звезд Большой Медведицы и двенадцати знаков Зодиака, и что значит стояние и движение звезд и что означает это для судеб людей этого мира, для моей судьбы, для судьбы моих детей и подданных?» Глава астрологов ответил: (далее перечисление различных звезд и знаков Зодиака). Это свидетельствует, что объявится новое владычество и многие цари погибнут и затем над миром снова станет править один царь»... Так свидетельствуют [звезды], что любой из твоих подданных, который начиная с сегодняшнего дня убежит от своего господина — он в течение трех дней достигнет величия и царствования...». Служанка все это ... ночью, когда пошла к Арташиру, рассказала Арташиру. Когда Арташир услышал это, пришла ему мысль о побеге. И он сказал служанке: «Если ты единодушна со мной ... то в течение этих трех дней ... если боги [язаты] дадут мне божественный фарр Ираншахра (божественную предназначенность быть шахиншахом), то мы ... достигнем счастья и блага. И я так сделаю, что в мире ты будешь самой

счастливой». Служанка согласилась и сказала: «Это должно удасться, и как ты скажешь — я сделаю». Когда наступила тьма, служанка отправилась в покои Артавана. Ночью, когда Артаван заснул, она взяла из сокровищницы индийский меч, седло, украшенное золотом, драгоценный пояс, кулах драгоценный, украшенный жемчугом (пояс и кулах — знаки власти.— *В. Л.*) и драхмы и динары и другие (драгоценности) и принесла все это Арташиру. Арташир взял самых лучших двух коней Артавана, которые могли проскакать семьдесят парсангов в день, и, сев на одного из них, а на другого посадив служанку, избрал путь в Парс. Ночью они доскакали до одной деревни. Арташир боялся, что жители деревни узнают их и схватят. Они увидели одну женщину из деревни. Она встала и сказала: «Не бойся, Арташир, сын Папака, [ты] — из рода Сасана, потомок царя Дария,... и будешь царствовать в Ираншахре тридцать лет. Спеши к морю и, когда увидишь его — не останавливайся; тогда ... не бойся врага». Арташир обрадовался».

4298 *Первенцу* — т. е. Бехмену.

4363—4366 Соответствует шести стихам подлинника.

4385—4488 Вот как описан этот эпизод в «Карнамаке»: «И когда наступил полдень, прибыл [Артаван] в то место, откуда шел путь в Парс. Он спросил: «Когда проскакали всадники через этот рустак (округ.— *В. Л.*)?» Сказали люди: «Утром... а за ними бежал некий сильный баран, такой, красивее которого быть не может»... Когда прискакал [Артаван] в другое место, спросил у людей: «Когда проезжали здесь те всадники?» Они сказали: «В полдень ... и рядом с ними бежал баран». Артаван удивился ... и спросил об этом [баране] у дастура. Дастур сказал: «Это фарр величия, но он еще не настиг его [Арташира]. Нужно поспешить...» Повстречался Артаван с караваном. Спросил он у караванщиков: «Где вы встретили тех всадников?» Они сказали: «Между нами и ними тридцать парсангов пути, и нам показалось, что за одним из них [на крупе коня] сидит некий красивый и большой баран». Дастур сказал: «Арташира настигло счастье Кейского фарра. Нет теперь никакой возможности схватить его. Не утруждайте себя и всадников ваших и не гоните коней...»

Кейский фарр (его ипкарнация — баран) — божество царской предназначенности.

4618 *Арез* — советник.

4657 *Дейлем, Гиль* — иранские провинции по побережью Каспия.

4707—4709 *Из знатных спастись только двое смогли.../О них поучителен был бы дастан...*— Речь идет об очень интересной исторической традиции, сохраненной, главным образом, армянскими писателями V—VII вв. Согласно этой традиции (например, Моисей Хоренский, II, 73), парфянский знатный род Каренидов был полностью уничтожен Арташиром. Спастись удалось лишь младенцу, которого увез «в землю Кушанов» один из друзей Карена, по имени Бурз. «Арташир, несмотря на все свои старания, не мог заполучить его... пока, против воли, не дал клятву не покушаться на его жизнь. По этому случаю персы выдумали насчет него тысячи сказок о том, что ему служили бессловесные животные. Это и есть Перозмат, предок великого рода Камсараканов». Далее туда же (к Кушанам, т. е. в Индию) бежит один из представителей другого знатного рода — Суренов, который, после многих приключений, становится отцом основателя христианства в Армении, Григория Просветителя. Таким образом, и выдающийся род Камсараканов, и выдающийся христианский апостол, и цари Армении — все оказываются принадлежащими к аршакидскому (пахлавскому) роду. Армянские цари и правители Кушан, состоящие в родстве, противостоят вместе узурпаторам — Сасанидам. Эта сложная смесь различных «генеалогий», естественно, интересовала и сасанидских официальных историков, в особенности после окончательного захвата Сасанидами кушанских земель (вторая половина IV в.), в особенности потому, что Балх — бывшее владение кушанских царей, был, по зороастрийскому преданию, родиной Кави Виштаспы — первого последователя Заратуштры.

Сасанидские принцы, провозгласившие себя «великими царями» или даже «великими царями царей» кушан, также должны были в официальных документах и хрониках основывать свои притязания на владение священными зороастрийскими землями какими-то, пусть легендарными, связями с древними царями. Сасанидская

версия всей этой истории не сохранилась, но она, конечно, отличалась в деталях от той, что изложена выше. Поистине, дастан об этом был бы весьма поучителен, тем более, что только у Фирдоуси говорится о том, что потомок одного из Дариев и предок Сасана скрывался в Хиндустане (см. примеч. к ст. 4019). Поскольку Сасаниды, в конечном счете, окажутся связанными и с ашканидами — аршакидами (ср. ниже Дастаны о рождении Шапура I и Хормизда), их притязания на власть в Кушаншахре окажутся действительно обоснованными древней традицией.

Отмеченные выше упоминания Фирдоуси о Хиндустане (их нет в «Карнамаке») являются, по-видимому, следами какого-то восточноиранского сказания о Балхе и его правителях, проникшего в основной источник Фирдоуси.

4735–4736 *Построил вблизи родника, средь холмов,/ Град, полный дворцов и цветущих садов...* — Далее Фирдоуси довольно точно описывает первую столицу Арташира I — город Арташир-Хварра («Слава Арташира» — совр. Фирузабад). В частности, до сих пор в Фирузабаде стоят величественные развалины дворца и храма огня на краю упомянутого Фирдоуси источника с необычайно чистой водой.

4741–4742 *Огня возвели близ источника храм,/ И Мехр и Седе возрождаются там.* — *Мехр, Седе* — названия зороастрийских праздников. Так называемый «зороастрийский» религиозный календарь был введен в действие, во всяком случае, при последних Ахеменидах (скорее всего — в 441 г. до н. э.). Он основан на солнечном годе и состоит из 12 месяцев по 30 дней. Дополнительные пять дней («Благая пятерка») при Сасанидах вводились особым дополнительным месяцем каждые шесть лет. Тогда, с целью привести в соответствие календарный год с астрономическим, вводили високосный дополнительный месяц, который по расчетам должен был повторяться каждые 120 лет.

Названия месяцев и дней в этом календаре — теофорные (по названиям божеств). Поскольку в тексте Фирдоуси часто упоминаются даты по зороастрийскому календарю, приведем их (в современном иранском календаре названия месяцев те же):

Месяцы: 1) Фравардин (у Фирдоуси — Фервердин) — месяц Фравашей — душ предков; 2) Ардвахишт (Ордибехишт) — месяц, посвященный Арте — божеству праведности; 3) Хордад — в честь одного из «Семи бессмертных» — основных персонифицированных качеств или эманаций верховного божества зороастризма Ахурамазды. Хордад считался божеством единства мира и здоровья; 4) Тир — месяц, посвященный божеству Тиштрия (звезда Сириус); 5) Амурдад – в честь одного из «Семи бессмертных» – божества бессмертия, покровителя полезных растений; 6) Шахревар — также в честь одного из «Семи бессмертных», божества «Лучшей власти», покровителя металлов; 7) Михр — месяц, посвященный одному из основных древнеиранских божеств, богу клятвы, неба и солнечного света; 8) Абан – месяц в честь божества вод; 9) Адур — месяц в честь божественного огня; 10) Дей («Творец») – эпитет верховного бога Ахурамазды; 11) Вахман (Бахман, Бехмен) – посвященный одному из «Семи бессмертных», божеству «Доброй мысли», главной ипостаси самого Ахурамазды; 12) Спандармат (Спента Армаити) — божество из «Семи бессмертных», богиня смирения, божество земли.

Дни недели: первый день (Охрмазд) (у Фирдоуси — Ормозд) был посвящен Ахурамазде. Следующие шесть — божествам из «Семи бессмертных» (Вахман, Ардвахишт, Шахревар, Спандармат, Хордад, Амурдад).

Вторая неделя вводилась днем «Дей пад Адур» (день Дей при дне Адур), также посвященным Ахурамазде. Далее следовали Адур, Абан, Хвар (Хварехшета — Хуршид — божество сияющего солнца), Мах (божество луны), Тир, Гош (Гауш – священный бык). Третья неделя опять вводилась днем Дей («Дей пад Михр»).

Вторую половину месяца, как и вторую половину года, открывал день, посвященный Митре (Михр). Далее следовали Срош (божество послушания), Рашн (божество справедливости), Фравардин, Вахрам (или Бахрам — Вретрагна, божество победы), Рам (божество мира, покоя), Вад (божество ветра). Далее опять следовал день Дей («Дей пад Ден»), затем Ден (божество зороастрийской веры), Ард (Арташ Вахуш — доброе воздаяние), Аштад (честность, праведность), Асман (дух неба), Замьяд (дух земли), Мараспанд («Священное слово») и Анагран (дух святых). Каждый день праведный зороастриец должен был начинать молитвой тому святому, по которому назывался этот день.

Из числа многочисленных праздников зороастрийской религии три выделялись особо. Это, прежде всего, Ноуруз (Новый год), праздновавшийся в день «вхождения Солнца в созвездие Овна», т. е. в весеннее равноденствие (по современному иранскому календарю — 22 марта). В частности, только в Ноуруз должна была происходить торжественная коронация нового шахиншаха, и с момента этой коронации начиналось новое летоисчисление (по годам его правления).

Праздник Седе происходил в день осеннего равноденствия, когда силы зла были особенно сильны. Он был приурочен к месяцу Адур, в этот день разжигали костры с целью отогнать духов зла. Михрган (Михр) — праздник, посвященный урожаю и молодому вину, отмечался в месяце Михр.

4743–4746 *Сей город... / «Гор» — имя по воле марзбана обрел.*— В позднесасанидскую эпоху официальное название Арташир-Хварра прилагалось к целой области (остан), главный город которой, построенный Арташиром (собственно Арташир-Хварра, совр. Фирузабад), назывался Гором (Гуром, в арабских источниках — Джур).

Марзбан — «хранитель границ», позднесасанидский титул государственного чиновника, осуществлявшего всю полноту власти в пограничных областях.

4749–4750 *За горным хребтом, глубока, широка, / С водой животворной бежала река.*— Речь идет о Танг-и Аб — узком проходе, где в сасанидскую эпоху были действительно возведены различные гидротехнические сооружения, а также мост (сохранилась надпись о его постройке). На левом берегу Танг-и Аб на скале выбит колоссальный рельеф, изображающий поединки Арташира I, его сына Шапура и какого-то знатного вельможи с Артабаном V и его военачальниками.

4782 *Маст* — кислое молоко.

4853–4854 *Поведаю дивное диво со слов / Дехкана, сберегшего были веков.*— Этот «зачин» дастана о Хафтвадовом черве, конечно, отсутствует в «Карнамаке». Как и в остальных случаях, в общем стандартная формула «дехкан», «дехкан Чача», «мудрец» и т. д.— просто литературный прием, служивший у Фирдоуси началом какой-либо самостоятельной длинной истории (см. примеч. к ст. 3972).

4872 *Теразскую нить уносили с собой.*— Тираз (тераз) в эпоху Фирдоуси — специальная ткань, изготавливавшаяся при дворе халифа, в гобеленовой технике с узором и вытканной надписью, в которой содержалось имя халифа.

В более широком смысле — особо ценный сорт тканей.

4874 *Хафтвад* — в основе этого имени лежит слово хафт — семь. Вторая часть точно не определяется.

4935–4940 Соответствует восьми стихам подлинника.

4963–4966 Перестановка бейтов.

4973 *Сорудж* — известь с песком.

5019–5022 Перестановка бейтов.

5215 *Пехлеван* — богатырь, иногда предводитель войска.

5239 *Гелим* — одежда из грубошерстной ткани.

5335 *Час грозный для воинов Керма настал.*— Досл.: Ветер повернулся на войско Керма.

5363 *Керман* — провинция в Иране.

5366 *Тисфун* (Ктесифон) — некогда столица парфян и сасанидов; развалины города в современном Ираке.

5373–5374 По критическому тексту.

5373–6668 В источнике Фирдоуси, в части, посвященной царствованию Арташира (Эрдешира), используется уже официальная сасанидская история «Хватав Намак», хотя некоторые рассказы — рождение Шапура, рождение Ормозда, сына Шапура,— имеются, правда в очень кратком виде, и в «Карнамаке».

5389–5390 *Из витязей вооруженных моих / Сановников иль приближенных моих...*— В тексте в данном случае употребляется официальная сасанидская терминология. Во всей поэме Фирдоуси использует только эту сасанидскую терминологию.

Иранская знать в эпоху Сасанидов подразделялась на: *васпухракан* — принцы, члены рода Сасанидов (у Фирдоуси не встречаются); *вазургапан* — у Фирдоуси — бозорган — второй ранг знати, куда входили главы городов и провинций, представители семи знатнейших иранских родов, военачальники, «цари» отдельных частей

государства и т. д.; *азадан* — у Фирдоуси чаще — *мехтаран* — прочие свободные иранские феодалы.

Кроме обозначений этих категорий знати Фирдоуси часто употребляет и термины для обозначения государственных чиновников и военачальников (титулы). В данном стихе — *кардаран* — титул для чиновников, ведающих гражданской администрацией.

5409 *Сын старший, что в Хинде в изгнании жил...* — Здесь и далее — фрагменты не дошедшего до нас восточноиранского дастана о кушанских царях (см. подробнее примеч. к стиху 4707).

5439 *Пест* — блюдо из ячменной муки.

5539 *Но встретил я год пятьдесят уж второй...* — Никаких исторических сведений о дате рождения Арташира не существует.

5589 *Кедхода* — староста селения.

5597–5598 *Мейдан* — ристалище, арена; далее встречается также в значении: площадь перед дворцом, городская площадь, поле боя; *човган* — клюшка для игры в травяной хоккей.

5673–5674 *Динаров, дирхемов и прочих монет / Чеканку велел изменить.* — Арташир несколько раз в течение своего царствования менял штемпели (у Фирдоуси — мих) для чеканки своих монет, но на них, как и на всех последующих сасанидских монетах, на лицевой стороне чеканился погрудный портрет правящего шахиншаха и его официальный титул и имя, а на обороте — изображение царского коронационного храма огня и его название.

Основной денежной единицей сасанидского Ирана (во всей поэме, независимо от описываемого периода, Фирдоуси упоминает лишь позднесасанидские денежные единицы) была серебряная драхма (драхм, впоследствии — арабизир, дирхем), весом несколько более 4 г. Реальная стоимость драхмы для Сасанидского периода почти неизвестна: в одном из источников сасанидского времени упоминается стоимость барана — 4 драхмы, в другом — самый низкий имущественный ценз подданного, обладающего правом апелляции в суд,— 30 драхм (обращение в судебные инстанции с разного рода имущественными исками человека, чей доход был ниже этого ценза, в суде не рассматривалось, т. е. такой человек был неправомочным). Существовали более мелкие денежные единицы — $^1/_2$ драхмы и «пашиз» (букв. «чешуйка») — серебряная монета весом ок. 1 г.

Медные монеты также существовали, но не имели фиксированного веса. Золотая монета — денар (стоимостное отношение золота к серебру в сасанидское время — 1 : 13) широкого хождения не имела и чеканилась для специальных случаев — даров шахиншаха, в честь религиозных праздников и т. д. Возможно, в золоте исчислялись и международные торговые операции.

5685 *Теперь Дженд-Шапур называешь его...* — Город Гунд-и-Шапур был основан Шапуром I в Хузистане. В этом городе Шапур I поселил захваченных в плен римлян, среди которых было много ремесленников. Туда же был переселен епископ Антиохии вместе со своей паствой.

5744 *Зерир* — желтая краска, получаемая из резеды.

5971 *Арез его имя и званье вносил / В свой список...* — См. также стих 6085. Подобные списки («список всадников», «список лучников») существовали в Иране еще в парфянскую эпоху. В такие списки заносились обученные воины, причем, как правило, из государственных земельных фондов они получали наделы в условное владение. О таких наделах («земля лука», «земля копья») известно еще с IV в. до н. э. Иногда земельные участки были еще более «специализированы», например, в сасанидском «Судебнике» упоминается земельный надел, доход с которого шел на вооружение всадника. После смерти владельца такого надела он оставался в семье умершего лишь в том случае, если в войске продолжал служить его сын.

5975–5976 *И опытом лет умудренный мобед, / Приставлен был с тысячей каждой ходить...* — Об этом в источниках сасанидского времени сведений нет, однако разные источники упоминают должность «андарзбада» (советника, например: «советник цариц», «советник магов» и т. д.).

6035 *Остовар* — досл. опора (державы). Здесь — сановник, вельможа.

6062 *Меншур* — царский указ, грамота, дававшая право на владение дарованной землей; *ядгар* — подарок на память, памятный знак.

6103–6110 *Пусть правое с левым столкнется крылом...*— Здесь, бесспорно, описание тактики боя сасанидских войск, которой были посвящены отдельные главы сасанидской книги «Айинпамак». Главы о тактике из этой книги были переведены на арабский язык и часто цитировались арабо- и персоязычными историками VIII—X вв. Вообще вся эта часть поэмы (в тексте употребляется слово «панд» — наставление) представляет собою, скорее всего, краткое содержание сасанидской «Айинпамак», сасанидский оригинал и арабский перевод которой сейчас неизвестен. В этом отношении текст Фирдоуси, дополняющий многие реалии жизни двора эпохи Сасанидов, протокола, обычаев,— особенно интересен.

6135–6136 *Заботой правителя всюду готов / Прибывшим мужам подобающий кров.*— В тексте — титул капаранг, наместник большой пограничной области.

6171–6172 *Известен ли миру владыка другой, / Что памятью славен великой такой.*— Особое почитание основателя сасанидского государства Арташира отражается и в источниках сасанидского времени.

6223–6370 Этот отрывок — пример одного из «Андарзов» — наставлений, приписывавшихся разным сасанидским шахиншахам. Поскольку изречения в таких «Андарзах» часто совпадают, подчас трудно установить, какой из них имеется в виду. Известен (в арабском переводе) Андарзнаме Арташира Папакана, составленный в конце VI в.

6257 *Моя десятина во граде любом...*— В этом месте упоминается налоговая реформа Арташира. Однако, насколько известно, система взимания налогов в Сасанидском Иране была намного сложнее, чем описанная в этом месте поэмы. Сведений о налогах не так уж много, но до знаменитой налоговой реформы Хосрова Ануширвана (упомянутой Фирдоуси в соответствующем месте поэмы) поземельный налог (хараг) взимался в виде доли урожая и составлял, по-видимому, от $^1/_6$ до $^1/_3$, в зависимости от качества земли, провинции, сельскохозяйственных культур и проч. Кроме этого, незороастрийское население Ирана (например, христиане, многие из которых занимались торговлей и различными ремеслами), облагались подушной податью — в зависимости от доходов.

Земля, основа производящего хозяйства Ирана, делилась на государственную (принадлежащую царю царей), храмовую (принадлежащую разным храмам огня) и частную — владения крупных вельмож, азатов и т. д. Некоторые массивы земель находились (традиционно или юридически) в собственности сельских домовых общин, которые, как явствует из источников, играли значительную роль и в конце периода. Государственные налоги были разными для разных категорий земель.

6287 *Кто знает, что Праведный в мире царит...*— Здесь, как и выше, у Фирдоуси дается нечто вроде «кредо» праведника-зороастрийца, которое, конечно, не соответствует подлинному зороастрийскому «кредо» (молитве «Фраварана»), которое праведник должен был произносить ежедневно:

«Я признаю себя поклоняющимся Мазде, последователем Заратуштры, отвергающего Дэвов (злых божеств), я — тот, кто привержен к праведному («ахуровскому») учению, который поклоняется «Семи бессмертным» (амешаспентам, о них см. примеч. к ст. 4741). Ахуре Мазде — доброму, богатому, я приписываю все доброе... Я выбрал для себя святую Армаити добрую (Спендармат, одно из божеств «Семи бессмертных», «Святая Преданность»). Пусть она будет моей! Я отказываюсь от похищений и увода скота и от нанесения вреда и разрушений домам тех, кто почитает Мазду. Я отрекаюсь... от Дэвов и тех, кто почитает Дэвов, от демонов и тех, кто почитает демонов, от тех, кто причиняет зло людям и мыслью, и словом, и поступком, и грехом. Воистину я отрекаюсь от всего, что является ложью, которая против добра... и вручаю себя Доброй Мысли, вручаю себя Доброму Слову, вручаю себя Доброму Деянию. Вручаю себя вере почитателей Мазды, которая... самая праведная и из всех вер — самая великая и лучшая и почитаемая, которая Ахурова, Зороастрова».

«Добрая Мысль, Доброе Слово, Доброе Дело» — это моральное «кредо» зороастрийца, наделенное мистическим смыслом. У Фирдоуси эта святая триада — не более, чем моральная установка любого «благого» правителя.

6471–7474 *Коль вере владыка привержен всегда... / И в вере престол обретает оплот.*— «Трон — опора алтаря, алтарь — опора трона» — это изречение приписывают Арташиру I все раннесредневековые историки. Оно отражало подлинную политику

раннесасанидских государей — в сасанидском Иране уже при Арташире I зороастризм был провозглашен государственной религией.

6629 *Шесть градов воздвигнуто в годы мои...*— Основание городов в землях, отвоеванных у местных царей, было одной из характерных черт политики первых Сасанидов. Такие города — ставки гарнизона и центры центральной администрации, находились под управлением шахраба, осуществлявшего как военную, так и гражданскую власть во всей провинции (шахре), столицей которого (шахристаном) объявлялся такой город. Часто старые, досасанидские города меняли свое название на новое (с обязательным введением в название имени правящего шахиншаха) и получали, таким образом, статус «царского города» — столицы шахра. Упомянуты следующие города: *Хорре-Эрдешир* — г. Арташир-Хварра (или Гор) в местности Фирузабад в провинции Парс;

Рам-Эрдешир (Рамешн-Арташир, средневековый Таввадж?) в округе Андеган (наследственное владение рода Андеган), невдалеке от побережья Персидского залива. На самом деле был основан шахиншахом Арташиром II (370—383); *Ормозд-Эрдешир* — г. Хормизд-Арташир (Ахваз) в Хузистане. На самом деле был основан Шапуром I, в 260 г., после победы над императором Рима Валерианом, и назван в честь сына Шапура — Хормизда-Арташира (шахиншаха Ирана в 273—274 гг.); *Берке-Эрдешир* — из источников сасанидского времени неизвестен; *Бена-Эрдешир* (Понйат или Паса-Арташир), современный Хатт, или ал-Катиф на Аравийском полуострове, основан при поздних Сасанидах.

Об основании всех этих городов именно Арташиром I сообщает также Табари. Вероятно, в «Хватав-намак» — основание всех городов с названием, в которых было имя «Арташир», приписывалось Арташиру I.

6669—6842 Согласно современным хронологическим выкладкам, сын Арташира Шапур был провозглашен соправителем своего отца 12 апреля 240 г. (во время осады Хатры, см. так наз. Кельнский греческий кодекс Мани), короновался как шахиншах Ирана в Ноуруз 243 г. и умер ок. 272 г. (о хронологии Сасанидов см.: *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975).

6727—6812 Фирдоуси, как, впрочем, и его основному источнику, известен лишь сам факт того, что в эпоху Шапура I шли войны с Римской империей. В этом разделе упомянуто несколько исторических имен (например, 6749—6750 — Берапуш), у Фирдоуси — глава румийского войска, на самом деле — император Рима Валериан (253—263?) и кое-какие события, действительно имевшие место.

В поэме, однако, войны описываются совсем не как реальные исторические события. Так, в рассказе упоминается Кейдафе-царица, воевавшая еще с Искандером. Берануш-Валериан оказывается военачальником войска Кейдафе, сражение происходит в некоем мифическом Палуине (в других рукописях — Алтуине) и т. д.

О трех войнах Шапура с Римом известно, кроме сообщений разного рода иноязычных источников, также из большой надписи-трилингвы (среднеперсидский, парфянский и греческий тексты), открытой экспедицией Чикагского университета в 1936 г., на цоколе так наз. «Каабы Зороастра» — здания ахеменидской эпохи в Накш-и Рустам (Фарс, недалеко от Персеполя). Кроме того, победы Шапура I в этих трех войнах запечатлены на четырех колоссальных скальных рельефах (один в Накш-и Рустам, три — около г. Бишапура, недалеко от Казеруна). Первая война (240—244 гг.) завершилась смертью римского императора Гордиана III. Филипп Аравитянин заключил мир с персами, выплатив им контрибуцию в 500 тысяч денаров (о дани см. также у Фирдоуси (6779—6780), и передал Ирану ряд пограничных областей. Город Месих был превращен в ставку иранского шахраба (см. выше, примеч. к ст. 6637) и назван «Пероз-Шапур». Вторая война, в которой со стороны Рима участвовало более 70 тысяч солдат, также закончилась победой Ирана, взятием Нисибина и еще 36 городов и крепостей. Третья война, начавшаяся в 257 г., завершилась сокрушительным поражением римской армии. В плен попал император Валериан и многие из его эпархов и архонтов. Пленные римляне были поселены в Парсе, где, в частности в районе Шустера, ими был построен мост («Плотина Кесаря», ср. у Фирдоуси 6817—6820).

6783—6792 *Град новый Шапуром был выстроен тут, / Его Шапургердом по праву зовут...*— «Шапургерд» (дословно «сделанный Шапуром») — Бишапур. Шапуром I было «основано» (согласно современным источникам) более 15 городов и крепостей,

многие из которых получили его имя. В районе Ахваза им был основан Гундешапур, в Парсе (6795—6796) — город, который назывался «Вех аз Антиок-Шапур (карт)» («Лучше, чем Антиохию Шапур (построил)»), или Бишапур. Этот сасанидский город, долгое время раскапываемый французской археологической миссией в Иране и иранскими археологами, по праву называют «Версалем Шапура I». Здесь, помимо различных дворцов и храмов, роскошно украшенных мозаикой и штуком, Шапур I возвел дворец для плененного им императора Валериана и его семьи. Здесь же в 272 г. умер Шапур — он был похоронен высоко в скале, в естественном гроте, и над его могилой из сталактита была высечена его колоссальная (более 10 м) статуя. Здесь же был коронован его сын Хормизд-Арташир. Многие здания в этом городе возводились руками пленных римлян.

6791 *Кохен-деж* (досл. «древняя крепость»).— зáмок, укрепление.

6792 *В день Эрда закончил владыка владык.*— См. примеч. к ст. 4741.

6843 [*Ормоздову память украсим...*] — Старший сын Шапура Хормизд-Арташир был провозглашен шахиншахом в Ноуруз 273 г. и правил всего семь месяцев.

6904 *И сына Бехрама прислать приказал.*— Бахрам (Бехрам) (сасанидский шахиншах Варахран I) был сыном Шапура I.

7021 *В дей-месяце, ночью Ормозда...*— Здесь дата окончания рассказа об Ормозде (см. примеч. к ст. 4741).

7023 *Поведай теперь о Бехрамовых днях.*— Сын Шапура I, шахиншах Варахран I (у Фирдоуси — Бехрам) был коронован в 273 г. и умер в 276 г.

7105 [*Царствование Бехрама, сына Бехрамова, продолжалось 19 лет*].— Сын Варахрана I, Варахран II, был провозглашен шахиншахом после смерти своего отца в 276 г. и умер, при неясных обстоятельствах, в 291—292 гг.

7163 *Бехрам, двух Бехрамов потомок...*— Речь идет о сыне Варахрана II и его жены (и двоюродной сестры) Шапурдухтак, по имени Варахран, который при жизни своего отца был назначен правителем Сакастана («царем саков») и был казнен в 293 г. в результате дворцового переворота, так и не вступив на трон.

Для всей этой части поэмы (царствования Хормизда — Арташира — Нарсе) характерно полное отсутствие исторических фактов. На самом же деле эти годы были насыщены не только войнами (война Варахрана II с Римом, стычки в Армении и на Востоке), восстаниями (восстание арабских племен в области Месена в 282 г.; восстание двоюродного брата Варахрана II Хормизда в Хорасане в 291 г.), но и сложными дворцовыми интригами и борьбой за власть. В конце периода, в 293 г., сын Шапура I, Нарсе, назначенный до того «великим царем Армении», поднял восстание под флагом легитимизма (его законные претензии на престол Ирана были не осуществлены еще при царствовании Варахрана I), и, при помощи иранской знати и армии, захватил престол, казнив сына Варахрана II, Варахрана. История всего этого периода, восстановленная по современным событиям источникам (раннесасанидские надписи, монеты, рельефы и т. д.), никак не отражена не только у Фирдоуси, но и в других арабо-персидских исторических и литературных памятниках.

7179 *Он, сыну вручая державу, сказал...*— Шахиншах Нарсе (у Фирдоуси — Нерси) (293—302) был сыном Шапура I.

7239 *Ормозд* — сын Нарсе (Нерси), шахиншах Хормизд II (302—309).

7246 *Бехрам* — планета Марс.

7308 *Шапур* — дословно «сын шаха».

7309 *Руд* — музыкальный инструмент типа лютни.

7338 *С Эрвенда-реки ветер вопли донес.*— Арванд (Эрвенд) — сасанидское название одного из каналов («Царского канала») реки Тигр (арабск. Даджлат); у Фирдоуси это название упоминается ниже в ст. 7340 (досл.: «когда столкнутся друг с другом на Даджлате»).

7369 *Как вдруг из вождей гассанидских Таир...*— Гассаниды — арабское княжество в Сирийской пустыне, обычно враждебное Сасанидам и зависевшее от Византии. *Таир* — полулегендарный персонаж, быть может, имеется в виду Тамим, племя в районе Бахрейна. Здесь легендарные отголоски похода Шапура II в Бахрейн.

7371 *Строй курдов ведя, кадиссийских бойцов, / Румийских, бахрейнских, парсийских бойцов...*— Описание состава войска Таира, конечно, легендарно. Гассанидские князья не могли привлечь на свою сторону ни курдов, ни кочевников (?) провинции

Парс. Об этих событиях источники сасанидского времени ничего не сообщают, но если они и имели место, то должны были быть инспирированы Византией, и Гассаниды могли быть поддержаны, кроме византийских (румийских у Фирдоуси) контингентов войск, также кочевниками-арабами района Кадесии (город в Месопотамии) и Бахрейна.

7387 *Малике* — арабск. «царица».

7411–7558 Этот рассказ есть также у Табари и Бал'ами, однако его герои — шахиншах Шапур I, правитель крепости Хассин, из арабского племени Хуза, по имени Хабран (?) и его дочь. Ставка этого правителя была «на границе Ирака и Сирии», т. е. приблизительно в области, подвластной Гассанидам. Какие-то столкновения Шапура I с арабскими племенами, по-видимому, имели место, поскольку они косвенно отразились в современных событиям источниках.

В рассказе Фирдоуси, помимо того, что он перемещен из царствования Шапура I в царствование Шапура II, изменены некоторые детали: у Табари Шапур захватил крепость благодаря особому колдовскому обряду над зачарованными стенами (у Табари, в частности, приводятся арабские стихи, посвященные этому событию), дочь правителя крепости не имеет никаких родственных связей с Сасанидами, и Шапур, в конце концов, убивает ее, поскольку, предав своего отца, девушка в будущем могла предать и его самого. Вообще весь рассказ Табари производит впечатление арабского (гассанидского?) предания, тогда как у Фирдоуси он приобретает привычную уже для «Шахнаме» модель: генеалогические связи, взятие города при помощи коварства (ср. например, взятие крепости Керма) и т. д.

7427 *Поведай: мол, дочь предводителя род,/Как ты, от Нерси-венценосца ведет.*— Здесь путаница. Согласно сообщениям арабских хроник, Нуше, мать Малике, должна была быть дочерью двоюродного брата Шапура II, царевича Нарсе, а не шахиншаха Нарсе.

7447–7448 *К царю коли тотчас меня отведешь,/ И перстень тогда, и венец обретешь.*— Перстень (мухр) и головной убор особой формы (кулах) были знаками знатности, которые царь царей жаловал своим подданным. Начальник стражи, по-видимому, принадлежал к рангу азатов («свободные, мелкие землевладельцы»). Мухр, кулах и пояс особой формы (камар) полагались знати высшего ранга — «вазургам».

7460 *Зердошговым поясом...*— Пояс (кустик) — обязательная принадлежность каждого праведного зороастрийца. Кустиком жрец подпоясывал мальчика по достижении им совершеннолетия, и этот пояс зороастриец носил всю жизнь.

7541 *Дочь шаха Бехрама похитить дерзнул...*— Выше (7385, 4541 и др.) Фирдоуси называет Нуше дочерью Нарсе (Нерси).

7552 *Арабы прозвали его Зуль-актаф.*— Прозвище это, основанное на слово актаф — плечи (по смыслу — заплечных дел мастер) было дано Шапуру II за то, что, чиня жестокости над арабами, он заставлял просверливать лопатки пленным и подвешивать их на деревьях.

7658 *Нерсиев Шапур на Румийской земле!* — Нарсе (Нерси) был дедом Шапура II.

7701–7884 Рассказ о пребывании Шапура в Риме и его счастливом освобождении есть у Табари и Бал'ами, однако у Фирдоуси он беллетризирован. Вот, например, рассказ об освобождении Шапура у Бал'ами: «[Румийский] царь приказал, и царя Шапура запихали в эту сырую шкуру быка, с головы до ног, а голову его вытащили наружу. И та шкура ссохлась на нем и он из нее не мог выбраться. Затем царь Рума собрал войско и пошел на владения Шапура, а Шапура взял с собой... Румийцы разрушали города и было убито много людей и вырублены деревья...

...[Царь Рума] возвратился из Парса и направился в Ахваз и то же самое учинил в Ахвазе, а оттуда пошел в Гунд-и-Шапур и сделал там то же самое. С Шапуром день и ночь находились стражники, которые охраняли Шапура и всех, кто попадал в плен. Однажды ночью стражники были беспечны, а там находились бурдюки с маслом и были еще пленники из Ахваза. Шапур попросил их, чтобы они вылили на него масло из бурдюков. Так они и сделали, и та шкура стала мягкой. Шапур вылез из шкуры и убежал, и прокрался в Гунд-е-Шапур, и открыл свое имя стражникам у ворот. Они узнали его, впустили в город, и собрался к нему народ».

7729–7732 *Клялась Судиею и тем, кто призвал / ...Дарою, любовью и страхом...*— Это место, видимо испорченное, имеет в разных рукописях много разночтений, и по-

тому трудно для перевода. Так, в Калькуттском издании, вместо Семидесяти (хафтад) приводится рахбан, и в таком случае перевод второй строки должен звучать так: «Зуннаром шаммаса (священника) богатыря». Совсем иной текст приводится в критическом издании Шахнаме (критический текст, т. VII. М., 1968): «девушка поклялась Творцом, зуннаром христианского служителя — богатыря Семидесяти, душою Иисуса, остовом (или остью) креста, а также владыкой (дара), повернувшим Иран к правде (обратившим в праведную, т. е. христианскую веру? — иначе — императором Рума?)».

Зуннар — веревка, которую в странах ислама должны были носить иноверцы: христиане, зороастрийцы, иудеи.

Шаммас (Шеммас) — христианский священнослужитель, дьякон.

Семьдесят — возможно, семьдесят религиозных учений (в мусульманском богословии), которые «подобны семидесяти судам в бурном океане». Впрочем, в данном случае текст Калькуттского издания мне кажется предпочтительнее.

7859–7862 *Немало к тому ж христианский устав / ...Вдали от отчизны, родных очагов.*— В тексте: «и из них (франков) многие стали христианами, представ перед епископом (сакубба), (опоясавшись) зуннаром. Многие — в одеяниях прелатов (джаселий), а на голове — клобук и вдали (они) от возделанной земли и жилища» (т. е. стали отшельниками и монахами).

7898 *Бажгах* — в общем значении — молитва, молитвенное действие.

7905 *У старосты втайне сургуч попроси...*— В подлиннике — «гил-и мухре» — глина для печати. Оттиски печатей на специальной глине (буллы) служили в сасанидское время для разных целей — для опечатывания документов, тюков с товарами и т. д. Археологами в различных районах Ирана найдено более двух тысяч таких булл.

7949 *Словами его сипехбед воскрешен...*— *Сипехбед* (и выше, 7944 — *пехлеван*) — начальник войска.

7959–8070 Здесь, как и при описании войны Шапура I с Римом, в легендарную историю вставлено сравнительно небольшое количество исторических фактов и имен, несмотря на то, что и в арабо-персидской исторической прозе, следующей «Хватай-намак», описание этих событий значительно ближе к реальным. Как уже указывалось выше, Фирдоуси много больше, чем конкретная политическая история, интересует создание характеров и чисто литературные, поэтические задачи. События римских войн Шапура II известны в мельчайших деталях по многочисленным историческим источникам, в том числе и по знаменитой «Истории» Аммиана Марцеллина — участника событий. «Большая война началась в 359 г. В 363 г. император Юлиан, во время похода в Иран, был убит, и новый император, Иовиан, заключил мир с Ираном. В дальнейшем, вплоть до своей смерти, Шапур II воевал с императором на Востоке Валентом. Война шла с переменным успехом».

8051 *Каве ослепительно блещущий стяг...*— В тексте: «дарафш-и Кавиани» — «Кейское знамя» — царский штандарт, увенчанный фигурой золотого орла, святыня иранских царей еще с ахеменидской эпохи (судя по описаниям Ксенофонта и изображениям на монетах). «Кейское знамя» было захвачено арабами в битве при Кадесии (637 г.). В иранском национальном эпосе и у Фирдоуси — знамя кузнеца Каве (его кожаный фартук) — победителя Зоххака, приведшего к власти Феридуна.

8109–8110 *К Шапуру владыку румийской земли / И войск предводителя с ним привели.*— Здесь и дальше путаница с событиями войн Шапура I (см. примеч. к ст. 6727), когда Сасанидами действительно был взят в плен римский император.

8193–8195 *Был брат у властителя Рума...*— Речь идет об императоре Рима Иовиане (363—364), который, однако, не был братом Юлиана.

8247 *Правдив, справедливости полн Бераннш...*— Бераннш — император Валент (364—378).

8275–8278 *Иредж, Менучехр, Сельм, Тур* — см. ...

8326 *Харвар* — ослиный вьюк.

8347 *Коль станет моим Несибин сверх того...*— *Нисибин* — город в Северной Месопотамии, важный стратегический пункт, борьба за захват которого была целью многих военных кампаний Ирана.

8368 *Зенд-Авеста...*— Авеста («божественное откровение») — собрание зороастрийских религиозных текстов, в течение многих столетий перерабатывавшихся изустно,

записанных в VI в. специально изобретенным «авестийским» алфавитом. Язык Авесты также называется «авестийским» (поскольку известен только по этому источнику). восходит к очень древнему индо-иранскому.

Зенд — перевод частей Авесты на среднеперсидский язык с различными комментариями, осуществленный в VI в. (подробнее см. «Шахнаме», т. IV, с. 413—415; 423—425).

8393 *Дилафруз* — дословно «освещающая сердце».

8421 *Хорремабад* — к югу от Хорремабада (Хузистан) Шапур II основал город Шапур-Хваст.

8428 Пероз-Шапур (*Пируз-Шапур*) — средневековый ал-Анбар в Сирии.

8431 *Кенам-Асиран* — в источниках не упоминается.

8435 *Пришел красноречьем отмеченный муж...* — Весь этот рассказ посвящен Мани — основателю и пророку одной из «мировых» религий — манихейства. В учение Мани, которое в своей основе было одной из иудео-христианских сект, впоследствии им самим были включены многие идеи гностиков, неоплатоников, зрванизма, зороастризма и т. д. Это синкретическое учение, распространяемое в эпоху экономического и политического кризиса, охватившего Ближний и Средний Восток в конце II—III вв., в период, когда религиозные и мистические идеи «конца мира» были широко распространены, пользовалось очень широкой популярностью. Лейтмотивом учения Мани было утверждение неизбежности зла и скверны в мире, преодолеть которую можно лишь аскезой и экстатическими ритуалами.

Распространению этого учения способствовали проповеди и религиозные произведения самого Мани и его учеников, записанные на многих языках (коптском, парфянском, согдийском, сирийском и т. д.) и хорошо налаженная пропаганда.

Точная дата рождения Мани установлена с помощью различных, дошедших до нашего времени, манихейских документов. Он родился 14 апреля 216 г., был первоначально членом одной из месопотамских баптистских сект (альхазантов), затем, объявив себя пророком, реформировал эту секту. В Иране пропаганда его учения развивалась весьма успешно (при Шапуре I), но в 274 г. он был брошен в тюрьму, а затем казнен.

Манихейские общины, однако, продолжали существовать в Иране, в особенности в Восточном Иране, а позже манихейские миссионеры достигли Китая. Учение Мани оказало существенное влияние на многие религиозные течения в Иране и за его пределами.

Фирдоуси переносит жизнь Мани почти на столетие вперед (в некоторых рукописях «Шахнаме» дастан о Мани начинается фразой: «Когда шаху (Шапуру II) исполнилось 50 лет» (т. е. в 359 г.).

У Бал'ами история Мани изложена в главе, посвященной царствованию Шапура I. Там же помещены и несколько историй («Царевна сдает Шапуру крепость Таира» и др.). Тексты Табари, Бал'ами, Хамзы Исфахани и другие заставляют думать, что в них (и вероятнее всего — в «Большой Шахнаме» — основном источнике Фирдоуси) сохранялся план сасанидской «Хватав Намак». Перенос этих рассказов в дастан о царствовании Шапура II, скорее всего, литературный прием Фирдоуси. Он стремился этим приемом уравновесить романтические истории, содержащиеся в дастане о Шапуре I. Это еще один пример того, что история для Фирдоуси была совсем иным понятием, чем, например, для Хамзы Исфахани, который, хотя и «открыл» никогда не существовавшего сасанидского шахиншаха. Йездигерда Кроткого, но сделал это потому, что при тщательном сличении различных хронологических таблиц у него получилась небольшая лакуна между царствованиями Йездигерда I и Варахрана V (см. также «Шахнаме», т. IV, с. 427).

8447 *Слова златоуста из Чинской земли...* — Согласно Фирдоуси, Шапур II первоначально увлекся учением Мани. Так, в сущности и было — Мани был принят при дворе Шапура I (около 243 г.) и преподнес ему специально написанное для него сочинение «Шапуракан». Поскольку в позднесасанидское время основные манихейские общины располагались далеко на Востоке, создалось представление, что Мани сам происходит чуть ли не из Китая.

8451 *Сей ликопоклонник...* — О Мани и манихеях шла слава как об искусных художниках. Она основывалась на том, что многие манихейские рукописи (в особенно-

сти созданные на Востоке — в Восточном Туркестане и Средней Азии) были иллюстрированы. До нашего времени дошли и канонические портреты самого Мани, созданные его последователями.

8497 *Повесить потом у ворот городских...*— Мани был казнен Варахраном I (276 г.) именно таким образом — с него содрали кожу и, набив ее соломой, повесили у городских ворот Бишапура.

8513 *То брат его младший...*— Арташир был сыном брата Шапура II — царя Сакастана Шапура.

8607 *Ормозд и Бехмен коль дано соблюсти.*— (657) «Когда наступила пятница — день Хормизда месяца Бахман, устроилось жилище этого славного дела» (этот рассказ был закончен). Здесь, возможно, изысканная иранско-арабская хронология — дата окончания Фирдоуси дастана о Шапуре II.

Это вероятно также потому, что в критическом тексте приведен, вслед за этим, следующий бейт (659) «Как наступило мне 63 года, оглохли уши».

8817 *Из подданных он никого не ценил...*— В царствование Йездигерда (Йездгерда) I (399—420) обострилась борьба между центральной властью и владетельными родами. Ища опоры в этой борьбе, Йездигерд, в частности, дал ряд привилегий христианам (несторианам), а также стремился упрочить союз с Византией (он, в частности, считался опекуном малолетнего Феодосия II).

При Йездигерде в Селевкии был создан Церковный собор, пытавшийся объединить иранских христиан с византийской церковью. Ко времени его царствования относятся казни многих крупных феодалов.

8851 *Соллаб* — астролябия.

8865—8866 *И вот уже Рад и Дестур и Мудрец, / Собрались, надежных искали путей...*— В тексте «рад, мобед и чистый [помыслами] шахский дастур». Рад (ср. перс. рат) — судебный исполнитель, должностное лицо в суде (возможно, исключительно для «храмового ведомства»). Совет, описанный здесь Фирдоуси, существовал в реальности: его компетенцией, в частности, было рассмотрение прав на наследование (не только имущества, но и должности). Совет из верховного жреца, главы государственных чиновников и военачальников решал, кроме всего прочего, вопрос о наследовании престола Ирана (в спорных случаях).

8904 *Номан и Монзир* — Ну'ман, Мунзир — имена нескольких царей из династии Лахмидов — полусамостоятельного «буферного» арабского государства (созданного оседлыми арабскими племенами), центр которого находился в г. Хире (ал-Хира) на нижнем Евфрате. В Лахмидском царстве было распространено христианство несторианского толка и, в отличие от Гассанидов (см. примеч. к ст. 7411), Лахмиды находились под протекторатом Ирана. У Фирдоуси царство Номана и Монзира расположено в Йемене.

9100 *Сохейль* — звезда Канопус, считавшаяся счастливой.

9105—9174 При переводе этого сказа, а также сказов «О мальчике-башмачнике...» и «Бехрам призывает лури из Хиндустана» мы последовали смелому примеру В. В. Вересаева, украсившего свой перевод Гомеровой «Илиады» стихами из перевода Гнедича. В упомянутых сказах отдельные двустишия или стихи целиком или с незначительными изменениями заимствованы из прекрасного перевода М. Л. Лозинского (Шахнаме. Книга царей. Избр. места М.— Л., Academia, 1934). Пусть читатель примет это как дань уважения мастерству предшественника (*прим. перев.*).

9108 *С гусляркой своею поехал на лов...*— В тексте — чангзан, «чангистка», та самая румская рабыня, о которой речь выше.

9123—9124 *О месяц, когда тетиву наложу / И этим перстом для стрельбы снаряжу...*— Речь идет о специальном металлическом перстне, иногда украшенном драгоценными камнями, который надевался на большой палец для удобства натягивания тетивы.

9133 *Тут в самку мохре самострелом направь...*— Мохре — пуля, металлический болт для стрельбы из самострела.

9179 *Он ворона черного левой рукой...*— В тексте — заг — концы лука, к которым привязывается тетива.

9220 *Все ожило в туши чернее смолы.*— У Бал'ами сообщается, что сам Бехрам приказал запечатлеть этот подвиг на стене Негарестана, в своем дворце.

Охотничьи подвиги Бехрам-Гура часто иллюстрировались. Наиболее ранние иллюстрации — рассказ о Бехрам-Гуре и Азаде — на двух серебряных блюдах, принадлежащих Эрмитажу. Судя по среднеперсидским надписям с именами владельцев этих сосудов и иконографическим деталям изображений, эти блюда должны отстоять от времени царствования Варахрана V едва ли более чем на 70—100 лет. Охотничий подвиг Бехрама, сразившего стрелой льва и онагра (см. ст. 9253—9260) изображался, например, на шелковых тканях VIII в. Уже на этих ранних иллюстрациях представлен не реальный (судя по иконографии) шахиншах Варахран V, а легендарный герой Бехрам-Гур, что показывает, насколько быстро в позднесасанидскую эпоху создавались легенды вокруг реально существовавших исторических персонажей.

9353—9354 *...впредь / Ему кушака и венца не узреть.* — Т. е. не быть наследником престола.

9418 *...отправится к Савской воде.* Сав — священный источник около г. Тус.

9425—9426 *...Поклялся святым / Хорради-Борзином и солнцем златым.* Хоррад-Борзин — название одного из главных святилищ огня в сасанидском Иране.

9495 *Повергнув властителя, конь водяной...* — Смерть Йездигерда от удара копытом чудесного коня упомянута во всех раннесредневековых источниках. Рассказ о гибели Йездигерда (с теми же деталями, что и в «Шахнаме»), по источнику, независимо от Фирдоуси, приводит и Низам уль-Мульк («Сиасатнаме»). Согласно Табари, это событие произошло в Гургане. История с появлением коня из священного источника у города Туса отражена только в «Шахнаме».

Вполне вероятно, что эта легенда была придумана представителями враждебной шахиншаху придворной клики, убившей его во время посещения одной из дальних провинций. Йездигерд (в особенности в начале своего царствования) пытался бороться с влиянием при дворе и в стране знатных родов и жречества. Дальнейшие события — попытка знати возвести на престол Ирана представителя боковой линии сасанидского рода, престарелого Хосрова, в обход старшему сыну Йездигерда, Шапуру (он тоже был убит), а затем и Варахрану V — также были «романтизированы» в официальной сасанидской истории.

9509 *На садже точеном, во гробе златом...* — В тексте: «в золотом гробе, на носилках из (дерева) садж (тик)». Зороастрийский обряд погребения Фирдоуси нигде детально не описывает, хотя в тексте изредка упоминаются зороастрийские могильные сооружения — *астодан* («костехранилище» — глиняный гробик для костей, часто орнаментированный или украшенный живописью и надписями — характерен только для восточных областей позднесасанидской эпохи), или *дахма*, отверстие в скале для захоронения костей (для западных и южных районов Ирана сасанидской эпохи), или специальная глиняная башня, на вершине которой клался труп праведника до того, как кости очистятся от мяса. Обычай строительства специальных башен (в европейской литературе их иногда называют «башни молчания») возник, вероятно, уже в Индии, в Гуджарате, куда в VII в. началось переселение зороастрийских общин, и затем уже оттуда, в более позднее время, распространился в Иране (Йезд, Керман). Выставление трупов в специальных местах (в ортодоксальном зороастризме — на возвышенностях в пустынных местах) связано с зороастрийским представлением о том, что трупы оскверняют священную стихию — возделываемую землю. В место захоронения (к дахме) покойного зороастрийца обычно несли на деревянных носилках в сопровождении жрецов. В данном случае упомянута именно эта часть погребального ритуала.

9517 *Гробница владыку под сень приняла...* — В тексте — дахма.

9519 *Правитель, мобед, пехлеван и дестур...* — В тексте упоминается канаранг, мобед, военачальники и представители чиновничества, которые собрались у могилы (дахмы) шаха с целью решить вопрос о наследнике. В данном случае зафиксирован подлинный сасанидский обычай (описывается, например, в так называемом «Письме Тансара» — произведении, восходящем к VI в.). После смерти шаха, в том случае, если о наследнике не было объявлено заранее, верховный жрец, глава государственного чиновничьего аппарата и военачальник должны были обсуждать вместе возможные кандидатуры. Верховный жрец следил за неукоснительным соблюдением зороастрийских обычаев, чиновничество и армия (как в данном случае) заботились о конкретной политической ситуации.

Согласно традиции, решающим было мнение верховного жреца.

9553 *Элана глава...*— По Фирдоуси, претенденты на престол Ирана: царь эланов, глава войска Парса и Парфии (Пахлав), (главы) области Абиверд (Хорасан) и Шугнан.

9663 *Правителя марза мы знали в тебе...*— *Марз* — граница, пограничное владение. Монзира упрекают в том, что, будучи вассалом Ирана, он напал на страну.

10143–10156 *Алмазами стали царя осыпать...*— Это отступление часто цитируется в различных работах о Фирдоуси. Оно действительно одно из самых ярких. В критическом тексте (в других изданиях — многочисленные разночтения) перевод выглядит так:

Вельможи рассыпали над ним [Бехрамом] жемчуга,
Провозглашали хвалу этому новому царскому венцу...
И это празднество случилось в Месяц Азер, в день Соруша.
Набежала туча и померкла луна
И из этой тучи летят стрелы (снег).
Не видно ни реки, ни степи, ни поля,
Даже крыла ворона не вижу я в небе.
Ветром развеваются желания постоянно,
А чего еще ждать от этих высоких небес?
Не осталось ни солонины, ни дров, ни ячменя,
Да и не появится ничего до нового урожая.
В этом мраке дня и от страха перед (неуплаченным) налогом
Земля от снега стала подобно горе из слоновой кости.
И покатились под (эту) гору все дела.
Разве что поможет мне катиб (чиновник) Хуссейн...

Эти строки написаны в конце декабря, в то время Фирдоуси было 63 года (он сообщает об этом в предыдущем дастане), он одинок. Сразу после этих строк — яркий энергичный тон истинного поэта:

А теперь — расскажу я один удивительный дастан,
Интереснее которого и представить себе невозможно

(дословно: «нет меры выше этого дастана»).

10229 *Сказал: «Напиши родовитым мужам...*— Ср.: «Сказал ему (Джеваную): к каждому вельможе, к каждому именитому, в каждую область напиши письмо, ..., что Бахрам воссел на трон».

Такая практика — рассылать специальные послания, в которых утверждалась законность престолонаследия и провозглашалась программа управления страной, действительно существовала в сасанидскую эпоху. Так, например, надпись шахиншаха Нарсе (в Пайкули, на парфянском и среднеперсидском языках), повествующая о том, как он стал шахиншахом Ирана (293 г.), содержит положения, похожие на письмо, которое диктует Бахрам Джеваную.

10310 *Корси* — сиденье, скамья.

10325 *Диван* — государственный совет, шахская канцелярия.

10450 *Кешк* — засушенный творог.

10775 *Меджлис* — здесь — праздничное собрание.

11065 *Гур* — онагр, дикий осел.

11199 *Сандж* — музыкальный инструмент типа цимбал.

11224 *Гяз* — мера длины, около 1 м.

11283 *Шебдиз* — кличка Бехрамова коня, дословно — «вороной».

11416 *Голяб* — розовая вода.

11428 *Гольшен* — название Бехрам-Гурова дворца, дословно «цветник».

11476 *Черг, шахин* — породы охотничьих птиц.

11551 *Терине* — кушанье бедняков.

11595 *Ширбо* — мясо или рис, приправленные молоком.

11650 *Зирбо* — похлебка.

11810 *Ченг* (чанг) —музыкальный инструмент типа гуслей.

12111 *Небид* — сорт вина.

12894 *Хомай* — мифическая птица (см. т. 1).

13007 *Как вести такие хакан услыхал...*— В царствование Варахрана V происходит первое столкновение иранцев с эфталитами — иранским племенем, образовавшим незадолго до этого в Восточном Иране и Северо-Западной Индии (бывшие владения кушанских царей) крупное и сильное государство. Отныне и в течение, по крайней мере, столетия эфталитская держава стала наиболее серьезным противником Сасанидов на Востоке.

Война Варахрана V с эфталитами была осложнена одновременными стычками иранских военных отрядов с византийскими войсками.

13047 *Вождя Гостехема владыка зовет...*— Далее следует перечисление представителей иранской знати. Большинство имен в иных письменных источниках не засвидетельствованы, к тому же в разных изданиях немало разночтений. Более близок к реальности список, приводимый в критическом тексте (1445—1451).

13061 *Шесть тысяч иранцев избрал он...*— В критическом тексте — 30 тысяч.

13063—13065 *Оставил он брату престол и страну... / Нерси ясноликому...*— У Табари, Динавери, Хамзы Исфахани и в других источниках непременно упомянут брат Бахрам-Гура Нарсе (Нерси). Однако в источниках, современных событиям, о нем не упоминается.

13157 *Рубаб* — струнный музыкальный инструмент.

13161 *Най* (ней) — род флейты.

13171 *Из Азергошеспа — обоза не взял...*— В тексте: (Бехрам) вывел войско из Азергушаспа без обоза и каждый (всадник) с двумя конями.

13226—13235 *Сразиться теперь с Бухарой возжелал...*— Маршрут Бахрам-Гура до Мерва вполне достоверен: Шиз (Азергушнасп, Азербайджан) — Эрдебил — Амуль — Горган (побережье Каспия) — и к Нисе (Старая и Новая Ниса — остатки города и храмового комплекса еще парфянского времени, в настоящее время — объект интенсивных археологических раскопок Южно-Туркменской археологической экспедиции АН ТуркмССР). Дальнейший его маршрут из Мерва (совр. Мары, ТуркмССР) — Бухара, переход за одни сутки и переправа через Амударью, затем ночной бросок до Фараба и далее — уже необъясним, если считать, что Бехрам предпринимает быстрый рейд против эфталитов. Сходная география походов, например, при описании войны Кей Хосрова с Афрасиабом.

13368 *Кантар* — кожаный мешок.

13371 *Казна из монет: «пейдовси» искони...*— «Пейдовси» — своеобразное платежное средство, кошелек или мешочек с монетами; в разное время в «пейдовси» входило разное количество монет (от 10 до 25). В позднесасанидский период — пять золотых денаров.

13376 *Ребат* — постоялый двор.

13544 *Венец и печать он вручает Нерси.*— «Отсюда отправляйся (в Хорасан) с перстнем и кулахом», т. е. стань правителем Хорасана.

13601—13718 [*Вопросы и ответы румийского посла в беседе с мобедами Ирана*] — В эпоху Сасанидов создавались многие произведения в жанре религиозного диспута. Некоторые из них дошли в пехлевийских оригиналах. Судя по упоминаниям в современных Сасанидам источниках, такие диспуты имели место в реальности. В частности, у армянских авторов Езника и Эгише приводится такой религиозный диспут, состоявшийся между вузург-фраматором (первым министром) Варахрана V (Бехрам-Гура) Михр Нарсе (Нерси) и христианами Армении.

Некоторые места дастана Фирдоуси совпадают с аргументами, приводимыми обеими сторонами именно в этом диспуте. Не исключено, что в источнике, которым пользовался Фирдоуси, пусть искаженно, но все же не до неузнаваемости, был приведен текст послания Михр Нарсе главам христианской общины в Армении.

Это тем более вероятно, что в ответах мобеда у Фирдоуси узнается не ортодоксально зороастрийская, но зрванитская доктрина (зрванизм — философско-религиозное направление в зороастризме, одним из постулатов которого была вера в «вечное время» — бога Зрвана, отца Ахура Мазды и Ахримана, и разного рода философские идеи, связанные с цикличностью времени). Михр Нарсе, исповедовавший зрванизм, хотя и оставался при Варахране V первым министром государства, но за свою «ересь» был передан судом мобедов в религиозное рабство (иеродулию) храмам огня

Артвахишт и Афзон-Арташахр, где выполнял службу «атурвахша», лица, которое в зороастрийских храмах следит за поддержанием священного огня (его прозвище — «азарбандак» — «храмовый раб»; у Табари — «хазарбандак», что часто неверно интерпретируется как «владелец тысячи рабов»). Дальнейшая судьба Михр Нарсе также примечательна. Он был за какое-то преступление передан из храмового рабства в «остан» — ведомство государственных работ, где его «рабская служба» выражалась, в частности, в том, что на его личные средства был возведен мост в районе г. Фирузабада (Арташир-Хварра). Затем, уже при шахиншахе Перозе (Пирузе), по решению верховного зороастрийского жреца Мартбута, он был вновь сделан «храмовым рабом» — атурвахшем, но уже в других храмах (см. об этом: *Периханян А. Г.* Сасанидский Судебник. Ереван, 1973, с. 424—425).

1386[7]—1387[4] Весь этот отрывок труден для перевода и содержит, быть может, не совсем понятные для Фирдоуси религиозные «речения».

Не след прикасаться к огню и воде, / Хербедам одним подобает сие.— Жертвенник с пылающим на нем огнем устанавливался в храмах типа «Атур-и Варахран» (наиболее распространенный тип храмов огня) на постаменте, окруженном со всех сторон водой (это установлено, например, раскопками храмов в Бишапуре и Тахт-и Сулейман).

Не следует пахотных кровь проливать, / Грешно в этом мире быков убивать, / Пусть силы не стало от старости в нем, / И стал для владельца ненужным быком. / И стельной коровы нельзя убивать, / Уходит за это от нас благодать.— Здесь, несомненно, скрытая цитата из «Денкерта» о почитании быка в зороастрийской религии.

1388[6] *Путь в рай из геенны откроет Творец.*— Т. е. благие дела, которые совершит Бехрам-Гур, быть может, введут в рай его отца.

1416[6] *Изар* — набедренная повязка.

1439[1]—1448[0] [*Бехрам убивает дракона*].— В данном случае этот подвиг героя, убившего мифическое чудовище, приписан Бехраму, поскольку его небесный двойник — Вретрагна — в иранских мифах является победителем драконов (аджджаха) и «демона тучи» (Врты).

1497[4] *Чатр* — зонт, балдахин.

1527[0] *Бербет* — музыкальный инструмент типа лиры.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абан *363*
Абд ар-Раззак *357*
Абрахам 234, 237—240
Абулькасим см. Махмуд
Абу Мансур ас-Саалиби *361*
Абу Мансур алМа' мари *357*
Абу Мансур Мухаммад ибн Абдар-Раззак *357*
Авраам (Ибрахим) 34, 231, *352*
Агафии Схоластик *358*
Азадэ 206, 207, *373*
Александр Каллисфен *347*
Али 5, *349*
Аллах 66, *352*, *354*
Ал-Лахури *353*
Аммиан Марцеллин *370*
Амурдад *363*
Анагран *363*
Анахита (Нахид) *358*, *360*
Ангхро Майнью см. Ахриман
Апиваху (Кай Апивах) *355*
Ардаван см. Эрдеван
Ареш (Аршак, Кави Аршака) 93, 109, *355*
Ареш (из рода Ашканидов) 93
Ареш 215
Арзу 272-274, 276—278
Аристобул *354*
Аристолис (Аристотель) 81, 86, *347*, *354*, *356*
Аристотель см. Аристолис
Армаити (Спендармат, Спандармат) *386*
Арриан *349*, *351*, *352*, *354*
Арта *363*
Артабан, Артаван см. Эрдеван
Артабан V *358*, *364*
Артаиш Вахуш *363*
Артаксеркс I *355*, *360*
Арташир Папакан см. Эрдешир Бабекан
Арташир II *367*
Аршак I *355*
Аршана (Кай Ариш) *355*
Ас ад ал-Камил *352*
Асман *363*
Афрасиаб, Афрасьяб 80, 118, *355*, *375*
Ахриман (Ангхро Майнью) 28, 142, 151, 155, 165, 192, 295, *351*, *375*
Ашк (предок Ашканидов) 88
Ашк (из рода Ашканидов) 93
Аштад 363

Бабек (Папак, Бабуйа) 93—100, 105, 107, *356*, *358*, *360*, *362*
Бал'ами (Абу Али Бал'ами) *348*, *352*, *357*, *358*, *369*, *371*, *372*
Барзин 263—266
Барзуй (-Бехрам) 320, 328
Барсума *356*
Бейтакун 38—40, 42—44, 50
Беленицкий А. М. *353*
Бендах 78
Берануш (Валериан) 154, 155, *367*
Берануш (Валент) 187, 189, *370*
Бесс *349*
Бехмен 195, *363*
Бехмен (Эрдешир, сын Исфендиара) 95, 134, *360*
Бехмен, сын Эрдевана 104, 106, 107, 125, *362*
Бехрам (потомок Ашканидов) 93
Бехрам, сын Ормозда; Бахрам (Варахран I) 157, 160, 162, 163, *368*, *372*
Бехрам, сын Бехрама (Варахран II) 161—163, *368*
Бехрам, сын Бехрама, сына Бехрама (Варахран) 163, 164, 168, 171, *368*, *369*
Бехрам, сын Шапура, сына Шапура 197
Бехрам, сын Йездгерда; Бехрам-Гур; Бахрам, Бахрам-Гур (Варахран V) 200—212, 216, 217, 219—224, 226—229, 231—260, 262—282, 284, 286—289, 291—297, 299, 300, 302—304, 306—308, 311, 313, 314, 316—333, 336—339, 341, 342, *358*, *372—376*
Бехрам 292
Бехруз, сын Хура 281, 282
Биверд 216
Бижен 93
Бияршана (Кай Биарш) *355*
Бозоргмихр *358*
Бонгард-Левин Г. М. *350*
Борзмехр 292, 299
Букефалос, Букафарасп *348*
Буль-Музаффар см. Мир-Наср
Бундари *352*
Бурз *362*

Вад *363*
Валент см. Берануш
Валериан см. Берануш
Варахран I см. Бехрам сын Шапура
Варахран II см. Бехрам сын Бехрама
Варахран V *371*, *373*, *375*
Вересаев В. В. *372*
Виштаспа, Кави Виштаспа см. Гоштасп
Вретрагна *363*, *376*
Вртра *376*

Геранмайе 130
Геродот *354*
Гершасп 154
Гнедич 372
Гольнар 99-103
Гордиан III 367
Гостехем 215, 227, 292, *375*
Гошесп (дебир) 215, 233

Гошесп (отец Карена) 215
Гошесп (Бехрам) 272—274
Гоштасп, Кай Гуштасп (Кави Виштаспа) 95, 124, *355*, *356*, *359*, *360*, *362*
Григорий Просветитель *362*
Гропп Г *359*
Гудерз 93
Гуш-Бестар 80, *355*

Дад-Барзин 292
Дара (Дарий) 7-10, 28, 37, 48, 75, 76, 88, 93, 105, 176, 188, *348*, *349*, *351*, *358*, *360*, *362*, *363*, *369*
Дараб 7, 76
Дахака см. Захак
Ден 363
Джевануй 218—220, 231—233, *374*
Джемшид, Джем (Йима) 76, 92, 155, 244, 251, 253—255, 309, *355*, *360*
Дилара 7-10
Дилафруз 190, *371*
Дилафруз (дровосек) 281
Динаверн *348*, *357*, *375*
Диодор *354*

Евтихий *358*
Ездигерд III *357*
Езник *375*

Замьяд *363*
Зердошт (Зороастр, Заратуштра) 170, 231, 334, *356*, *360*, *362*, *366*
Зохак (Дахака) 76, 92, 118, *355*, *360*, *370*
Зрвана *375*
Зу-ль Актаф см. Шапур 172, *369*
Зу-ль Карнайн см. Искендер

Ибн ал-Мукаффа *357*
Ибрахим см. Авраам
Ибн ал-Асир *358*
Иовиан см. Йонус
Иредж 187, 283, *370*
Искендер, Искандер; Зу-ль Карнайн; Александр Македонский, Александр Румиец 5—10, 13, 14, 16—36, 38—46, 48, 50—53, 56—86, 88, 89, 93, 105, 118, 188, 287, *347*—*356*, *367*
Исмаил 34, 35, *352*
Исрафил 67
Исфендиар, Исфендьяр, сын Гоштаспа 95, 105, 120, 134

Йаткан см. Кахтан
Йездан, Изед (Язата) 6, 7, 27, 29, 34, 35, 42, 56, 65, 66, 69, 74, 81, 89, 90, 95, 104, 130, 139, 143, 144, 149, 151—153, 156, 159, 165, 166, 183, 184, 189, 192, 194, 197, 198, 204, 205, 212—215, 221—231, 234, 241, 246, 248, 260, 261, 268, 276, 287, 290, 296, 297, 300—303, 305, 306, 309—311, 313, 314, 317, 320—322, 327—329, 331—333, 338, 339, 342, 343, *349*, *361*
Йездгерд (Йездигерд I) 199—202, 209—213, 215, 223, 224, 232; 233; 310, 313, 318, *372*, *373*
Йездгерд 332, 342, 343
Йездигерд I см. Йездгерд
Йездигерд Кроткий *371*
Йонус (Иовиан) 186, *370*

Кавад *360*
Кавад см. Кей-Кобад
Каве 183, *370*
Кай Кавад см. Кей-Кобад
Кандаке см. Кейдафе
Карен *362*
Карен (сын Борзмехра) 292, 296
Карен, сын Гошесна 215
Кахтан 34, *352*
Кебруй 242, 243
Кейван 233
Кейд (Кандарос, Канд; Чандра-Чандрагупта) 11, 13, 16-20, 22, 25, 26, 28, 83, *350*, *354*
Кейд 131, 136
Кейдафе (Кандаке) 35—42, 44, 45, 48, 50, 52, 153, 154, *347*, *367*
Кейдеруш 38-40, 45, 51
Кей-Кавус, Кавус (Усадана; Кай-Каус) 283, 309, 315, *355*
Кей-Кобад, Кобад (Кавата, Кай Кавад) 93, 254, 283, 315, 319, *355*
Кей Пешин, Пешин (Пишинаха) 227, *355*
Кейтун 35, 36
Кей-Хосров, Кай Хусрав (Кай Хусрав) 80, 88, 249, 319, *355*, *360*, *375*
Керм 114, 115, 117—123, *364*, *369*
Кеюмарс 92, 267, *358*
Кобад (из рода Ашканидов) 93
Кобад (отец Хосрова Ануширвана) 92, *355*
Ксенофонт *370*

Лозинский М. Л. *372*
Лонбек 234—236, 239, 240

Малике 168—171, *369*
Ма'мун 350
Мани 191, 292, *371*, *372*
Мараспанд *363*
Мартбут *376*
Мас'уди *350*
Мах *363*
Махаферид 267
Махмуд, Махмуд Газневи, Махмуд Газневидский, Абулькасим; Абу-ль Касем Махмуд 5, 91, *349*, *351*, *355*
Махьяр 254
Махьяр (отец Арзу) 272—277
Менучехр 187, *370*
Менучихр *358*
Мехр (Михр) *363*
Мехрак 116, 117, 119, 120, 132, 134, 136
Мехракова дочь (дочь Мехрака) 132, 134—136
Мехран 11—13, 16, *350*
Мехран 210
Мехр-Барзин 292
Мехр-Бендад 240, 241
Мехр-Фируз 292
Милад 215
Мир-Наср (Абу-ль Музаффар Наср) 91, *355*
Митра *359*, *363*
Моисей Хоренский *356*, *362*
Монзир, Мунзир 202—206, 208—212, 216—221, 223, 225, 232, 272
Муса 14
Мухаммед 7, *349*, *350*, *352*
Мушкеназ 249
Мушкинек 249

Назияб 249
Нарсе см. Нерси

Нарсе (двоюродный брат Шапура II) *368*, *369*
Нарсе (сын Шапура I) *368*
Наср-бин-Катиб, Наср 34, 35, *352*
Нахид (Анахита) *351*
Нектанеб *347*
Нерси 93
Нерси, Нарсе (сын Бехрама, сына Бехрама) 163—165, 168, 169, *368*, *369*, *374*
Нерси, Нарсе (брат Бехрама-Гура) (Михр-Нарсе) 233, 292, 293, 297, 298, 300, 303, 332, *375*, *376*
Низам уль-Мульк *373*
Новзер 254
Номан (Ну'ман) 202, 205, 208—210, 212, 217, 221, 223, 232, *372*
Нуше 168, 169, 369
Нушзад 116, 132, 134, 136
Нушширван (Хосров I Ануширван) 91, 92, *355*, *358*, *366*

Олимпия *347*
Ормозд Хормозд (Ахура Мазда, Мазда) 142, 160, 179, 195, 200, *349*, *351*, *359*, *363*, *366*, *375*
Ормозд, сын Шапура (Хормизд, Хормизд-Арташир) 134—136, 155—157, 160, 161, *363*, *364*, *367*, *368*
Ормозд, сын Нерси (Хормизд II) 164—166, 178, *368*

Папак см. Бабек
Перозмат *362*
Пешин см. Кей-Пешин
Пируз 215
Пируз, Пероз *376*
Платон 303
Плутарх *349*, *352*, *354*
Псевдо -Каллисфен *347*, *351*
Птолемей *354*

Рад-Барзин 292
Рам 363
Рашн 363
Ровшенек (Статира) 7, 9, 83, 88, *349*
Роххам 292
Рузбех 164
Рузбех (мобед при Бехрам-Гуре) 246—248, 268, 269, 278, 291
Рузбех (мельник) 251

Сасан I 94
Сасан II 94
Сасан III 94, 95
Сасан IV 93—95, 105, 106, 119, *356*, *358—360*, *362*, *363*
Сельм 188, 283, 304, *370*
Сепинуд 325, 328—330, 334, 337
Сиавуш (Кай Сиавуш, Сиаваршана) *355*
Синкелл *360*
Соворг 33
Соруш 200
Соруш 255
Спандармат (Спента Армаити) *363*
Сришок *359*
Срош *363*
Страбон *347*
Сусенек 249

Табари *348*, *349*, *352*, *353*, *356—358*, *367*, *369*, *371*, *373*, *375*, *376*
Таир 168—172, *368*, *371*
Тахмурес, Тахмурас 231, *359*
Тебак 106, 107, 109
Тинуш (сын Кейдафе) 45—48, 51, 52
Тинуш 212, 223
Тишрия *363*
Тогра 263—265
Тубба *352*, *353*
Тур 188, 283, *370*

Усадана см. Кей-Кавус

Феодосий II *372*
Феранек 267
Феридун 76, 92, 225, 244, 254, 255, 273, 274, 283, 287, 304, 319, *355*, *370*
Фериян, Ферьян 38—40, 75—76, 88
Ферхад 292
Фершидверд 278, 280, 282, 283
Филипп Аравитянин 367
Филипп Македонский см. Филькус
Филькус, Фейлекус (Филипп Македонский) 20, 26, 27, 43, 83, *347*, *348*
Фирдоуси 89, 347—*353*, *355—361*, *363—376*
Фур (Пор) 26—33, 37, 44—46, 48, 75, 76, 78, 88
Фур (отец Фура) 27, 28

Хабран *369*
Хамза Исфахани *357*, *371*, *375*
Хаусараваха см. Кей-Хосров
Хафтвад 114—116, 118, 119, 122, *364*
Хафтвада дочь 113
Хезаэт 34, 35, *352*
Хезерван 292, 295
Хомай (мобед) 293, 294
Хомай (птица) 289, *374*
Хорбут *356*
Хордад *363*
Хормизд (двоюродный брат Варахрана II) *368*
Хормиз II см. Ормозд сын Нерси
Хормоз 244
Хормозд (из рода Ашканидов) 93
Хоррад (из войска Эрдешира Бабекан) 108, 146
Хоррад 292
Хосров 215—217, 227—229, 232, 233, 273
Хосров I *361*
Хосров II *357*
Хосров Парвиз *358*
Хур 282
Хуссейн *374*
Хушенг 254, 267
Хушьяр 200
Хызр, Хизр 65, 66, *354*

Шагуй 116, 122
Шапур (из рода Ашкапидов) 93
Шапур, сын Эрдешира (Шапур I) 126—136, 147, 152—157, *363—365*, *367—371*
Шапур, сын Ормозда (Шапур II) 166—181, 183—186, 188—193, 195, *369*, *370*, *372*
Шапур, сын Шапура 193, 195—197
Шапур III *371*

Шапур, брат Арташира *358*
Шапур царь Сакастана *372*
Шапур (сын Йездгерда) *373*
Шапурдухтак *368*
Шахревар *363*
Шахруй 167
Шебдиз 254, 257, 288, *374*
Шемиран 224
Шенбелид 267
Шенгол 311, 313, 314, 316—318, 320—325, 327—331, 335, 336, 337, 341
Шехргир (Искендер) 38, 39
Шехргир 120, 122, 123
Шимр 297
Шогнан 216

Эгише *375*
Эндеман 292
Эрдеван, Ардаван (Артабан) 93, 96—109, 124, *356*, *361*, *362*
Эрдевана дочь 124, 125, 128, 130
Эрдешир (сын Исфендиара Бехмен, Бахман; Артаксеркс I) 95, 96, 134, *360*
Эрдешир Бабекан (Арташир I) 96—111, 115—132, 134—138, 140—142, 144, 146, 147, 152, 153, 156, 157, 224, 287, *356*, *358*, *360—367*
Эрдешир, брат Шапура; Эрдешир Добродетельный (Арташир) 193, 195, 196, *372*

Юлиан *356*, *370*
Юлий Валерий 347

Язатасм. Йезздан

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абиверд *374*
Абиссиния *348*
Аден 209
Аджам см. Эджем
Азерабадган, край Азера 292, 293, 299
Азербайджан *355*, *375*
Азергошесп (Азергушасп) 292, 295, *375*
Азия *354*
Александрия см. Искендерие
Ал-Анбар *371*
Аммурие 9
Амол (Амуль) 295, *375*
Аму, Аму-Дарья 296, *375*
Ал-Катиф *367*
Андалус, Андалузский край, Земля Кейдафе 35, 36, 38, 48, 153
Андеган *367*
Антиохия *365*
Аравийский полуостров *367*
Арванд см. Эрвенд
Армения *362*, *368*, *375*
Арташир-Хварра см. Хорре-Эрдешир
Аснаванд (гора) *360*
Астар 294
Ахваз 154, 191, *368*, *369*

Бабул 79, 81—84, 86
Багдад 124, 290
Бадахшан 206
Базрангида *358*
Бактрия *349*
Балх 299, *362*, *363*
Бахрейн *368*, *369*
Бена-Эрдешир (Понйат, Паса-Арташир; Хатт; ал-Катиф) 151, *367*
Берке-Эрдешир 151, *367*
Беркух 287-289
Бисотун (гора) 273
Бишапур *367*, *368*, *372*, *376*
Бост 79
Бухара 296, 299, *375*

Вавилон *347*
Варкаш (озеро) *348*
Византия см. Рум
Восточный Иран *356*, *371*
Восточный Туркестан *372*

Ганг *351*, *355*
Гаугемелл *351*
Герче 299
Гесан 170, 217
Гиль 108, *362*
Гилян 292
Гор (Гур, Джур) 110, *358*, *364*
Горган, Гурган 295, *373*, *375*
Гуджарат *373*
Гундешапур, Гунд-и Шапур см. Дженд-Шапур
Гур см. Гор
Гурган см. Горган

Дайбул (Карачи) *353*
Дарабгирд *358*, *359*
Дейлем 108, *362*
Дехлиз 74
Джандал 334
Джедда, Джидда 35, *353*
Джез 173, 285, 287—289
Джейхун (Аму-Дарья) 297
Дженд-Шапур 131, *365*, *368*, *369*
Джур см. Гор

Забул, Забульская земля 91, 292, *355*

Евфрат 151, *372*
Египет см. Миср

Индийский океан *355*
Ирак *364*, *369*
Иран, Иранская земля, Ираншахр 7, 11, 13, 16, 29, 34, 41, 52, 60, 81, 82, 84, 86, 91, 119, 124, 125, 132, 140, 146, 147, 152, 154, 160, 162, 166, 173, 175, 177—179, 181, 183—185, 187, 189, 199, 218, 220—223, 230, 241, 270, 275, 282, 285, 287, 291—297, 299, 300, 304, 308, 309, 312, 315, 316, 318, 320, 323, 325—337, *349*, *350*, *356*, *359—362*, *365—368*, *370—374*
Искендерие (Александрия) 86, *355*
Истахр 10, 93, 105-107, 110—112, 168, 189, 209, 291, 299, *350*, *358*, *360*
Исфаган 7, 10, 93, 291, *350*, *356*

Йезд *373*
Йемен 30, 34, 35, 79, 168, 203, 206, 209, 212, 217, 221, 272, *351*, *352*

Кааба (Ка'аба) 33, *348*, *351*, *352*, *354*
Кабул, Кабульская земля 91, 166, 334
Кадесия *369*, *370*
Каджаран 112, 114
Кадиси 34
Казерун *367*
Каннудж, Каннуджская земля (Каннаудж) 11, 17, 19, 21, 26, 91, 187, 313, 315, 318, 319, 322, 325, 326, 329, 330, 332, 334, 337, *351*
Карачи см. Дайбул
Карнийан *360*
Кашмир 334
Кенам-Асиран 191, *371*
Керман 115, 123, 364, *373*
Кешмихен 295, 296
Кохендеж 155, 276, *368*
Курдистан, Страна курдов 110, 112, *355*
Куфийские леса 205
Кушаншахр *363*

Лахмидское царство *372*

Маймерг 296
Мары см. Мерв
Медина *352*

Мекка 34, *352*, *353*
Мекран 84, 218
Мекран, Мекранская земля 84, 218, *355*
Мерв 294—296, *375*
Месен *368*
Месих *367*
Месопотамия *369*
Мидия *349*, *354*
Милад 17, 20, 26, *351*
Миср (Египет) 30, 35, 36, 83, 347, *351*, *355*
Мисрийское море 35
Мултан 334

Накш-и Рустам 367
Несибин (Нисибин) 189, 190, *367*, *370*
Нехреван 335
Нил 50, 74, 75, 134, 322
Нимруз 79
Ниса 295, *375*
Нишапур 155, *358*, *359*
Новбехар 254

Омейядский халифат *352*
Ормозд-Эрдешир (Хормизд-Эрдешир; Ахваз) 151, *367*

Пайкули *374*
Палуине 154, *367*
Парс, Парсийзкая земля 30, 85, 100, 102, 104 106, 107, 109, 112, 118 123, 151, 155, 172, 200, 202, 215, 216, 292, 296, 326, *349*, *350*, *356*, *358*, *361*, *367—369*, *374*
Парфия *374*
Пахлав *374*
Пенджаб *351*
Пенджикент *353*
Персеполь *349*, *350*, *367*
Персидский залив *367*
Пируз-Шапур, Пероз-Шапур (бывш. Месих) *367*
Пируз-Шапур, Пероз-Шапур 191, *371*

Рам-Эрдешир (Рамешн-Арташир) 151, *367*
Реванд (гора) *359*, *360*
Рей 97, 101, 104, 109, 291, 292, *361*
Рошн (гора) *360*
Рум, Румийская земля, Римская империя, Византия 13, 28-30, 33, 41, 42, 50, 60—62, 73, 76, 81—83, 85, 93, 132, 140, 142, 153, 154, 172-174, 176, 177, 179, 184—190, 201, 202, 212, 218, 286, 287, 291, 304, 307, 309, 313, 342, *347*, *356*, *367—370*, *372*

Сав, Савская вода 313, *373*
Сакастан *368*, *372*
Саклаб 81, 313, 315
Самарканд *353*
Самарра *359*
Сандал 334
Северная Месопотамия *370*
Северо-Западная Индия *375*
Сейстан см. Систан
Селевкия *372*
Синд 26, 27, 29, 37, 44, 48, 78, 313, 334
Сирийская пустыня *368*
Сирия, Сирийская страна (см. Шам)
Систан (Сейстан) *355*, *358*
Средняя Азия 353, *372*
Степь Копьеносных Бойцов, Степь бойцов, Степь копьеносцев (Аравия) 189, 205, 219, 309

Танг-и Аб *364*
Тахт-и Сулейман *359*, *376*
Тегеран *361*
Тераз 132
Тибет 348
Тигр см. Эрвенд
Тисфун (Ктесифон) 123, 167, 168, 181, 182, 184, 218, 300, *364*
Тур 258
Туран, Туранская земля 11, 81, 84, 142, 218, 254, 291, 296, 297, 331
Тус 213, 215, *358*, *373*
Тюркские страны 140

Фараб 296, 297, *375*
Фарс *359*, *367*
Фирузабад *363*, *366*

Халладж 297
Харам 34, 35, *352*
Харум 60—64
Хассин *399*
Хатра *367*
Хатт см. Бена-Эрдешир
Хаттль 299
Хеджаз (Южная Аравия) 30, 35, *351*
Хинд, Хиндустан, Хиндская земля; Индия, Инд 11, 16, 17, 25, 27, 29, 31—33, 48, 50, 78, 81, 83, 84, 94, 109, 125, 131, 132, 136, 142, 146, 200, 201, 202, 218, 291, 311—331, 334—337, 340, *347*, *348*, *351*, *355*, *358*, *362*, *363*, *365*
Хира (ал-Хира) 372
Хорасан 121, 203, 303, *358*, *368*, *374*, *375*
Хорезм (гора) *360*
Хорезм *355*
Хормиздакан *358*
Хоррем 86
Хорремабад 191, *371*
Хорре-Эрдешир (Арташир-Хварра, Гор) 109, 111, 119, 123, 151, *363*, *364*, *367*, *376*
Хотан 291, 315
Хузистан, Хузийские земли 155, 177, 191, *365*, *367*

Чач *355*
Чеган 299
Чехрем 34, 106, 116, 117, 119, 132, 220, 221
Чин, Чинская земля; Китай 11, 29, 49, 52, 74—78, 81, 84, 115, 132, 142, 146, 191, 201, 218, 254, 263, 282, 286, 291—297, 301, 311, 312, 315, 320, 325—327, 337, *342*
Чин-море, Чинское море 57, 115
Чувфан 78

Шам (Сирия) 30, 191, *351*, *369*, *371*
Шапургерд 155, *367*
Шапур-Хваст *371*
Шейбан 217
Шехд 213, 214
Шехрезур 88, 123
Шираз 93
Шугнан *374*
Шустер 155, *367*

Эджем (Аджам) 92, *355*
Экбатаны 349
Элан 216, *374*
Эльборз 282
Эрвенд (Арванд) река 167, *368*
Эрдебиль 295, *375*

Южная Аравия см. Хеджаз
Южный Азербайджан *359*
Юнан 14

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абан месяц, день *363*
«Абйаткариха-и шахриха» *348*
«Авеста», Зенд-Авеста 106, 179, 190, *350*, *355*, *357*, *361*, *370*, *371*
Авестийский язык *357*, *370*
Аднаниды *352*
Адур см. Азер
Азадан *365*
Азер день *363*
Азер месяц (Адур) 229, *363*, *364*, *374*
Азергошесп, Азергушасп (Атур Гушнасп, Гушнасп) 94, 287, 292, 295, 333, *359*, *360*, *375*
Азербандак (хазарбандак) *376*
Азер-Пак-Барзин 220
Айван 10, 75, 92, 130, 136, 157, 167, 169, 177, 203, 208, 223, 233, 254, 269, 271, *350*, *359*
«Айиннамак» *366*
Алой 42, 50, 77, 84, 94, 315, 322, 325
Амазонки *347*, *354*
Амбра 37, 76, 77, 84, 97, 99, 130, 178, 239, 266, 272, 308, 315, 325
Амешаспента *363*, *366*
Амурдад месяц, день *363*
Анагран день *363*
«Андарзы», «Андарзнаме» *357*, *366*
Арабская вера, ислам 14, *349*
Арабский язык 348
Арабы, аравийцы, арабские племена 172, 203, 205, 209, 218, 220, 222, 350, *351*, *352*, *369*, *372*
Аргаван 21, 157
Ардвахишт день *363*
Арез 107, 137, 185, *362*, *365*
Армянский язык *347*
Аррадэ *353*
Артвахишт *376*
Аршакиды см. Ашканиды
Асман день *363*
Атурвахш *376*
Атур Борзен Мехр, Бурзен Михр, Мехр 94, *359*
Атур Гушнасп, Гушнасп см. Азергошесп
Атур-и Варахран *376*
Атур Фарнбаг см. Хоррад
Афзон-Арташахр *376*
Ахемениды *348*, *353*, *356*, *357*, *360*, *363*, *370*
Ахура-Мазда см. Ормозд
Ашканиды (Аршакиды, парфяне) 91, 93, *355*, *356*, *360*, *362-364*
Аштад день *363*

Бабульские письмена 166
Баж (Вадж) 14, 299, 334, *350*
Бажгах 179, *370*
Барсам 14, 179, 299, 334, *350*
Бахрейнские бойцы 168, *368*
Бейт аль Харам 34, 35, *352*
Берберийские львы 50
Берберы 30, *351*
Бербет, Барбут 341, 361, *376*
Бехмен, Бахман (Вахман) месяц 195, *363*, *372*
Бехмен, Бахман (Вахман) день 249, *363*, *372*
Бехрам, Бахрам (Вахрам; Вретрагна) *363*
Бехрам (планета Марс) 165, 297, *368*
Близнецов созвездие 62
Бозорган (Вазурганан) *364*
«Большая Ходай-Наме» *355*
«Большая Шахнаме» *349*, *357*, *358*, *371*
«Большой Бундахишн» *359*
Большой Медведицы созвездие 261
Брахман 52—55, *347*, *350*
Булла 370
«Бундахишн» *348*, *359*
Быкоглавая булава 51, 228

Вад день *363*
Вадж см. Баж
Вазург *354*, *369*
Васпухракан *364*
Везир 27, 28, 38-40, 43, 97, 103, 104, 107, 126, 131, 136, 160, 311, 337, 338, 341, *353*
Вели 5, *349*
Весов созвездие 16
«Видевдат» *361*

Газель 206, 207
Газневиды *353*, *355*
Гассаниды 168, *368*, *369*, *372*
Гелим 120, *364*
Гимнософисты *354*
Гольшен 257, 286, *374*
Голяб 257, *374*
Гош (Гауш) день *363*
Греческая вера см. Христианство
Греческий язык *356*
Гулям 263
Гур см. Онагр
Гяджа 70, *354*
Гяз 252, *374*

Дахма *373*
Дебир 7, 8, 17, 36, 74, 83, 96, 98, 102, 117, 138-140, 159, 183, 184, 187, 193, 204, 210, 215, 218, 233, 282, 300, 302, 311, 314, 337, 341, *349*
Дей месяц 160, 304, *363*, *368*
Дей пад Адур день *363*
Дей пад Ден день *363*
Дей пад Михр день *363*
Ден день *363*
«Денкерт» *376*
Дестур, Дастур 47, 48, 77,

128, 131, 170, 188, 193, 200, 201, 215, 226, 265, 269, 307, 308, 318—320, 324, *353*, *362*, *372*, *373*
Дехкан 14, 65, 109, 112, 143, 149, 153, 160, 161, 173, 203, 241, 252, 254, 263, 271, 329, 332, 337, *350*, *364*
Джаселик 38, 178, *353*, *370*
Джугов царь 334
Див (Дэв) 46, 55, 58, 119, 207, 297, 298, 309, 310, 315, 317, *366*
Диван 137, 138, 233, 339, *374*
«Дивовинки мира» *349*
Динар 11, 21, 23, 26, 33, 35, 79, 83, 97-99, 101, 112, 130, 131, 148, 154, 155, 167, 173, 185, 189, 210, 211, 220, 224, 233, 239, 246, 248, 254, 278, 283, 291, 294, 299, 303, 308, 314, 334, 350, *361*, *362*, *365*, *367*, *375*
Дирхем (драхма) 10, 21, 59, 74, 79, 107, 115, 130, 138, 139, 149, 162, 189, 233, 238, 240, 255—257, 260, 266, 291, 299, 303, 310, 319, 338, 339, *350*, *361*, *362*, *365*

«Еретик Абалиш» *350*

Замьяд день *363*
Зенд *361*, *371*
Зенд-Авеста 190
Зердоштово пламя 334
Зердоштов пояс 170, *369*
Зерир 132, 210, 265, 314, *365*
Зирбо 262, *374*
Змееногие 58
Зоннар, зуннар 187, *370*
Зороастризм *350*, *363*, *371*, *373*
Зороастрийский календарь *360*
Зороастрийцы *350*, *363*, *369*, *370*, *373*
Зохра 342
Зрванизм *371*

Изар 317, *376*
«Илиада» Гомера *372*
Иман *349*
Иранцы, персы; иранская знать 28, 29, 32, 83, 85, 86, 94, 142, 154, 174, 175, 177, 181, 185, 191, 196, 215, 217—225, 227, 229, 230, 232—234, 263, 292, 297, 300, 311, 312, 318, 321, 323, 329, 332, *375*
«Искандер-Наме» *359*
Ислам см. арабская вера
Исмаилитство *353*
«История» Аммиана Марцеллина *370*
«История Армении» Моисея Хоренского *356*
«История царей персидских» Абу Мансура ас-Саалиби *361*
Иудаизм, иудеи *350*, *370*

Каве стяг *370*
Кавианиды см. Кеяниды
Кадиссийские бойцы 165, 168
Калям 17, 20, 81, 183, 188, 282, 311, 336, *351*
Камар *369*
Камфара см. Кафур
Канаранг *366*, *373*
Кандили 71, 169, *354*
Кантар 299, *375*
Кардаран *365*
Карениды *362*
«Карнамак» *356-364*
Катиб *374*
Кафур 51, 52, 62, 71, 77, 84, 85, 109, 157, 215, 273, 284, 287, 315, 325, *354*
Кафши 41, 335, *353*
Кахтаниды *352*
Кедхода 128, 173, 244—246, *365*
Кейван 16, 30, 66, 79, 143, 162, 165, 208, 256, 297, 342, *351*
Кейсер (кесарь) 26, 29, 33, 35—38, 40, 41, 44, 46—51, 74, 77, 79, 80, 82, 154, 173—175, 178, 179, 181—188, 190, 212, 293, 303, 305—308, 314, *351*
Кешк 236, *374*
Кеяниды 9, 38, 81, 93, 160, 203, *355—357*, *360*
Кеянский венец 9, 160, 162
Кеянский престол 313
Кимвал 31, 33, 51, 68, 81, 87, 100, 108, 116, 153, 154, 186, 213
Коптский язык *347*, *371*
Коран *348*, *349*, *352*, *353*
Корси 233, *374*
Кулах *353*, *354*, *362*, *369*, *375*
Курды 110, 111, 168, *368*
Кушаны *362*

Лажверд 71, 79, 167, 263, *354*
Лал 42, 116, 206, 244, 268
Латинский язык *347*
Лури 340, 341, *372*
Льва Созвездие 76, 82, 177

Маллы *351*
Ман 74, 303, *355*
Манджаник *353*
Манихейство *371*
Марасапанд день *363*
Марз 218, 316, *374*
Марзбан 110, 140, 287, 302, *364*
Маст 110, 259, *364*
Мах день *363*
Меджлис 243, *374*
Мейдан 110, 129, 132, 135, 206, 213, 290, 317, *365*
Меншур 139, 141, 145, *365*
Мехр, Михр 109, *363*
Мехр месяц 285, *363*, *364*
Мехр (храм огня) см. Атур Борзен Мехр
Мехрган 123, 286, *364*
Миля, миль 68, *354*
Мискаль 50, *354*, *355*
Мисра воители (египтяне) 30, *351*
Мобед 8, 27, 30, 50, 52, 82, 83, 94, 103, 105, 106, 126—128, 135—137, 141, 143, 149, 153, 162, 166, 167, 179, 180, 181, 191—193, 199—201, 204, 209, 215, 217, 222, 223, 226—228, 233, 239, 244—248, 251—253, 257, 262, 269, 286, 289, 293, 298—300, 303, 304, 305, 307, 308, 311, 332, 337—342, *350*, *358*, *365*, *372*, *373*, *375*
Мохре 207, 372
Моштери 5, 48, 263, *349*

Мускус 10, 57, 76, 77, 97, 130, 151, 157, 169, 175, 183, 190, 215, 219, 233, 249, 257, 258, 261, 284, 287, 290, 302, 309, 311, 312, 315, 335, 336
Мутазилиты *350*
Мухр *369*

Навруз, Науруз 136, 205, 212, 233, 299, *364*, *367*, *368*
Най, ней 294, *375*
Нахид (Анахита) 17, 20, 75, 96, 170, *351*, *358*
Небид 272, 317, *374*
Неварташир *361*
Негарестан *372*
Нисар 10, 79, 97, 131, 164, 173, 189, 211, 227, 276, 321, 336, *350*
Новоперсидский язык *349*

Омейады 349
Онагр 11, 97, 98, 125, 208, 214, 245, 249, 253, 258, 268, 270, 278, 285, 286, 288, 289, 317, 336, *373*, *374*
Ордибехишт (Ардвахишт) 363
Ормозд (Охрмазд, Хормизд) день 156, 160, 179, 195, 200, *363*, *368*, *372*
Остовар 138, *365*

Панчатантра (Калила и Димна) *357*
«Парвиз-Намак» («книга о деяниях Хосрова II Парвиза») *357*
Парсы, Парсийцы, Парсийские бойцы, воители Парса 56, 110, 168, 173, 263, *368*
Парфяне, Парфянская династия см. Ашканиды
Парфянский язык *371*, *374*
Пейдовси 299, *375*
Пери 113, 166, 287
Пест 125, *365*
Персидский язык *357*
Пехлеван 120, 137, 139, 173, 180, 194, 215, 216, 233, 244, 266, 268, 271, 286, 292, *364*, *370*, *373*
Пехлевийский язык, пехлевийское письмо 56, 117, 130, 301, 314, 334, 342
«Письмо Тансара» *348*, *356*, *373*
Пишдадиды *357*, *360*
«Поход Александра» Арриана *351*. *354*
Птолемеиды *347*

Рад 201, 372
Раджа *377*
Рам день *363*
Рам-Хоррад 107
«Раст Сухан» *356*
Раттль 63, *354*
Раш 56, 70, 74, 155, *354*
Рашн день *363*
Ребат 299, *375*
«Роман об Александре» *347*, *349*—*351*, *354*, *357*
«Роман о Бахраме Гуре» *356*, *357*
Рубаб 278, 294, *375*
Руд 166, 302, 316, 341, *368*
Румийская парча 9
Румийская речь 66
Румийцы 20, 21, 22, 29, 31, 32, 40, 51, 53, 56, 60, 62, 72, 83, 85, 86, 143, 153, 155, 168, 175, 182—187, 263, 267, 291, 293, *368*, *369*

Садж 215, *373*
Саклаб 81, 313, 315, *355*
Салар 91, *355*
Салардар 42, 102, 173, 257, 308, 313, *353*
Саманиды 92, *353*
Сандал 42, 66
Сандж 252, *374*
Саошьянт *350*
Сасанидская литература *348*, *349*
Сасаниды 92, 124, *348*—*350*, *353*, *356*—*358*, *360*, *362*—*370*, *373*, *375*
Седе 109, 123, 136, 212, 233, 299, *363*, *364*
Селям 219
«Сийар ал-Мулук ал-Фурс» («Деяния царей Персии») *357*
Синджит 260
Сипехдар 91
Сипехпед 72, 100, 110, 122, 158, 180, 324, *354*, *370*
Сирийский язык *347*, *371*
«Сиясатнаме» Низам уль-Мулька *373*
«Сказания о чудесах св. Дмитрия» *353*
«Согдийский язык» *371*
Соллаб 131, 200, 201, *372*
Сорайе, Сорайа 15, *351*
Сорудж 114, 252, *364*
Соруша день 229, *374*
Сохейль 206, 272, *372*
Спандармат (Спента Армаити) месяц, день *363*
«Спор пальмы с козой» 348
Среднеперсидский язык *347*, *348*, *349*, *351*, *356*, *357*, *374*
Срош день *363*
Султан *355*
Суренов род *362*
Сутра *350*

Тадж *353*
Тазийский (арабский) язык 56
Тамбур *361*
Тамим *368*
Тафсир *349*, *353*
Тераз, Тираз, Теразская нить 112, *364*
Терджоман 10, 73, *350*
Терине 260, *374*
Тир день, месяц 73, *363*
Торондж 46, 76, *353*
Туранцы, туранские вожди 263, 296, 297
Тюрки, тюркские племена 318
Тюркский язык 56

Унван 28, 37, 74, 302, 313, 326, *351*

Фагфур 74—78, 315, *355*
Фагфурова дочь 315
Фарр 348, *359*—*362*
Фарсанг (парсанг) 36, 111, 117, 182, 286, 296, 306, 328, *353*, *361*
Фервердин (Фравардин) день, месяц 200, *363*

Хадис *348*, *349*, *352*, *354*
Хадохт *361*
Хазары 291
Хакан 88, 263, 291, 293—298, 300, 304, 312, *374*
Хаким 16

Халиф *349*, *350*, *364*
Харвар 189, 269, 291, 341, *370*
Хаштпад *361*
«Хватав-Намак» *348*, *355*—*358*, *360*, *364*, *367*, *370*, *371*
Хебеши, хабаши 57, *354*
Хербед 310, *361*, *376*
Хинды 31, 32, 143, 318
Хордад месяц 313, *363*
— » — день *363*
Хоррад (Атур Фарнбаг) 94, *359*, *360*
Хоррад-и Борзин, Хорад-Борзин 94, 213, *373*
Хосреви 56
«Хосров, сын Кавада и его паж» *360*
Христиане *370*, *372*
Христианство, греческая вера 14, 45, 48, 187, 190, *350*, *370*
Хуза *369*
Хуза'а 352, *369*
Хум 15, 195, 258, 265, *351*
Хуршид день (Хвар, Хварехшета) 297—300, 302, 307, 308, 311, 313, 314, 317—319, 326, 327, 331, 333—336, 338, 341, 342, *349*, *350*, *353*, *357*, *358*, *361*, *363*, *365*, *367*—*369*, *371*, *373*, *374*, *376*

Шахин 258, 263, 336, *374*
«Шахнаме» *348*, *349*, *354*, *355*, *358*, *359*, *369*, *373*
Шахр *367*
Шахраб *367*
Шахревар *363*
Шебистан, шабестан 8, 39, 166, 211, 250, 267, 270, 290, 291, *350*
Шеммас, шаммас 176, *370*
Шендбелид 55, 170, 241, 247, 272, *354*
Шехривер месяц, день 285, *363*
Шиз 50, *354*
Ширбо 260, 262, *374*
Шпизм, Шпиты *349*, *352*
Шуубизм, Шуубиды *348*, *349*

Эмир 114
Эрд, Ард (Арташ, Вахуш) день 155, 313, *368*
Эрмитаж *373*
Эфталиты *375*

Яджуджи и Маджуджи 68, 70
Язаты см. Йездан
Ясна *361*
Яфар 139, *365*
Яшты *361*

СОДЕРЖАНИЕ

Искендер 5

Царствование Искендера длилось четырнадцать лет 5

Восшествие Искендера на престол Ирана 5

Послание Искендера Диларе, матери Ровшенек 7

Ответное письмо Дилары Искендеру 8

Искендер берет в жены Ровшенек 9

Сновидения Кейда, владыки Каннуджа 11

Ответ Мехрана Кейду 13

Искендер ведет войско к владениям Кейда 16

Ответ Кейда на послание Искендера 17

Искендер посылает к Кейду за четырьмя сокровищами 18

Искендер посылает мудрецов обозреть четыре сокровища 19

Мудрецы привозят Искендеру четыре сокровища 21

Искендер испытывает мудреца, лекаря и чашу Кейда 22

Искендер испытывает хиндского лекаря 24

Искендер испытывает чашу Кейда 25

Послание Искендера Фуру, властителю Синда 26

Ответное послание Фура Искендеру 27

Искендер идет войной на Фура 28

Битва Искендера с хиндами и гибель Фура от его руки 31

Поход Искендера в Каабу 33

Поход Искендера в Миср 35

Послание Искендера Кейдафе 36

Поход Искендера в Андалус и покорение им крепости Ферияна 38

Кейдафе поучает Искендера 44

Уловка Искендера против Тинуша 45

Искендер заключает союз с Кейдафе и отбывает 48

Поход Искендера в страну брахманов 52

Поход Искендера на Восток 56

Поход Искендера в землю хебешей 57

Прибытие Искендера в край змееногих 58

Искендер видит диковины в царстве Харум 60

Поход Искендера на Запад 64

Искендер ищет живую воду 65

Беседа Искендера с птицами 66

Искендер видит Исрафила 67

Искендер возводит заслон против Яджуджей и Маджуджей 68
Искендер видит мертвеца в агатовом доме 71
Искендер видит говорящее дерево 71
Поход Искендера к владыке Чина 74
Поход Искендера в Синд 78
Поход Искендера в Бабул 79
Послание Искендера Аристолису 81
Послание Искендера матери 83
Смерть Искендера в Бабуле 84
Мудрецы оплакивают Искендера 86
Плач матери и жены об Искендере 88
Жалоба Фирдоуси на старость и рок 89

Ашканиды 91

Царствование Ашканидов длилось двести лет 91
Речь в похвалу султана Махмуда 91
Начало сказа об Ашканидах 93
Бабек видит сон о Сасане 93
Рождение Эрдешира Бабекан 96
Прибытие Эрдешира Бабекан ко двору Эрдевана 97
Встреча Гольнар с Эрдеширом и смерть Бабека 99
Бегство Эрдешира с Гольнар 101
Эрдеван узнает о бегстве Гольнар и Эрдешира 102
Послание Эрдевана сыну его Бехмену 104
Эрдешир собирает войско 104
Битва Эрдешира с Бехменом 106
Поединок Эрдешира с Эрдеваном 107
Война Эрдешира с курдами 110
Ночное нападение Эрдешира на курдов 111
Сказ о Хафтвадовом черве 112
Битва Эрдешира с Хафтвадом 115
Разграбление Эрдеширова дворца Мехраком 116
Эрдешир узнает о Керме 118
Эрдешир убивает Хафтвадова червя 120
Эрдешир казнит Хафтвада 122

Сасаниды 124

Царствование Эрдешира Бабекан длилось сорок лет и два месяца 124
Восшествие Эрдешира на престол 124
Сказ об Эрдешире и дочери Эрдевана 124
Рождение Шапура, сына Эрдешира 126
Шапур играет в мяч и човган 129
Кейд хиндский гадает Эрдеширу 131
Шапур берет в жены дочь Мехрака 132
У дочери Мехрака рождается от Шапура сын Ормозд 134

О мудрых деяниях Эрдешира 137
Наставления царя Эрдешира иранской знати 142
Наставления Эрдешира народу 144
Восхваление Эрдешира Хоррадом 146
Слово о неверности Рока 147
Эрдешир передает царствование Шапуру 147
Царствование Шапура, сына Эрдешира, длилось тридцать один год 152
Война Шапура с румийцами 153
Шапур наставляет своего сына Ормозда 155
Царствование Ормозда, сына Шапура 156
Предсмертные наставления Ормозда 157
Царствование Бехрама, сына Ормозда, длилось три года, три месяца и три дня 160
Смерть Бехрама, сына Ормозда 161
Царствование Бехрама, сына Бехрама, длилось девятнадцать лет 162
Царствование Бехрама, сына Бехрама, сына Бехрамова, длилось четыре месяца 163
Царствование Нерси, сына Бехрама, длилось девять лет 164
Царствование Ормозда, сына Нерси, длилось девять лет 165
Царствование Шапура, сына Ормозда, длилось семьдесят два года 166
Похищение сестры Нерси аравитянином Таиром и поход Шапура против него 168
Малике, дочь Таира, влюбляется в Шапура 169
Царевна сдает Шапуру крепость Таира 170
Шапур отправляется в Рум 172
Рабыня избавляет Шапура от ослиной шкуры 175
Бегство Шапура из Рума 177
Шапур, узнанный иранцами, собирает войско 179
Мобед и пехлеван узнают о прибытии Шапура 180
Поход Шапура на Рум 185
Воцарение Берануша в Руме 187
Приход Берануша к Шапуру 189
Пришествие Мани, провозгласившего себя пророком 191
Шапур назначает наследником престола брата своего Эрдешира 193
Царствование Эрдешира Добродетельного длилось десять лет 195
Царствование Шапура, сына Шапура, длилось пять лет и четыре месяца . . 196
Царствование Бехрама, сына Шапура, длилось четырнадцать лет 197
Царствование Йездгерда длилось двадцать один год 199
Рождение Бехрама, сына Йездгерда 200
Йездгерд поручает Монзиру и Номану воспитание своего сына Бехрама . . 202
Сказ о Бехраме и девушке-гуслярке на охоте 206
Бехрам показывает свое искусство на лове 208
Бехрам в сопровождении Номана прибывает к отцу своему Йездгерду . . 209
Заточение Бехрама Йездгердом и возвращение его к Монзиру 211

Йездгерд отправляется к источнику Сав, где его убивает водяной конь . . 213
Иранская знать возводит на престол Хосрова 215
Бехрам узнает о смерти отца 216
Послание иранцев Монзиру и его ответ 218
Прибытие Бехрам-Гура в Чехрем и встреча его с иранцами 220
Речь Бехрама о своей пригодности к царствованию 222
Речь Бехрама к иранцам 223
Договор Бехрама с иранцами 224
Бехрам убивает львов и восходит на престол 228
Царствование Бехрам-Гура длилось шестьдесят три года 229
Бехрам прощается с Монзиром и Номаном, прощает недоимки иранцам 232
Сказ о Бехрам-Гуре и Лонбеке-водоносе 234
Сказ о Бехрам-Гуре и об иудее Абрахаме 237
Бехрам дарит богатства Абрахама Лонбеку 239
Сказ о Бехрам-Гуре и Мехр-Бендаде 240
Сказ о Бехрам-Гуре и Кебруе и запрещении вина 242
Сказ о мальчике-башмачнике и льве и разрешении Бехрам-Гуром вина . 243
Бехрам разрушает селение и вновь возрождает его 244
Сказ о Бехрам-Гуре и четырех сестрах 248
Бехрам находит город Джемшида 251
Сказ о Бехрам-Гуре, купце и его подручном 255
Сказ о Бехрам-Гуре и огороднице 258
Бехрам сватает дочерей дехкана Барзина 263
Бехрам являет доблесть на охоте 268
Бехрам убивает львов и берет в жены дочь торговца жемчугом 268
Сказ о Бехрам-Гуре, Фершидверде и дровосеке 278
Дровосек рассказывает царю о Фершидверде 280
Бехрам охотится на львов 284
Бехрам являет свое искусство на ловле онагров 288
Нападение владыки Чина на Иран 291
Нападение Бехрам-Гура на владыку Чина 295
Бехрам ставит пограничные столбы между Ираном и Тураном 296
Послание Бехрам-Гура брату его Нерси и витязям Ирана 297
Возвращение Бехрам-Гура в Иран 299
Бехрам шлет наставления своим сановникам 300
Бехрам посылает своего брата Нерси в Хорасан 303
Вопросы и ответы румийского посла в беседе с мобедами Ирана 304
Бехрам-Гур провожает румийского посла 307
Бехрам-Гур беседует с вождями о справедливости 308
Бехрам-Гур пишет послание Шенголу, царю Хинда 311
Бехрам-Гур едет в Хиндустан со своим посланием 313
Ответ Шенгола на послание Бехрама 314
Бехрам показывает свое искусство в борьбе при дворе Шенгола 316
Шенгол задерживает Бехрама в Хинде 318
Битва Бехрама с носорогом 320
Бехрам убивает дракона 322

Бехрам берет в жены дочь владыки Хиндустана 324
Послание владыки Чина Бехрам-Гуру 325
Бегство Бехрама из Хиндустана с дочерью Шенгола 327
Шенгол настигает Бехрама 330
Иранцы встречают своего царя Бехрам-Гура 332
Шенгол с семью царями прибывает к Бехрам-Гуру 334
Возвращение Шенгола в Хиндустан 336
Бехрам-шах слагает подати с дехкан 337
Бехрам призывает лури из Хиндустана 340
Кончина Бехрам-Гура 341

Приложения

Примечания. *Составил В. Г. Луконин* 347
Именной указатель (Л. Лахути) 376
Географический указатель (Л. Лахути) 380
Предметный указатель (Л. Лахути) 382

А. Фирдоуси

«ШАХНАМЕ»

Том V

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»
АН СССР

Редактор издательства *И. Г. Древлянская*
Художник *В. Г. Виноградов*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Ф. М. Хенох*
Корректоры *Е. Н. Белоусова, В. А. Бобров*

ИБ № 25104

Сдано в набор 08.08.83
Подписано к печати 20.12.83.
Формат 70×90¹/₁
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 29,24. Уч.-изд. л. 28,1.
Усл. кр. отт. 30,4. Тираж 100 000 экз.
1 завод (1—50 000). Тип. зак. 3204
Цена 3 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В издательстве
«Наука»
готовится к печати
в серии
«Литературные памятники»

Гальфрид Монмутский
«ИСТОРИЯ БРИТТОВ»

Историческое сочинение английского монаха Гальфрида Монмутского, написанное на латинском языке в I-й пол. XII в. и впервые переведенное на русский язык, основано на устных сказаниях и утраченных ныне письменных источниках. В нем излагается полулегендарная история древнейших обитателей Англии — кельтского народа бриттов. Среди персонажей книги — король Лир (прототип шекспировского героя), король Артур, волшебник Мерлин, «Рыцари круглого стола». «История бриттов» — общий источник многочисленных средневековых рыцарских романов о короле Артуре.

ФИРДОУСИ • ШАХНАМЕ V

ФИРДОУСИ
•
ШАХНАМЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»